ЕВГЕНИЙ ТОЛСТЫХ

ЛАВРЕНТИЙ БЕРИЯ

ОБОЛГАННЫЙ ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ЕВГЕНИЙ ТОЛСТЫХ

ЛАВРЕНТИЙ БЕРИЯ

ОБОЛГАННЫЙ ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Евгений Толстых

Лаврентий Берия. Оболганный Герой Советского союза

© Толстых Е. А., 2017
© Книжный мир, 2017

Вместо предисловия

Так уж устроен мир: великая эпоха рождает великих людей. А **«великие люди редко появляются в одиночестве»** – заметил Виктор Гюго. Примем это как аксиому, добавив, что в биографии нашего Отечества эпоха Сталина отмечена **знаком величия**. Причем, не какими-то собраниями никем не уполномоченных разноязычных статистиков, развешивающих ярлыки в зависимости от складывающейся конъюнктуры, а самим фактом существования огромной территории, в основе которой – стержень созданного под руководством Сталина Государства, позволяющий русскому народу претендовать на достойное место под солнцем, несмотря ни на что. И ни на кого!

«Созидательное одиночество» Сталина на протяжение примерно двух десятков самых сложных лет середины XX столетия делил человек, чье имя вправе занять место в пантеоне памяти тысячелетней Державы.

Мы говорим о **Лаврентии Павловиче БЕРИЯ.**

Наверняка найдутся те, кто, собрав в «гармошку» лобные мышцы, воскликнут с пугливым всхлипом: это вы так о Берия?.. Да разве можно?.. Ведь это, как минимум, далеко не однозначная фигура!.. А ваша книга может оказаться в руках молодого поколения с неокрепшим сознанием!..

Именно этого я, автор исследования о Великом человеке Лаврентии Берия, и хочу! В стране с катастрофически падающим индексом читательского внимания (загляните в книжные магазины, библиотеки…), просто необходимо пробудить сначала любопытство, а потом и неподдельный интерес юношества к личности, которой чуть ли с младенчества пугают детей, школьников, следом студенчество, стараясь внушить отвращение к фигуре, рассказывая о ней небылицы и умалчивая факты. Да и тем, кто перешагнул черту внушаемости (хотя телевизор отодвинул ее границы почти «в никуда»), было бы уместно напомнить о Славе Державы, добытой трудами и самопожертвованием именно **Лаврентия Берия.**

Но вот незадача: в тени каждого героя, как правило, прячется его антипод, который рано или поздно заявляет свои претензии на подвиг, которого не совершал. А если не получается взобраться на чужой пьедестал, то самое лучшее, что может придумать негодяй – разрушить монумент вместе с памятью о том, в чью честь он был воздвигнут.

Австрийский генерал **Мориц фон Ауффенберг** (в период с 1911 г. по 1912 г. исполнял должность военного министра Австро-Венгрии) на закате своих лет произнес замечательную фразу: **«Стоит карлику забраться на плечи великана, как он начинает хвастать, что он больше самого великана».**

В предисловии книги «Антисталинская подлость» американский ученый Г. Ферр пишет: *«Из всех утверждений «закрытого доклада» (Н. Хрущева на XX съезде КПСС), напрямую «разоблачающих» Сталина или Берию, не оказалось ни одного правдивого. Точнее так: среди всех тех из них, что поддаются проверке, лживыми оказались все до единого… Весь «закрытый доклад» соткан из подтасовок…»*

Но Доклад послужил основой и «документальным источником» для целого ряда «трудов», якобы раскрывающих тайны советской истории!

В 1991-м (прямо ко времени!) в издательстве «Ракскниекс» вышел двухтомник Роберта Конквеста «Большой террор». По аннотации издателя *«…Книга посвящена исследованию причин, внутренней логики и масштабов террора, организованного Сталиным в 30-х годах 20-го века. В основе исследования огромное количество печатных источников: документов Советского государства и*

коммунистической партии СССР, советских газет, воспоминаний самых разных людей, книг других историков».

Понятно, что анализ процессов и цифры, характеризующие «масштаб сталинского беззакония» был созвучен интересам **британской разведки**, на которую, как выяснилось, трудился автор.

Американский историк, профессор Монклерского государственного университета Гровер Ферр в одном из интервью утверждал*: «Надо сказать, что… я тщательнейшим образом проработал конквестовское сочинение. До сих пор никто, наверное, не проделывал с книгой маститого советолога ничего подобного. Тут-то стало понятно, что исторические свидетельства в «Большом терроре» использовались автором откровенно жульническим образом. Сделанные им выводы просто не соответствуют тому, что Конквест приводит в качестве доказательств в ссылках своей книги. Ну, а в целом все его источники подбирались по степени их враждебности к Сталину, независимо от надёжности каждого из них.*

В общем, в конце концов родилась идея собственного исследования по теме так называемого «террора». На работу ушло довольно много времени. Первая статья «Старые истории о маршале Тухачевском в новом свете» увидела свет только в 1998 году… По времени это совпало с рождением новой исторической школы.

…Школа, о которой я говорю, возникла как антитеза Конквесту и концепциям тоталитарной советологии времён «холодной войны». Проштудировав все имеющиеся свидетельства и, что ещё важнее, стараясь сохранить объективность, исследователи новой школы показали ***несостоятельность троцкистских, хрущёвских и горбачёвско-ельцинских интерпретаций советского прошлого.***

Последние умудрились настолько скомпрометировать себя политической предвзятостью, что ***их сочинения следует считать скорее образчиками пропаганды, нежели работами по истории.***

В научном мире подлинной сенсацией стала книга «Истоки больших чисток» одного из основоположников новой школы Дж. А. Гетти, в которой учёному удалось опровергнуть множество ходульных мифов, а среди прочего – представления о репрессиях 1930-х годов как об акции, заранее спланированной Сталиным.

Всё «несчастье» учёного заключалось в том, что в США его труд был опубликован в годы «перестройки», когда под прикрытием «гласности» в СССР массовыми тиражами выходила литература одних только его оппонентов. Откуда же российским читателям узнать о пионерских работах Гетти, ***если ни одна из его книг по истории России в самой России до сих пор не издана?»***

Ну, если Конквест опубликовал свое сочинение «ко времени», то работы экспертов исторической школы Гетти оказались весьма **несвоевременными** книгами в «молодой» России.

Дополним разоблачительное признание именитого американского ученого Ферра примером того, как отечественная историческая «школа» обслуживает меняющиеся политические пристрастия «элиты» в СССР-России.

В 1972 году доктор исторических наук, профессор истории РАН, автор книги «Голод в СССР 1930-1934 годов», Н. А. Ивницкий писал:

«Одним из выдающихся свершений советского народа, которое по важности и социально-экономическим последствиям можно поставить вслед за Октябрьской революцией 1917 г., является социалистическое преобразование сельского хозяйства и ликвидация на его основе последнего эксплуататорского класса – кулачества. По глубине и размаху, формам и методам, характеру и результатам коллективизация сельского хозяйства относится к числу крупнейших революционных преобразований общества».

(Н. А. Ивницкий, «Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса», 1972.)

А вот как оценивал тот же исторический период тот же самый профессор в 2000 году:

«Коллективизация советского сельского хозяйства была одной из величайших трагедий XX в. Результатом коллективизации, определенной и деформированной сталинизмом, стали невыразимые страдания и репрессии. Коллективизация и «ликвидация кулачества как класса» (раскулачивание) означали экспроприацию более одного миллиона крестьянских семей (5-6 млн. чел.), насильственную депортацию в отдаленные северные и малонаселенные регионы страны почти двух миллионов крестьян, гибель сотен тысяч людей и в конечном счете разрушение сельского хозяйства».

(Н. А. Ивницкий, «Репрессивная политика советской власти в деревне (1928-1933 гг.)», 2000.)

Нужны ли комментарии?

Манипуляции с исторической памятью – наиболее эффективный инструмент достижения политических целей. Созданные в идеологических штабах определенных групп и корпораций, исторические мифы, облаченные в псевдонаучную оболочку и навязанные массовому сознанию, довольно успешно направляют общественные настроения в нужное русло, заставляя миллионы людей следовать нормам и правилам, зачастую противоречащим их жизненным интересам, ведущим к утрате не только национально-родовых и социо-культурных корней, но и суверенитета. Биография Россия изобилует такими примерами. Более того, ее ткань практически соткана из нитей лжи и фальсификаций.

Что знает среднестатистический гражданин России, положим, об **Иване IV?** Конечно, что это, прежде всего, изверг, убивший в припадке злобы родного сына; развязавший террор против собственного народа и его элиты.

А **Лжедмитрий**? Самозванец, ставленник польских магнатов, любовник Марины Мнишек, устраивавший кутежи в Кремле, пока метла народного гнева не вымела его с Русской земли.

А кто такой император **Павел I?** Уродец, увлеченный муштрой офицерского корпуса по прусскому образцу.

А **государь Николай Павлович**? Жандарм Европы, душитель свободы, палач «декабристов» по прозвищу «Палкин».

И попробуйте уверить собеседника, что это – лишь оглавление заблуждений!

Что **Иван IV** – первый русский ЦАРЬ (до него – Великие князья), положивший начало формированию Империи. Что слух о детоубийстве пущен шпионом из Ватикана, папским легатом (нунцием) Поссевино; что за время царствования Ивана было казнено (репрессировано) немногим более 4 тысяч человек (в основном убийцы, воры, грабители), тогда как в «просвещенной Европе» круглосуточно горели костры инквизиции, где живьем сжигали десятки тысяч людей только по подозрению в недостаточной преданности вере.

Лжедмитрий. Он вошел в Москву под гул ликования толпы, в сопровождении церковной и светской аристократии. Он первым из европейских владык сделал свое государство свободным, отменив ограничения на передвижение людей и перемещение товаров. Торжествовало крестьянство: согласно указу Дмитрия, со смертью господина холоп получал свободу (до Александровской реформы оставалось 250 лет), свободными оставались его дети, даже если холоп снова продавал себя в кабалу. Именно Дмитрий первым стал строить планы покорения Крыма. Отказал полякам в их территориальных претензиях. Мало того, умело отверг поползновения Ватикана на экспорт в Россию католицизма.

Павел Первый. «Человек, – писал Павел, – первое сокровище государства», «сбережение государства – сбережение людей» («Рассуждение о государстве»). Так, он уменьшил и сократил крестьянские повинности (в частности, в его имениях на протяжении ряда лет существовала двухдневная барщина), разрешил крестьянам уходить на промыслы в свободное от барщинных работ время, выдавал крестьянам ссуды, построил новые дороги в селах, открыл два бесплатных медицинских госпиталя для своих крестьян, построил несколько бесплатных школ и училищ для крестьянских детей (в том числе для детей-инвалидов), а также несколько новых церквей. Реформы в армии вызывали недовольство со стороны генералитета, гвардии. От гвардейцев потребовали нести службу как полагается. Все приписанные к полкам офицеры были обязаны явиться к службе из долгосрочных отпусков, часть из них и те, кто не явился, были отчислены. Командиры частей были ограничены в распоряжении казной и использовании солдат на хозработах.

Военная реформа Павла I создала ту армию, которая разгромила Наполеона. Истинные военные быстро поняли, что Павел горяч, но отходчив, понимает юмор. Известен случай, как, якобы, Павел I отправил целый полк с вахтпарада в Сибирь; на самом деле Павел проявил недовольство в резкой форме, сделав выговор командиру перед строем. В раздражении он заметил, что полк никуда не годен, что его надо отправить в Сибирь. Командир полка, обернувшись к строю, скомандовал: «Полк, в Сибирь шагом марш!» Тут оторопел Павел. А колонна послушно промаршировала мимо императора в восточном направлении. Конечно, полк догнали и

повернули назад. Командир знал, что такая выходка, в конце концов, понравится Павлу.

Недовольство Павлом проявляла прежде всего часть высшего дворянства, впавшая в немилость при Павле по различным причинам: или потому, что они составляли ненавистный императору «екатерининский двор», или привлеченные к ответственности за казнокрадство и другие провинности.

Николай Первый. Именно ему должна быть благодарна Россия за то, что не позволил военной аристократии пустить империю по либеральному пути и сделать придатком Запада. В конце 1826 года из самых приближенных сановников государя был создан Секретный комитет, который возглавил Сперанский. В 1833 году были подготовлены 15 томов Свода Законов, на Государственном Совете того же года признанные единственным источником разрешения всех тяжб и споров. Так началось существенное реформирование судебной власти.

В 1837 году было образовано Министерство государственных имуществ, которому удалось урегулировать земельный вопрос и роль крестьян в нем. Реформа значительно изменила образ жизни крестьянства в лучшую сторону.

Также в 40-е годы XIX века была проведена денежная реформа. Она ограничила государственные расходы, повысила налоги на ввозимые в Россию товары, основной денежной единицей России стал серебряный рубль, что также облегчило товарно-денежное обращение империи.

Но вот что интересно! Именно **Иван Грозный заложил основы информационного противодействия,** что дало возможность приумножить победы русской государственности.

Еще до введения опричнины в конце 1564 года Москва оказалась взбудораженной: царь на множестве саней со всей своей свитой выехал из столицы, поселившись в Александровской слободе. Через месяц он присылает в Москву две грамоты. В одной царь гневался на бояр, всех служивых и приказных людей, что они не радели о государе и государстве. В другой, направленной московскому простонародью и купцам – что царской опалы и гнева на них нет. Эту грамоту зачитали всенародно на площади. Эти два коммуникативных сообщения привели к следующим результатам. В столице все замерло, лавки

закрылись, приказы опустели, песни замолкли. И о последствиях этого сначала невербального, а потом вербального действия пишет В. Ключевский*: «В смятении и ужасе город завопил, прося митрополита, епископов и бояр ехать в слободу, бить челом государю, чтобы он не покидал государства. При этом* ***простые люди кричали, чтобы государь вернулся на царство оборонять их от волков и хищных людей, а за государских изменников и лиходеев они не стоят и сами их истребят»*** (Ключевский В. О. Курс русской истории, ч. II.)

«440 лет назад была выдающаяся победа русского духа! Русские войска разгромили в несколько раз превосходящую крымско-турецкую армию в битве при Молодях. Из 120000 в Крым вернулись лишь 3000 человек. Основную роль в битве в 50 верстах под Москвой сыграла русская гвардия великого русского царя Ивана Грозного – пятитысячный отряд опричников под руководством князя воеводы Дмитрия Ивановича Хворостинина. ***Именно опричники, эффективно применяя методы информационной войны,*** *полностью вырезали 7000 янычар и отборные отряды османских мурз, после чего и началось повальное бегство захватчиков!»* (профессор И. Панарин)

Мы не случайно предложили Вам совершить небольшой экскурс в историю, которая по времени далеко отстоит от эпохи **Лаврентия Павловича БЕРИЯ.** Даже в предлагаемой завязке книги, которую вы начали читать, можно заметить немало параллелей, парадоксальных несоответствий между правдой и сознательной ложью, которые берут начало чуть ли не в Средних веках и резонируют в наши дни, в процессе расправы над одним из наиболее ярких создателей могучего Государства. Расправы политической, нравственной, длящейся вот уже больше 60 лет; расправы, которой и конца не видно. Почему? Вероятно, потому, что **честная память** о БЕРИЯ так же **опасна** явным и особенно тайных врагам Отечества, как и правда о творцах российской истории, отдаленных от нынешнего поколения дистанцией веков. Правда о созидателях и разрушителях РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.

Стирание подлинных черт с портрета Лаврентия Павловича и постоянно обновляемая «пятой колонной» черная ретушь – «взрывы»

не прекращающейся холодной войны между Востоком и Западом, победа в которой разрешит многовековой **цивилизационный конфликт**. Такие войны не завершаются переговорами и ничьей. Они ждут триумфатора. **Именно поэтому разговор о БЕРИЯ востребован ВРЕМЕНЕМ**.

До сих пор основная масса читающего населения уверена в правоте материалов XX съезда КПСС, а тех, кто использовал школьные учебники не по назначению, вполне устраивает и даже интригует пропагандистский хлам, тиражируемый «десталинизаторами».

Даже в предельно объективных (если такое возможно после чистки архивов подручными Хрущева и его последователей), документированных работах по истории СССР-ВКПб-КПСС-НКВД-КГБ и биографических головоломках о Л. П. Берии за скобками размышлений остается, на наш взгляд, одна из главных тем: **почему именно БЕРИЯ стал объектом не только политического, но и гражданского очернения, остракизма?**

Впрочем, и здесь уместен комментарий, приоткрывающий завесу над механизмом «возвращения к исторической правде» и одновременно ставящий под сомнение объективность некоторых «документов».

В газете «Гласность» (№ 6 за 2010) был опубликован материал «Выявлены исполнители фальшивок из советской истории». В нём сообщалось, что в начале 90-х годов в Москве была создана группа специалистов высокого ранга по подделке архивных документов, касающихся важных событий советского периода.

К заместителю председателя Комитета Госдумы РФ, бывшему высокопоставленному сотруднику Генпрокуратуры СССР, В. И. Илюхину обратился в конфиденциальном порядке с устным заявлением о своём личном участии в фабрикации подложного «письма Берии» № 794\Б («Катынское дело») один из главных изготовителей этой фальшивки. Группа работала в структуре службы безопасности Ельцина и размещалась в бывших дачах работников ЦК в посёлке Нагорное.

Ею была изготовлена, в частности, записка Берии в Политбюро ЦК ВКП(б) от марта 1940 года, в которой предлагалось расстрелять более 20 тысяч польских военнопленных. При этом обратившийся в Госдуму

сотрудник продемонстрировал механизм подделки подписей Берии, Сталина.

…В результате этой «работы» в архивы оказались вброшены сотни фальшивых исторических документов и ещё столько же фальсифицированы путём внесения в них искажённых сведений, а также подделки подписей. Заявитель представил бланки 40-х годов, поддельные оттиски штампов и печатей. Сказал, что у него вызывает иронию предоставление людям «только что рассекреченных» архивных материалов, к которым, как он знает, приложили руку мастера из названной группы.

Возможно, кому-то покажется малоубедительным обнародование этих разоблачений в газете «Правда» и комментарии Виктора Илюхина.

Предоставим слово другому уважаемому эксперту.

Бывший военный прокурор РФ Андрей Сухомлинов, давший квалифицированный анализ так называемого «процесса над Берией» 1953 года, который председательствовавший на том судилище маршал Конев назвал «комедией», писал:

«Противоречивые оценки личности Лаврентия Берия, а также всей ситуации вокруг него и заставили меня – бывшего… прокурора – взяться за перо и попытаться представить читателю истинную и объективную картину».

Спасибо Прокурору за смелость, допущенную при анализе КОПИЙ протоколов судилища над Берией (оригиналы были недоступны даже высокопоставленному чину одной из ветвей власти, что наводит на мысль: а существуют ли они вообще?).

Но если, покривив душой, все же допустить присутствие определенного процента достоверности в бумагах «антибериевской компании», концы с концами у авторов не сходятся чуть ли не в каждой строке.

Ведь даже приписываемый Лаврентию Павловичу масштаб превращения в «лагерную пыль» **якобы** *(мы не случайно выделили это слово, так как за ним – предстоящая попытка исследования)* лучших (?) представителей народа **несопоставим** с размахом уничтожения населения России-СССР согласно приказам и распоряжениям

Свердлова (одно расказачивание чего стоит!), Ягоды, Ежова, Хрущева, Эйхе!..

Почему именно «палачу» БЕРИЯ приписываются миллионы жертв, сгнивших в лагерях и расстрелянных в застенках в то время, когда Лаврентий Павлович состоял сначала на заштатных, а потом и руководящих должностях в далеком от политического центра Закавказье? А оказавшись в кресле Наркома НКВД СССР, прекратил развязанный «элитой» террор.

Почему объявляется «врагом народа» БЕРИЯ, спасший от неминуемой гибели цвет советской научной интеллигенции, а имена тех, кто загнал за колючую проволоку туполевых, королевых, ванниковых, остаются в тени?

С другой стороны, почему, к примеру, предотвратить окончательный развал железнодорожного транспорта поручают именно БЕРИЯ, отобрав рычаги руководства у Кагановича?

Почему организацию нефтеразведки и нефтедобычи доверяют именно БЕРИЯ, отстранив от этого дела Вознесенского?

Почему стараются замолчать ключевую роль БЕРИЯ в успехе операции по освобождению Кавказа, первоначально проваленной именитыми «полководцами» во главе с Буденным и представителем Ставки Кагановичем? А ведь именно это сражение признано авторитетными экспертами (в частности У. Черчиллем) одним из главных эпизодов Второй мировой войны!

Как оказалось, что практически весь оборонно-промышленный комплекс в годы Великой Отечественной войны был вынужден курировать БЕРИЯ? Куда делись «капитаны» советской экономики?

Почему работавший над атомным проектом Курчатов просит лично Сталина заменить руководившего процессом Молотова на БЕРИЯ?

Поводов инициировать антибериевскую компанию (после его гибели) хватало у **Запада, проигравшего войну разведок** и не сумевшего предотвратить утечку стратегической информации по «Манхэттенскому проекту», в результате чего СССР вслед за США обзавелся атомной бомбой. А в создании водородного оружия оставил Штаты далеко позади.

Но в большей степени **ненависть к БЕРИИ копилась у партийной, советской и военной номенклатуры СССР**. «Проклятая каста», сказал о ней Сталин, когда узнал, что эвакуированные в начале

войны в Куйбышев (Самару) столичные чиновники начали обустраивать для своих детишек особые, закрытые школы. Именно формирующаяся **послевоенная номенклатура,** определившая сама себя в «элиту» общества, опасалась принципиального БЕРИЯ. **Смерть Берия открыла дорогу «перестройке» и последовавшей за ней катастрофе.**

Причем этот процесс был запущен Западом задолго до появления на политическом поле «ставропольского комбайнера».

Вершиной успеха в информационной войне для противников СССР было избрание генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачева. Выдвижение М. Горбачева – стратегический проигрыш ЦК КПСС и КГБ СССР, но ведь одновременно это и победа тех, кто продвигал британского прихвостня, глобалиста-троцкиста М. Горбачева.

Формировать это поражение начал глобалист-троцкист Н. С. Хрущев (после убийства Л. Берия), **который разрушил сталинскую систему контрразведывательного обеспечения деятельности высших органов власти** (созданную Л. Берия), **что постепенно привело к появлению «слабых звеньев» в советской номенклатуре, куда и устремились усилия западных спецслужб**. В отличие от нашей страны, где высокие партийные чины стали ограждаться от «внимания» контрразведки, ФБР усилило контрразведывательный контроль. Известно, что в рамках своей деятельности ФБР осуществляет также целый ряд и т. н. прикладных расследований в своих целях, а также для других федеральных ведомств. Эти расследования проводятся в соответствии со специальными директивами президента или указаниями генерального прокурора (министра юстиции). Например, осуществляется тщательная проверка биографических данных и личных качеств кандидатов на ответственные должности в федеральных ведомствах. Короче говоря, политический сыск в Америке поставлен на широкую ногу и, надо сказать, достаточно надежно служит национальным интересам США.

…Замысел грандиозной операции был разработан американским дипломатом в Москве, кадровым сотрудником разведки Госдепартамента США Дж. Кеннаном в его «Длинной телеграмме» в Вашингтон в феврале 1946 года. Именно Кеннан обратил внимание на необходимость активизации работы специальных структур США

при смене руководства СССР. Кеннану удалось нащупать слабое звено в СССР – проблему плавного перехода власти от одного отдельного лица или группы лиц к другому.

Таким образом, именно Кеннан, человек, длительное время проживший в России, правильно определил направление главного удара в информационной войне против СССР. Именно Кеннан заявил о необходимости создания «генерального политического штаба в настоящий момент», т. е. Генерального штаба информационной войны против СССР. Скорее всего, Кеннан имел в виду Совет по международным отношениям. Созданный на базе Совета по международным отношениям Генеральный штаб информационной войны против СССР под руководством А. Даллеса поставил перед британо-американскими спецслужбами главную задачу – искать и продвигать в советской номенклатуре людей, способных содействовать распаду СССР. Начался поиск будущих Горбачевых и Яковлевых внутри советской номенклатуры, которые в нужный момент должны были повести СССР в направлении распада.

Кеннан выделил также главное направление информационной войны против СССР в послевоенный период – **осуществление тайных информационных операций по воздействию на систему принятия решений в СССР в переходный период, при смене политических элит.**

Сын американского разведчика, много раз бывавшего в России, Кеннан, безусловно, тщательно проанализировал опыт проведения информационных операций по организации манипулирования процессом принятия решений в России разведкой Британской империи. Ведь именно британская разведка Ми-6 добилась назначения на пост министра иностранных дел Российской империи в 1910 году Сазонова, который предпринял титанические усилия по организации вступления России в Первую мировую войну, которая ей была совершенно не нужна.

Кеннан справедливо выделил трудности перехода властных полномочий в СССР. После смерти В. И. Ленина развернулась яростная внутриполитическая борьба. Ставленником Британской империи в руководстве СССР был Троцкий-Бронштейн. Однако в борьбе с силами Британской империи победил И. В. Сталин, которого поддерживали национально-патриотические силы, лучшие

представители русской разведки. *«Смерть Ленина стала первым таким переходом, и его последствия губительно сказывались на советском государстве в течение 15 лет. После смерти или отставки Сталина будет второй переход»,* – проанализировав негативный опыт британской разведки, Кеннан дает концептуальную рекомендацию о начале подготовки к новому, второму этапу внутриполитической борьбы в СССР после смерти Сталина для реализации стратегических целей информационной войны против СССР.

Именно Кеннан начал **стратегическую информационную операцию «Анти-Сталин» по дискредитации исторического прошлого и настоящего нашей великой страны. Главную роль в операции «Анти-Сталин» сыграл Н. Хрущев, тайно поддержанный Алленом Даллесом во внутриполитической борьбе внутри СССР**. Н. С. Хрущев, типичный малообразованный номенклатурный волюнтарист, представлял из себя идеальный объект для манипулирования специально созданного в ЦРУ в 1951 г. Управления психологической войны.

Историк А. Мартиросян писал:

«… сразу же после смерти Сталина вокруг Хрущева стал вертеться некто П. Н. Поспелов (он же Фогельсон), в будущем секретарь ЦК КПСС. Именно он готовил доклад для Хрущева на XX съезде, именно он направлял общую информационную осведомленность 1-го секретаря, а, по сути дела, создавал настоящий «информационный вакуум» вокруг него в вопросах о подлинной правде предыдущей истории. Он же «облагораживал» и стенограмму XXII съезда. И вот что интересно в связи с этим Фогельсоном. Как отмечает автор книги «Логика кошмара» Анатолий Иванов, Поспелов как Фогельсон фигурировал в знаменитом списке высокопоставленных советских масонов, составленных неким Хасаном Джемом – под этим псевдонимом в 1976 г. в Турции была издана книга «Масонство в мире и в Турции». Кто скрывался за этим псевдонимом, неизвестно до сих пор. Однако после очередного военного переворота в Турции во главе с генералом К. Эвреном в 1980 г. весь тираж этой книги был уничтожен»

Именно под типаж Н. С. Хрущева затем подбирали кандидата на пост руководителя СССР, выгодного Совету по международным

отношениям. Исходя из этого, был отобран и М. Горбачев как **человек, похожий на Н. Хрущева.** (И. Панарин – профессор Дипломатической академии при МИД РФ)

Поэтому важно понять, **почему** и сегодня **маршал СССР Лаврентий Павлович БЕРИЯ**, и память о нем заставляют наследников той самой «номенклатурной касты» (сросшейся с западными спецслужбами и финансовыми кругами) множить лживые мифы о выдающемся государственном деятеле Державы?

Может быть, потому, что рано или поздно, но **восторжествует пугающая нравственных негодяев и идеологических подлецов историческая справедливость.**

Сталин однажды сказал, что после его смерти на его могилу нанесут много мусора, однако ветер истории его развеет. **То же можно сказать и о БЕРИЯ.**

…Но почему Берия?

Откуда рядом с Вождем, где все места были заняты «революционерами со стажем», появился этот невысокий, близорукий, склонный к полноте, хотя и подвижный грузин? Сегодня никто не может сказать, когда произошла его первая встреча со Сталиным – то ли в 1921-м… то ли в 1930-м… Да и только ли это знакомство вывело Берия в большую политику? И кто должен больше благодарить СУДЬБУ – Берия, за то, что в 1938-м ОНА привела его на вершину власти и поставила рядом с первым лицом государства; или Сталин, за то, что ПРОВИДЕНИЕ, хоть и запоздало (эх, вернуть бы начало 30-х!) послало ему человека, ставшего **единственной реальной опорой Вождя** и доверенной ему БОГОМ державы? Человека, который своим умом, организационным талантом, волей, совестью, авторитетом смог бы воплотить в жизнь то, что было задумано Вождем, но чего не удалось Сталину ни в 34-м, ни в 37-м, ни в 1953-м.

То, чего ждала огромная, запуганная тотальным подозрением и казнями страна.

Мы процитируем исследователя, который, пожалуй, первым отважился встать на защиту имени Берия. Это Юрий Мухин.

*«Сталин, а после него Берия, **хотели сделать нечто, что в корне не нравилось остальным политикам СССР.** И это «нечто» со*

*временем, с разборкой архивов Сталина, с живым Берия могло постепенно всплыть и овладеть умами в народе, чему, безусловно, способствовали бы имевшийся авторитет и одного, и другого. Поэтому и возникла необходимость смешать с грязью обоих, чтобы даже ссылка на них вызывала у людей неверие и отвращение. **Только такая гипотеза объясняет произошедшее**».

Но не все! О многих событиях 1930-1960 годов широкая читательская публика (это мы по старинке) по сегодняшний день даже не подозревает. А если что-то и слышала, то, не исключено, с точностью до «наоборот».

Поэтому, прежде чем приоткрыть завесу над тем, а **что же хотели сделать** Сталин и Берия, не обойтись без биографической справки о Лаврентии Павловиче. «Кавказском пленнике» начала XX столетия.

Кавказский пленник

«Никогда не пробьется наверх тот, кто не делает того, что ему говорят, и тот, кто делает не больше того, что ему говорят»

Эндрю Карнеги

Берия любил Кавказ. Он был пленен очарованием природы этого щедрого на солнце края; его с детства окружали покладистые, трудолюбивые люди; именно на Кавказе состоялось политическое рождение Лаврентия Берия; именно там он заявил о себе, как о незаурядном организаторе и руководителе.

В 16 лет (1915 год) оказался вовлеченным в водоворот общественных катаклизмов: сначала в масштабах Бакинского технического училища, где единомышленники по марксистскому кружку доверили Лаврентию хранить партийную кассу (!). Знали, что чист на руку. Ну, а дальше – больше… Хотя тянуло не к листовкам, паролям-явкам и револьверам, а к знаниям. Хотелось учиться, учиться и учиться. О ленинском завете в то время в Закавказье еще не слышали, как, впрочем, и о самом Ленине. А вот архитектура!.. Она манила юного революционера, как первая любовь. Не меньше! Небогатые родители продали полдома, чтобы выложить деньги не на свадьбу, а на учебу! Чтобы юный крестьянин из села Мерхеули из-под

Сухума оказался ближе к мастерской зодчего. Но судьба распорядилась иначе. Впрочем, первая страсть жила в Берии до последнего дня. Жажда созидания…

Работая над этой книгой, мы постарались сократить до минимума биографические подробности, полагая, что заинтересованный читатель без труда отыщет энциклопедическое жизнеописание героя. Но не решились обойти вниманием один справочный документ. Это автобиография Лаврентия Павловича Берии, написанная в октябре 1923 года. К этому времени (в 24-то года!) Лаврентий Павлович был уже известным человеком не только в Закавказье, но и в Москве; на его груди красовался орден Боевого Красного Знамени Грузии. Берия руководил Секретно-оперативной частью, являясь одновременно заместителем председателя ЧК при Совмине Грузинской ССР. Казалось, семафор на пути в высокие начальники заиграл зеленым светом. Но вот чем завершает свою автобиографию молодой чекист, успевший побывать в меньшевистской тюрьме в Кутаиси, поработать под началом А. Микояна в бакинском подполье, внедрившись в ряды мусаватистской разведки.

«За время своей партийной и советской работы, особенно в органах ЧК, я сильно отстал как в смысле общего развития, так равно не закончив свое специальное образование. Имея к этой области знаний призвание, потратив много времени и сил, просил бы ЦК предоставить мне возможность продолжения этого образования для быстрейшего его завершения. Законченное специальное образование даст мне возможность отдать свой опыт и знания советскому строительству, а партии использовать меня так, как она найдет нужным».

Но партия решила, что в рядах бойцов, обеспечивающих безопасность молодого советского государства, Берия нужнее, а потому просьбу Лаврентия отпустить его «в архитекторы» оставила до поры без взаимности. В то тревожное время «карающий меч» был важнее эскизов новых улиц и проспектов. Хотя мы постараемся сосредоточиться и на «архитектурной» стороне непростой жизненной дороги героя. Чуть позже…

В феврале 1921 года меньшевистское правительство Ноя Жордания бежало из страны и осело в Париже, старательно подпитывая оставшихся в Грузии единомышленников морально, идеологически и, по мере возможности, деньгами. Здесь же, в Грузии, последней из несоветских республик Закавказья, нашли убежище мусаватисты из Азербайджана, армянские дашнаки, не говоря уже об ушедших в подполье грузинских меньшевиках. Все эти партии мало различались программами – в основном это были просто **традиционные для Грузии компании джигитов**, окружавшие князей, только **роль князей здесь играли «политические лидеры»**. Боевые отряды всей этой публики мало чем отличались от уголовников и вместе с ними создавали в горной республике обстановку криминального террора.

Правда, в том же 1921 году грузинская оппозиция попыталась навести порядок в своих рядах, создав так называемый «Комитет независимости», куда на паритетных началах вошли представители всех крупных враждебных режиму партий. Во главе комитета стал бывший министр правительства Жордания, член ЦК грузинских меньшевиков Ной Хомерики. Комитет берет курс на вооруженное восстание, причем не только на словах – при нем создается военный центр и начинается подготовка к выступлению против ненавистных им большевиков.

Берия удается внедрить агентов в самый «Комитет независимости», и постепенно его члены перекочевывают за решетку. В начале года захвачены две типографии, в апреле арестован начальник контрразведки меньшевиков, а в июне удалось взять и нелегальный ЦК.

9 ноября арестован Ной Хомерики, виднейший меньшевик, руководитель военной организации партии. Захвачен также его штаб и документы, изобличающие их связи с зарубежными центрами и «коллегами» в России, разгромлены местные комитеты в Поти, Гори, Абхазии.

На смену арестованному лидеру «оппозиции» из-за границы прибывает новый посланец Жордания – Валико Джугели. Чекисты «ведут» его с самого начала. В августе 1924 года он, заметив слежку, пытается скрыться, и тогда его арестовывают. Из тюрьмы Джугели, **по предложению Берия,** обращается к своим единомышленникам с открытым письмом, в котором призывает отказаться от безнадежной

борьбы – впрочем, безрезультатно Восстание было лишь отсрочено на две недели и началось не 15-го, а 29 августа 1924 года. В этот день группа повстанцев во главе с князем Георгием Церетели захватила город Чиатуры и объявила о создании «Временного правительства Грузии», однако уже к вечеру «правительство» бежало из Чиатур, услыхав о приближении красноармейских отрядов. В целом немножко побунтовала часть Западной Грузии – повстанцев всего было около 500 человек – и на следующий день все уже было спокойно.

В отчете Грузинской ЧК упоминаются еще некоторые дела, уже касающиеся экономики, но их все равно неплохо перечислить – просто для понимания общей обстановки в республике:

• *проведена массовая операция по изъятию валюты у валютчиков, позволившая конфисковать ценностей на десятки миллиардов закавказскими знаками;*

• *была раскрыта шайка фальшивомонетчиков, печатавших кавказские боны миллионного достоинства. Преступники замаскировались в Баку. Дело было передано в АзЧК.*

Из числа других выявленных преступлений заслуживали внимания:

• *дело зав. торговым отделом Табтреста Германа, обвинявшегося в преступном разбазаривании изделий треста и связи с частными торговыми фирмами;*

• *поимка шайки сбытчиков фальшивых лир в Батуми;*

• *раскрытие ограбления кооператива БатЧК и изъятие похищенных товаров на 3 тысячи лир;*

• *задержание продавцов кокаина с большой партией товара и крупной суммой денег;*

• *установление местонахождения 180 000 пудов марганца, пропавшего в Чиатура и принадлежавшего государству;*

• *закрытие одного из каналов спекуляции медикаментами, закупленными для нужд народного здравоохранения».*

Молодой сотрудник ЧК Лаврентий Берия обретал опыт и закалку не только умело распоряжаясь наганом. В нем формировалась способность за ширмой цветастых лозунгов и призывов заметить подлинные мотивы, приводные ремни и «механиков», задающих движение и ритм политическим событиям эпохи.

Закавказье по тем временам представляло весьма своеобразное территориальное, квазигосударственное образование.

«Я думаю, что у некоторых товарищей, работающих на некотором куске… территории, называемом Грузией, там, в верхнем этаже, по-видимому, не все в порядке» – остроумно заметил Сталин в начале 20-х годов.

Летом 1921 г. Сталин (тогда еще нарком по делам национальностей и руководитель Рабоче-крестьянской инспекции), находясь на лечении в Нальчике, решил поучаствовать в работе пленума Кавказского бюро ЦК РКП(б). В конце июня он едет в Грузию, а 6 июля выступает на общем собрании тифлисской парторганизации.

Сталин: *«Я помню годы 1905-1917, когда среди… трудящихся национальностей Закавказья наблюдалась полная братская солидарность… Теперь, по приезде в Тифлис (Тбилиси. – Прим. ред.), я был поражен отсутствием былой солидарности… развился национализм, усилилось чувство недоверия к своим инонациональным товарищам: антиармянского, антитатарского, антигрузинского, антирусского и всякого другого национализма… хоть отбавляй…*

Очевидно, три года существования националистических правительств в Грузии (меньшевики), в Азербайджане (мусаватисты), в Армении (дашнаки) не прошли даром. Эти националистические правительства… работая среди трудящихся в духе агрессивного национализма, доработались наконец до того, что каждая из этих маленьких стран оказалась окруженной кольцом враждебной националистической атмосферы, лишившим Грузию и Армению русского хлеба и азербайджанской нефти, а Азербайджан и Россию – товаров, идущих через Батум».

Точное наблюдение? Да. Помноженное на глубокое знание местных нравов.

Сталин: *«Право на собственную государственность Грузии, Армении и Азербайджану дали русские революции. И три нации 11 ноября 1917 г. учредили общее правительство. А 26 мая 1918 г. зарвавшаяся элита Грузии, подстрекаемая настроенной против*

России Германией, высокомерно объявила о своей полной независимости от всех соседей. За три года население основательно испытало на себе, чего в действительности стоят обещания «самого независимого правительства».

Поэтому не взбунтовалось, когда в феврале 1921 г. на место министров этого правительства пришли наркомы. Однако и наркомы быстро втянулись в местный властный «колорит».

Любого, не только Сталина, могли, мягко говоря «озадачить», например, грузинские декреты, подписанные председателем ЦИК Грузии Махарадзе:

1. «31 марта 1922 г. От сего числа границы Республики Грузии объявляются закрытыми, и дальнейший пропуск беженцев на территорию ССР Грузии прекращен…»

2. § 1. Лица, получающие разрешения на право въезда в пределы Грузии своих родственников, платят за выдаваемые им разрешения 50 000 руб.

§ 5. Лица, после 13 августа 1917 г. прибывшие в пределы Грузии и желающие получить право на постоянное жительство в Грузии, в случае удовлетворения их просьбы, платят за выдаваемые им разрешения 1 млн. рублей…»

3. Гражданство Грузии теряет грузинская гражданка в том случае, если она выйдет замуж за иностранца».

Подлинная подоплека «популярного» сепаратизма заключалась в том, что «новые советские» добивались денационализации и передачи в концессию американской «Стандарт Ойл» батумского нефтепровода. Благодаря ему еще до Первой мировой Батум стал основным портом, через который перекачивалось 88 % экспорта бакинской нефти и керосина из России. С 1922 г. подставные компании знаменитой «Стандарт Ойл» начали поставки турбобуров в Баку для увеличения добычи нефти, а сама «Стандарт Ойл» нацелилась на захват батумского нефтепровода концессионным путем. До Первой мировой войны Баку давал свыше половины сырой нефти, добывавшейся во всем мире, а батумский нефтепровод являлся чуть ли не самым главным терминалом в поставках жидкого топлива на мировой рынок. После образования СССР на долю этих нефтяных слагаемых приходилось свыше 20 % крайне скудного тогда советского экспорта.

К этому надо добавить еще и марганец, который царская Россия поставляла в объеме 52 % от всего мирового экспорта, причем примерно миллион тонн, или 76 % российского экспорта марганца, давало месторождение в Чиатуре (Грузия). Вспомните «освободительное восстание» – и станет понятной его «шкурная» цель. К моменту советизации Грузии добыча марганца практически была прекращена. Однако уже при большевиках, в 1923 г. добыча возросла до 320 тыс. тонн, так как в соответствии с политикой НЭПа концессия на разработку Чиатурского месторождения была отдана американской компании «У. А. Гарриман Компани», но к 1928 г. упала до 14,5 тыс. тонн.

Раздувая «грузинский инцидент», Троцкий и К° стояли на защите интересов американского (и английского) капитала, перед которым у них, в частности, были большие долги – ведь они ничего толком не отработали для американцев.

Эти обстоятельства ничего не напоминают нашим современникам, совсем недавно пережившим «перестройку» и «реформы»? Развал суверенной индустрии и аграрного комплекса – ключ к бескровному завоеванию территорий. Этим ключом пользуются издавна и поныне.

Но подрыв экономики Грузии, Армении, Азербайджана не ограничивался почти открытым грабежом подземных кладовых.

11 марта 1930 года в Москву, в ОГПУ, была направлена подробная записка председателя Закавказского ГПУ С. Ф. Реденса и начальника СПО Зак. ГПУ Л. П. Берия, в которой, в частности, говорилось: *«В результате недостаточного охвата огромного числа вновь созданных колхозов, допущенных перегибов, внутриколхозных недочетов и общей активизации антисоветских и кулацких сил усилились массовые антиколхозные выступления, принимающие политическую окраску, брожением охвачен ряд районов… Идет стремительный распад колхозов, сопровождающийся в ряде случаев разгромом сельсоветов, избиением и изгнанием парткомсомольцев и совактива. Имевшие место выступления до сих пор ликвидировались мирными средствами и уговорами и лишь в редких случаях демонстрацией и незначительной войсковой силой, инициаторов и непосредственных участников разгромов и насилий за небольшим исключением не арестовывали… все это истолковывалось населением как признак слабости власти и*

способствовало еще большему обнаглению выступавших под влиянием антисоветских сил…».

Донесение не прошло мимо внимания И. Сталина.

17 августа 1931 года Сталин писал Кагановичу:

«…Теперь для меня ясно, что Картвелишвили (1-й секретарь Закавказского крайкома ВКП(б)) и секретариат Грузцека своей безрассудной «политикой хлебозаготовок» довели ряд районов Западной Грузии до голода. Не понимают, что украинские методы хлебозаготовок, необходимые и целесообразные в хлебных районах, нецелесообразны и вредны в районах нехлебных, не имеющих к тому же никакого промышленного пролетариата. Арестовывают людей сотнями, в том числе и членов партии, явно сочувствующих недовольным и не сочувствующих «политике» грузинского ЦК. Но на арестах далеко не уедешь. Нужно усилить (ускорить!) подвоз хлеба сейчас же, без промедления. Без этого мы можем схлопотать хлебные бунты, несмотря на то, что зерновая проблема уже разрешена у нас. Пусть немедля… ПБ обяжет Микояна усилить подвоз хлеба в Западную Грузию… В противном случае наверняка схлопочем политический скандал».

О «целесообразности» украинских методов Сталину докладывали, похоже, такие же «картвелишвили» только с киевским акцентом.

Чудом сохранившийся в живых очевидец событий 1933 года В. Пахаренко (Черкасская обл.) рассказывал:

«Тогда во все органы власти, от сельсоветов, правлений колхозов и выше, проникали самые хитрые, самые скользкие люди, часто бездельники и пьяницы, а порой и бандиты разных мастей, которые вовремя додумались повернуть нос по ветру. Одна за одной шли бесконечные ревизии «из лишков продовольствия» из сельских дворов. Люди пытались спрятать хотя бы горсть зерна в ямах, колодцах, на чердаках, замазывали в печи или зашивали в тря пичные куклы. Но находили везде: слишком уж старательно исполняли свои обязанности важные, в галифе и с наганами, уполномоченные из районов и местные ак тивисты. У нас в Красной Слободе и близлежащих селах, например, были конфискованы и отогнаны в Черкассы все чудом уцелевшие коровы. И там их загрузили в товарные вагоны и держали под охраной

до тех пор, пока весь скот не околел. А потом вагоны вывезли за город и содержимое выбросили на свалку…»

Грузинские «товарищи» – генацвале мало отличались от украинских «хлопцев» постышевых и сибирских эйхе.

Всем этим попыткам (зачастую небезуспешным) западных корпораций, тесно связанных с троцкистским подпольем и просто местными казнокрадами, подчинить советское Закавказье своим интересам противостояли органы ГПУ и лично Л. Берия.

Так что не стоит удивляться стремительному служебному росту Лаврентия Берия. В августе 1924 года он становится начальником секретно-оперативной части полпредства ОГПУ, заместителем председателя ГПУ Закавказья и председателем ГПУ Грузии. В 1929 году он уже одновременно руководитель всех трех ведомств. При этом свою работу он по-прежнему… не любит.

В одном из интервью сын Лаврентия Берия Серго вспоминал:

«Вы будете удивлены, когда я скажу вам, что отец все время хотел уйти и из ЧК, и из ЦК. Он мечтал завершить учебу, стать инженером и добиться успехов в этой области. После училища он экстерном сдал экзамены и закончил три курса строительного факультета Бакинского политехнического института…»

В конце 1930 года Г. Орджоникидзе (Серго) получил от Л. Берия письмо:

«Я думаю, что мой уход из Закавказья, – признавался он, – даже послужит к лучшему. Ведь за десять лет работы в органах ГПУ в условиях Закавказья я достаточно намозолил глаза не только всяким антисоветским и контрреволюционным элементам, но и кое-кому из наших товарищей. Сколько людей будут прямо-таки приветствовать мой уход, настолько я им приелся своим постоянным будированием и вскрыванием имеющихся недочетов. Им хотелось, чтобы все было шито-крыто, а тут, извольте радоваться, кругом недочеты и ляпсусы».

Спустя 23 года, в июне 1953-го это предвидение окажется пророческим. Но тогда, в 30-м, на просьбу Берия можно было взглянуть по-иному.

Устал чекист? Устал… Вот только зря признался. Таких, как он, Сталин «собирал по крупицам», пытаясь преодолеть **кадровый** голод, который наряду с **хлебным** грозил разрушить только начавшую становиться на ноги Державу.

«Кадры решают все», – произнес Сталин в мае 1935 года на встрече с выпускниками военных академий в Кремле. И добавил: «Самый ценный капитал – это люди».

Именно кадры определяли как победы мужающей власти, так и ее поражения. Именно люди – равно как и «нелюди» – писали своими делами историю триумфов и реестр ошибок, и преступлений. И Сталин понимал это как никто, порой… разочарованно разводя руками в кадровом бессилии.

Вот фрагмент письма Сталина Кагановичу от 12 августа 1932 года.

«Берия производит хорошее впечатление. Хороший организатор, деловой, способный работник. Присматриваясь к закавказским делам, все больше убеждаюсь, что в деле подбора людей ***Серго – неисправимый головотяп****. Серго (Орджоникидзе. – Ред.) отстаивал кандидатуру Мамулия на посту секретаря ЦК Грузии, но теперь очевидно (даже для слепых), что Мамулия не стоит левой ноги Берия. Я думаю, что Орахелашвили придется освободить (он настойчиво просит об этом). Хотя Берия не член (и даже не кандидат) ЦК, придется все же его выдвинуть на пост первого секретаря Заккрайкома. Полонский (его кандидатура) не подходит, так как он не владеет ни одним из местных языков.*

Привет!

И. Сталин

Прискорбно, но жизнь одного из создателей отечественной промышленности Серго Орджоникидзе трагически оборвалась 18 февраля 1937 года тоже отчасти из-за кадровых просчетов.

Масштаб вредительства в промышленности вынудил Политбюро 7 февраля 1937 г. принять постановление о переводе на режим усиленной охраны ряда крупных предприятий и электростанций страны. К тому же Серго стали известны и результаты контрразведывательной проверки кадрового состава его наркомата тяжелой промышленности, на котором, собственно говоря, и держался

тогда военно-промышленный комплекс СССР, а в конечном итоге и обороноспособность Советского Союза. Так вот, эта проверка показала, что среди работников наркомата 71 человек являлись бывшими офицерами белой армии, 287 – офицерами царской армии, 94 – имели судимость за контрреволюционную деятельность, 41 – были судимы за должностные преступления, 131 – являлись выходцами из семей торговцев и промышленников (в том числе и бывших владельцев национализированных предприятий), 131 – являлись выходцами из дворян, 73 – из семей священнослужителей (которые в первый период советской власти сильно пострадали от нее). То есть, практически весь, возглавляемый Серго Орджоникидзе наркомат тяжелой промышленности, насчитывавший 828 человек, состоял из лиц, мягко говоря, не самым лучшим образом настроенных по отношению к советской власти. И это в самом сердце советской промышленности, от которой зависела обороноспособность СССР. А к этому следует добавить, что с 1936 г. внешняя разведка НКВД СССР сумела наладить поступление неопровержимых данных о постоянной утечке секретных сведений об экономике СССР и, в частности, тяжелой и оборонной промышленности за границу, в нацистскую Германию. Как? Мы расскажем об этом подробнее буквально через полсотни страниц.

Лаврентий Павлович Берия – вероятная креатура Орджоникидзе – **не был** кадровой ошибкой наркома тяжелой промышленности.

Из письма от 26 августа 1931 г. Сталина Кагановичу:

«Здравствуйте, т. Каганович. Пишу о Закавказских делах. На днях побывали у меня члены Заккрайкома, секретари ЦК Грузии, некоторые работники Азербайджана (в том числе Полонский). Склока у них невероятная, и она у них, видимо, не скоро кончится… Я их помирил кое-как, и дело пока что уладилось, но ненадолго. Лгут и хитрят почти все, начиная с Картвелишвили. Не лгут Берия, Полонский, Орахелашвили. Но зато Полонский допускает ряд бестактностей, ошибок. Самое неприятное впечатление производит Мамулия (секретарь ЦК Грузии)… Комическое впечатление производит предСНК Грузии Сухишвили – безнадежный балбес…

Если не вмешаться в дело, эти люди могут по глупости загубить дело. Они уже испортили дело с крестьянством в Грузии, в Азербайджане. Без серьезного вмешательства ЦК ВКП

Картвелишвили и вообще Заккрайком бессильны улучшить дело, если считать, что они захотят улучшить дело. Как быть? Надо:

1) Назначить… на конец сентября (к моему приезду) доклад в Оргбюро… о положении дел;

2) Прочистить их хорошенько на заседании Оргбюро и снять ряд лиц типа Мамулия;

3) Назначить третьего секретаря Заккрайкома (предлагаю Меерзона) (Меерзон Ж.И, в тот момент являлся заведующим организационно-инструкторским отделом ЦК ВКП(б); избран секретарем Заккрайкома в 1932 г.), дав ему соответствующий наказ… Без таких мер дело в Закавказье будет гнить.

(И. Сталин. 26/VIII-31)»

Ну, а теперь – протокольно, телеграфным стилем.

31 октября 1931 года Политбюро ЦК ВКП(б) рекомендовало **Л. П. Берия** на пост второго секретаря Закавказского крайкома (в должности по 17 октября 1932 года), 14 ноября 1931 года он стал первым секретарём ЦК КП(б) Грузии (по 31 августа 1938 года), а 17 октября 1932 – первым секретарём Закавказского крайкома при сохранении должности первого секретаря ЦК КП(б) Грузии. Был избран членом ЦК КП(б) Армении и Азербайджана. 5 декабря 1936 года ЗСФСР была разделена на три самостоятельные республики, Закавказский крайком ликвидирован постановлением Центрального Комитета ВКП(б) 23 апреля 1937 года.

И еще одна немаловажная деталь. 10 марта 1933 года Секретариат ЦК ВКП(б) включил Берия в список рассылки материалов, направляемых членам ЦК, – протоколов заседаний Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК. Но Л. Берия только в 1934 году на XVII съезде ВКП(б) был **впервые** избран членом ЦК!

За что же такой аванс доверия?

Понравился Сталину?.. Организовал «пикничок» Кобе под дуновение черноморского бриза?.. Примерно в таких категориях оценивают заслуги Лаврентия Павловича в начале 30-х современные «аналитики», примеряя на Берия и Сталина куцые пиджаки ельцинских 90-х. Ошибаются в главном. Берия не подошел бы фасончик, а Сталину – размер. Масштабы были иные.

К тому же «аналитиков» подводит поверхностное знание нравов эпохи и расхожее мнение о всесилии Вождя. Да и Вождем-то Сталин тогда еще не был. В 1934 г. на XVII съезде ВКП(б) именно **Хрущёв первым назвал Сталина «гениальным вождем».** В 1939 г. в юбилейном сборнике «Сталин. К 60-летию со дня рождения» Хрущёв писал:

«СТАЛИН – друг народа в своей простоте. СТАЛИН – отец народа в своей любви к народу. СТАЛИН – вождь народов в своей мудрости руководителя борьбой народов…» На съездах партии и других форумах Хрущёв также говорил о Сталине как о гении, великом творце, учителе.

А в начале десятилетия!.. В архивах сохранилась переписка Сталина и Кагановича, которая интересна всем: содержанием, стилем письма, характером обращений. И еще одной деталью. Выражаясь современным языком**, почти сенсационной.**

Осенью 1931 года И. Сталин поправлял здоровье в Сочи, держа руку на политическом и хозяйственном пульсе страны.

Вот письмо от 19 сентября 1931 года:

Здравствуйте, т. Каганович!

Самым важным вопросом ближайших месяцев считаю транспорт, прежде всего, – желдор транспорт.

Со стороны транспорта идет теперь основная угроза народному хозяйству, и именно транспорт нужно прежде всего лечить.

Декретными постановлениями ЦК дела не спасти, хотя такие постановления имеют немалое значение. Почему? Потому, что пока в транспорте сидит шайка самовлюбленных и самодовольных бюрократов типа Рухимовича, по-меньшевистски издевающихся над постановлениями ЦК и сеющих кругом разлагающий скептицизм, – постановления ЦК будут класть под сукно.

Надо эту шайку разгромить, чтобы спасти железнодорожный транспорт. Если требуется в этом деле моя помощь, скажите. Если можете обойтись без моей помощи – громите эту шайку, пока не поздно. Новых людей, верящих в наше дело и могущих с успехом заменить бюрократов, всегда можно найти в нашей партии, если поискать серьезно.

Привет.

И. Сталин

Казалось бы, директивы получены. Осталось только исполнить и доложить. Именно так нас учили понимать алгоритм сталинского управления страной: беспощадно, безжалостно, рукой тирана и т. д. Мягко говоря, не правильно учили.

Вот телеграмма Сталина Л. М. Кагановичу, В. М. Молотову, Г. К. Орджоникидзе от 27 сентября 1931 года:

Кагановичу, Молотову, Орджоникидзе.

1. Решительно возражаю против назначения Рухимовича предом Госплана или замом ВСНХ. Если можете подождать недельку, отложите вопрос. Лучше бы дать ему хозработу вне Москвы.

Тут уж двух мнений быть не может: Сталин просто рассержен, жди репрессий. Репрессий? О чем это вы?

Вот очередное письмо Сталина Л. М. Кагановичу от 4 октября 1931 года:

Здравствуйте, т. Каганович!

Письмо получил.

1) Я был поражен предложением т. Молотова насчет назначения т. Рухимовича предом Госплана – следовательно – замом пред. СНК. За то, что Рухимович провалился в НКПС и вел (ведет и теперь!) гнуснейшую агитацию против практической линии ЦК (вопрос о темпах и т. п.), его делают замом пред. СНК, его повышают! Что за чепуха!? Разве можно так воспитывать кадры? Нечего говорить – хорошее «воспитание».

То же самое нужно сказать о предложении Серго насчет замства Рухимовича в ВСНХ. Эти люди не понимают, что Рухимович есть Фрумкин № 2, с той, однако, разницей, что Рухимович опаснее, так как он, к сожалению, член ЦК. Я об этом написал уже Серго.

Рухимовича надо снизить и послать на внемосковскую работу по линии ВСНХ. Тогда все поймут, что ЦК не шутит и не болтает зря о генеральной линии. Поймут и подтянутся.

Рухимовича не «снизили» и не «послали». «Послали», похоже, Сталина. А Л. Рухимович оказался в кресле заместителя наркома тяжелой промышленности. В Москве. У Орджоникидзе. А в 1934 году – среди участников антисталинского заговора.

Вот такие «кадры», для которых важнее были политические игры, нежели обустройство страны. Просто игры, как им казалось, у них лучше получались.

Л. Берия выпадал из этого списка.

Во всяком случае, по части политических интриг. Поэтому его путь во власть не был самоцелью. А если уж придется – то высокое положение Лаврентий Павлович знал, как использовать. СТРОИТЬ!

Архитектор

«Сердце государственного деятеля должно находиться у него в голове».

Наполеон I

Давайте поступим так. Внимательные и объективные исследователи деятельности Лаврентия Павловича Берия, опираясь на официальные документы, подготовили своеобразный отчет о пребывании Берия на посту руководителя Грузии в 1931-1938 годах. Авторы постарались свести к минимуму субъективные оценки, отдав приоритет фактам и цифрам. А статистика (честная!) – лучший беллетрист. Поэтому и мы предлагаем последовать за ней, лишь изредка дополняя текст любопытными и уместными деталями, а иногда используя редакторский карандаш.

Итак, первоочередной задачей, стоявшей перед новым руководителем Грузии, а потом и всего Закавказья, было обеспечение населения продовольствием. Надо было накормить народ.

К моменту прихода Берия на пост первого секретаря, сельское хозяйство было там же, где и раньше, несмотря ни на какую коллективизацию. Если нет земли – значит, ее нет. В Грузии вообще не было смысла создавать колхозы, если вести хозяйство, не отступая от давней традиции. И тогда молодой глава республики (32 года!) пошел

наперекор «генеральной линии» – и, что удивительно, Москва ему не препятствовала. Оказалось, что и как хозяйственный руководитель, бывший чекист многого стоит!

Но для начала необходимо было сделать республику управляемой. А как этого добьешься, если каждый уездный глава ведет свою политику сообразно интересам своего клана? Этот вопрос Берия решил просто – вместо того чтобы приводить в чувство уездных владык, там, где секретари райкомов его не устраивали, он заменил их на бывших работников ОГПУ. Деканозов стал председателем Госплана республики и заместителем председателя Совнаркома. Гоглидзе – наркомом внутренних дел. Меркулов перешел на работу в аппарат ЦК.

Уже в декабре 1931 года Берия ликвидировал Колхозцентр, заменив его наркоматом земледелия. Вроде бы сугубо номинальное изменение, однако весьма красноречивое, ибо в колхозы в 1931 году было объединено всего лишь 36 % крестьянских хозяйств, и то в порядке административного рвения прежних властей. Новый глава республики показал, что не собирается добиваться стопроцентного охвата – сколько есть, столько есть.

А вот потом он сделал ход конем. Действительно, выращивать зерно в Грузии не имело смысла – все равно сельское хозяйство не могло накормить республику. Больше в колхозы никто никого не загонял. Мало того, в противовес российской практике, в республике пошли на увеличение подсобных хозяйств колхозников – чтобы произведенного там хватило не только для их хозяев, но и для продажи. А в колхозах стали выращивать не зерно или овощи, а те культуры, которые нигде больше в России не росли, – чай, цитрусовые, табак, элитные сорта винограда. А что хлеб? Хлеб можно купить и в России, торгуя с ней вином и мандаринами!

Но основной культурой стал чай.

В газете «Совершенно секретно», где автору этой книги довелось работать, было опубликовано интервью грузинского журналиста Михаила Черкезия с бывшим водителем Лаврентия Берия Николозом Меликашвили. Вот о чем он вспомнил:

«В мае 1934 года меня направили к начальнику железнодорожного вокзала. Тот посадил в мою машину двух элегантно одетых молодых мужчин с девятью кожаными чемоданами.

Я отвез их к Лаврентию Павловичу, а чемоданы сдал в комендатуру. На другой день Берия вызвал почти всех секретарей райкомов и председателей колхозов Западной Грузии. Мне он велел принести чемоданы.

– Слушайте внимательно, – обратился к собравшимся шеф. – В этих чемоданах – саженцы чая уникального вида. Каждый район возьмет по одному чемодану. Через год осмотрю ваши плантации. У кого высохнет хоть один саженец – тому несдобровать.

Впоследствии я узнал от Лаврентия Павловича, что те саженцы по его приказу были выкрадены нашими разведчиками с Цейлона, где за подобное преступление полагалась смертная казнь…»

Даже если в этой истории есть доля романтической легенды (национальная особенность уроженцев Кавказа, ничего не поделаешь), то суть рассказанного лишний раз подтверждает тот самый созидательный настрой, который пришел в Грузию вместе с новым лидером.

Чай в Грузии выращивали и раньше, мандарины тоже росли здесь давно – но никто не додумывался сделать на них ставку. Теперь увеличили плантации чая, мандаринов, начали повышать культуру земледелия, стали выращивать новые экзотические растения. А чтобы население республики не испытывало голода, пока новые культуры начнут давать урожай, пошли на увеличение приусадебных участков.

Два года ушло на подготовку, и в 1933 году начался рост сельского хозяйства. *«При Л. Берия Грузия превратилась в страну, производящую в промышленных масштабах высокоценные специальные и технические культуры,* – пишет исследователь той эпохи Алексей Топтыгин. – *Берия знал цену разным методам руководства: отдельным культурам и формам организации производства посвящались пленумы ЦК, проводились съезды колхозников, выставки, активно задействовалось социалистическое соревнование, портреты передовиков производства не сходили с первых полос газет и обложек журналов. Но самое главное – Берия очень четко понимал значимость материального стимулирования колхозников».*

И вот тут крупное сельскохозяйственное производство оправдало себя на сто процентов! Культуры были дорогие, и через несколько лет колхозы Грузии стали богатеть. В 1936 году их общий доход составил 235 млн. руб., в 1937 году – 315 млн. руб., в 1938 году – 366 млн. руб., а в 1939 году – более 500 млн. Лучший стимул для людей – материальный, и, видя такое дело, крестьяне без всякого принуждения пошли в колхозы. К 1939 году в них было объединено 86 % крестьянских хозяйств.

В 1932 году начались преобразования и в грузинской промышленности. Был создан наркомат легкой промышленности. Именно легкой! Все предприятия тяжелой промышленности переданы Наркомтяжпрому СССР, чтобы их непосредственно включили в выполнение всесоюзных планов. И в самом деле, зачем Грузии тяжелая промышленность? Что она с ней будет делать? Зато в годы первых пятилеток республика заняла первое место в СССР в пищевом секторе – по производству вина, переработке чая, консервированию плодов…

Немного цифр. За первую пятилетку объем валовой промышленности Грузии увеличился почти в 6 раз, за вторую – в 5 раз. При этом надо учесть, что первая цифра стартовала от суммы 37,5 млн. руб. – в эту сумму оценивалась валовая продукция в 1927 году, а в 1932-м она составила 257,5 млн. С этой цифры и стартовала вторая пятилетка, которая была перевыполнена по всем показателям.

В годы первой пятилетки объем капиталовложений в грузинскую промышленность составил 334,9 млн. руб., во второй пятилетке – 960 млн. руб. При этом рост достигался не сиюминутным «ускорением» – об этом можно судить по тому, что по-настоящему промышленность Грузии стала расти, когда Берия в Закавказье уже не было – такую инерцию сумел придать ей этот человек. Так, при нем была реконструирована угольная отрасль республики, а отдача пошла уже после его ухода в Москву – в 1940 году добыча угля возросла почти вдвое по сравнению с 1938 годом. На Чиатурских марганцевых рудниках была механизирована добыча руды. Появились в прежде отсталой республике и новые виды промышленности – нефтяная, машиностроительная. В Азербайджане резко увеличилась добыча нефти. Кстати, именно при Берия и с его подачи началось бурение шельфов в Каспийском море. За что его обвинили в… расточительстве.

Мол, зачем бурить море, когда на земле дешевле. Теперь строят буровые в море, но о том, кто все это начал, как-то потихоньку забыли…

Но Берия активно занимался не только нефтью. Достаточно сказать, что уже в октябре 1933 года Берия лично передал Сталину две записки – одну о нефти, а другую – о редких металлах в Грузии.

Берия предлагал включить в план 1934 года:

• строительство крекингов и заводов по первичной переработке нефти;

• строительство керосинопровода Махачкала – Сталинград;

• расширение нефтепровода Баку – Батум;

• проведение геологоразведочных работ на новых площадях в Азербайджане;

• строительство новых судов для Каспийского пароходства.

Здесь все рассматривалось так, как оно и должно быть, – в комплексе.

Практически новой отраслью стало производство чая – при Берия в республике было выстроено 35 чайных фабрик. Раньше оборудование для них ввозилось из-за границы, но вскоре производство этих машин освоил Батумский машиностроительный завод. И т. д.

При этом первый секретарь курировал грузинскую промышленность так же, как Сталин – советскую: дотошно и со знанием дела.

В 1935 году Грузия, Азербайджан и Абхазия были награждены орденом Ленина. Той же награды удостоились и некоторые руководители, в том числе и глава Заккрайкома Лаврентий Берия.

Задумано было и превращение Тбилиси в «образцовый социалистический город». Берия лично курировал строительство – кстати, в ходе которого не было разрушено ни одного храма.

При нем же Грузия стала и «курортной столицей СССР», тогда началось массовое строительство санаториев всех уровней – от центральных здравниц до домов отдыха отдельных предприятий.

Одной из самых трудных проблем предвоенного СССР было образование. В конце XIX века уровень грамотности в Грузии составлял всего лишь около 20 %. Естественно, за годы империалистической войны, Гражданской войны, за время первых лет советской власти этот процент не повысился, поскольку образованием

никто всерьез не занимался – вообще от деятельности пресловутых «старых большевиков» создается такое впечатление, что они рассчитывали, будто все само собой сделается.

Берия, сам мечтавший о высшем образовании, воспринял эту программу как свое кровное дело. Только за конец 1931-го и 1932 год ЦК КП(б) Грузии принял шесть постановлений по разным областям народного образования (за предшествующие пять лет к этой проблеме обращались дважды…). Постановления, принятые во время секретарства Берия, умещались на 1-1,5 страницах, но были насыщены цифрами, суммами, именами ответственных за исполнение. Стиль руководства – сурово административный. С 1932 года в Грузии переходят к всеобщему начальному образованию детей и подростков. Активно ведется строительство зданий медицинского, политехнического, сельскохозяйственного институтов. По комсомольскому и партийному набору тысячи грузин отправляются учиться в Москву, Ленинград, Харьков, Саратов… Массовый характер приобретает обучение рабочим специальностям.

К 1938 году Грузия по уровню образованности населения выходит на одно из первых мест в Советском Союзе. А по числу студентов на тысячу человек населения Грузия обогнала Англию и Германию. В городах начался переход от всеобщего начального к семилетнему образованию, и даже в деревне большинство населения теперь умело читать и писать.

Обратите внимание: на дворе стоял «кровавый» 1937 год. А Берия, к слову, не входил в состав «расстрельной» тройки! Хотя это была чуть ли не почетная прерогатива Первого секретаря ЦК! Может быть поэтому у него были, как бы сегодня сказали, «неприятности по работе». Нет, «созидательная» часть функционировала, как хорошо отлаженный механизм. Берия оказался как раз тем человеком, который «заставлял всех делать то, что они умеют». Кажется, такую формулу идеального управления вывел американец Ральф Эмерсон.

Но вот по части партийной бюрократии и закулисных интриг…

От каждого – по способностям

…История больше напоминала склоку, так ее оценил Сталин, хотя с этой, несколько легковесной оценкой можно и не согласиться. Но для нас важно, что фигуранты конфликта обладали различными взглядами на главное – **СУТЬ ВЛАСТИ**. И как бы ни казалось, что правота одного из участников бесспорна, а позиция оппонирующей стороны «шкурна», «барахольна» и попросту преступна – время рассудило по-своему.

Впрочем, мера исторического «времени» – категория весьма субъективная: для кого-то «давно пора», а для иных – «время пока не пришло».

В 1931 году ЦК ВКП(б) объявил о грубых политических ошибках и извращениях, которые были допущены партийным руководством Закавказья. Среди руководящих кадров, как Закавказья, так и республик, наблюдались элементы «атаманщины» – беспринципной борьбы за власть. Родоплеменной строй имел глубокие корни в регионе и приводил к созданию социализма с «кавказской спецификой», когда личные, узкогрупповые и клановые интересы ставились выше национальных и общественных. «Кумовство» было чуть ли не идеологической основой.

10 июня 1932 г. на Бюро ЦК КП Грузии рассматривался вопрос о групповщине наркома просвещения Грузии Марии Платоновны Орахелашвили и других, которые, как говорилось в постановлении Бюро, «путем распространения ложных слухов пытались противопоставить ЦК Грузии Заккрайкому и дискредитировать отдельных руководителей ЦК и Тифлисского комитета (в частности тов. Берия)».

Нарком просвещения Грузии Мария Платоновна Орахелашвили – жена первого секретаря Заккрайкома Мамия Орахелашвили. Люди они были весьма заносчивые даже по кавказским меркам. Мол, «мы из дворян и из интеллигентов, а этот Лаврик откуда взялся – быдло безродное…»

Супругов Орахелашвили в Грузии окружал обустроенный быт, атмосфера чинопочитания и даже наследственного «чинопоклонения»,

ради сохранения чего и был затеян «антибериевский скандал» 1932 года.

«…А суть вопроса была в том, что менее года назад всем им дали крепко по загривкам за неукротимую склонность к групповщине и кумовству при подборе кадров (вообще-то это абсолютно неизлечимая хроническая болезнь не только Грузии и в целом Закавказья, но и всего Востока, не говоря уже о России). Но, тем не менее, Мамия Орахелашвили, вторично став первым секретарем Заккрайкома, вновь пошел на поводу у своей жены и протащил ее кандидатуру в наркомы. Ну ладно бы только это. А то ведь сиятельная мадам тут же начала тянуть к себе всех родственников и знакомых, а дело просвещения в Грузии не сдвигалось с мертвой точки. Ее одернули по партийной линии. В ответ не в меру заносчивая Мария Платоновна пустила, как ей тогда казалось, самое страшное для Берии оружие – слухи о работе Лаврентия Павловича в муссаватистской контрразведке. Хотя, давно пребывая в «старых большевиках» Закавказья, она прекрасно знала, что все подозрения с Берия были сняты еще в 1920 г., когда он работал в Азербайджане, сняты решением Бюро ЦК КП Азербайджана после тщательной проверки и подтверждения данных Лаврентия Павловича несколькими свидетелями». (Арсен Мартиросян, историк)

Мало того, в начале 30-х Л. Берия писал Г. Орджоникидзе:

«Вам хорошо известно, что в мусаватистскую разведку я был послан партией и что вопрос этот разбирался в ЦК АКП(б) в 1920 году, в присутствии Вас, т. Стасовой, Каминского, Мирза Дауд Гусейнова, Нариманова, Саркиса, Рухулла, Ахундова, Буниат-заде и других (в 1925 году я передал Вам официальную выписку о решении ЦК АКП(б) по этому вопросу, которым я был совершенно реабилитирован)».

Вот почему и появилась в решении Бюро ЦК КП Грузии формулировка «пытались противопоставить ЦК Грузии Заккрайкому и дискредитировать отдельных руководителей ЦК и Тифлисского комитета (в частности т. Берия)».

«Красавица Мария» получила выговор и была освобождена от занимаемой должности. Но не угомонилась, а поехала в Москву, в

ЦКК к Ярославскому. А Мамия написал письма Сталину и Орджоникидзе с ультиматумом об отставке: или я, или Берия, но жену назначить министром.

Берия же ни доносов, ни жалоб никому не писал.

СТАЛИН, прочтя письма Орахелашвили, сообщал Кагановичу:

«…Мое мнение: при всей угловатости в “действиях” Берии – не прав в этом деле все же Орахелашвили. В просьбе Орахелашвили надо отказать… Уходить ему незачем. Боюсь, что у Орахелашвили на первом плане самолюбие (расклевали “его” людей), а не интересы дела и положительной работы…»

Прав был Иосиф Виссарионович. Но не до конца последователен. Впрочем, не нам судить «с горы» прошедших лет…

Мамия Орахелашвили умотал в Москву – на должность заместителя директора Института Маркса – Энгельса – Ленина (в то время там формировалась компания оппозиционеров-интеллектуалов, готовивших теоретическое обоснование для не столько антисталинского, сколько антигосударственного заговора и переворота). Чуть позже подъехала и его жена – на должность начальника Управления высшей школы народного комиссариата просвещения. Ее «пригрела» вдова Ленина, она же старая троцкистка Надежда Константиновна Крупская.(Арсен Мартиросян).

В августе 1935 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло Постановление:

«Признать необходимым полное издание сочинений тов. Сталина и поручить Институту Маркса – Энгельса – Ленина совместно с отделом партийной пропаганды и агитации по согласованию с т. Сталиным разработать план издания».

Заместителем директора ИМЭЛ был тогда Мамия Орахелашвили. Но он и прочие так «поторопились» выполнять постановление ЦК, что первый том Собрания сочинений Сталина был подписан в печать только **11 лет спустя**, после войны (предисловие автора к первому тому датировано январем 1946 года).

Вот вам и «культ личности»… И таких примеров история хранит множество!

Так что Берия, сам того не желая, был объектом интриг, которые в определенных кругах называли «политическими», хотя от этих склок за версту несло шкурным интересом. А Лаврентию Павловичу было не до этого.

«Хочу добавить, – пишет Юрий Мухин, – *что какую бы должность Л. П. Берия ни занимал, он всегда строил. Это он превратил Тбилиси в столицу – начал строить дворцы и жилье. Провел водопровод и канализацию…»*

А сколько было задумано и начато: новый дворец Правительства; железная дорога от Гори до Сталинири (Цхинвали); организация Академии наук; установка нового телескопа для первой в СССР высокогорной астрономической обсерватории в Абастумани. И это все – усилиями Лаврентия Берия! Но пришлось остановиться… Интересы большого государства не ограничивались одной, хоть и значимой, но маленькой Грузией.

А почти одновременно с Лаврентием Берия в партийном аппарате ВКП(б) торил себе тропу **его АНТИПОД – Никита Хрущев**. Но если Берия, поднявший за 6 лет захудалую окраинную республику на высочайший экономический и культурный уровень, был востребован Центром по результатам своей работы, то АНТИПОД пробивал себе дорогу во власть интригами, подлостью и ложью.

Рассказывают, что, рассуждая об управлении СССР в хрущевское десятилетие, премьер-министр Англии Уинстон Черчилль однажды выразился так: «Я принципиальный противник Советов и 25 лет борюсь с ними. Но за 25 лет я не причинил им столько вреда, сколько принес России Хрущев».

Ты кто, Никита?

«Ложь и коварство – прибежище подлецов и трусов».

Честерфилд

Наверное, пришла пора уделить несколько страниц персонажу, политическая, да и просто биологическая живучесть которого в непростую Сталинскую эпоху вызывали и вызывают до сих пор определенное недоумение. Откуда и как проникла во властный коридор эта малограмотная, никчемная, переполненная интригами, глупостью и подлостью фигура?

Его друзья, долгое время заправлявшие в НКВД-МВД-МГБ – Ежов, Серов, Игнатьев, – основательно «освежили» архивы, преобразив изобилующую темными пятнами биографию своего патрона в «светлый путь». Но воспоминания неангажированных современников и исследования энтузиастов истории позволяют посветить в темном погребе по имени «Хрущев».

В книге Н. К. Зеньковича «СССР. Самые знаменитые побеги» вскользь говорится об этом.

В 1938-39 годах, когда Хрущёв работал первым секретарем на Украине, новый глава НКВД Берия решил устроить проверку первым лицам этой республики. Напомним, что в эти годы происходила

мощная чистка силового и партийного аппарата от ставленников Ежова. Хрущёв тоже входил в число друзей автора системы «ежовых рукавиц», и потому проверка его самого, а также приближённых к нему лиц шла с особым усердием.

И тут-то с верхушки управленческого аппарата Украины начали слетать маски. Сначала выяснили, что глава Днепропетровского обкома Задионченко не тот, за кого себя выдавал. Поясним, что Днепропетровская область тогда занимала треть территории Украины – в её состав также входила территория нынешней Запорожской области, части Херсонской и Донецкой областей. Ключевой регион Украины – промышленно развитый, густо населённый.

Так вот, Задионченко (лучший друг Хрущёва, привезённый им лично из Москвы) оказался не выходцем из бедной украинской семьи, как то значилось в анкетах, а евреем Зайончиком. Отец его был активистом еврейской соцпартии «Паолей Цион» и по совместительству – довольного богатым ремесленником.

Вторым попался ещё один из лучших друзей Хрущёва и одновременно протеже Ежова – глава НКВД Украины Успенский. Проверка показала, что и он тоже был не тем, за кого себя выдавал. Считалось, что он – сын лесника из Тульской губернии. Но выяснилось, что его отец – видный черносотенец, купец 2-й гильдии. Да и сам Александр Иванович Успенский, 15-летним подростком в начале 1917 года, успел отметиться в погроме эвакуированных из прифронтовой полосы под Тулу евреев. Редкий случай в истории карательных органов России – но глава НКВД Украины в ноябре 1938 года, бежит, инсценировав самоубийство. Больше года он, по 5 поддельным паспортам, скитался по СССР, пока, наконец, не был пойман, а затем расстрелян.

Дошла очередь и до Хрущёва. Выяснилось, что на родине Хрущёва, в селе Калиновка Курской области, все местные жители называли Никиту Сергеевича (а также его сестру) незаконнорожденными детьми местного помещика – поляка Александра Гасвицкого (старинный польский род, перешедший на службу российскому царю в 1670-е годы). Мать Никиты, Ксения (Аксинья) работала в услужении у этого помещика. Гасвицкий помогал своим детям, пробовал учить Никиту, но безрезультатно – тот оказался неспособен к усвоению

знаний. Помещик затем откупил Никиту от армии – в 1914 году тому было 20 лет, но на Первую мировую он так и не попал. Затем Гасвицкий написал рекомендательное письмо своему знакомому в Юзовке – помещику немцу Киршу, и семейство Хрущёвых переместилось на новое место.

Никита работал у Кирша в команде управляющих поместьем, но и тут в силу природной тупости ему не удалось ничем себя проявить. Известны слова Молотова в его записках, что «мы искали, но так и не смогли отыскать шахту, где работал Никита Сергеевич Хрущёв» (это к тому, что Хрущёв всю жизнь говорил и писал в анкетах, что он «рабочий, работал в шахте»).

Затем Зенькович ссылается в книге на магнитофонную запись одной из бесед с Хрущёвым. В ней он косвенно говорит, что Сталин знал об истинном происхождении Хрущёва, и даже до всякой проверки НКВД. Вот эта запись:

«Однажды я приехал на заседание Политбюро. Мы сидели и подпирали стенку с Ежовым. Сталин вошёл в зал и сразу же направился к нам. Подошёл, ткнул пальцем меня в плечо и спросил:

– Ваша фамилия?

– Товарищ Сталин, я Хрущёв и всегда был Хрущёвым.

– Нет, вы не Хрущёв, – он всегда так резко говорил, – вы не Хрущёв.

И назвал какую-то польскую фамилию.

– Что вы, товарищ Сталин, моя мать ещё жива… Завод стоит, где я провёл детство и работал… Моя родина Калиновка в Курской области…

– Это говорит Ежов.

Ежов стал отрицать. Сталин сейчас же призвал в свидетели и позвал Маленкова. Он сослался, что Маленков ему рассказал о подозрениях Ежова, что Хрущёв не Хрущёв, а – поляк».

(По другой версии Никита Сергеевич – сын киевского банкира Саломона Пеарлмуттера: десятитомная ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ИСПАНИИ, 5-й том, стр. 4801 – «Его подлинное имя Никита Саломон Пеарлмуттер» (Nikita Salomon Pearlmutter).

А вот что пишет еще один исследователь биографии Хрущева, Георгий Дорофеев, внимательно изучивший мемуары Л. Кагановича,

практически давшего Хрущеву путевку в политическую жизнь. Мы предложим вам фрагмент из его работы с некоторыми сокращениями.

В 1925 году в Сталино (бывшая Юзовка – ныне Донецк) проходила окружная партийная конференция с участием Генерального секретаря ЦК Украины Кагановича. Лазарь Моисеевич, как и положено высокому начальству, сидел в президиуме, а Хрущев, как рядовой делегат, находился в зале. Такая расстановка Никиту не устраивала. Он обижался и злился на всех и на все. И для этого была серьезная причина. До начала конференции его включили в список членов президиума. Он заранее представлял, как будет сидеть рядом с Кагановичем. И сделает все, чтобы тот обратил на него внимание, а там, возможно… «впрочем, все возможно, – думал Никита, – надо, чтобы я ему понравился».

Все испортил секретарь окружкома Григорий Моисеенко. Он смешал все карты, выступив с отводом кандидатуры Никиты Сергеевича в состав президиума.

– Товарищ Хрущев у нас активный троцкист, – сказал он, – и ему не место в нашем президиуме.

Это был серьезный удар по самолюбию и планам будущего вождя. Но и для Моисеенко это добром не кончилось. Когда Хрущев наберет силу, он расстреляет его, как врага народа. Однако это будет не скоро, а сейчас Хрущев думал, как ему спасти положение и выйти, как говорится, сухим из воды. И он нашел единственно правильное решение. Вот как об этом уже в конце жизни поведал нам в своих «Памятных записках» сам Каганович:

«Во время конференции, – писал он, – ко мне подошел делегат конференции товарищ Хрущев. Он мне сказал: Вы меня не знаете, но я вас знаю. Вы приезжали к нам… в начале 1917 года как тов. Кошерович. Вот я к вам обращаюсь по личному вопросу. Мне здесь тяжело работать. Дело в том, что в 1923-1924 годах я поддерживал выступления троцкистов, но в конце 1924 года понял свою ошибку, признал ее, но мне все время об этом напоминают, особенно из окружкома товарищ Моисеенко. Меня наша делегация выдвинула в президиум, а меня отвели. Видимо, мне здесь не дадут работать. Вот я и прошу Вас, как Генерального секретаря ЦК Украины помочь мне и перевести меня в другое место».

Отправляя Кагановича на Украину, Сталин предупредил его о предстоящих трудностях. В частности, как позже вспоминал Лазарь Моисеевич, он полушутя сказал, что в политбюро Украины существует 14 мнений по всем вопросам. На возражение Кагановича, что этого не может быть, так как в Политбюро ЦК Украины всего 7 человек, Сталин ответил: «Сначала один член Политбюро расходится с другим – получается 7 мнений, а потом каждый член Политбюро расходится с самим собой – получается еще 7 мнений, а в целом получается 14 мнений. Вы должны это преодолеть. Недаром ведь говорят, где два украинца, там три гетмана».

Сталин с минуту помолчал и добавил:

– Присмотрись там к местным кадрам, толковых рабочих нужно выдвигать на партийную работу.

Вот под это настроение и попал Никита Сергеевич.

«Хрущев произвел на меня хорошее впечатление, – писал Лазарь Моисеевич, – мне понравилось его прямое признание своих ошибок и трезвая оценка его положения. Я обещал по приезде в Харьков (Харьков – столица Украины в тот период) подумать, куда его перевести».

Это была та самая первая встреча, которая положила начало политической карьере Хрущева.

Есть все основания предполагать, что Каганович предложил Григорию Моисеенко взять Хрущева в окружком и присмотреться к нему поближе. Только этим можно объяснить, что после конференции Никита оказался на должности заведующего орготделом Сталинского окружкома. Теперь он работал под началом Григория Моисеенко и рьяно выполнял все его поручения. И даже больше того, он сам, по собственной инициативе объявил войну всякому инакомыслию и стал преследовать своих вчерашних единомышленников по троцкистской платформе. Он начал запугивать юзовских оппозиционеров, предлагая выносить смертные приговоры всем тем, кто в период Гражданской войны сражался против большевиков и поддерживал троцкистскую платформу.

Однако Григорий Моисеенко скептически относился к его рвению. То, что человек так быстро поменял свои убеждения, настораживало его и он, помня троцкистское прошлое Никиты, останавливал его в служебном рвении.

Скоро по окружкому поползли слухи, что Моисеенко не оправдал доверия партии, и его снимут. Ему приписывали моральное разложение, пьянки и прочие грехи. Он понимал, откуда дует ветер, но ничего не мог противопоставить этим наветам. Он хотел вызвать к себе Хрущева и поговорить с ним по душам, но Никита Сергеевич зашел к Моисеенко сам без приглашения. И глядя добрыми глазами на своего начальника, которого уже довел до отчаяния, посочувствовал:

– Это явный наклеп на вас, но мы все с вами, мы вас всегда поддержим и в обиду не дадим.

Когда в ЦК Украины узнали о сложившейся обстановке в Сталинском окружкоме (видимо, здесь также не обошлось без стараний Никиты), Моисеенко освободили от занимаемой должности.

Так впервые сработало мощное хрущевское оружие – интрига и клевета.

Никита надеялся занять место Моисеенко, но здесь вышла осечка. Политбюро Украины назначило на эту должность В. Строганова. Это было явно не по душе Никите, и спустя какое-то время о новом секретаре стали говорить, как о «старой калоше», «любителе выпить», не знающем специфику угольного и металлургического производства.

У Никиты Сергеевича было какое-то особое чутье на приближающуюся беду. Он умел ускользать и увиливать от опасностей, подставляя под удар кого-либо другого. И в данном случае он рассчитал все правильно. Конфликт со Строгановым был не в его пользу, и он решил напомнить Кагановичу о себе. Вот как об этом пишет в своих «Памятных записках» сам Лазарь Моисеевич:

«Помощник мне доложил, что вот звонит с вокзала приехавший из Донбасса товарищ Хрущев и просит вашего приема. Я сказал: пусть приедет. Я его сразу принял. Помню, как он благодарил за то, что я его сразу же принял. «Я, – сказал он, – думал, что придется долго ждать».

Заметив, что он бледен, я спросил: «Вы, вероятно, прямо с поезда и голодны?» Он, улыбнувшись, сказал: «Вы, видать, догадливый человек, я действительно давно не ел. – Тогда покушайте, а потом будем говорить».

Подали чай и бутерброды, которые он аппетитно ел…»

Каганович, помня слова Сталина о необходимости выдвигать в партийный аппарат сознательных и толковых рабочих, предложил ему должность инструктора орготдела ЦК.

– Поработайте инструктором, – сказал Лазарь Моисеевич, а потом посмотрим.

Каганович ничего не говорит о деловых качествах Никиты Сергеевича, а направляет его в Киев и назначает заведующим орготделом окружкома. В Киеве Хрущев живет в пятикомнатной квартире и соседствует с командующим Украинским (затем – Киевским) военным округом И. Якиром. Одним словом, жизнь обустраивается как нельзя лучше. Об этом еще пару лет тому назад можно было только мечтать. Однако, это стремительное перемещение – из провинциального Сталино в Харьков, а из Харькова в Киев, с одновременным взлетом по служебной лестнице, – лишь возбуждает карьерный аппетит Никиты Сергеевича. Ему хочется большего – стать, к примеру, заведующим орготделом ЦК. С этой целью он снова использует свое испытанное оружие – интригу.

Вскоре поползли упорные слухи, что Хрущев, дескать, человек Кагановича, что его только временно прислали работать в Киевский окружком и скоро он опять вернется работать в ЦК Украины. Но произошло непредвиденное: Кагановича отозвали в Москву, а Генеральным секретарем ЦК Украины назначили Станислава Викентьевича Косиора, который знал о троцкистском прошлом Никиты и не признавал за ним никаких заслуг.

Он упредил личную катастрофу и, не откладывая дела в долгий ящик, пошел к Николаю Демченко (в то время заведующему орготделом ЦК и его прямому руководителю) и заявил о желании учиться в Московской Промакадемии…

…В тот же день Никита Сергеевич напросился на прием к секретарю ЦК КП(б) Украины Косиору.

– Грамоты у меня маловато, – с подкупающей откровенностью сказал Хрущев секретарю ЦК, – хочу учиться.

– Грамоты, говорите, у вас маловато, – сказал он, – это скромная оценка ваших знаний. Вы совершенно безграмотный человек. Я как-то видел вашу резолюцию, где вы написали: «азнакомица». В одном слове три ошибки.

Замечание Косиора вызвало негодование в душе Хрущева. Он ненавидел всех, кто указывал ему на его недостатки или малограмотность.

– Некогда было учиться, – сказал Никита, – я шахтер, рабочий человек, воевал…

Эти качества Никита Сергеевич постоянно выпячивал, ставил на первое место и козырял ими.

– А кем вы хотите быть после окончания Промакадемии? – спросил Косиор.

– Металлургом, – ответил Никита, – я не люблю канцелярскую работу.

– Очень хорошо, – в раздумье сказал Станислав Викентьевич, – партии нужны высококвалифицированные специалисты, – и тут же добавил, – только говорят, что вы «человек Кагановича» и едете в Москву по его приглашению. Так ли это?

– Кое-какие вопросы нужно решать, – загадочно намекал Никита Сергеевич, зная, что все, о чем он расскажет по «секрету», завтра будет известно на самом верху. Этой нехитрой интрижкой он хотел поднять себе цену и одновременно узнать прочность своего положения в ЦК Украины. Пущенный слух сработал. Он понял, что после отъезда Кагановича в Москву им никто особенно не интересуется. Это он почувствовал в разговоре с Демченко и с Косиором.

– Ну что ж, – сказал Станислав Викентьевич, – не будем тебя задерживать. Езжай куда хочешь. Хочешь учиться – учись, возможно, что-то из тебя получится.

Москва неприветливо встретила будущего вождя. В Промакадемию его не приняли.

– У вас нет ни образования, ни опыта хозяйственной работы, – сказали ему в канцелярии, – вам лучше пойти на курсы марксизма-ленинизма, которые недавно открылись при ЦК партии.

– А кто же учится в академии? – спросил Хрущев.

Ему объяснили, что в Промакадемию зачисляются директора предприятий, организаторы производств и другие специалисты, имеющие соответствующее образование и опыт работы в различных отраслях народного хозяйства.

– А в порядке исключения вы меня можете принять? – спросил Хрущев, – я шахтер из Донбасса, воевал…

– Исключений у нас не бывает, – сказали ему, – к тому же с вашим образованием вам у нас нечего делать.

Он не пошел на курсы марксизма-ленинизма, а побежал к Кагановичу, который в это время был секретарем ЦК партии. Вот как об этой встрече писал в мемуарах Лазарь Моисеевич: «…в 1929 году мне докладывают, что вот из Киева приехал товарищ Хрущев и просит приема. Я его принял без задержки. Просьба его заключалась в том, что он просит поддержки для вступления в Промакадемию имени Сталина. «Я, – сказал он, – учился на рабфаке, но не кончил, а теперь вот очень хочу доучиться в Промакадемии. Меня могут на экзамене провалить, но я очень прошу вашей помощи – дать мне льготу. Я догоню». В Промакадемии было больше хозяйственников, которых частично принимали с льготами по экзаменам, и я, посоветовавшись с товарищем Куйбышевым и Молотовым, позвонил по телефону и просил принять товарища Хрущева в Промакадемию»…

…В том, что Никиту приняли в Промакадемию под нажимом Кагановича, не было большой беды. Все неприятности в Академии начались, когда Никита Сергеевич посетил десяток занятий. Он вдруг понял, что все слушатели этого учебного заведения превосходили его по знаниям на две-три головы. И что ему никогда не дотянуться до их уровня, на их фоне он выглядел каким-то недоумком.

Никита аккуратно посещал академию, слушал лекции, но ничего не записывал. Перед ним лежала раскрытая тетрадь, а мысли крутились вокруг собственной судьбы. Он не понимал, о чем говорил преподаватель, и оценивающе осматривал своих сокурсников. Он ненавидел их. Ему хотелось подняться выше всех: либо возвыситься самому, либо принизить остальных. Все равно как, лишь бы оказаться над всеми.

«Все они хитрецы, – подумал он, – карьеристы, затаившиеся враги. Пришли в академию дурака валять, отсидеться до лучших времен».

В мемуарах он так и напишет: «В академию пришло много людей, которые, собственно, не особенно-то хотели учиться, но в силу сложившихся политических условий вынуждены были оставить

хозяйственную, партийную или профсоюзную деятельность. Вот они и расползлись по учебным заведениям. Промышленная академия стала буквально уютным уголком, где могли отсиживаться такие люди, потому что стипендия приличная, столовая неплохая и общежитие хорошее. У каждого комната, а некоторые маститые хозяйственники имели возможность получить две комнаты и устроиться там с семьей».

– Товарищ, почему вы не записываете? – обратился к Хрущеву преподаватель.

Этот вопрос был таким неожиданным, что Никита не сразу сообразил, что обращаются к нему, и стал смотреть по сторонам.

– Я к вам обращаюсь, товарищ Хрущев, – сказал преподаватель, – вы сидите на лекции с таким отсутствующим видом, что мне хочется спросить: мы вам не мешаем?

До Никиты, наконец, дошло, что речь идет о нем и ему даже показалось, что преподаватель проник в его сокровенные мысли. Какое-то время он растерянно молчал, а потом неожиданно для самого себя взорвался.

– Нет, – выкрикнул он, – вы мне не мешаете, а вот я вам мешаю. Я шахтер, рабочий человек. Вы читаете лекции и ни одного слова не сказали о борьбе партии с правым уклоном. Вы бухаринец!

Это был первый выпад Хрущева, когда он своим абсурдным обвинением, не имея для этого никаких оснований, ошарашил человека. В будущем этот метод он применит и к Берии, и к Жукову, и к Молотову.

Но это будет потом, а сейчас он наслаждался тем, какое впечатление его обвинение произвело на преподавателя, который, что называется, остолбенел от подобной наглости.

– Вы, товарищ Хрущев, не имеете права делать такие заявления, – сказал преподаватель. – Во-первых, я не давал вам никакого повода, а во-вторых, вопросы партийных дискуссий следует вести не во время учебных занятий, а на партийных собраниях.

Замечание Никиту не смутило.

– Это вы так думаете, – сказал он, – а партия думает по-другому.

Это был откровенный шантаж. Как думает партия, Хрущев не знал, но он делал вид, что хорошо разбирается в вопросах политики и знает, что происходит в верхах.

Однако слушатели поддержали преподавателя и попытались объяснить Никите, что не следует смешивать учебу ни с правым, ни с левым, ни с каким-либо другим уклоном. Учеба есть учеба, и всему должно быть свое время и место. Но Никита, как говорится, закусил удила и никого не хотел слушать. Он даже обрадовался, что у него появился повод показать себя и как-то унизить этих «маститых хозяйственников».

– Все вы здесь бухаринцы и рыковцы, – кричал он. – Вы против линии партии и против товарища Сталина.

Последняя фраза была сказана с дальним прицелом. В академии училась Надежда Аллилуева, жена Сталина, и она стала свидетелем сцены, разыгранной Хрущевым. «Она будет рассказывать Сталину об академии, – думал Никита, – и обязательно назовет мою фамилию. Сталин узнает обо мне…»

– Я этого так не оставлю, – продолжал угрожать Хрущев, поглядывая на Надежду Сергеевну. – Вы пришли в академию не учиться, а прятаться, чтобы вас не разоблачили на местах. Академия для вас ширма – здесь хорошо кормят, прекрасное общежитие, но я вас, но я вам…

Никита, захлебываясь, говорил много, бестолково, и только одна мысль, что о нем Надежда Сергеевна расскажет Сталину, делала его безрассудно смелым. Однокурсники и преподаватель смотрели на него с удивлением и даже с каким-то испугом. Никто не знал, что еще можно ожидать от этого человека.

Однако вскоре они убедились, что от Хрущева можно ожидать чего угодно, и что он способен на многое.

В академии готовились к проведению партийного собрания, на котором должны были избрать делегатов на районную конференцию. Хрущев готовился выступить. Однако случилось непредвиденное. Накануне этого события его пригласил к себе секретарь партбюро Левочкин, и предложил съездить в подшефный колхоз.

– Пообщайся с народом, – сказал Левочкин, – а потом мы посмотрим, чем и как мы им можем помочь.

Хрущев обрадовался поручению. «Не могут без меня обойтись, – подумал он, – не удалась попытка меня изолировать».

Однако, когда он вернулся из командировки, понял, что его обошли. Пока он отсутствовал, состоялось партийное собрание, на котором

избрали делегатов на Бауманскую районную конференцию. В числе избранных были Сталин, Бухарин, Рыков… Хрущеву ничего не оставалось, как только смириться со сложившейся ситуацией.

На второй день после возвращения из командировки, поздно вечером ему позвонил главный редактор «Правды» Мехлис и предложил подписать небольшую заметку. По словам Хрущева, он долго отказывался, ссылаясь на то, что не он, мол, ее писал, но потом согласился.

Теперь слово Хрущеву.

«А назавтра вышла «Правда» с этой корреспонденцией. Это был гром среди ясного неба. Забурлила Промакадемия, были сорваны занятия, все партгрупорги требовали собрания. Секретарь партийной организации Левочкин вынужден был провести его.

Партийная ячейка раскололась. Хозяйственники в академии были аполитичные люди, а некоторые – просто сомнительные лица. Кое-кого из них я знал: наши были, донецкие. Приходили они ко мне и говорили: «Что ты склоку заводишь? Что тебе нужно?» Я отвечал: «Слушай, ты же ничего не понимаешь, кто такие «правые» и кто такие «левые».

Это собрание было самым бурным. На нем-то меня и избрали в президиум, и я стал председателем собрания… Собрание закончилось тем, что были отозваны все ранее избранные делегаты – Бухарин, Рыков… Все, кроме Сталина. После чего избрали новых делегатов, в том числе и меня.

Меня избрали (не помню, каким большинством) в бюро и секретарем партийной организации. Тогда мы развернули активную деятельность по борьбе с «правыми». Шум пошел по Москве, что в Промакадемии идет борьба».

Почему Мехлис позвонил Хрущеву? От кого и что он слышал о нем? Есть все основания предполагать, что от Кагановича и жены Сталина. Первый являлся его покровителем, а вторая – свидетельницей хрущевской выходки по защите линии партии во время занятий. Ясно одно, что с этой, не им написанной заметки, опубликованной в «Правде», началась его импульсивно-взбалмошная деятельность в Промакадемии. Избрание Никиты Сергеевича секретарем партийной организации вскружило ему голову. Он мстил

всем, кто раньше подшучивал над ним или голосовал против его кандидатуры.

– Какая твоя линия? – спрашивал он у слушателя Пахарова, члена партии с 1903 года. До поступления в академию Пахаров был директором Юзовского завода и, естественно, Никита видел его только издали. В академии Пахаров просто не замечал Хрущева.

– Почему ты молчишь? – наступал Никита, поглядывая на жену Сталина. – Я знаю, почему ты молчишь. Ты правый.

– Какие у тебя есть для этого основания? – спрашивал обвиняемый.

– У меня есть все основания, – с улыбкой говорил Хрущев, – но тебе о них я пока не скажу.

Это был явный шантаж. После такого разговора Пахаров долго не мог прийти в себя, ломая голову, где и когда он что-то сделал не так или сказал не то.

Спустя более тридцати лет Хрущев в воспоминаниях, не стесняясь, расписывал, как он ловко расправился со слушателем академии Макаровым, членом партии с 1905 года. «Он (Макаров), – писал Хрущев, – официально не объявлял, что он заодно с «правыми», но поддерживал «правых» и против них нигде даже не заикался. Видимо, он договорился с «правыми», что будет вести себя несколько скрытно, не выдавать себя сторонником оппозиции. Считалось, что он вроде бы стоит на позиции генеральной линии партии, а на самом деле он своей деятельностью способствовал усилению группы Угланова, Бухарина и Рыкова».

Теперь можно легко представить, что пришлось пережить Макарову. Он не выступал против генеральной линии партии, а Никита обвинял его, что он заодно с правыми. Он не вел никаких переговоров с оппозицией, а Хрущев, не располагая никакими фактами, заявил, что он «договорился с «правыми» не выдавать себя их сторонником».

– Ты хитрый человек, – делал вывод Хрущев, – но я тебя разоблачил: ты – бухаринец.

На основании одних хрущевских подозрений Макарова исключили из партии и отчислили из академии.

– Что-то у тебя глаза бегают, – говорил Хрущев, встретившемуся с ним в коридоре слушателю академии, – сразу

видно, что ты рыковец. Меня не проведешь. Я все по глазам вижу. Ты правый.

Позже, когда он будет говорить о культе личности, этот метод разоблачения врагов по «бегающим глазам» он припишет Сталину.

Уже в академии Хрущев испытывал свое мощное оружие, которым будет пользоваться всю жизнь – шантаж, ложь, клевета…

Вот одна из объяснительных, написанная слушателем академии, которого Никита обвинил в оппозиционной деятельности: «В ответ на оглашение Хрущевым, что я веду на швейной фабрике явно фракционную работу и что брат у меня бывший белый офицер, с которым я поддерживаю связь, категорически отрицаю и заявляю, что это наглая ложь».

Есть основания полагать, что Никиту ознакомили с этой объяснительной. Зная, на что способен Хрущев, мы можем легко представить, какой между ними состоялся разговор. Безусловно, Никита стоял на своем, а обвиняемый на своем.

– Тебе придется доказать, что ты не оппозиционер и не поддерживаешь связь со своим белогвардейским братом.

– А как это сделать? – спросил мнимый фракционер. – Это все равно, что я должен доказать, что я не верблюд.

– Насчет верблюда я не знаю, как ты можешь доказать, что ты не верблюд, – говорит Никита, – а вот линию партии ты не поддерживаешь.

Переубедить в чем-то Никиту было невозможно. У него была своя логика, свои оценки. «Два месяца нахожусь под ударами, – прямо заявляла очередная академическая жертва, – что вы от меня хотите?»

В академии ***Хрущев почувствовал всю силу партийной власти****. Не имея способностей и желания учиться (правда, в своих мемуарах он пишет, что очень хотел), Хрущев превратил академию, что называется, в дискуссионный клуб. На заседаниях партийного бюро и собраниях перестали обсуждать вопросы, связанные с учебой, а то и дело, а чаще всего без всякого дела, отыскивали, клеймили, исключали из партии и «выбрасывали» из академии «правых». У обвиняемых под давлением вымогали признания. Хрущев охотно верил слухам и клевете и не принимал никаких оправданий. Собственно, в академии он*

организовал моральный террор. Ломал слабых, шантажировал и клеветал на сильных.

(Справка. В начале 1930-х годов Хрущев был секретарём парторганизации в Промакадемии. В ней же состояли студентки Надежда Аллилуева (жена Сталина), Дора Хазан – жена Андреева, Мария Каганович, Полина Жемчужина – жена Молотова. Аллилуева рассказав Сталину о молодом, энергичном секретаре, способствовала продвижению Хрущева по партийной лестнице).

Вот что писал Хрущев в своих «Воспоминаниях»:

«Сталин наблюдал за моей деятельностью через Надежду Сергеевну, с которой я учился, был на равной ноге. Она видела меня каждый день и с уважением относилась ко мне, к моей политической деятельности. Об этом она рассказывала Сталину, и это послужило основой доверия ко мне… Говорить о любви со стороны этого человека – это слишком сентиментально и для него нехарактерно, но он, безусловно, проявлял ко мне большое уважение. Это уважение выражалось в поддержке, которую он мне всегда оказывал. Я познакомился с Надеждой Сергеевной в Промакадемии. Потом, когда я уже стал работать в Московском комитете, то неоднократно Сталин приглашал меня на семейные обеды…»

Так и начинался политический эквилибр Никиты Хрущева.

Мы позволили себе довольно пространную цитату, потому что этот «персонаж истории» будет периодически появляться рядом с Лаврентием Берия и читателю не помешает предварительное знакомство с биографическими нюансами «строителя коммунизма».

К тому же полезно сопоставлять время от времени карьерные шаги ГЕРОЯ и АНТИПОДА. Да и проекция на современность местами окажется весьма уместной.

Москва. Лубянка. Берия

«Во время политических кризисов наибольшая трудность для честного человека состоит не в том, чтобы исполнить свой долг, а в том, чтобы знать его».

Луи Габриэль Амбруаз де БОНАЛЬД (французский политик и философ XVIII–XIX веков)

Большинство читателей, знакомых хотя бы в общих чертах с «историей Берия», полагают, что центральное место в ней занимает НКВД. А НКВД устойчиво ассоциируется у «большинства» с понятиями «репрессии… террор». Трудно не согласиться. Правда, в «случае Берия», с одной оговоркой. Добавим к названным терминам частицу «анти…» и все встанет на свои места.

Но помимо НКВД в «истории Берия» было еще несколько этапов, которые без зазрения совести можно назвать эпохальными – Война, Бомба, 100 дней после Сталина. Если о деятельности Спецкомитета по созданию атомного оружия еще отваживаются рассуждать с высоких трибун и кафедр, правда, старательно обходя имя его создателя и руководителя, то тема «Берия и Война», а точнее – «Берия и Победа» –

не числится в списке обязательных не только к изучению, но и просто знакомству. А уж «100 дней» и подавно почти табуирована.

Но любопытно и то, что, взахлеб спекулируя на «сталинских чистках», борцы за историческую справедливость «случайно» забывают ответить на простой вопрос – а что же послужило причиной развязанного в стране «террора» 1937-1938 годов? Разговоры о патологической кровожадности Сталина оставим «исследователям» с патологией мышления.

В первой дневниковой записи, датированной 29 июля 1938 года (речь идет о дневниках Л. П. Берия, подготовленных к печати и опубликованных С. Кремлевым. Мы будем цитировать этот документ, сохраняя стиль, грамматику и синтаксис автора), Берия пишет*: «Получил личное письмо от товарища Сталина. Серьезное письмо и надо крепко подумать. Предлагает вернуться на чекистскую работу, в Москву, первым замом Ежова»*.

Что стоит за фразой «Надо крепко подумать»? Понятно, что в письме – приказ Сталина. Это уже не 1931 год, не 1934-й. В 1938-м приказы не обсуждаются. Даже под видом «обдумывания». Впрочем, были «исключения», о которых мы непременно упомянем. Но Берия в категорию «исключительных» не входил. Не мог в силу внутренней архитектуры сознания.

«Не хочется уезжать с Кавказа. Здесь дышать легко и сам себе голова. И дела много. Всю жизнь жил на Кавказе, работал на Кавказе, никуда не перебрасывали. И не хочу.

Когда муд…ки заправляли, гнило было. Что Лаврентий, что Мамия (Лаврентий Картвелишвили, Иван (Мамия) Орахелашвили – предшественники Л. Берия на посту главы Грузии и Закавказского крайкома ВКП(б). В 1937 году арестованы и в 1937-38 годах после суда расстреляны). *А когда Коба мне поверил, дал власть, я Грузию двинул так, что пусть кто другой попробует. За шесть лет не узнать. Это же ясно видно! И только все наладилось, а тут снимайся, Лаврентий, кати в Москву. Шпионов лови. Я их в ЧК за всю жизнь наловился.*

Самое тяжелое время пережили, сколько ср…ни вычистил, подполье задавил, промышленность развил, науку поднял, Тифлис реконструировал. Сразу видно, что сделано, видно, что делать надо».

Зачем Сталину понадобился в конце 1938 года именно Берия, создавший оазис социализма на отдельно взятой территории? Исправить ошибки Ежова? Стоило ли отрывать на это дело самого успешного руководителя союзной республики? Готовых сесть в кресло наркома было хоть отбавляй! Тот же Хрущев, целуя Сталину сапоги, пополз бы на край света, если бы туда упрятали начальственное кресло. Значит, Сталину нужен был другой человек. И лечение «ежовщины» было только началом задуманного Сталиным дела? Какого? **А здесь надо сказать о главном: Конституция!**

Сегодня мало кто обращает внимание на то, что после XVII съезда (февраль 34-го) Сталин **не был переизбран на организационном пленуме генеральным секретарем Центрального Комитета и до самой смерти оставался в партийном аппарате только одним из секретарей ЦК.** «Хозяин» (прозвище совсем не обидное, в самую точку) предпочитал руководить державой, делая ставку на структуры исполнительной власти. Сталин считал более важной должность руководителя Правительства, являющегося, благодаря своему авторитету, неформальным лидером в Политбюро.

В конце 1935 года Сталин дал интервью американскому журналисту Говарду. Сказал, что скоро будут новая Конституция**, новая система выборов и ожесточённая борьба между кандидатами, поскольку их будут выдвигать не только партия, но и любая общественная организация, даже группа людей.**

Конституция 1936 года – это первый и серьёзный шаг, простите за пафос, к подлинному народовластию. Вкратце напомним. До 1936 года выборы в СССР были ОТКРЫТЫМИ, а равное избирательное право имели далеко не все.

Открытые выборы означали, что на местах партийные начальники (о них говорил Сталин на XVII съезде) могли без особых проблем продвигать верных им людей в органы исполнительной власти. Просто назначать.

«Очень многие партсекретари были людьми полуграмотными. Хорошо, если за плечами церковно-приходская школа, кто русский, и хедеры, если еврей. Как такие могли контролировать строительство гигантов индустрии? Они пытались руководить, ничего толком не понимая. Поэтому нарастало недовольство со стороны крестьян,

рабочих, инженеров, они всё это ощущали на себе. Формировался инженерный корпус, многое менялось, трудно было утаить шило в мешке. И партийные вожди на местах боялись, что, если будут альтернативные выборы, рядом с ними появятся ещё один-два кандидата. Можно провалиться. А не пройти в депутаты Верховного Совета, значит, ждать, что в Москве, в Управлении кадров ЦК ВКП(б), скажут: «Товарищ, народ тебя не поддержал. Давай-ка, миленький, подыскивай работу, которая по плечу, или иди учиться». Сталин в те годы не раз говорил, что почему-то человек, попав на высокую должность, считает, что всё знает, хотя на самом деле ничего не знает. Это был прямой намёк, партократы насторожились» (Историк Ю. Жуков).

Сталинская демократия (без кавычек!) несла реальную угрозу потери власти многими местными партийными функционерами. В новой Конституции партия упоминалась только в 126-й статье. В 10-й главе, где речь шла о правах и обязанностях граждан. В частности, их праве создавать общественные организации, ядром которых или большинства из них **может быть** такая же общественная организация – **компартия**. А может и не быть? 126-я статья.

Сталин уже тогда старался ограничить влияние партии на управление страной, дабы не возникал **паразитизм элиты**, чтобы ядро партии не превратилось впоследствии в «ядро» на шее у народа.

В итоге так оно и произошло! Вспомните брежневскую Конституцию! 6-я статья: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза».

В 1977-м это означало окончательный реванш. Отсроченный на 40 лет, узаконенный ответ Сталину, бросившему вызов партийной бюрократии в оболганные нынешними «историками» 30-е годы. И вызов был принят!

Июнь 1937 года. Ожидание съезда Советов. Накануне состоялся пленум ЦК партии, где обсудили закон о выборах. Незадолго до пленума от первых секретарей обкомов, крайкомов, ЦК союзных республик регулярно приходили телеграммы с просьбой разрешить арестовать инженеров, руководителей заводов. То есть,

самостоятельно мыслящих людей, способных повлиять на электоральную массу. Сталин всякий раз отвечал коротко, категорично: не разрешаю. А после пленума вдруг стал соглашаться. После встречи членов ЦК, которые **публично** поддержали новый избирательный закон с альтернативными кандидатами, в Москву посыпались шифрованные телеграммы. Секретари обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий запрашивали так называемые лимиты. Количество тех, кого им можно арестовать и расстрелять или отправить в места не столь отдалённые. Больше всех усердствовал «жертва сталинского режима» Эйхе, в те дни – первый секретарь Западно-Сибирского крайкома партии. Просил права на расстрел 10800 человек. На втором месте – Хрущёв, возглавлявший Московский областной комитет: «всего лишь» 8500 человек. На третьем месте – первый секретарь Азово-Черноморского крайкома (сегодня это Дон и Северный Кавказ) Евдокимов: 6644 – расстрелять и почти 7 тысяч – отправить в лагеря. Присылали кровожадные заявки и другие секретари. Но с цифрами поменьше. Полторы, две тысячи…

На самом пленуме при обсуждении избирательного закона напрямую никто против не выступал, но почему-то почти все самые «хищные» один за другим шли потом к Сталину в кабинет. По одному, по двое, по трое… После этих визитов Сталин капитулировал.

«Репрессии попробовали остановить в феврале 1938 года на очередном пленуме. Выступал Маленков, тогда начальник Управления кадров ЦК, в открытую критиковал тех, кто особо усердствовал. Обратился к Постышеву (раньше работал на Украине, в тот момент – первый секретарь Куйбышевского обкома) и спросил: вы уже пересажали в области весь советский, комсомольский, партийный аппарат, сколько можно? Постышев ответил: «Сажал, сажаю и буду сажать. В этом моя обязанность». Маленков обратился к Багирову, первому секретарю ЦК Азербайджана: как можете подписывать документы на аресты и расстрелы, где даже нет фамилий, а только цифры подлежащих аресту и расстрелу? Тот промолчал.

Сталину нужно было срочно убирать Ежова, руками которого и проводились безудержные репрессии. Тогда говорили: «ежовые рукавицы». Вот, мол, каков! Вызвали из Тбилиси Берию, назначили

первым заместителем Наркома. Но Берия не смог справиться с Ежовым. В конце ноября 1938 года Ежова пригласили к Сталину. В кабинете присутствовали Ворошилов и Молотов. Насколько можно судить, не один час Ежова вынуждали покинуть пост.

Мне удалось найти варианты его «отречения». Они написаны на разной бумаге. Одна – обычный белый лист, другая – в линейку, третья – в клеточку… Давали, что было под рукой, лишь бы зафиксировать. Поначалу Ежов готов был от всего отказаться, кроме наркомовской должности. Не вышло. На пост наркома назначили Берию» (Историк Ю. Жуков).

Ну, достаточно вспомнить историю с увольнением Рухимовича, чтобы понять, что с Ежовым будет все непросто. И все же Жуков не дает ответа на вопрос, почему выбор пал именно на Берия.

Этот ответ дает сам Берия в первой дневниковой записи лета 1938-го.

«Я знаю, что такое власть давно, мальчишкой был, а уже власть была. Что для меня была власть? Ответственность. Тебе доверили, работай. Не умеешь, учись. Не хочешь – через не могу, а делай! Тебе же доверили. Потом, когда у тебя власть есть, это же интересно. Сам придумал, сам сделал, видишь, что человек рядом толковый, можешь его поднять, помочь, он тебе тоже поможет, тебе же легче работать будет.

Чем больше власти, тем интереснее. А если сам себе хозяин, так тут работай и работай. Я когда Заккрайком получил, то так летал. До этого руки чесались, там непорядок, там [идиоты], там можно сделать, а не делают. А теперь все от тебя зависит! Сказал, делается. Не делается, наказал. Не помогает, выгнал. Ты все можешь. Как я в Грузии работал, душа радовалась. Видишь болото, осушай. Хочешь, чтобы дети были здоровыми и грамотными, строй стадион, строй институт. Учитесь, бегайте, радуйтесь.

А как бывает? Думает, получил власть, можешь есть всласть. И начинают шкурничать, барахолить, потом манкируют, потом на чем-то попался, а чаще всего на бабах, все, [капец], ты на крючке. Сам не заметил, как стал враг».

Сталин сумел именно в Берия подметить черты характера, так необходимые ему для воплощения, наверное, главного замысла жизни. Новой КОНСТИТУЦИИ. Но сначала надо было разгрести завалы.

31 августа 1938 года состоялся последний Пленум ЦК КП(б) Грузии, который Л. П. Берия провел как первый секретарь ЦК КП(б) Грузии.

В сентябре Политбюро утвердило Постановление о назначении Л. П. Берия первым заместителем наркома внутренних дел. Понятно, что **переназначение** на вышестоящий пост было делом ближайшего времени.

И Ягода, и Ежов за 4 года (начиная с 1934-го), так сказать, «удовлетворяя растущие запросы партийно-советского аппарата», превратили НКВД в структуру, одно упоминание которой вызывало у граждан огромной страны лишь страх и ненависть. Сначала «чистка партийных рядов» после XVII съезда ВКП(б), а потом «зачистка» электората после принятия в 1936 году новой Конституции, опасной для «старой ленинской гвардии» (мы еще не раз вернемся к этой теме), оставили кровавые следы на вывеске основного Наркомата страны, стерев, по сути главное – обеспечение безопасности **государства и его народа**, а не узкого круга начавшей отъедаться «элиты». Надо было возвращать ведомству заложенные Феликсом Дзержинским основы и авторитет.

А подорваны они оказались еще до Ежова. И отголоски этого «подрыва» отражались даже в речах видных политиков Европы. Это сегодня их имена произносят в иной тональности, объяснимой геополитическими переменами, а тогда…

3 сентября 1937 года, выступая на съезде НСДАП в Нюрнберге, один из идеологов нацизма, рейхсляйтер, впоследствии – глава Имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий Альфред Розенберг не без удовольствия рассказывал соратникам о разгуле коррупции и воровства в системе НКВД СССР. Генрих Ягода, возглавлявший ведомство, создал целую систему вымогательства денег, золота и ценностей у подследственных и заключенных. Полученные за незначительные «пенитенциарные» послабления немалые средства Ягода с подельниками переправлял в зарубежные банки. Именно там немцы и отыскали «след Ягодин», подшив его на знамя дискредитации советской власти.

Кому Сталин мог доверить почти «сизифов труд» расчистки завалов в наркомате внутренних дел? Разговоры о Хрущеве и Чкалове как возможных преемниках Ежова, похоже, не стоит тиражировать: первая фигура комична и утопична, а вторая слишком романтична. И то, и другое ближе сценаристам современных телесериалов «про любовь» в псевдоисторической обертке. Но уж никак не Сталину незадолго до войны.

Есть бесспорный документ. 20 марта 1934 года Политбюро образовало комиссию для разработки проекта Положения об НКВД СССР и Особом совещании. В состав комиссии, наряду с Кагановичем (председатель), Куйбышевым, Ягодой, Ст. Косиором, Чубарем, Гр. Леплевским, Акуловым, Вышинским, Прокофьевым, Булатовым, Аграновым, Балицким, Реденсом, Бельским и Крыленко входил и **Лаврентий Берия**.

Поэтому в руководящем кабинете на Лубянке осенью 1938 года Берия оказался не случайно.

Павел Судоплатов, работавший тогда в центральном аппарате иностранного отдела НКВД, вспоминал:

«В 1938 году атмосфера была буквально пронизана страхом, в ней чувствовалось что-то зловещее. Шпигельглаз, заместитель начальника закордонной разведки НКВД, с каждым днем становился все угрюмее. Он оставил привычку проводить воскресные дни со мной и другими друзьями по службе. В сентябре секретарь Ежова, тогдашнего главы НКВД, застрелился в лодке, катаясь по Москве-реке. Это для нас явилось полной неожиданностью. Вскоре появилось озадачившее всех распоряжение, гласившее: ордера на арест без подписи Берии, первого заместителя Ежова, недействительны. На Лубянке люди казались сдержанными и уклонялись от любых разговоров. В НКВД работала специальная проверочная комиссия из ЦК.

Мне ясно вспоминаются события, которые вскоре последовали. Наступил ноябрь, канун октябрьских торжеств. И вот в 4 часа утра меня разбудил настойчивый телефонный звонок: звонил Козлов, начальник секретариата Иностранного отдела. Голос звучал официально, но в нем угадывалось необычайное волнение.

– Павел Анатольевич, – услышал я, – вас срочно вызывает к себе первый заместитель начальника Управления госбезопасности

товарищ Меркулов. Машина уже ждет вас. Приезжайте как можно скорее. Только что арестованы Шпигельглаз и Пассов (начальник ИНО).

Жена крайне встревожилась. Я решил, что настала моя очередь.

На Лубянке меня встретил сам Козлов и проводил в кабинет Меркулова. Тот приветствовал меня в своей обычной вежливой, спокойной манере и предложил пройти к Лаврентию Павловичу. Нервы мои были напряжены до предела. Я представил, как меня будут допрашивать о моих связях со Шпигельглазом. Но как ни поразительно, никакого допроса Берия учинять мне не стал. Весьма официальным тоном он объявил, что Пассов и Шпигельглаз арестованы за обман партии и что мне надлежит немедленно приступить к исполнению обязанностей начальника Иностранного отдела, то есть отдела закордонной разведки. Я должен буду докладывать непосредственно ему по всем наиболее срочным вопросам. На это я ответил, что кабинет Пассова опечатан и войти туда я не могу.

– Снимите печати немедленно, а на будущее запомните: не морочьте мне голову такой ерундой. Вы не школьник, чтобы задавать детские вопросы.

Через десять минут я уже разбирал документы в сейфе Пассова».

Еще перед отъездом в столицу Берия знал, с чем ему придется столкнуться:

«Николай (Ежов) человек сложный. Наломал дров с репрессированием, а самое тяжелое в разведке. Предал Никольский, предал Кривицкий, предал Люшков. Это крупные провалы. Коба пишет, что не знает, кому верить. В разведке долго заправляли Артузов, Слуцкий, Урицкий и прочие […] Способности есть, но авантюристы, я всегда так считал. И воспитывали авантюристов. Куда повернут, никогда не было ясно».

Это из дневника от 29 июля 1938 года.

Накануне прихода в НКВД Л. Берия зарубежным резидентурам (во Франции, Голландии, на Дальнем Востоке) был нанесен серьезный урон.

«За кордон» ушли три высокопоставленных и хорошо информированных сотрудника, выражаясь современным языком, внешней разведки.

Ушли по идейным соображениям: изменили Родине, заподозрив Сталина в измене «заветам Ильича».

Александр Михайлович Орлов (в отделе кадром НКВД значился как Лев Лазаревич Никольский, в США – Игорь Константинович Берг).

Настоящее имя – Лев (Лейба)Лазаревич Фельбинг. Работал в Архангельской ЧК; служил следователем Верховного трибунала при ВЦИК; в Иностранном отделе ОГПУ (нелегальный резидент во Франции, Австрии и Италии). Резидент НКВД и советник республиканского правительства в Испании. Майор госбезопасности. По нашим меркам – генерал. Курировал работу знаменитой «Кембриджской группы».

По личному заданию Сталина вывозил на хранение в СССР испанский золотой запас в полмиллиарда долларов. Выполнил. Вывез. Ничего не пропало. А тут, видимо, не понравился отказ вождя от идей мировой революции.

В июле 1938 года Орлов получил приказ выехать в Антверпен для встречи с представителем.

Но, прихватив 60 000 долларов из оперативных средств НКВД, бежал с женой и дочерью в Канаду. Оттуда – в США, где с ним поработали люди из ФБР. Правда, «Кембриджскую группу» американцам не раскрыл.

Незадолго до смерти Сталина опубликовал в журнале «Лайф» серию статей, составивших затем книгу «Тайная история сталинских преступлений». Вроде бы, комментарии излишни. Но есть одна деталь.

Спустя много лет, во время одной из встреч с разыскавшим его по служебной надобности агентом КГБ, Орлов с сожалением заметил, что, читая советскую печать, он обратил внимание, что государство после Сталина управлялось его бывшими приверженцами, людьми с нечистой совестью. Их поддержало поколение партаппаратчиков, которые играли второстепенные роли в больших преступлениях, предавших революцию.

Почти в точку!

Вот только где опытный разведчик увидел «приверженцев Сталина», управлявших государством после его смерти? Или сознание «верных ленинцев» не претерпело изменений за десятки лет (Орлов умер в США в 1973 году)?

Вальтер Германович Кривицкий (настоящее имя – Гинзберг Самуил Гершевич).

Полиглот, владел польским, русским, немецким, французским, итальянским и голландским языками. Один из крупнейших специалистов Разведывательного управления РККА по западноевропейским странам. Преподавал в Высшей школе подготовки разведчиков, занимая должность, соответствующую званию командира бригады РККА. С 1933 по 1934 директор Института военной промышленности.

22 мая 1937 года Кривицкий был отправлен в срочную командировку в Гаагу.

17 июля 1937 года Игнатий Рейсс (он же Натан Порецкий) сотрудник, замещавший Кривицкого во время отъезда в Москву, будучи уверенным, что Сталин ведёт страну к катастрофе, встретился с сотрудницей советского торгпредства в Париже Л. Грозовской и передал через неё московскому руководству пакет. В нём оказалось письмо в ЦК ВКП(б) и орден Красного Знамени, которым Рейсс был награждён в 1928 году за выполнение ответственных правительственных заданий. Вскоре Кривицкий был информирован о том, что Рейсс порвал с советской службой, и ознакомлен с его письмом в ЦК ВКП(б), в котором Рейсс утверждал:

«Тот, кто хранит молчание в этот час, становится пособником Сталина и предателем дела рабочего класса и социализма… У меня достаточно сил, чтобы начать всё сначала. А дело именно в том, чтобы начать сначала, чтобы спасти социализм… Я возвращаю себе свободу. Назад к Ленину, его учению и делу. Я хочу предоставить свои силы делу Ленина, я хочу бороться, и наша победа – победа пролетарской Революции – освободит человечество от капитализма, а Советский Союз от сталинизма».

Идеи мировой революции «от Троцкого» давали о себе знать! Но за ширмой высокопарных слов просматривалось и недовольство главным – сталинской Конституцией!

Осенью 1937 года Кривицкий принял решение обратиться к французскому правительству с просьбой о политическом убежище. В 1937-1938 годах проживал во Франции, с 1938 – в США. Эксперты полагают, что он выдал завербованного в 1934 году шифровальщика британского МИД, который после сентября 1938 года был осуждён к 10 годам тюремного заключения. Это потом, согласно рассекреченным документам британской разведки, станет известно, что Кривицкий выдал больше 100 советских агентов по всей Европе и Америке, а помимо шифровальщика Кинга был раскрыт и руководитель знаменитой «Кембриджской пятёрки» Ким Филби.

В 1939 году была издана его книга «Как я был агентом Сталина». Но А. Мартиросян утверждает, что книгу писал не Кривицкий (не знавший английского языка!), а агент британской разведки в кругах русской эмиграции в США Исаак Дон-Левин. В этих «мемуарах» британская разведка озвучила необходимые ей в то время версии о ликвидации заговора Тухачевского. Суть: Сталин намеренно уничтожил Тухачевского и его «выдающихся соратников», потому что они мешали установить союз с Гитлером. И «мировая общественность» поверила в эту чушь.

Генрих Самойлович Люшков – комиссар государственной безопасности 3-го ранга (что соответствует званию генерала-лейтенанта).

В 1937-1938 – полпред НКВД по Дальнему Востоку. Под его руководством были арестованы около 40 сотрудников местного НКВД, включая прежнего руководителя Т. Д. Дерибаса, главу лагерного треста «Дальстрой» Э. П. Берзина. Им было инкриминировано создание правотроцкистской организации в органах внутренних дел Дальнего Востока. Люшков был главным организатором депортации корейцев с Дальнего Востока, а также репрессий против других наций.

Люшков был самым высокопоставленным выдвиженцем Ягоды, который долгое время сохранял позиции после его опалы. Более того, новый всесильный нарком НКВД всячески защищал его имя от компромата. Ягода был приговорён к расстрелу на III Московском процессе, и в 1937-1938 годах подследственные чекисты часто называли вместе с фамилией бывшего наркома фамилию Люшкова. О его принадлежности к контрреволюционной организации сообщал, в частности, бывший глава НКВД ЗСФСР Д. И. Лордкипанидзе, однако

Ежов не стал доводить сведения до Сталина, а потребовал от Фриновского допросить Ягоду и доказать непричастность Люшкова. Показания заместителя Ягоды Г. Е. Прокофьева были исправлены с исключением фрагмента о Люшкове. Фриновский выразил сомнение в необходимости оберегать Люшкова, однако Ежов переубедил своего заместителя.

Уже после направления Люшкова на Дальний Восток поступил компромат на него от Л. Г. Миронова (бывшего начальника Контрразведывательного отдела ГУГБ НКВД СССР) и Н. М. Быстрых (брата заместителя начальника Главного управления рабоче-крестьянской милиции). Первого Ежов передопросил и заставил отказаться от прежних показаний, второй был «квалифицирован» в уголовники, что позволило отдать его дело милицейской «тройке» и убрать политическую составляющую.

Узнав о бегстве Люшкова, Ежов плакал и говорил: «Теперь я пропал». Из письма Ежова к Сталину:

«Я буквально сходил с ума. Вызвал Фриновского и предложил вместе поехать докладывать Вам. Тогда же Фриновскому я сказал: «Ну, теперь нас крепко накажут». Это был настолько очевидный и большой провал разведки, что за такие дела, естественно, по головке не гладят».

Люшков был наиболее высокопоставленным перебежчиком из НКВД. Он работал в Токио и Дайрэне (Даляне) в разведорганах японского генштаба (в «Бюро по изучению Восточной Азии», советником 2-го отдела штаба Квантунской армии). Люшков передал японцам исключительно важные сведения о советских вооруженных силах, в частности, об особенно интересующем их регионе – Дальнем Востоке. Японцы получили подробную информацию о дислокации войск, строительстве оборонительных сооружений, крепостях и укреплениях и т. д. Для них было неожиданным, что СССР имеет довольно значительное военное превосходство над японцами на Дальнем Востоке. К тому же Люшков передал японцам детальную информацию о планах развертывания советских войск не только на Дальнем Востоке, но и в Сибири, на Украине, раскрыл военные радиокоды. Он выдал японцам важнейших агентов органов НКВД на Дальнем Востоке (в частности, бывшего генерала В. Семёнова).

Но если бы сбежали только эти трое! За границей поливали Сталина информационными помоями те, кто сбежал раньше. Так что у Лаврентия Павловича были поводы для раздумий.

6 февраля 1939 года (уже после назначения на пост Наркома НКВД) Берия в своем дневнике записал.

«Разведка дело особое, тут я буду проверять все сам. Самое тонкое дело, а напортачили крепко».

Было, кому «портачить»… Трудно отказаться от соблазна привести реплику исследователя той эпохи, писателя Ю. Мухина.

«Нет ни единого намека, что Сталин, или Молотов, или Каганович хоть раз в жизни провели вечер в ресторане. А вот, скажем, сторонник Троцкого Г. Ягода, фактически возглавлявший органы госбезопасности страны (ОГПУ), в честь десятилетия своей организации снял в Москве все самые дорогие рестораны. У этого павиана, кстати, при обыске, кроме обилия барахла, была найдена и огромная коллекция крайне дефицитной тогда во всем мире порнографии. Это к вопросу, куда он направлял деньги, выделяемые на разведку».

Хотя, надо признать, зарубежные резидентуры состояли не только из орловых-кривицких (фельбингов-гинзбергов). Примерно с августа до конца 1938 года (накануне и сразу после подписания Мюнхенских соглашений) на стол Сталину легло свыше 700 страниц агентурных донесений. Работала разведка! Но…

«Разведка может быть провалена, может не провалена, – писал в дневнике Берия еще в июле 1938-го, *– Кто знает, кого сдали эти сволочи, кого не сдали. Надо разобраться…. Значит, надо будет проверить всех. Недоверие – тяжелая вещь, но если ты свой, то внутри обидишься, но против своих не пойдешь никогда…»*

Одно дело тотальная проверка, которая может занять не месяц и не год. Ладно, можно ускорить процесс, если проверяющие будут обладать профессиональным опытом и располагать почти безграничным потенциалом доверия! Где таких взять-то? *«НКВД и*

военная разведка засорены кадрами Ягоды и Троцкого», – констатировал Берия еще в июле 1938 года.

«Главный рычаг разведки – агентурно-осведомительная работа – оказалась поставленной из ряда вон плохо. Иностранную разведку, по существу, придется создавать заново, так как ИНО был засорен шпионами, многие из которых были резидентами за границей и работали с подставленной иностранными резидентами агентурой», – признавался в своем заявлении в Политбюро ЦК ВКП(б) об отставке Николай Ежов. Это было в ноябре, еще до его ареста и до назначения Лаврентия Берия на пост Наркома.

Но «кадры Ягоды – Троцкого», и «примкнувшего к ним Ежова» с компанией оставили след в главном – репрессиях 1936-1938 годов.

Преступления и наказания

Политические репрессии (от лат. repressio – подавление, угнетение) – наказание, карательная мера, применяемая государственными органами с целью защиты и сохранения существующего строя.

Википедия

А можно и иначе – «политические чистки», «люстрации»… Синонимов хоть отбавляй. Все зависит от того, кто жонглирует терминами: тот, кто проводит акции или те, против которых акции направлены. Ежов и компания оценивали террор, который потом почему-то назвали «сталинским», по-своему. Это был инструмент защиты власти ейхе-постышевых. А «расчистка авгиевых конюшен» НКВД Лаврентием Берия явилась актом восстановления законности и справедливости в отношении невинно пострадавших людей. Формально правы и те, и другие. Но суть меняется, когда начинаешь вникать в детали. Как там говорят англичане? Дьявол кроется в мелочах?

А «мелочами» оказались людские судьбы. Откроем дневник Лаврентия Павловича.

«Если заменять Николая (Ежова), то главное будет разобраться с результатами репрессивной операции в масштабах Союза. Это второе главное направление. Даже у нас (в Грузии), при моем контроле, не обошлось без перегибов. Меньшевистская сволочь напакостила, скрытые троцкисты. Пока не вывели на чистую воду, ряд человек лишились, даже до расстрела. У нас процент перегиба был малый, а с другими надо разбираться…»

Лаврентий Павлович поторопился с расстановкой приоритетов. Репрессивная деятельность НКВД оказалась **первым** главным направлением его работы «над ошибками» Ежова и компании.

5 августа Берия записал в дневнике*: «…За эти два года (1936-38 годы) крови пролилось в стране немало. Тут никуда не денешься, пятая колонна нам не нужна, а она была и как ни чисти, не вычистишь. На местах слишком много арестов и расстрелов.*

С этим надо будет разбираться. В Грузии мы старались брать только тех, кто был и так на учете, а кроме них, что на следствии вскрылось, тех и брали. Но брали самых активных… Тут надо выбрать меру. А как ее выбрать. Чистых бандитов мы постреляли. Троцкистов и меньшевиков активных тоже постреляли. Также перерожденцев. А сколько притаилось. Но все равно по Союзу цифры Николай дал большие. Может он виноват, может аппарат на местах и в союзном Наркомвнуделе. А может и то, и другое».

Какие цифры Берия считал «большими»? Согласно совершенно секретному сообщению НКВД СССР № 109173, за два года активных репрессий, с 1 августа 1936 по октябрь 1938 года, в СССР было осуждено Военной коллегией и военными трибуналами по первой и второй категории (к расстрелу и лишению свободы) 18 тысяч человек. Это только трибуналами. Но не 350 тысяч якобы только расстрелянных партийных и советских работников, как утверждал Хрущев и настаивают его последователи.

Вот еще один статистический анализ.

В феврале 1954 г. **(закладывался фундамент фальсификаций XX съезда КПСС!)** на имя Н. С. Хрущёва была подготовлена справка, подписанная Генеральным прокурором СССР Р. Руденко, министром

внутренних дел СССР С. Кругловым и министром юстиции СССР К. Горшениным, в которой называлось число осуждённых за контрреволюционные преступления, за период с 1921 года по 1 февраля 1954 года. Согласно этой справке, всего за этот период было осуждено Коллегией ОГПУ, «тройками» НКВД, Особым совещанием, Военной коллегией, судами и военными трибуналами 3 777 380 человек, в том числе, из них, было приговорено к смертной казни 642 980 человек, а к содержанию в лагерях и тюрьмах на срок от 25 лет и ниже – 2 369 220 человек, к ссылке и высылке – 765 180 человек.

Обратите внимание, что приведена **статистика за 32 года**. А это Гражданская война, это очень непростая эпоха после нее. Это четыре года страшной войны с гитлеровцами. Это сложнейший период после Великой Отечественной войны. Это борьба с многочисленными отрядами бандеровцев и так называемых «лесных братьев». В числе творцов этих репрессий и Ягода с Ежовым, другие кровавые палачи, предатели власовцы. Здесь также дезертиры и мародеры, самострельщики, паникеры. Участники уголовного подполья. Пособники нацистов, проливавшие кровь. Здесь и «ленинская гвардия», разрушившая великую страну. Здесь Зиновьев и Каменев, троцкисты, «деятели» Коминтерна. Палач Бела Кун, тысячами топивший офицеров в Крыму. То есть, общее количество репрессированных за эти 32 года включает множество различных социальных и общественных групп.

Галине Михайловне Ивановой, доктору исторических наук, удалось сделать интересное с точки зрения понимания того времени открытие. И до войны, и после неё профессиональные уголовники по их правилам не должны были работать. И не работали. Но в лагеря каждые полгода наведывался разъездной суд, рассматривал дела по нарушениям заключёнными режима. И тех, кто отказывался работать, судили за саботаж. А саботаж – та же 58-я статья. Поэтому надо иметь в виду, что по ней проходили не только политические враги «группы Сталина» или приписываемые к ней, но и уголовники-отказники. И, разумеется, настоящие шпионы, диверсанты, а их было немало.

Нельзя не отметить, что в мае 1937 года прошёл процесс по так называемому заговору НКО, это наркомат обороны.

Исследователь О. Ф. Сувениров выпустил книгу с данными (до единого человека) о военнослужащих, арестованных в 1935–1939

годах: Ф.И.О., дата рождения, звание, должность, когда арестован, приговор. Толстенная книга. Оказалось, 75 процентов репрессированных по НКО – это комиссары, военюристы, военинтенданты, военврачи, военинженеры. Так что легенда и то, будто уничтожили всё командование.

О якобы репрессированном командном составе Красной Армии с мая 1937 года по сентябрь 1939 года в количестве **40 тысяч** человек. Именно такую цифру назвал впервые журнал «Огонек» (№ 26, 1986 г.), за ним уже «Московские новости» и следом другие издания.

Откуда же взялась **такая цифра**?

Дело в том, что 5 мая 1940 года, начальник Главного управления кадров Наркомата обороны, генерал-лейтенант Е. Щаденко представил И. В. Сталину «Отчет о работе управления» за 1939 год. В нем говорилось о том, что за 1937-1939 годы, из рядов РККА было **уволено 36898** командиров. Подчеркиваю – УВОЛЕНО!!!

Из них в 1937 году, было уволено 18 658 человек. (13,1 % списочной численности командно-начальствующего и политического состава), в 1938 году было уволено 16362 человек, (9,2 % комсостава), в 1939 году было уволено 1878 человек (0,7 % комсостава).

Мотивы были следующие: 1) по возрасту; 2) по состоянию здоровья; 3) по дисциплинарным проступкам; 4) за моральную неустойчивость; 5) уволены по политическим мотивам 19106 (из них после поданных жалоб и проведенных проверок 9247 восстановлены в 1938-1939 гг.); 6) арестовано, то есть репрессировано, было 9579 человек начсостава (из них 1457 человек восстановлены в 1938-1939 гг.).

Таким образом, можно констатировать, что число офицеров, арестованных в 1937-1939 годах (без ВВС и флота), составляет 8122 человек (3 % от общей численности командного состава на 1939 год).

Из них приговорены к расстрелу около 70, расстреляно 17 – в основном самые высшие, например, двое из пяти маршалов (Тухачевский за организацию троцкистского военного заговора, Егоров за участие в шпионаже, подготовке терактов и участии в к.-р. организации), ещё один маршал Блюхер был арестован за участие в военно-фашистском заговоре, приведшем к необоснованным потерям и умышленному провалу операции на озера Хасан. (Умер в тюрьме.) Также за аналогичные особо опасные преступления были расстреляны

5 из 9 командармов 1 ранга (Белов, Якир, Уборевич, Федько, Фриновский) и другие представители «пятой колонны».

И, наконец, самое яркое свидетельство, из уст врага:

«…Вермахт просто предал меня, я гибну от рук собственных генералов. Сталин совершил гениальный поступок, устроив чистку в Красной Армии и избавившись от прогнившей аристократии» (из интервью А. Гитлера, данного им журналисту К. Шпейделю в конце апреля 1945 г.)

Итак, если поделить общее число расстрелянных в СССР на количество лет, получится менее 22 000 человек в год.

Конечно это немало. Но давайте не будем забывать, какие непростые это были годы.

6 февраля 1939 года Лаврентий Павлович записал в дневнике: *«Николай натворил дел. Получается так, что* ***специально делали****, чтобы озлобить. Врагов много, но видно, что было много необоснованных арестов».*

Это интуитивная догадка нового наркома НКВД или знание внутренних пружин процесса? Скорее, знание. Лаврентий Павлович был в составе делегатов XVII партсъезда в 1934-м, на июньском 1937 года пленуме ЦК, и знал настроения региональной «элиты», выраженные в записке Р. Эйхе с просьбой наделить его чрезвычайными полномочиями для уничтожения «вскрытой» им мощной антисоветской организации. В записке обосновывалась необходимость создания «тройки» с правом вынесения смертного приговора. И это было только начало.

Еще раз обратим внимание читателя**: выборы по нормам сталинской Конституции – вот что пугало «элиту», опасавшуюся за свое благополучие, а потому требовавшую все больших и больших жертв!**

Если бы выборы прошли именно так, как их намечал Сталин, а он, к слову сказать, планировал мирным, демократическим путем, с помощью выборов провести уже перезревшую в своей крайней необходимости ротацию руководящих партийных и советских работников, то негодяям не осталось бы места в системе власти. Как

партийной, так и советской. И они пошли в атаку, спровоцировав репрессии под видом борьбы с вымышленными заговорами, чрезвычайно опасными заговорщиками, оппозицией и т. д., чем преследовали цель скрыть свои собственные преступные заговорщические планы и цели. Именно Эйхе вместе с Хрущевым в буквальном смысле слова вырвали у тогда еще отнюдь не всесильного, как обычно принято думать, Сталина согласие на проведение превентивных чисток страны от уголовных элементов, кулаков, различных контрреволюционных партий, имея в виду, конечно же, отнюдь не подлинную борьбу с ними. Они планировали под видом очистки от скверны устроить кровавую расправу с теми, кто выступал или мог выступить против «элиты». Причем конечная цель состояла в том, чтобы вздыбить всю страну, а затем свергнуть и физически ликвидировать Сталина. Именно на это и был направлен заговор Ежова, состоявшего в теснейшей связи практически со всеми первыми партийными секретарями на местах. У Ежова эти связи сохранились еще со времен работы в ЦК.

4 августа 1939 года на следствии Ежов подтвердил эту «догадку». Вот фрагмент допроса.

«Вопрос: Следствию известно, что проведенные органами НКВД СССР в 1937-1938 гг. массовые операции по репрессированию бывших кулаков, к.-р. духовенства, уголовников и перебежчиков различных сопредельных с СССР стран вы использовали в интересах антисоветского заговора.

Насколько это соответствует истине?

Ответ: Да, это целиком соответствует действительности.

Вопрос: Добились ли вы осуществления своих провокационных заговорщических целей при проведении массовой операции?

Ответ: Первые результаты массовой операции для нас, заговорщиков, были совершенно неожиданны. Они не только не создали недовольства карательной политикой советской власти среди населения, а наоборот вызвали большой политический подъем, в особенности в деревне. Наблюдались массовые случаи, когда сами колхозники приходили в УНКВД и райотделения УНКВД с требованием ареста того или иного беглого кулака, белогвардейца, торговца и проч.

В городах резко сократилось воровство, поножовщина и хулиганство, от которых особенно страдали рабочие районы.

…Когда были исчерпаны в областях установленные для них так называемые «лимиты» по репрессии бывших кулаков, белогвардейцев, к.-р. духовенства и уголовников, мы – заговорщики и я в частности вновь поставили перед правительством вопрос о том, чтобы продлить массовые операции и увеличить количество репрессируемых.

В доказательство целесообразности продолжения массовых операций мы приводили крайнюю засоренность этого рода элементами колхозов в деревне, фабрик и заводов в городах, подчеркивая заинтересованность и сочувствие к этой мере трудящихся города и деревни.

Вопрос: Удалось ли вам добиться решения правительства о продлении массовых операций?

Ответ: Да. Решения правительства о продлении массовой операции и увеличении количества репрессируемых мы добились.

Вопрос: После того, как вам удалось продлить массовые операции, достигли ли вы поставленных заговорщической организацией целей вызвать недовольство карательной политикой советской власти среди населения?

Ответ: Да, растянув массовые операции на многие месяцы, мы в конечном итоге добились того, что в ряде районов сумели вызвать непонимание и недовольство карательной политикой советской власти в известных слоях населения.

Вопрос: В каких районах конкретно вам удалось осуществить ваши заговорщические планы и в чем это выразилось?

Ответ: Это относится, главным образом, к районам Украины, Белоруссии, Средне-Азиатских республик, Свердловской, Челябинской, Западно-Сибирской, Ленинградской, Западной, Ростовской, Орджоникидзевской областям и ДВК. Объясняется это, во-первых, тем, что на них больше всего было сосредоточено наше внимание, и, во-вторых, тем, что почти все начальники УНКВД этих областей были заговорщиками.

По всем этим областям было больше всего грубых антисоветских фактов репрессирования по существу невинных людей, что вызвало законное недовольство трудящихся».

Это показания Ежова, данные под давлением? Оставьте! Не тот случай. Сохранились другие документы.

«Когда Хрущёв стал первым секретарём ЦК Компартии Украины, – пишет Юрий Жуков, *– в одной из первых его депеш в Москву была просьба позволить ему расстрелять 20000 человек. А ведь там уже по первому разу прошлись.*

– Чем же они запросы мотивировали?

– Одним: только что НКВД, писали они, вскрыл вооружённую подпольную организацию, она готовит восстание. Значит, в этих условиях проводить выборы альтернативные невозможно. До тех пор, пока не будут ликвидированы эти якобы заговорщицкие организации».

В своей книге «Спецоперации, Лубянка и Кремль 1930+1950 годы» Павел Судоплатов отмечает:

«Успенский несет ответственность за массовые пытки и репрессии, а что касается Хрущева, то он был одним из немногих членов Политбюро, кто лично участвовал вместе с Успенским в допросе арестованных».

По приказу Хрущева Успенский в срочном порядке арестовывал всех, кто знал о его троцкистском прошлом. В этот список попали Григорий Моисеенко и Строганов, которые ранее работали с Никитой Сергеевичем в Сталинском окружкоме.

Когда Успенский доложил Хрущеву, что он выполнил его приказ и арестовал Моисеенко и Строганова, Никита Сергеевич не мог отказать себе в удовольствии от встречи со своими врагами. Теперь он мог покуражиться над ними и показать свою власть.

– Ну что, Гриша, – ухмыляясь, обратился он к Моисеенко, – кто троцкист? Ты все на меня указывал, а троцкист – ты, ты враг народа.

– Товарищ Хрущев, – начал было говорить Моисеенко, но Хрущев его перебил: – Ты враг народа, – сказал Никита, – ты в этом сам сознался. Ты троцкист.

Моисеенко молчал. Накануне встречи с Хрущевым его избивали и пытали, заставляя подписать протокол допроса, в котором он оговаривал сам себя.

– Я бы сам свалтаразил тебя по роже, – шумел Никита, – да не хочется руки марать. Но тебе, прежде чем поставить к стенке, еще всыпят.

Моисеенко свалили на пол и били, пока он не потерял сознание. В таком же духе «поговорил» Хрущев и со Строгановым.

– Попалась, «старая калоша», – сказал Никита Сергеевич, обращаясь к Строганову во время допроса, – ты почему против меня козни строил в Сталинском окружкоме?

– Я не строил против вас козней, – сказал Строганов, – это вы меня пытались выставить дураком.

– Ты и есть дурак, – вскинулся Хрущев, – хотя тебя и пытались научить уму-разуму. Так ты не признаешь себя врагом народа?

– Не признаю.

– Хочешь чистеньким уйти, сволочь? Это тебе не удастся.

Вскоре Строганов подписал протокол допроса, где говорилось, что он троцкист».

Лихорадочный поиск «террористов и заговорщиков» доходил до абсурда почти на всей территории страны.

Некрасов Александр Иванович – специалист в области механики и гидродинамики. Чл. – корр. АН СССР с 1932. Арест Некрасова последовал за возвращением его из США, где он во время научной командировки попал в автомобильную катастрофу и стал инвалидом (участок памяти, связанный с теоретической механикой, он сохранил). Арестован в 1937. Среди обвинений: агент ФБР, продал часть Поволжья одному американскому миллиардеру. По приговору имел 10 лет заключения.

Дурново Николай Николаевич – филолог-славист, исследователь древнерусской письменности и диалектов русского языка. Член-корреспондент по Отделению русского языка и словесности (языковедение) с 6 декабря 1924. Арестован в Москве 28 декабря 1933 в связи с «делом славистов» – «Российской национальной партии», из которого его дело выделено. Вместе с В. Н. Сидоровым обвинен в организации подпольного «филологического правительства». Получил 10 лет, выслан на Соловки. Труды по языкознанию, над которыми он там пытался работать, не сохранились. Повторно осужден 9 октября 1937, 27 октября 1937 расстрелян.

В Ленинграде в августе-ноябре 1937 года по одному делу арестовали 53 человека, в том числе **51 глухонемого, обвинив их в подготовке террористических актов против Жданова, Молотова и Сталина.** По решению «тройки» все эти лица осуждены, причем **34 – к расстрелу**!

Борисенко Зинаида Тимофеевна (1917 г. р.) за связь с японской разведкой приговорена к высшей мере наказания; (выписка из протокола № 6 от 26 августа 1937 года).

Ермаков Самуил Филиппович (1898 г. р.) обвинялся в шпионаже в пользу Японии и создании повстанческой группы. Приговорен к высшей мере наказания; (выписка из протокола № 6 от 26 августа 1937 года)

Худолеев Петр Гаврилович (1911 г. р.) за «связь с японскими шпионами» приговорен к высшей мере наказания; (выписка из протокола № 6 от 26 августа 1937 года)

Интересно, что же японская разведка забыла в Исилькульском, Марьяновском, Кормиловском районе Омской области, в глухих нищих деревушках, где домов-то каменных по пальцам сосчитать можно, только дикий лес да бревенчатые избы?

И таких «дел» по деревням Омской области сотни.

А вот еще образчик преступного идиотизма.

Чехословацкая, немецкая, финская разведки – в малюсеньком городке Бодайбо Иркутской области, куда добираться не перекладных неделю надо!

Ярким свидетельством проводимой «операции» является рапорт офицера Кульвеца на имя начальника УНКВД, в котором говорится:

«**Немецкая разведка – по этой линии дела у меня плохие. Правда, вскрыта резидентура Шварц… но немцы должны вести дела посерьезнее. Постараюсь раскопать. Финская – есть. Чехословацкая – есть. Для полной коллекции не могу разыскать итальянца и француза…** Китайцев подобрал всех. Остались только старики, хотя часть из них, 7 человек, изобличаются как шпионы и контрабандисты.

Я думаю, что не стоит на них тратить время. Уж слишком они дряхлые. Наиболее бодрых забрал». (Дело Кульвеца, т. I, л. д. 192. и Архив ФСБ по Иркутской области. Дело 7912)

Но, пожалуй, самый «кривой бумеранг» репрессий настиг самого Николая Ежова.

«Постановление г. Москва, 1939 года, 10 июня

Я, ст. следователь Следчасти НКВД СССР, ст. лейтенант Государственной Безопасности Сергиенко, рассмотрев материалы, поступившие на Ежова Николая Ивановича, 1895 г. р., из рабочих, русского, с низшим образованием, состоявшим членом ВКП(б) с 1917 года, судимого в 1919 году Военным Трибуналом запасной армии республики и осужденного к одному году тюремного заключения – условно, занимавшего пост Народного Комиссара Водного Транспорта СССР и проживавшего в г. Москве, – нашел:

…Действуя в антисоветских и корыстных целях…. имел половое сношение с мужчинами (мужеложство)».

Кстати, за всю историю СССР, Ежов был единственным партийцем такого уровня (нарком), которому официально вменялась **«антисоветская педерастия».**

Ну да ладно, как говорят, нарочно не придумаешь. Но ведь придумывали!

26 декабря 1938 года Берия записал в своем дневнике:

«Уже понятно, что массово сажали, а теперь надо массово освобождать. Расстрелянных не вернешь, а там тоже не все виноваты…»

25 ноября 1938 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Лаврентий Павлович Берия был назначен Наркомом внутренних дел.

Бывший высокопоставленный работник НКВД Рясной (кстати, «человек» Хрущева) вспоминал, что новый начальник, придя в Управление, вызывал к себе сотрудников, одного за другим, и задавал единственный вопрос: «Кто, по вашему мнению, здесь ведет себя не по-человечески?» Этот вопрос сам по себе уже означал многое.

26 ноября 1938 года, **на следующий день** после назначения Л. Берия главой НКВД, появился Приказ по наркомату № 00762 «О порядке осуществления постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года». Исходный, так сказать, «материнский» документ, подготовленный **по инициативе Берия** Маленковым, Вышинским и Рычковым, назывался «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении

следствия». Он подвел черту, остановив репрессивный каток, запущенный партийно-советской бюрократией с подачи Эйхе. Приказ по НКВД не оставлял места для двусмысленностей.

«Немедленно прекратить производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению, понимая под массовыми операциями групповые аресты или выселение без дифференцированного подхода к каждому из арестуемых или выселяемых лиц и предварительного рассмотрения всех имеющихся на него обвинительных материалов».

Понятно, что никто не собирался безоглядно распахивать ворота тюрем и лагерей, выпускать на волю уголовную и антигосударственную шушеру, упрятанную за решетку отнюдь не в силу патологической ненависти к людям Сталина и стараниями (порой с риском для жизни) рядовых оперативников и следователей НКВД. Заговоры в высших эшелонах власти, давшие метастазы на места; диверсионно-подрывные группы (настоящие, не похожие на бабушек из омских деревень), формирующиеся как за рубежом, так и внутри страны, – все это, мягко говоря, не способствовало укреплению государства. И среди подобных элементов – огромный человеческий пласт невинно пострадавших. И в судьбе каждого нужно разобраться, чтобы с водой не выплеснуть на свободу и «ребенка». «Ребенка» с уголовным прошлым и будущим.

«Говорят, что числа правят миром. Нет, они только показывают, как правят миром», – Гете.

Доктор исторических наук В. Земсков приводит такие цифры: «Всего за 1939 год из ГУЛАГа было освобождено 327 400 человек (223 600 – из лагерей и 103 800 – из колоний), но в данном случае эти цифры мало, о чем говорят, так как нет указаний о том, каков среди них был процент досрочно освобожденных и реабилитированных «врагов народа». Известно, что 1 января 1941 года на Колыме находилось 34 000 освобожденных лагерников, из них 3000 (8,8 %) полностью реабилитированных». На 1 января 1939 года общая численность заключенных составляла 1 672 000 человек. Если принять данные Земскова за средние по всему ГУЛАГу, то его по «бериевской амнистии» покинули около 140 тысяч человек. Примерно такие цифры

(от 130 000 до 150 000) называют и другие исследователи, правда, большинство из них уточняют, что значительная часть не получила статуса реабилитированных, а им либо сократили сроки до минимальных (один-два года), либо перевели в статус ссыльных (то есть смягчили наказания). Гораздо больше повезло тем, кто до ноября 1938 года не успел получить приговор, а находился в предварительном заключении. Историк спецслужб Олег Мозохин приводит точные данные по этой категории. Так, на 1 января 1939 года числилось подследственных – 149 426 человек, освобождены по прекращенным в процессе следствия делам – 83 151 человек, освобождены прокуратурой и оправданы судами 25 575 человек. Всего же на 187 840 осужденных в 1939-м – первой половине 1941 года приходится 142 432 освобожденных в ходе следствия и суда.

Цифры отрезвляют. Но дальнейший «подсчет голосов» заставляет переосмыслить некоторые события недавней истории.

Для сравнения примем количество заключенных, которые находились в тюрьмах и лагерях в 30-е годы и современные данные по России и США.

В Советском Союзе во время пика репрессий в 1937 году в ГУЛАГе отбывало наказание 1,2 млн. человек.

Численность заключенных на 100000 населения СССР на 1937 год: Р=1,2/162*100000=740 заключенных на 100000 населения.

Сравним эти объективные данные с данными по количеству заключенных в России и США на 2006 год. Данные приводились международным центром тюремных исследований.

В России число заключенных на 100000 населения – 611 заключенных на 100000 населения.

В США число заключенных на 100000 населения – 738 заключенных на 100000 населения.

Таким образом, во время «жутких сталинских репрессий» в тюрьмах СССР находилось **всего на 20 процентов** больше заключенных, чем в мирное время в России и такое же количество заключенных, какое сейчас находится в тюрьмах демократических и либеральных США.

Конечно, кого-то возмутит это «бесчеловечное» – ВСЕГО. Да, жизнь и судьба каждого – бесценное достояние и распоряжаться этим даром следует с величайшей осторожностью. Согласен!

Но будет не лишним сравнить реалии 30-х годов и современного мира. В 30-е годы наша страна только начала оправляться от Первой мировой войны, двух революций, гражданской войны, были проведены масштабные аграрные и промышленные реформы, был пройден этап НЭПа, на руках у населения имелось большое количество оружия и все эти изменения сопровождались ростом криминала. Преступники и вооруженная политическая оппозиция при осуществлении этих преобразований не хотели вписываться в новую систему жизни и устройства общества и государства. В таких сложных условиях при Сталине в тюрьме сидело столько же народу, что и в ведущем демократическом государстве мира США сидит в наше время, в котором нет ни войн, ни потрясений. Есть над чем поразмыслить…

Одним из первых решений Берия на посту наркома НКВД было открытие с 1 января 1939 года «**Бюро по приему и рассмотрению жалоб**». Именно эту дату можно считать началом пересмотра множества уголовных дел, заведенных при прежнем руководстве НКВД, а также выявления чекистов, «поправших законность».

Сразу после назначения главой НКВД, Берия принялся за массовую чистку кадров Ежова. С конца ноября 1938 года по декабрь 1939-го из рядового состава НКВД были уволены 7372 человека (22,9 % общей численности ведомства), из руководящего – 3830 человек (62 %). Вот примеры всего лишь за одну неделю января-февраля: 31 января 1939 года Берия подписывает приказ о предании суду 13 сотрудников дорожно-транспортного отдела НКВД Московско-Киевской железной дороги за необоснованные аресты, 3 февраля 1939 года приказом Берии суду предается начальник районного отдела НКВД Н. Сахарчук за преступные методы ведения следствия, 5 февраля приказом Берии была взята под стражу группа работников Особого отдела Балтийского флота за необоснованные аресты. И такие процессы шли непрерывно на протяжении всего 1939 года. Хотя их нельзя было назвать массовыми.

«Дифференцированный подход…» – упомянул в приказе по НКВД Лаврентий Павлович. А кто его обеспечит? С сентября по декабрь 1938 года (с приходом в наркомат Берия) было арестовано 332 руководящих работника НКВД, из них 140 – в центральном аппарате и 192 на периферии, в том числе – 18 наркомов ВД союзных и автономных республик.

«Однако эти цифры не удивляют после знакомства с показаниями арестованных – в них раскрывается картина ужасающей запущенности, моральной деформации и перерождения руководящих кадров ОГПУ-НКВД», – замечает исследователь Сергей Кремлев.

13 апреля 1939 года Лаврентий Павлович признался в своем дневнике: *«Хреново. Окончательно ясно, что Николай (Ежов. – Ред.) – враг»*.

Но, даже опираясь на эту уверенность, установить невиновность хотя бы одного обитателя ГУЛАГа оказалось сложнее, чем написать обвинительные заключения на десятки тысяч, попавших в «ежовые рукавицы».

21 февраля 1939 на имя Сталина было направлено спецсообщение № 676/б за подписью Л. Берия, А. Вышинского, Н. Рычкова.

«ЦК ВКП(б) товарищу СТАЛИНУ

В целях проверки выполнения органами НКВД и Прокуратуры постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» в части организации следственной работы и осуществления прокурорского надзора за следствием, в НКВД СССР было созвано 19 февраля с.г. совещание, в котором приняли участие 26 начальников областных, краевых УНКВД и наркомов внутренних дел союзных и автономных республик и ряд ответственных работников прокуратуры центра и периферии.

На совещании было установлено, что в данное время в органах НКВД имеется большое количество незаконченных следственных дел, что отрицательно влияет на качество следственной работы, все еще отстающей от требований, предъявляемых постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года.

Совещание вскрыло весьма слабое состояние прокурорского надзора за следствием как в центре, так и в особенности на периферии.

Слабость прокурорского надзора объясняется несоответствием как с политической, так и с деловой стороны ряда прокурорских работников, а также большим разрывом между потребным количеством работников и наличным составом.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) в части, касающейся проверки и представления на утверждение ЦК ВКП(б) кандидатур всех прокуроров, осуществляющих надзор за следствием в органах НКВД, несмотря на истечение установленного срока, **не выполнено.**

Особо необходимо отметить **слабое участие** прокуроров в следственной работе, проводимой органами НКВД, **недопустимую задержку** проверки дел, поступающих из органов НКВД, и **волокиту** с передачей дел по подсудности, что находится в прямой зависимости от недостатка кадров и практикующейся рядом прокуроров **самостраховки.**

Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 г., в связи с ликвидацией судебных троек, созданных в порядке особых приказов НКВД СССР, а также троек при областных, краевых и республиканских управлений, обязывало Наркомюст и судебные органы (военные трибуналы, областные и верховные суды, линейные суды железнодорожного и водного транспорта) подготовиться к приему этих дел, чтобы обеспечить правильное и своевременное разбирательство поступающих дел из органов НКВД. Для этого следовало пересмотреть и укрепить судебные органы проверенными квалифицированными кадрами, такой подготовки со стороны Наркомюста **проведено не было.**

Во многих судебных инстанциях разбирательство дел осуществляется чрезвычайно **медленно**, дела **задерживаются** рассмотрением месяцами, само рассмотрение судебных дел **неудовлетворительно**, имеется много случаев **неосновательного возвращения дел на доследование»**.

Далее следовало обычное в таких случаях «поручить…обязать… увеличить…».

Но в условиях 1939 года выполнить это было непросто. Хотя бы по одной причине: если в НКВД Л. Берия успел провести некоторую «ротацию кадров», то ни в Прокуратуре А. Вышинского, ни в Минюсте Н. Рычкова этому примеру не последовали. Ну нельзя же считать Постановление Совнаркома СССР от 25 мая 1939 года «О реорганизации **Отдела** кадров Прокуратуры СССР в **Управление** кадров» и Постановление СНК СССР от 15.06.1939 N 859 «Об утверждении Положения о Народном Комиссариате Юстиции Союза

СССР» документами, ставящими заслон прокурорскому произволу и судебной некомпетентности.

Или в этих ведомствах полагали, что инициативы Берия – явление временное? И ни к чему разрушать сложившийся образ суровых «стражей закона», превращающий страх в основу государственного управления.

«Совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение; боящийся несовершенен в любви» (1-е соборное послание Апостола Иоанна).

Берия демонтировал (как архитектор) преступное прошлое, думая о будущем. А какое будущее можно построить на страхе?..

Взамен уволенных «ежовских костоломов» было принято на оперативно-чекистскую работу 14506 человек, из них – 11062 по партийно-комсомольским путевкам. Фактически более чем на треть состав НКВД стал состоять из прежде гражданских лиц, в основном молодых выпускников вузов. **Людей с высшим образованием стало 35 % (при Ежове – всего 10 %) от общего состава НКВД, а доля людей без среднего образования упала с 42 % до 18 %.**

Еще один любопытный факт. На момент создания НКВД 10 июля 1934 г. из 96 руководящих работников 30 были русскими, а 37 – евреями. Кроме того, имелось 4 поляка, 7 латышей и 2 немца. На дату снятия Ягоды (26 сентября 1936 г.) ситуация усугубляется: из 110 руководителей 43 – евреи, 33 – русские, 5 – поляки, 9 – латыши, 2 – немцы. Таким образом, сложилось явно ненормальное положение, когда среди высшего слоя руководителей органов госбезопасности 14,5 % составляли выходцы из стран – вероятных противников СССР, а доля евреев достигла почти 40 %, превысив долю русских, украинцев и белорусов вместе взятых.

После прихода Ежова из руководства НКВД целенаправленно вычищаются поляки, латыши и немцы. Процент евреев тоже падает. 1 сентября 1938 года, к концу «ежовщины», из 150 руководителей НКВД русских уже 85, евреев – 32. Однако доля последних (21 %) все еще непропорционально высока. Кроме того, увеличение процента русских идет в основном за счет заполнения новых вакансий.

Но вот к руководству «органами» приходит Берия и ситуация радикальным образом меняется. На 1 июля 1939 года среди 153 руководящих работников НКВД имелось 102 русских, 19 украинцев и 6 евреев (3,92 %). Аналогичная картина наблюдалась и на более низком уровне: к началу 1940 года национальный состав Центрального аппарата НКВД выглядел так: русских – 3073 (84 %), украинцев – 221 (6 %), евреев – 189 (5 %), белорусов – 46 (1,25 %), армян – 41 (1,1 %), грузин – 24 (0,7 %), татар – 20 (0,5 %), и т. д. *(Н. Петров и К. Скоркин, «Кто руководил НКВД, 1934-1941», по материалам общества «Мемориал»).*

Еще одно пополнение НКВД пришло из армии. 27 января 1939 года замнаркома обороны армейский комиссар второго ранга Щаденко издал приказ № 010 о досрочном выпуске и откомандировании в распоряжение НКВД СССР ряда слушателей выпускных и младших курсов военных академий РККА. Кстати, забегая вперед, скажем, что первыми, чьи дела начали пересматриваться при Берии, стали офицеры РККА: за 1937-1938 годы из армии по политическим мотивам было уволено около 30000 человек (осуждено около 10000). Возвращено в строй после смены руководства НКВД 12500 офицеров. Война была не за горами! Из лагерных бараков надо было буквально вытаскивать нужных стране людей.

А ненужные, как это обычно и бывает, выплывали сами, минуя бараки. Безнаказанно, а то еще и с медалями… Чтобы потом переложить тяжесть собственных преступлений на чужие плечи.

Нельзя не напомнить: Л. П. Берия **не входил** в состав печально знаменитых «расстрельных» троек, не подписывал приговоров. 1937 год, состав «тройки» от Грузинской ССР: председатель – Рапава, члены Талахадзе, Церетели.

А вот Никиту Сергеевича **Хрущева** – «разоблачителя сталинско-бериевского террора» в тройку в 1937 г. сначала не включили. И он… обиделся! От Московской области назначили такой состав: председатель – Реденс, члены Маслов, Волков. Но 10 июля 1937 года появляется записка в Политбюро ЦК: *«ЦК ВКП(б) – товарищу Сталину И. В. Сообщаю, что всего уголовных и кулацких элементов, отбывших наказание и осевших в гор. Москве и Московской области, учтено 41305 чел. из них уголовного элемента учтено – 33436 чел. Имеющиеся материалы дают основание отнести к 1-й категории…*

Комиссию просим утвердить в составе тт. Реденс – нач. управления НКВД по М.О., Маслова – зам. прокурора Московской области, Хрущева Н. С. – секретаря МК и МГК с правом, в необходимых случаях замены т. Волковым А. А. – вторым секретарем Московского горкома. Секретарь МК ВКП(б) – (Н. Хрущев)». Кстати, Реденс сегодня числится невинно репрессированным. Его расстреляли, несмотря на родственные связи с самим Сталиным. А вот Хрущев… Любитель пострелять в население…

Став в 1935 году первым секретарем Московской городской и областной партийных организаций, он максимально использует свои новые возможности. Не поддаются подсчету ликвидированные по его инициативе совместно с Кагановичем *(напомним: рекомендовавшим Хрущева Сталину. – Авт.)*, Ежовым и начальником Московского управления НКВД Успенским партийные, советские и военные работники, их жены, отправленные в застенок, а дети – в специнтернаты. По данным историка Роя Медведева, в течение 1937 года **из 136 секретарей райкомов партии в Москве и области на своих постах остались семь**, все остальные исчезли.

Хрущев контролирует ход арестов и требует, чтобы цифры были впечатляющими. По свидетельству старожилов Московского управления НКВД, в 1937 году он ежедневно звонил и спрашивал, как идут аресты.

1935 год. В Сочи, где отдыхал Сталин, приезжает Хрущев. Он докладывает: «Я распорядился закрыть в Москве и Московской области 79 действующих церквей, а наиболее активных служителей культа мы отдадим под суд».

Сталин: «Вы, Хрущев, анархист! Батька Махно любил бы вас как родного сына. Церковников трогать нельзя…».

Хрущев, осторожно: «Под следствием в Московском городском суде находится 51 служитель культа».

Сталин: «Немедленно отдайте распоряжение, чтобы всех выпустили».

На январском 1938 года Пленуме Хрущева одернули. И отослали… на Украину поднимать народное хозяйство. (И снова – ПОЧЕМУ?) Но в конце 1938 года этот «стахановец от репрессий» опять жалуется*: «Дорогой Иосиф Виссарионович,* – писал он Сталину, – *Украина ежемесячно посылает 17-18 тысяч репрессированных, а Москва*

утверждает не более 2-3 тысяч. Прошу вас принять срочные меры. Любящий вас Никита Хрущев».

Дескать, Москве жалко, а нам обидно. Перекрыли все пути к славе. Особенно умиляет признание в любви к Вождю…

В пухлом сочинении американского историка, лауреата Пулитцеровской премии Уильяма Таубмана «Хрущев: человек и его эпоха» есть статистика по «украинскому периоду»:

«Все тот же Хрущев осуществлял контроль над чистками, явно усилившимися после его приезда. Только в 1938 году, как считается, было арестовано 106119 чел., с 1938 по 1940 годы – их общее число составило 165565 чел. По словам Молотова, человека едва ли объективного, но очень информированного, Хрущев "отправил 54000 в мир иной как член (украинской) тройки"».

Мы уже отметили, что Хрущев лично участвовал в допросах арестованных вместе с Успенским, которого взял с собой на Украину в качестве главы НКВД республики. Этот дуэт «доработался» до того, что к концу 38-го из ста членов ЦК КПУ арестовали более 90 человек!

Было ли **это** подрывом государственных устоев, еще надо взвесить. Но вот преступная суть следующего шага бесспорна.

Сохранилось постановление Военного совета Киевского военного округа «Состояние кадров командного, начальствующего и политического состава округа» от 25 марта 1938 года, принятого при участии Хрущева. Вот выдержки из этого документа: «Военный совет поставил центральной задачей выкорчевывание врагов народа и подбор на руководящие должности преданных и растущих командиров. В итоге беспощадного выкорчевывания троцкистско-бухаринских и националистических элементов на 25 марта 1938 года произведено следующее обновление руководящего состава округа».

О масштабах «выкорчевывания и обновления» свидетельствует таблица, приложенная к протоколу заседания Военного совета округа. Словно смертоносный шквал пронесся по округу, нанося главный удар по командным кадрам. Согласно данным таблицы «обновлено» из девяти командиров корпусов девять, из 25 командиров дивизий – 24, из 135 командиров полков – 87, из 9 начальников штабов корпусов – 6, из 25 начальников штабов дивизий – 18, из 135 начальников штабов полков – 76, из 24 начальников отделов штаба округа – 19. Всего

уволено из частей округа по политико-моральным причинам 2922 человека, из них арестовано 1066. Таковы масштабы репрессий против командного состава.

В постановлении утверждалось, что «**очищение рядов РККА от враждебных элементов и выдвижение из низов кадров… обеспечивают политическую крепость и успех в деле поднятия боевой мощи РККА».**

Это был явный вымысел. Замещение командных должностей лицами без военного образования и опыта командной работы никак не могло поднять боевой мощи. Проведенное в послевоенный период по инициативе Военно-научного управления Генштаба «Обобщение опыта: развертывания войск Западных пограничных военных округов по плану прикрытия границы 1941 года» показало, что многие **«молодые выдвиженцы» 1937-1939 гг. растерялись в сложной обстановке начального периода войны, что привело к неоправданным жертвам в войсках.**

Но и этого было мало, и «Военный совет ставит как главнейшую задачу – до конца выкорчевать остатки враждебных элементов» **(подписи Тимошенко и Хрущева)** (Б. Сыромятников, ветеран КГБ).

Интересное у нас нынче время. Пустеет галерея творцов Победы, уже мало кто помнит маршала К. Рокоссовского, не говоря о Л. Берия… А уж о «творцах» поражений 1941-1942 годов и подавно ничего не слышно. Вроде бы все само собой произошло… Сталин проморгал… Ан нет, страна рано или поздно узнаёт имена своих «героев-полководцев». И тех, кто в 30-е закладывал основу трагедии начала Великой Отечественной.

Когда с приходом к руководству НКВД Л. Берия репрессии были остановлены, подельник Хрущева в деле физического уничтожения партийных, советских, военных кадров Москвы и Украины А. Успенский… сбежал, перейдя на нелегальное положение! Скрывался на Урале, в Миасе под фамилией Шмашковский.

17 апреля 1939 года Берия записал в своем дневнике*: «Наконец взяли Успенского. Коба доволен. Попросил о награждении ребят, он сказал, давай представления, наградим…».* За участие в розыске и аресте Успенского три сотрудника НКВД получили ордена Красного Знамени, три – ордена Красной Звезды, четыре – «Знак Почета». Еще

25 человек отметили знаками «Почетный чекист», внеочередными воинскими званиями, боевым оружием и денежными премиями.

А вот Хрущев **почему-то** остался нетронутым на политической поверхности! **Почему?** Похоже, это отдельный разговор…

Гулаг

В течение первых месяцев работы Лаврентия Павловича на посту наркома были полностью **пересмотрены правила ведения уголовных дел.** Осужденные «тройками» теперь могли подавать жалобы, которые были обязаны рассматривать в течение 20 дней. Для рассмотрения заявлений и жалоб при Секретариате Особого совещания было создано специальное отделение со штатом 15 человек. В ходе суда по групповым делам обязаны были допрашивать всех его участников. В десятки раз уменьшилось число рассматриваемых судьями дел – если при Ежове в день судья «штамповал» по 200-300 дел (фактически просто зачитывал приговор, без допроса свидетелей и разбирательства дела), то при Берии нормой стало не более десяти дел за рабочий день. Берия не дал превратить репрессивный конвейер в реабилитационный, попросту поменяв вывески. **Характерно то, что эта «реформа» была поручена не прокуратуре или суду, а именно НКВД под руководством Берия.**

Но не стоит вешать на Берия ярлык некоего либерала-гуманиста. Нет, ему, а точнее Сталину, нужен был гибкий НКВД. Берия верно просчитал, что «амнистированные» 200000-300000 человек принесут больше пользы на воле, чем в лагере – надвигалась война, и специалисты возвратились на заводы, в лаборатории и армию. Берия стал и творцом **ГУЛАГа в качестве значимой единицы хозяйственного комплекса СССР.** С 1939 года в НКВД стали рассматривать заключенного не как расходный материал, а как

полноценную рабочую единицу, которую, с учетом экономической целесо образности, надо по-человечески жалеть (в 1939 году смертность в ГУЛАГе сразу упала в два раза, а в первой половине 1941 года, по сравнению с 1938-м – в три раза).

Вот документ из архивов общества «Мемориал», который трудно заподозрить в симпатиях к Лаврентию Павловичу.

25 декабря 1940-го Берия подписал приказ № 001606 «О проверке состояния Печорского железнодорожного лагеря НКВД», где отмечалось, что «в результате преступного отношения к бытовому устройству и трудовому использованию заключенных со стороны руководства Печорского железнодорожного лагеря среди заключенных лагеря имеет место значительная заболеваемость и смертность. Начальник лагеря Большаков и начальник оперативно-чекистского отдела лагеря Югов своевременно не информировали НКВД СССР о тяжелом состоянии лагеря и не приняли необходимых мер к ликвидации создавшегося положения»; этим же приказом Г. П. Большаков был отстранен от должности, а врио начальника Печорлага стал зам. начальника ГУЖДС майор ГБ С. А. Чесноков, которому предписывалось немедленно завезти автотранспортом продовольствие, вещдовольствие, белье и медикаменты на участки Кожва-Синья и Абезь, ввести для всех ослабленных заключенных усиленные нормы питания, развернуть жилищно-бытовое и лечебно-санитарное строительство, в кратчайший срок обеспечив лагерникам минимальные санитарно-бытовые условия. Заместителю начальника ГУЛАГа П. В. Сафонову и зам. начальника ГУЖДС П. В. Худякову было приказано обеспечить немедленную отправку в Печорлаг 150 тонн свежего мяса, 15 тонн сливочного масла, 15 вагонов квашеной капусты, 30 тонн дрожжей и достаточного количества овощей для больных заключенных. Бригаде сотрудников НКВД во главе с начальником Политотдела ГУЛАГа капитаном ГБ М. Е. Горбачевым поручалось в двухмесячный срок выявить причины заболеваемости и большой смертности заключенных для привлечения виновных к уголовной ответственности. Наконец, этим же приказом начальник ГУЖДС Н. А. Френкель был отозван со стройки № 107 (Прикаспийский ИТЛ, строивший железнодорожную линию в Азербайджане) и командирован в Печорлаг для обеспечения своевременного строительства Северо-Печорской магистрали.

Уже в следующем году по результатам обследования Печорского железнодорожного лагеря был издан приказ № 0220 от 30 апреля 1941 года (этим же приказом новым начальником Печорлага назначался Н. Ф. Потемкин):

«Посланная приказом НКВД от 25 декабря 1940 года за № 001606 комиссия для проверки состояния Печорлага на месте установила ряд преступных действий со стороны бывшего начальника Печорлага Большакова, его заместителя Гольдмана, начальника Контрольно-планового отдела Кайревича, начальника Санотдела Новосадовой, приведших в конце 1940 года лагерь к тяжелому состоянию и к срыву выполнения программы 4 квартала 1940 года и 1 квартала 1941 года.

Указанные лица арестованы, преданы суду и понесут суровое наказание. Отмечаю, что в результате мероприятий, проведенных НКВД в течение первого квартала 1941 года и работы комиссии – состояние Печорского лагеря значительно улучшилось и лагерь подготовлен к выполнению большой и ответственной работы 1941 года по строительству железнодорожной линии от Печоры до Воркуты».

25 декабря 1940 года Берия черкнул в дневнике: *«Подписал приказ по Печорскому лагерю. Большакова будем судить и к […] матери расстрелять сволочь. Лагерь это не дом отдыха. Но ты же сволочь с людьми дело имеешь. Их и так много мрет, что делать, работа тяжелая, а они преступники. Но ты же за них отвечаешь. Ты людей в гроб гонишь, сволочь, и план срываешь. Дважды преступник».*

15 августа 1942 года Г. П. Большаков был осужден Особым совещанием НКВД СССР к ВМН «за участие в антисоветской организации и вредительство» и 12 сентября 1942 года расстрелян.

Правда, во времена «перестройки» – посмертно реабилитирован…

ГУЛАГ – запущенное в общественный обиход еще одним лжецом А. Солженицыным устрашающее понятие – до сих пор остается синонимом пыточной камеры, созданной Сталиным.

Для справки. *На самом деле изобретателями концлагерей были англосаксы, когда Оппенгеймеры и Ротшильды, стоящие за спиной Сесиля Родса (будущего создателя «Круглого Стола», переросшего в «Совет по международным отношениям») развязали англо-бурскую*

войну в борьбе за ресурсы Южной Африки. Идею воплощал лорд Китченер во время англо-бурской войны 1899-1902 гг. Целью создания «лагерей концентрации» было лишить бурских партизан возможности снабжения и поддержки, сконцентрировав женщин и детей в специально отведенных местах, практически обрекая их на вымирание, поскольку снабжение лагерей было поставлено крайне плохо. Лагеря цинично назывались Refugee («место спасения»). Целью создания концентрационных лагерей, по глумливым официальным заявлениям английского правительства, являлось «обеспечение безопасности мирного населения бурских республик».

После октябрьского переворота, «передовую идею» применили большевики-ленинцы, заселив «для перевоспитания» Соловки цветом русской интеллигенции, теми, кому повезло выжить после «красного террора», объявленного Свердловым, и фактически направленного на ***расчистку поля для «новой местечковой элиты».*** *Она-то и заявит о себе в 1937 году после принятия новой Конституции СССР, развязав печально знаменитые репрессии.*

В чем была **экономическая причина создания «экономики ГУЛАГа»**? Первым и достаточно банальным «политэкономическим поводом» принятия жесточайших мобилизационных мер стало полное **отсутствие необходимой для проведения индустриализации валюты.** Ведь троцкистско-ленинская верхушка новой власти к 1924 году вывезла ВЕСЬ золотой запас Российской империи, который достался им практически полностью. Дело дошло до того, что **остатки золотого запаса Сталин,** ставший секретарем ЦК РКП(б) в 1922 году и постепенно набиравший вес, по некоторым свидетельствам**, был вынужден вывезти на квартиру старой большевички Стасовой и выставить там собственную охрану…** Катастрофический недостаток средств спровоцировал и конфискации золота у Церкви, «экспроприации» у граждан, создание Торгсина и вынужденный поиск и **разработку месторождений на Крайнем Севере**.

Здесь кроется еще одна экономическая причина жесткой мобилизации Сталина. В результате Первой мировой войны за глобальные рынки, мировая капиталистическая система подорвала Россию (входившую в Антанту – т. е. «коалицию стран-победителей») как конкурента и, в определенном смысле, **выдавила ее на север**. Есть

экономические расчеты, в каких географических и климатических зонах производится ВВП – соответственно, какова температура его производства. Во всех странах в XX веке средняя температура производства ВВП **повысилась,** когда экономика переводилась в более благоприятные условия, поскольку человек XX века более требователен к условиям производства, чем средневековый крестьянин или английский рабочий XVIII века. **Советский Союз оказался единственной страной, где эта температура понизилась, поскольку произошел сдвиг на север – туда, где экономика априори менее эффективна**. Но таковы были условия выживания: обеспечивать добычу и производить металлургическую продукцию в Норильске было невозможно вахтовым методом, в первую очередь из-за транспортных проблем и климатических особенностей.

Кроме того, трудности были порождены и чудовищными провалами в управлении экономикой. Михаэл Залманович Лурье – один из 300 пассажиров парохода, на котором Бронштейн-Троцкий прибыл из Америки «ставить Россию на колени», неприметный тесть Бухарина, доверенное лицо Ленина, член президиума ВСНХ, один из создателей и член президиума Госплана, имел в этой среде репутацию «экономического гения». Даже ярый русофоб, американский историк Ричард Пайпс, отмечал, что «другу Ленина, парализованному инвалиду Ларину-Лурье принадлежит рекорд: за 30 месяцев он разрушил экономику сверхдержавы». Именно он разрабатывал и внедрял схемы «военного коммунизма»: запрет торговли и замены ее «продуктообменом», продразверстку, всеобщую трудовую повинность с бесплатной работой за хлебную карточку, принудительную «коммунизацию» крестьян. Именно он стал главным теоретиком «инфляционного уничтожения денег» – когда правительство большевиков поставило эксперимент над всем населением: начав безудержную денежную эмиссию. В 1917 г. уровень инфляции составил 683,3 %, в 1918 г. – 597,5, в 1919 г. – 1375,6 %. В 1922 г. цены выросли на 7300 %.

В мае 1919 г. Совет народных комиссаров (СНК) отменил все ограничения на эмиссию, накачивая экономику резаной бумагой до января 1921 г. В качестве платежного средства использовались не только царские деньги, дензнаки Временного правительства, миллионные «совзнаки», но и различные денежные суррогаты (чеки,

боны, облигации государственных займов, обязательства казначейства, почтовые знаки). В Якутии вместо денег принимали даже винные этикетки. Этикетка «мадеры» служила эквивалентом 1 рубля, водки – 3-х рублей и коньяка – 25-ти рублей. Однако самоликвидации денег «почему-то не произошло».

Преодоление тяжелейших условий индустриализации ускоренными темпами обеспечило выживаемость страны в обстановке глобальной конкуренции (вылившейся в последующую войну) – было одной из причин введения мобилизационной экономики.

Возможно, кому-то это покажется далеким от исповедуемой нынче либеральной, «человеколюбивой» догмы, но накануне Великой Отечественной войны, **Главное управление лагерей (ГУЛАГ) было одним из важнейших, многопрофильных звеньев государственной экономики, обеспечивающих готовность огромной территории не только к выживанию, но и к успешному функционированию в условиях масштабных боевых действий.** В нашей книге мы уже коснулись этой темы. Ведомству Лаврентия Берия было дело до всего!

В середине 1940 года он подписывает важный документ.

Приказ НКВД СССР № 001019
«О переустройстве ГУЛАГа НКВД СССР»
19.08.1940
Сов. секретно

Для улучшения работы ГУЛАГа НКВД СССР по руководству лагерями, колониями, производством и стройками, повышения ответственности начальников управлений и отделов ГУЛАГа за порученную им работу и обеспечения четкого разграничения функций между отделами и управлениями ГУЛАГа НКВД СССР –

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Утвердить новую структуру аппарата ГУЛАГа НКВД СССР в составе следующих управлений и самостоятельных отделов, и инспекций…

Опустим перечень административных подразделений, подвергшихся основательному сокращению, и обратим внимание на главное:

3. Утвердить:

а) Заместителем начальника ГУЛАГа по совместительству:

Начальника **ГУЖДС НКВД СССР** тов. Френкель Нафталия Ароновича.

Начальника **Управления по строительству авиазаводов** тов. Лепилова Александра Павловича.

…

в) Начальником **Управления горнометаллургической промышленности** и заместителем начальника ГУЛАГа тов. Захарова Петра Андреевича.

г) Начальником **Управления лесной промышленности** и заместителем начальника ГУЛАГа – майора государственной безопасности тов. Сергеева Ивана Трофимовича.

д) Начальником **Управления промышленного и капитального строительства** и заместителем начальника ГУЛАГа – майора государственной безопасности тов. Попова М. Н.

В каждое из Управлений входили сотни производственных подразделений.

И вся эта махина РАБОТАЛА!

4 января 1940 года Л. Берия записал в дневнике:

«Ставим всерьез железнодорожное строительство в Наркомате. Подписал приказ об организации Главного управления, все объединяем в одно Управление. И до этого много строили, а теперь будем еще больше. Будем строить вторые пути и крепко оснащать. Станции само собой будут, и надо будет нажать на культбыт, на жилье и лечебные учреждения.

Будем строить новые гидростанции, расширим по каналам и водохранилищам. Надо принципиально перестроить ГУЛАГ, чтобы не было мешанины. Ты отвечаешь за это, и отвечай. А ты за то, так тоже отвечай. Без дураков. Сделал хорошо, наградим от души. Не сделал, у нас и тюрьма есть. Или просто пошел к […] матери. Не путайся под ногами».

Сурово… По-мужски… Но не мешает заметить, что все, построенное под руководством Лаврентия Павловича Берия, **работает до сих пор**! Кроме того, что украдено и продано борцами со «сталинским произволом».

За 1941-1944 годы только строительными организациями НКВД было выполнено капитальных работ на 14,2 млрд. рублей, что составляло **15 % всех выполненных за это время строительных работ по народному хозяйству СССР в целом**.

Дальстрой

Архивные документы свидетельствуют, что в канун войны Дальстрой был крупнейшей полувоенной хозяйственной организацией НКВД СССР, основной рабочей силой которого являлись заключенные Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей (Севвостлага), осужденные по различным статьям УК. Именно они, общим числом около 180 тысяч человек (при наличии **до 60 тысяч вольнонаемных**), выполняли важнейшие экономические задачи государства на территории Колымы, Охотского побережья, части Якутии и Чукотки.

А эта территория превышала площадь современной Магаданской области более чем в 5 раз и составляла 2 млн. 260 тыс. кв. км, то есть почти **одну десятую часть всего Советского Союза.**

«Подписал приказ по Дальстрою, – отметил Берия в дневнике в феврале 1940 года. – *Есть Постановление ЦК и Совнаркома и можно работу решительно перестроить. В прошлом году у меня руки не дошли, план по золоту мы не выполнили (в 1939 году план выполнен на 84 % (66,3 тонны), в 1940 – добыто 80 тонн золота)… Надо усилить геологоразведку. Все зависит, как организуешь… Снабжение тоже надо организовать».*

А теперь неумолимая статистика. Заметьте, что **в это время народы СССР вели кровопролитную войну и многие на Западе (и не только) сомневались, что Союз, да и вся великорусская цивилизация уцелеют в этой схватке. Тем не менее, страна жила и созидала!**

За 1941-1944 гг. геологическими исследованиями была охвачена площадь свыше 504 тысяч кв. км, из которых 320 тыс. кв. км – в совершенно неизученных районах. В ходе этого разведаны большие запасы полезных ископаемых: золота – 356 т, олова – 198910 т, вольфрама – 28432 т, ископаемых углей – 156927 т, серебра – 124 т, меди – 24,9 т, свинца – 66,1 тыс. т. Разведкой россыпных

месторождений золота было выявлено 150 новых объектов, из которых 80 введены в строй.

Из каждой тонны руды в 1944 году извлекалось 10,2 гр. золота. Всего получено золота из руды 481 кг. Фактическая полная коммерческая стоимость 1 грамма химически чистого золота составила 10 р. 99, 2 коп.

Кроме этого, нашли 12 оловорудных, 3 вольфрамовых и 2 кобальтовых месторождения. Всего за 1941-1944 гг. было введено в строй 17 новых приисков. На них добыли 90 т золота. Общая добыча химически чистого золота в Дальстрое составила: в 1941 г. – 75,7 т, в 1942 г. – 74,4 т, в 1943 г. – 70,1 т, в 1944 г. – 70,5 т. Особое значение приобрела оловодобыча, обеспечивавшая оборонную промышленность. В 1941 г. было добыто 3326 т оловянного концентрата, в 1942 г. – 3580 т, в 1943 г. – 3902 т, в 1944 г. – 3703 т. Увеличилась добыча угля, трехокиси вольфрама, которой в 1944 г. добыли 90,7 т. Попутно извлекалось и серебро.

Все это богатство грузили в вагоны и везли на Запад, туда, где руда превращалась в металл и танки, а золото – в поставки по ленд-лизу. Золотом брали «союзнички», золотом. Не иначе.

4 июня 1940 года начальник Главного управления железнодорожного строительства НКВД СССР Н. А. Френкель представил наркому записку о строительстве новых железных дорог. В тот же день Берия записал в дневнике:

«Говорил с Кобой по докладной Френкеля. Нафталя написал коротко и убедительно. Списки представил, буду докладывать Кобе. Хорошо представлять списки на награждение, а не на расстрел. А, к черту!

Построили много. За 7 лет более 5000 километров путей. Это не шутка. Буду просить Кобу хорошо наградить».

АРХИТЕКТОР Берия строил незадолго до разрушительного нашествия, не сомневаясь, что устоит Империя.

К тому же, помимо собственного вклада в создание внутреннего валового продукта, НКВД внимательно следил, чтобы другие «строители» не путали государственный карман с личным.

В феврале 1941 года, буквально накануне войны, Политбюро утверждает заместителем наркома государственной безопасности

СССР «Тов. ***КОБУЛОВА Богдана Захаровича***, работающего Начальником ГЭУ НКВД СССР».

По мнению С. Кремлева, расширение деятельности Главного экономического управления было одной из выдающихся идей Сталина и Берия. ГЭУ НКВД стало контрольной структурой для получения объективной информации о положении дел в народном хозяйстве СССР. В Кремле были вынуждены принимать не совсем популярные решения. Такие шаги требовали особой взвешенности. А тут…

Партийные и хозяйственные руководители могли умело искажать и приукрашивать действительность, а ГЭУ обязано было давать (и давало!) **подлинную картину** состояние экономики. Для этого управление располагало профильными отделами: промышленности, оборонного сектора, сельского хозяйства, авиастроительной индустрии, топливного обеспечения.

Собственно, такая структура была учреждена еще Дзержинским в 1923 году. Но при «павиане» и любителе порнографии Ягоде Управление «усохло» до отдела, а Ежов вообще расформировал ЭКО ГУГБ.

Берия, с приходом в НКВД, сразу вернул статус отправленному на свалку экономическому блоку. Штат ГЭУ был укомплектован высокообразованными сотрудниками, способными не только вскрывать факты вредительства, халатности, но и определять уровень производственной и управленческой квалификации, предлагая компетентные рекомендации по исправлению выявленных недостатков. Иными словами – не можешь – научим (по мере сил и необходимости), не хочешь – заставим (ГУЛАГ никто пока не отменял).

В. М. Молотов об этих годах так вспоминал:

«*По сути, к войне мы были готовы в главном. Пятилетки, промышленный потенциал, который был создан, он и помог выстоять. Иначе бы у нас ничего не вышло. Прирост военной промышленности в предвоенные годы у нас был такой, что больше было невозможно!.. Каждый день всех членов Политбюро, здоровых и больных, держать в напряжении… А возьмите весь народ, все кадры. Мы же отменили 7-часовой рабочий день за два года до войны! Отменили переход с предприятия на предприятие рабочих в поисках лучших условий, а жили многие очень плохо, искали, где бы получше*

пожить, а мы отменили. Никакого жилищного строительства не было, а строительство заводов колоссальное, создание новых частей армии, вооруженных танками, самолетами… Конструкторов всех дергали: «Давай скорей, давай скорей!» – они не успевали, все были молодые конструкторы!..».

«*…Перед войной мы требовали колоссальных жертв – от рабочих и от крестьян. Крестьянам мало платили за хлеб, за хлопок и за труды – да нечем платить-то было! Из чего платить? Нас упрекают: не учитывали материальные интересы крестьян. Ну, мы бы стали учитывать и, конечно, зашли бы в тупик. На пушки денег не хватало!.. Готовились с колоссальным напряжением, больше готовиться, по-моему, невозможно. Ну, может быть, на пять процентов больше можно было сделать, но никак не больше пяти процентов. Из кожи лезли, чтоб подготовить страну к обороне, воодушевляли народ: если завтра война, если завтра в поход, мы сегодня к походу готовы! Ведь не заставляли засыпать, а все время подбадривали, настраивали*…».

Тогда Сталин не только убедил население пойти «на энтузиазм» ударных пятилеток и комсомольских строек, но и смог за счет взятия под полный контроль государства промышленности и сельского хозяйства, не без участия ГЭУ НКВД, совершить рывок, **выведя СССР к 1941 году на второе место в мире, после США.**

«Мне интересно больше в народное хозяйство влезать, – писал Берия в дневнике 3 января 1941 года, – *тут на 1941 год у нас большие надежды. Если не война».*

Война…война… Уже в 1939-м ее предчувствие витало по кремлевским коридорам.

31 марта Сталин пригласил Берия пораньше, поздравил с днем рождения. 40 лет! И заговорил о… войне.

(Из дневника) – *«Война может быть уже летом. Я говорю, а как же подготовка. Мы еще не готовы. Он говорит, как готовы, так и будем воевать, они тоже не очень готовы…*

Пока шел съезд (18 съезд ВКП(б), март 1939 года. – *Ред.*) *ситуация в Европе крепко изменилась. Активизировались венгры (оккупация*

Закарпатской Украины), немцы вошли в Чехию и Мемель, теперь открыто требуют возврата Данцига. В Испании дело кончено (К 1 апреля 1939 года вся территория Испании была занята войсками генерала Франко. – *Ред.*).

В Дюссельдорфе прошло совещание германских и английских промышленников. Вот это опасно. Если они договорятся за наш счет, будет плохо. А Литвинов их обхаживает и собачится с немцами. Развел в наркомате Биробиджан и сам Биробиджан. Как бы это дело прекратить…».

«Прекратить» надо было еще в 20-е годы. Литвинов-Валлах всю гражданскую войну провел в Лондоне, где служил главным связующим звеном между Ллойд Джорджем – Мильнерами и их ставленниками в Москве.

Летом 1939-го германское руководство обратилось к советскому правительству с предложением незамедлительно подписать договор о ненападении. В Москву прибыл министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп. 23 августа 1939 г. с ним встретился нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов, сменивший М. Литвинова-Валлаха 5 марта 1939 года. Некоторые исследователи считают, что всё, что до этой даты в Советской России происходило, всегда корректировалось и управлялось группой, над которой царил ставленник Запада М. М. Литвинов. Эта группа не была троцкистской, поэтому особо не защищала людей Бронштейна, а скорее, приносила в жертву за ненадобностью. В мире же ими был взят курс на сближение Советского Союза, в качестве сырьевого придатка, с Францией, Британией и Америкой. Вот такое антисоветское гнездо, потянув за нитку в спецслужбах, разворошил и уничтожил Лаврентий Павлович.

Бывший премьер-министр Франции, иллюминат, личный приятель Литвинова, враг Советской России Эдуард Эррио тогда публично заявил: «Ушёл последний великий друг коллективной безопасности». Этим всё сказано.

Молотов и Риббентроп подписали договор о ненападении между СССР и Германией сроком на 10 лет. В секретном дополнительном протоколе к договору предусматривалось разграничение сфер интересов договаривающихся сторон в Восточной Европе. Линия разграничения проводилась по территории Польши. Финляндия,

прибалтийские государства, а также Бессарабия признавались сферой интересов СССР.

Несмотря на скоротечное заключение договора 23 августа 1939 г., каждый из участников отдавал себе отчёт в том, какие преимущества он получал от него. Советский Союз отодвигал на время угрозу германского нападения. Германия развязала себе руки для дальнейших действий в Европе, в первую очередь против Польши. Вопрос о том, когда Гитлер предпримет очередной шаг, являлся лишь вопросом времени.

И секретом для Кремля это не было.

1 сентября 1939 года Германия начала Польскую кампанию, переросшую во Вторую мировую войну.

17 сентября 1939 года советские войска получили приказ пересечь советско-польскую границу и занять территории, в подавляющем большинстве населенные белорусами и украинцами.

Новая линия государственной границы СССР проходила по линиям рек Нарев, Буг, Сан. В результате этого **государственная граница СССР была отодвинута на 250–300 км на запад от жизненно важных центров СССР.** Освобожденные районы решением сессии Верховного Совета СССР от 1 и 2 ноября 1939 года были включены в состав Украинской и Белорусской ССР.

Укрепление границы и разведки, – вот что стало во главе предвоенной повестки дня для Лаврентия Берия.

События тогда развивались стремительно. И, следуя за фабулой политической, организационной круговерти, мы рискуем упустить один существенный момент. Личную жизнь Лаврентия Берия. Хотя времени на нее у Героя оставалось в обрез.

Но впереди – более существенные сюжетные повороты, поэтому уделим несколько страниц семье и быту. Потом на «лирику» просто не останется места.

Дома

«Семья – это общество в миниатюре, от целостности которого зависит безопасность всего большого человеческого общества».

Феликс Адлер, американский педагог

Когда Берия перевели в Москву, семья поначалу осталась в Тбилиси – Нина Теймуразовна была категорически против переезда. Но когда Сталин узнал об этом, он рассердился и послал в Тбилиси начальника своей охраны генерала Власика. Тот решил вопрос просто, по-солдатски: вошел в дом и объявил, что они переезжают в Москву. На сборы – 24 часа.

В Москве они сначала жили в правительственном доме, так называемом Доме политкаторжанина. Как-то раз к ним заглянул Сталин, поморщился: «Нечего в муравейнике жить, переезжайте в Кремль!» Однако Нина Теймуразовна за кремлевскую стену перебираться не захотела. «Ладно, – уступил Сталин. – Распоряжусь, пусть какой-нибудь особняк подберут». Такая же история произошла и с дачей. У них был небольшой домик в селе Ильинском, по Рублевскому шоссе. Сталин приехал, опять же поморщился: «Я в ссылке лучше жил». Их переселили в правительственный поселок, но

и там тоже никаких дворцов не было – дом из пяти комнат, и то одна была занята бильярдом. Даже на положенном ему бронированном «паккарде» Берия почти не ездил, пользовался обычной машиной.

«Человеком он был разносторонне одаренным, – вспоминает Серго Берия. – *Очень любил и понимал музыку. Мама часто покупала пластинки с записями классической музыки и вместе с отцом с удовольствием их слушала. А вот поэзию, насколько помню, отец не читал. Он любил историческую литературу, постоянно интересовался работами экономистов. Это ему было ближе.*

Не курил. Коньяк, водку ненавидел. Когда садились за стол, бутылка вина, правда, стояла. Отец пил только хорошее грузинское вино и только в умеренных, как принято говорить, дозах. Пьяным я его никогда не видел.

Костюмы из Лондона, Рима и еще откуда – это и вовсе смешно. Обратите внимание: на всех снимках отец запечатлен в на редкость мешковатых костюмах. Шил их портной по фамилии Фурман. О других мне слышать не приходилось. По-моему, отец просто не обращал внимания на такие вещи. Характер жизни был совершенно иной, нежели сегодня. Назовите это ханжеством, как хотите, но жить в роскоши у руководителей государства тогда не было принято…

Как и все мы, отец был неприхотлив в еде. Быт высшего эшелона, разумеется, отличался от того, какой был присущ миллионам людей. Была охрана, существовали определенные льготы, правда, абсолютно не те, которыми партийная номенклатура облагодетельствовала себя впоследствии… Приходила девушка, помогавшая в уборке квартиры, на кухне. Был повар, очень молодой симпатичный человек, и, если не ошибаюсь, он имел соответствующую подготовку. Но, как выяснилось, опыта работы он не имел, что, впрочем, ничуть не смутило домашних. Мама сама готовила хорошо, так что наш повар быстро перенял все секреты кулинарного искусства и готовил вполне сносно.

Предпочтение, естественно, отдавалось грузинской кухне: фасоль, ореховые соусы. Если ждали гостей, тут уж подключались все. Особых пиршеств не было никогда, но всегда это было приятно…

…Вспоминаю наши лыжные походы в Подмосковье, прогулки по лесу. Отец очень любил активный отдых и умел отдыхать. Помню, недели две вдвоем с ним занимались мы оборудованием спортивной площадки. И каток небольшой нашли, с тем, чтобы уплотнить землю, и сетку волейбольную купили. Оба были очень довольны.

Когда уезжали в отпуск на юг – а мы всегда проводили отпуска вместе, позднее они отдыхали с мамой всегда вдвоем, он любил ходить в горы. Хорошо плавал, ходил на байдарке или на веслах. Здесь уже постоянной спутницей была мама.

Вместе с мамой посещал манеж – к верховой езде был приучен с детства и, чувствовалось, в молодости был неплохим наездником.

Ну, а о том, как отец любил футбол, ходят легенды. Утверждают даже, что в молодости Берия был чуть ли не профессиональным футболистом. Это преувеличение – конечно, хотя, как и волейбол, футбол он очень любил и, наверное, играл неплохо.

Когда создавалось спортивное общество «Динамо», его основной задачей было приобщение сотрудников к физической культуре, спорту. Тон здесь должны были задавать руководители. Так что любовь отца к спорту стала носить и показательный характер. Молодым чекистам было неудобно отставать от начальства…».

Ну вот, пожалуй, и все о семье и быте.

Об одном из самых ответственных дел упомянули, теперь – о втором. А может быть, и первом…

Джордж Герберт, средневековый поэт с Британских островов, сделал вывод: *«Выбор жены и покупку меча нельзя передоверять никому».*

Так что очередь – за «мечом»…

Если завтра в поход

6 февраля 1939 года в своем дневнике Берия записал:

«…Погранохрану надо ставить по новому. На границе политически неграмотный человек служить не должен. На него с той стороны смотрят, он должен быть образец и по виду и во всем. Чтобы все девки сохли по обе стороны границы.

…Оперативная связь на границе нужна. Радио само собой. А главное, проводная. На границе проводную можно, потому что нормальный режим на границе в мирное время, а в мирное время массово связь рвать не будут. А если связь рвут, это уже война. Или на носу.

Вооружение на границе сейчас [плохое], слабое. Надо крепко перевооружать. Нужны автоматы и минометы. Если война будет, армия армией, а нам тоже воевать.

Одиночная подготовка должна быть как у диверсанта. Против тебя не урка идет, а хорошо подготовленный человек. И ты должен. Надо уметь действовать одному и в малой группе. Стрелять надо хорошо. На границе нужны ворошиловские стрелки. Снайперов надо готовить массово.

Дальше, на границе нужна своя разведка. Одного агента можно раскрыть и перевербовать. И не будешь знать, на кого он работает, на тебя или на дядю. А если массово, на низовом уровне, то тут уж такой наплыв информации, что не спрячешь. Для пограничных войск

разведку поставим отдельно. Это нам еще в Закавказье помогло. От крестьян узнаешь больше, чем от шишки из министерства».

Для погранвойск Л. Берия – как нарком – всего за три неполных предвоенных года сделал много. Конечно, лучшие традиции советских пограничников были заложены до Лаврентия Павловича. Но он их приумножил хотя бы тем, что с 1939 года стал издаваться журнал «Пограничник», быстро ставший популярным.

Впрочем, газеты и журналы, как идейное оружие и инструмент воспитания кадров, действенны тогда, когда подкреплены эффективной организацией и соответствующим материальным ресурсом. Возглавив НКВД СССР, Берия подошел к совершенствованию организации охраны госграницы именно как компетентный управленец. При этом он, профессиональный чекист, не забыл и о разведывательной работе в погранвойсках.

По тем временам масштаб преобразований просто поражал!

Результаты сказались быстро: выросла не только специальная, но и войсковая подготовка пограничников, хотя они по определению не призваны воевать как армейцы. Но пограничники воевали, да еще и как! Их боеспособность уже к концу 1939 года была настолько очевидна, что в Финской войне, изобиловавшей просто-таки преступными просчетами армейцев, ситуация иногда складывалась почти анекдотическая.

Так, совместной директивой наркома обороны Ворошилова и наркома внутренних дел Берия № 16662 еще 14 сентября 1939 года, то есть до развертывания боевых действий, было предусмотрено, что с их началом погранвойска входят в оперативное подчинение командования РККА до выхода частей РККА на рубеж 30-50 км вглубь финской территории.

К середине декабря многие части 9-й армии на этот рубеж вышли, однако войсковые командиры по-прежнему требовали выделения для поддержки **подразделений пограничных войск.**

Кончилось тем, что 17 декабря 1939 года начальник штаба погранвойск НКВД Карельского округа полковник Киселев направил в штаб 9-й армии доклад, в котором тактично, но твердо напомнил армейским генералам, что дело погранвойск – охрана госграницы, а не прорыв сильно укрепленной обороны.

1 января 1940 года Л. Берия в своем дневнике записал:

«Новый Год начался. Первый раз его встретил в Кремле у Кобы. Так матерились, даже Коба, что не заметили, как оказались в 1940 году. Армия обср…лась и не хочет этого признать. Я их фактами, они упираются. Потом Коба не выдержал, сам стал ругаться, он так редко бывает. Клим побледнел, а Коба говорит, Лаврентий прав. Судить вас надо. Да где других возьмешь…»

«Где других возьмешь…» Может, в этом причина кадровых решений Сталина с оттенком трудно объяснимого либерализма? Решений, угрожающих порой не только развитию, но и безопасности страны? Отчасти. Хотя были другие мотивы, которые прозвучат в нашей книге. Пока не время.

…Пограничники воевать умели, а Берия позаботился и о том, чтобы они воевали и лучшим оружием.

Одним из неприятных для СССР сюрпризов Финской войны стало массовое применение противником автоматов «Суоми». Образцы их в наркомате обороны имелись и до зимнего конфликта, но детальное представление об их эффективности в бою дала война.

Ни нарком маршал Ворошилов, ни сменивший его нарком маршал Тимошенко, ни начальник вооружений РККА маршал Кулик и другие высокие военные чины из итогов войны должных выводов не сделали, и даже после финских неудач армия автоматы «не жаловала». В 1940 году промышленность СССР произвела всего 81 тыс. пистолетов-пулеметов (автоматов). Крохи для почти двухмиллионной армии. К тому же, если учесть, что в 1940 г. через 1-1,5-месячные сборы планировалось подготовить 3 миллиона человек в основном дефицитных военных специальностей. Ворошилову – Тимошенко это было невдомек?

Зато верные выводы задолго до «большой» войны сделал нарком внутренних дел и заказал для погранвойск столько автоматов, сколько позволяла смета расходов ГУПВ НКВД.

К началу 1941 года только в Украинском пограничном округе имелось на вооружении 300 станковых пулеметов, более 600 ручных пулеметов и немало автоматов.

А кроме того, около 500 автомобилей.

В пяти же отрядах Белорусского пограничного округа имелось 200 станковых пулеметов, около 400 ручных пулеметов, около 6,5 тыс. самозарядных винтовок и 2,5 тыс. автоматов.

В 1940 году для усиления огневых возможностей погранзастав было дополнительно выделено 3515 автоматов, 1200 самозарядных винтовок и 110 станковых пулеметов, а в марте-апреле 1941 года – 357 ротных минометов РМ-50, 45 станковых пулеметов и 18 противотанковых ружей.

Относительная насыщенность погранвойск автоматическим оружием перед войной во много раз превосходила армейские показатели, и с началом войны **НКВД порой приходилось делиться с армией своими запасами**, хотя они войскам НКВД и самим были нужны для боев!

Здесь не обойтись без короткой реплики. Если пограничники и войска НКВД благодарили нового наркома Л. Берия за переоснащение частей современными видами оружия, то «благодарить» за отсутствие в арсеналах тех же автоматов и пулеметов накануне войны регулярная армия должна была своего «легендарного» маршала.

Вот что пишет Арсен Мартиросян:

«Став в июне 1931 года заместителем председателя Реввоенсовета СССР и начальником вооружений РККА, М. Тухачевский сознательно стал проводить губительную для армии политику в отношении вооружений. В частности, именно в это время он откровенно «зарубил» постановку на вооружение ручного пистолета-пулемета В. Дегтярева, признанного на полевых испытаниях того времени самым лучшим. Всего 300 штук заказал, и то для начальствующего состава (а для чего?).

Тухачевский пытался протащить преступную идею о необходимости сокращения артиллерии в два раза!»

Но и это не все!

«Тухачевский в компании с заместителем наркома тяжелой промышленности И. Павлуновским (в прошлом – начальником охраны Троцкого, имевшим за плечами лишь церковно-приходскую школу) планировали перевооружить артиллерию РККА и ВМС с обычных орудий на динамореактивные пушки системы Курчевского. Однако все

авиационные, корабельные, танковые, горные, зенитные и другие пушки Курчевского оказались полностью недееспособными. Свыше 5000 орудий Курчевского пошли на металлолом. А ведь с 1931 по 1935 годы, вплоть до разгрома заговора Тухачевского в 1937 году, почти все артиллерийские заводы СССР работали над производством пушек Курчевского. В результате к началу Второй мировой войны Красная Армия осталась без зенитных автоматов, без тяжелых зенитных пушек, без артиллерии особой мощности» (А. Широкорад, историк вооружений РККА).

Но и это только «цветочки»! Вот, к примеру, письмо от 10 декабря 1933 г., адресованное Павлуновскому с припиской: «Лично». Некий И. К. Баранов предлагал принять на вооружение электромагнитную установку для улавливания снарядов. К письму приложен чертеж. Суть изобретения заключалась в том, что вокруг нашей батареи устанавливались несколько сверхмощных магнитов, которые отклоняли в сторону вражеские снаряды, и батарея становилась неуязвимой. Дело с проектом Баранова, кончилось ничем, но работы по созданию такой установки **были начаты!**

13 декабря 1932 г. Тухачевский провел совещание, на котором присутствовали А. Ф. Иоффе, А. А. Черкашов, профессор Шулейкин и ряд других специалистов. Речь шла о новейшем оружии – установке «лучи смерти», разработанной Иоффе. В Институте рентгенологии проектировали две установки – в 5 мегавольт и в 10 мегавольт. «Лучи смерти», по заявлению Иоффе, должны были смертельно поражать людей на расстоянии 300-400 м от установки. По результатам совещания Реввоенсовет постановил работы над «лучами смерти» академика Иоффе сосредоточить в Государственном физико-технологическом институте. «Наблюдение за работами» поручили товарищу Орджоникидзе и товарищу Ягоде (от НКВД).

Нарком К. Е. Ворошилов сделал специальный доклад о «лучах смерти» В. М. Молотову, и колесо завертелось.

Сколько ушло миллионов на подобные затеи, можно только гадать, поскольку большинство аналогичных проектов до сих пор хранится в архивах под грифом «совершенно секретно», скрывая следы псевдонаучного идиотизма.

Наверняка кое-кто из читателей возмутится: да как же можно назвать «идиотом» Абрама Федоровича Иоффе (1880-1960) – академика, лауреата всевозможных премий, и прочая, и прочая… Да он еще в 1903-1906 гг. работал в Мюнхене с самим Вильгельмом Рентгеном!

(Фамилия Иоффе еще появится на страницах нашей книги в главе, посвященной главному детищу Л. Берия – «Атомному проекту»)

И в самом деле, как мог такой крупный и действительно талантливый ученый предлагать идею, которую с порога должны были отмести младший командир РККА или выпускник технического ВУЗа, имевшие представление о практической ценности таких «открытий».

И Баранова, и Иоффе следовало озадачить лишь одним вопросом: сколько будет стоить электромагнитный улавливатель снаряда или «луч смерти»? Понятно, что не меньше стоимости материальной части десятка гаубичных полков. Ну а далее следовало сравнить их по критерию «эффективность/ стоимость», не забывая о мобильности установок, стоимости обучения личного состава и т. д.

Конечно и Баранов, и Иоффе, вытребовав огромные средства, вполне могли изготовить опытные образцы обеих установок и провести их полигонные испытания. Но ни об их серийном производстве, ни об эффективности применения больше и речи не могло идти.

Ни Иоффе, ни Баранов не представили стоимости постройки электростанций, питающей их установки. Естественно, не было указаний, как будут передвигаться их системы с электростанцией, а в случае использования стационарных установок, в какую копеечку влетит сооружение защиты подобной системы и т. д. А у товарищей Тухачевского и Павлуновского не хватало ни смекалки, ни образования думать о подобных «пустяках»?

Хотя не за горами была война!

Но границу Лаврентию Берия удавалось обеспечивать необходимыми ресурсами. В том числе и кадровыми.

В течение 1939-1940 годов личный состав погранвойск возрос на 50 %, а в начале 1941 года якобы «не готовившийся к войне» Берия добивается и дополнительного увеличения их численности, с доведением ее на западной границе до 100 тыс. человек в пределах пяти приграничных военных округов: Ленинградского,

Прибалтийского Особого, Западного Особого, Киевского Особого и Одесского…

Пограничных же западных округов было восемь: Мурманский, Карело-Финский, Ленинградский, Прибалтийский, Белорусский, Украинский, Молдавский и Черноморский. Причем в Белорусском и Украинском пограничных округах было сосредоточено 47 % численности всех западных погранвойск.

Уже это говорит о том, что Берия предвидел направления возможных главных ударов немцев. Да и как можно было не просчитывать развитие событий, передавая Сталину информацию, поступавшую к Берия от разведцентров и непосредственно с границы? В первом квартале 1940 года среди многочисленных нарушителей государственных рубежей (а их нарушали и контрабандисты, и кумовья по разные стороны следовой полосы, решившие навестить родственников) было разоблачено 28 немецких агентов, во втором квартале – 43, в третьем – 64, в четвертом – 99, а в первом квартале 1941 года – уже 153.

А уж о «заблудившихся» самолетах «Люфтваффе» и говорить нечего: «блудили» и по одиночке, и целыми звеньями. А в апреле 1940 сразу пять германских тральщиков нарушили советскую морскую границу в районе Мурманска.

Сталин пошутил: «Ничего, когда одиночки залетают или заплывают. Лишь бы по земле дивизиями не заходили».

После одного из совещаний в Кремле в марте 1940 годы, где обсуждались провокации на границе, Берия оставил любопытную запись в дневнике:

«Сидели Коба, Клим, Молотов и я. Решили, что дальше огонь по самолетам нарушителям открывать не будем, будем заявлять протесты пограничным властям. Коба сказал, что если они нарушают так массово, то это они ищут провокации. А нам это ни к чему.

Потом подошли военные. Военные меня всегда выводят из себя. Не успели кончить войну, строят из себя стратегов. А что нос драть. Говорят, мы войну выиграли. Вы ее проср…ли, а уж потом выиграли. Раньше я с ними меньше дела имел, а за эти четыре месяца насмотрелся и наслушался. По картам ползают, товарищ Сталин, товарищ Сталин, а воевали [плохо]».

Конечно же, Берия, опираясь на опыт Финской кампании, готовил погранвойска к обороне по-своему.

В мае 1940 года Лаврентий Павлович записал в дневнике, оценив ситуацию, скорее, с позиций зрелого политика, нежели практика-разведчика:

«Порохом пахнет. Немцы Францию добьют, это уже ясно. Теперь их зона влияния вся Европа до нашей границы. Италия самостоятельной политики провести вряд ли может. С турками мне не ясно.

Балканы считаются прорусскими, а на самом деле проанглийские. Коба на славян надеется, но зря. В Белграде любят русских, а сделают, что Лондон скажет… Разработка завербованных пленных показывает интересные вещи. Финские офицеры разведки предлагают поехать на учебу в Америку. Так что финны обнаглели не просто так. Америке нужна война. Значит, американскую линию по разведке надо усиливать и усиливать.

В Литве, Латвии и Эстонии усиливаются фашистские националистические организации. Особенно в Литве расчет на немцев…»

Этот анализ был сделан наркомом внутренних дел СССР без малого 80 лет тому назад! Каждая строка – актуальна в наши дни, как никогда.

Но вряд ли многие сегодня, причем по разные стороны границы, признают правоту Лаврентия Берия. И не потому, что это «Берия с клеймом XX съезда». А потому что ПРАВ! И тогда, и сейчас.

Значимость разведки, от политической до приграничной, **росла** не по дням, а по часам.

«При новом наркоме начали решать проблемы, связанные с разгромом опытных чекистских кадров, которые попали под волну массовых репрессий. В отношении многих пострадавших были проведены амнистия и реабилитация, некоторых бывших сотрудников стали возвращать в строй, налаживать контрразведывательную работу, воссоздавать зарубежные резидентуры, разгромленные при Ежове. Одновременно активно стали проводить спецнаборы и

обучение в школах НКВД» (В. Виноградов, ведущий инспектор Управления регистрации и архивных фондов ФСБ РФ, профессор РАЕН).

«Новые руководители разведки – Фитин, Судоплатов обращались к Берия с соответствующими предложениями, ***но всю полноту ответственности перед Сталиным за возможные провалы и дезинформацию нес Берия****! Однако он пошел на риск и вернул в активную разведывательную работу ряд как опытных, так и перспективных нелегалов, попавших под подозрение – достаточно напомнить примеры Василия Зарубина и Александра Короткова»* (С. Кремлев, историк).

С Зарубиным и Коротковым, сделавшими безмерно много для Победы, после смерти Берия «разобрался» Хрущев.

Павел Фитин. По партийному набору был направлен на специальные курсы школы особого назначения НКВД, готовившей кадры для внешней разведки, и после их окончания его определили стажером в 5-й (иностранный) отдел Главного управления госбезопасности на должность оперативного уполномоченного. Уже в конце 1938 года стал заместителем начальника отдела, а вскоре последовало новое назначение: молодой выпускник школы особого назначения Павел Фитин в неполные тридцать два года возглавил внешнюю разведку госбезопасности. За короткий срок ему удалось воссоздать 40 зарубежных резидентур, направить в них более 200 разведчиков, а также реанимировать многие нелегальные резидентуры. Это сразу отразилось на результатах – в Центр потекла секретная информация.

Кстати, Берия недолюбливал Фитина. Не будем копаться в пыли закулисных интриг, пытаясь выяснить, за что. Но личная неприязнь не сказывалась на работе. А именно дело было главным для Берия.

В июле 1940 года в Берлин для восстановления связи с ценными источниками резидентуры – сотрудником разведотдела «Люфтваффе» Харро Шульце-Бойзеном (оперативный псевдоним «Старшина») и старшим правительственным советником имперского министерства экономики Арвидом Харнаком («Корсиканец») – прибыл молодой разведчик Александр Коротков. Срок его командировки первоначально

был определен в один месяц, однако затянулся на полгода. В Германии Коротков наладил контакт с ценнейшим источником берлинской резидентуры НКВД, начальником «советского» отдела гестапо Вилли Леманом (псевдоним Брайтенбах), от которого накануне войны были получены важные документальные материалы, в том числе доклад, подготовленный гестапо для Гиммлера от 10 июня 1941 года о советской подрывной деятельности. Из него стало ясно, что гитлеровскому руководству ничего существенного об оперативной работе резидентур НКВД и ГРУ в Германии неизвестно. На связь с Арвидом Харнаком советский разведчик вышел в сентябре 1940 года. «Корсиканец» передал Короткову ряд ценных разведывательных сведений, включая информацию о военных планах Германии против Советского Союза. Вскоре через него была установлена связь и со «Старшиной» (Харро Шульце-Бойзен), а также с другими членами подпольной антифашистской организации, получившей впоследствии название «Красная капелла».

В одном из интервью сын Лаврентия Берия Серго, непосредственно участвовавший в весьма значимых разведывательных операциях, а потому знавший о работе чекистов не из случайных реплик папы и его редких гостей, поделился воспоминаниями.

– Не верьте, когда говорят, что Берия давал Сталину не те сведения, что он дезинформировал его… Еще в начале 1941 года план «Барбаросса» полностью находился в руках советской разведки и с ним ознакомили Сталина. Единственная поправка, которую внесли в него фашисты – это перенос даты наступления на один месяц.

Сталин не игнорировал ни одну информацию и не хуже других знал, что война вот-вот грянет, но не хотел провоцировать немцев. Он был осведомлен и о двойной игре англичан, которые все время пытались столкнуть лбами Германию и СССР. На Советский Союз работали очень высокопоставленные немцы, в том числе двое из ближайшего окружения Гитлера, сообщавшие о всех его намерениях. Они делали это из-за несогласия с фюрером, полагая, что таким образом смогут отстранить его от власти. Нам, конечно, известна фамилия Филби, но, кроме него, в различных странах мира действовала еще целая плеяда блестящих разведчиков.

– Ким Филби был человеком Берия?

– Да. Его завербовал француз грузинского происхождения…

– Известно, что перед войной Лаврентий Берия организовал при НКВД СССР особое техническое бюро. Что это за организация и чем она занималась?

– К концу 40-х годов в советских тюрьмах и лагерях находился цвет не только творческой, но и технической интеллигенции. Это были высокообразованные, чрезвычайно талантливые люди, способные принести огромную пользу стране. Чтобы дать им хоть какую-то возможность для реализации своих способностей, отец предложил создать это бюро.

Предвижу вопрос: не проще ли было их освободить? Разумеется. Но попробуй выпустить на волю человека, признавшего себя виновным в тягчайших преступлениях! Хотя эти признания делались под жесточайшим давлением, нарком не имел права пересмотреть решение суда.

Для справки: *А. Н. Туполев арестован 21 октября 1937 в Москве, в доме А.А. и Н. Д. Архангельских (Большой Власьевский, 12, кв. 2). После ареста ему и авиаконструктору В. М. Петлякову было предъявлено обвинение в организации и руководстве «Русско-фашистской партии». Если Туполев не признается, жену его обещали отправить в лагерь (она тоже сидела в Бутырской тюрьме), а детей – в детские дома. Под угрозой ареста родных он «сознался», что с 1924 г. являлся французским шпионом.*

Андрей Туполев рассказывал мне, как отец несколько раз вызывал его и уговаривал отказаться от прежних показаний. Убедившись в неэффективности подобного приема, отец и решил объединить всех зэков-ученых в специализированные конструкторские бюро по самолетостроению, моторостроению и т. п. Выполнив задание, группа конструкторов освобождалась. Таким образом, были выпущены Петляков, Мясищев, тот же Туполев. Они, как и многие другие, стали узниками еще во время Ягоды-Ежова, и заявления некоторых исследователей о том, что Берия сажал крупных специалистов с единственной целью – пополнить внутритюремные предприятия квалифицированными рабочими, далеки от истины».

О работе советской разведки мы еще поговорим, когда коснемся событий Великой Отечественной войны, а сейчас – подробнее о том, на чем остановился в интервью Берия-младший.

Шарашки

Давайте для начала заглянем в словари, чтобы с научной точки зрения рассмотреть явление, которое сыграло довольно значимую роль в истории страны.

– Притяжательное прилагательное «шарашкина» образовалось от диалектного шарань («шваль, голытьба, жульё»). Выражение «шарашкина контора», или просто «шараша» сначала означало буквально «учреждение, организация жуликов, обманщиков», а сегодня применяется для обозначения просто несолидной конторы.

Короче, хорошего мало. Еще Михаил Шолохов в «Судьбе человека» добавил от себя. Помните исповедь Соколова: *«Меня определили работать в «Тодте» – была у немцев такая* ***шарашкина контора*** *по строительству дорог и оборонительных сооружений»*.

Но военные годы и предшествующий началу агрессии период, когда руководство НКВД перешло к Берия, внесли новое содержание в эту захудалую структуру, добавив некий академический дух.

Хотя в свое время Анатоль Франс тонко подметил: «*Наука непогрешима, но ученые часто ошибаются*».

Почему эта штука пришлась ко двору, станет понятно из новой главы.

…Не Берия придумал то, что потом назовут малопривлекательным словом «шарашки». Это произошло задолго до его переезда из

Тбилиси в Москву. А буквально накануне по приказу Ежова был организован Отдел особых конструкторских бюро НКВД СССР (приказ НКВД № 00641 от 29 сентября 1938).

21 октября 1938 г. это подразделение получило наименование «4-й спецотдел». Который, в свою очередь, 10 января 1939 г. был преобразован в Особое техническое бюро (ОТБ) при наркоме внутренних дел.

Каким образом за колючей проволокой незадолго до войны, к которой страна не была готова, оказались десятки талантливых ученых и инженеров, способных дать стране современное оружие, – предмет отдельного исследования, выходящего за рамки нашей книги.

Но есть аспект, который наверняка будет интересен и понятен всем, к тому же не займет много места.

Многих ученых и научных работников, так сказать, «рекомендовали за решетку»… их собственные коллеги. Просматривая биографии корифеев инженерной мысли, которые были арестованы и побывали в ГУЛАГе, трудно не заметить, что в основе практически каждого уголовного дела лежали… донос и клевета их же товарищей по работе. Причём мотивы «дружеских обвинений» были не государственными, а по большей части личными, шкурными. По воспоминаниям выдающегося советского лётчика-испытателя М. М. Громова, «аресты происходили потому, что авиаконструкторы писали доносы друг на друга, каждый восхвалял свой самолёт и топил другого». Подобное происходило и в других областях и приобрело в среде творческой, научной интеллигенции характер эпидемии.

«Затруднительно было вразумительно объяснить главное. Почему, угодив на Лубянку, они добровольно, без какого-либо принуждения сдавали не столько даже десятки своих же подельников (это-то как раз понятно), сколько, прежде всего, «закладывали» сотни и тысячи ни в чём неповинных людей, что, в последнем случае, и привело к крупномасштабным и действительно необоснованным репрессиям. Логика у оппозиции была ещё та – «чем больше посадят, тем быстрее прекратятся репрессии против настоящих заговорщиков». Не шибко умная от природы вдова Бухарина – Анна Ларина – проболталась об этом в своих мемуарах (Ларина А. М. Незабываемое. М., 1989, с. 308). В интервью «Московскому Комсомольцу» вдова

маршала Катукова рассказала, как это на практике происходило. По её словам, возвращаясь с допросов, её же сокамерницы едва ли не с чувством выполненного долга буднично произносили:“Сегодня я посадила ещё семнадцать человек!” И ведь так действовали практически 99,99 % арестованных в те годы. Даже без какой-либо надобности и принуждения со стороны следствия» (А. Мартиросян).

Люди с каким-то остервенением «топили» друг друга. И не потому, что общество в одночасье потеряло нравственный стержень. Нет!

«На свете полно порядочных людей. Их можно узнать по тому, как неуклюже они делают подлости», – пошутил французский поэт Шарль Пеги.

К примеру, «отец советской космонавтики» Сергей Павлович Королёв сел по доносу, который написал на него главный инженер Реактивного научно-исследовательского института (РНИИ) Георгий Лангемак (протеже Тухачевского). Уважаемый человек? Будучи арестованным после своего патрона, он, спасая свою шкуру, стал топить сослуживцев. Кроме того, на Королева написал донос и бывший глава РНИИ Иван Клейменов (также ставленник Тухачевского), с которым Сергей Павлович не ладил, ещё в бытность его заместителем. Надо отметить, что Лангемак и Клейменов поддерживали идею Тухачевского по разработке тех самых газодинамических пушек, на которую тратились значительные материальные и финансовые ресурсы, и одновременно тормозили разработку будущей легендарной «Катюши» (систем полевой реактивной артиллерии). А идею реактивной установки выдающийся отечественный учёный Иван Платонович Граве выдвинул ещё до революции, но смог получить патент только в 1926 году. Несмотря на все его усилия, до конца 1930-х годов ему никак не удавалось сдвинуть с места вопрос о создании системы реактивной артиллерии. Да и некогда ему было это делать. По «рекомендации коллег» – сидел. В первый раз был арестован в 1919 году, но через четыре месяца освобождён. Последовательно занимавшийся лоббированием развития ракетных технологий, а потому беспокойный для партийной бюрократии, профессор Граве был вновь арестован в 1938 году под

предлогом типичных обвинений – участия в «контрреволюционной офицерской монархической организации» и в шпионаже в пользу Германии.

Граве, к счастью, не расстреляли сразу, и это спасло ему жизнь. 23 февраля 1939 года на Кремлёвском приёме в честь Дня Красной армии, Сталин вдруг обратил внимание на то, что из старой гвардии учёных почему-то присутствует только один профессор Дроздов. Вождь спросил: «А где же другие корифеи – Граве, Баркалов, Федоров, Гельвих…» После того, как Сталин приказал всех выпустить, Ивану Платоновичу вернули документы и объявили, что он свободен.

Кому-то повезло меньше – Сталин помнил не всех. Поэтому у многих талантливый технарей оставалась последняя надежда – **Берия**.

Полна драматизма история выдающегося организатора оборонной промышленности СССР Бориса Львовича Ванникова.

После разукрупнения Наркомата оборонной промышленности Ванников назначается наркомом вооружения (февраль 1939 – июнь 1941). Это было сложное и тяжелое время. В широких масштабах строились новые и расширялись действующие артиллерийские заводы. Очень правильным было решение новое строительство вести на востоке страны. Наркому пришлось идти на обострение взаимоотношений с Совнаркомом и Сталиным, защищая свои позиции. Например, он считал, что артиллерийский завод – это комплекс машиностроительного и металлургического производства и поэтому не может быть подчинен двум наркоматам. Он отказался передать строительные организации наркомата вновь создаваемому Наркомату строительства, создал собственную станко-инструментальную базу. Опыт военных лет и необходимость передислокации заводов на восток показали, что в то время и в тех условиях он оказался прав. Тоже касалось номенклатуры и конструкции выпускаемой продукции.

Из воспоминаний Ванникова («Записки наркома», в книге «Война. Народ. Победа». Кн. 3. М., 1983) встает картина того времени:

1939 год. Идет спор о том, какую самозарядную винтовку взять на вооружение. Ванников один противостоит всем членам комиссии.

Сталин внимательно выслушивает его и… принимает противоположное решение:

– Почему? – спрашивает Ванников.

– Так хотят все, – отвечает Сталин.

Освоение шло тяжело, но выпуск налажен. И посыпались жалобы: винтовка тяжела, сложна в эксплуатации и т. д. Снова вызов к Сталину: «Почему приняли на вооружение токаревскую винтовку, а не симоновскую?» Ванников напомнил историю вопроса. Сталин ответил: «Вы виноваты. Вы должны были доказать, какая винтовка лучше». И распорядился снять с производства токаревскую. И срочно готовить производство симоновской.

(В какие суммы обошелся этот «эксперимент», можно только догадываться. – *Авт.*)

Начало 1941 года. Наркомат обороны требует в пять раз увеличить выпуск самозарядных винтовок и готов отказаться от обычных. Ванников докладывает о возможностях промышленности, о сроках переоснащения. Председатель комиссии Молотов заключает: «Нам не нужны Ваши устаревшие винтовки». Но Ванников понимает, что армия может остаться и без того, и без другого. Обращается к Сталину. Сталин ответил: «Ваши доводы серьезны, мы обсудим их в ЦК и через четыре часа дадим ответ». Ровно через четыре часа он позвонил и сообщил, что решение комиссии Молотова отменено.

Весна 1941 года. Маршал Кулик предлагает снять с производства пушки малых калибров и заменить их большими. По его данным, немцы оснащают свои танки такими орудиями и увеличивают толщину брони. Ванников сомневается, возражает. В кабинете Сталина Жданов бросает реплику: «Ванников всегда всему сопротивляется, это стиль его работы». Принимается решение немедленно прекратить производство пушек 45-го и 75-го калибров. Решение было выполнено, но скоро выяснилось, что у немцев таких танков нет, а у нас нужных пушек не оказалось. Потребовались огромные усилия, чтобы восстановить и увеличить их производство.

В это время создается широкая сеть заводских и самостоятельных КБ и научных центров для разработки конструкций нового и модернизации выпускаемого оружия – стрелкового и артиллерийского – различных систем и калибров для разных родов войск.

Ванников добился в Совнаркоме решения, по которому работникам артиллерийских и оружейных заводов были установлены некоторые социальные, бытовые и финансовые льготы и компенсации. Добился также согласия Сталина на то, что отстранять от должности и подвергать аресту руководителя предприятия можно было только с согласия наркома. В результате этого решения артиллерийские и оружейные заводы пострадали в предвоенные годы от репрессий меньше, чем предприятия других отраслей.

В своих воспоминаниях Ванников пишет, что от него как наркома настойчиво добивались санкции на арест единственного конструктора минометов Шавырина. Нарком решительно отказал, ареста не последовало, и его минометы лучшим образом показали себя во время войны.

За две недели до начала войны, 7 июня 1941 года Ванников был арестован. Его обвинили в том, что он участник военного заговора и немецкий шпион. Пробыл он за решеткой недолго. Уже 17 июля 1941 года в одиночную камеру на Лубянке вошел следователь, и впервые обращаясь к Ванникову по имени-отчеству, начал издалека:

– Борис Львович, если бы вдруг разразилась война с Германией, и немцы на первых порах имели бы большой успех, куда бы мы смогли эвакуировать военные заводы?

После небольшой паузы ответил:

– Сразу я ответить не смогу, но отлично знаю каждый из военных заводов, и дня за два мог бы написать, как все это сделать.

– Прекрасно, – ответил следователь. – Я прошу Вас все написать сюда. Он протянул Ванникову довольно толстую тетрадь в сером переплете и несколько заточенных карандашей (существуют несколько версий этого разговора, эта представляется наиболее достоверной).

20 июля переодетый в новый костюм, прямо из тюрьмы Ванников был доставлен к Сталину. В кабинете находились Молотов и Берия. Перед Сталиным лежала записка Ванникова, было видно, что он над ней поработал. Сталин сказал: «Ваша записка – прекрасный документ. Вы во многом были правы. Мы ошиблись… А подлецы вас оклеветали». Потом добавил: «Этот план надо осуществить… Вам, товарищ Ванников. Не теряйте времени, приступайте».

Ванников возразил: «Я объявлен врагом народа. Кто будет выполнять мои распоряжения?» Сталин вызвал Поскребышева и

продиктовал текст документа, который вручил Ванникову:

«Государственный Комитет Обороны. 20 июля 1941 года. № 1021.

Удостоверение.

Государственный Комитет Обороны удостоверяет, что тов. ВАННИКОВ Борис Львович был временно подвергнут аресту органами НКГБ, как это выяснено теперь, по недоразумению и, что тов. ВАННИКОВ Б.Л. считается в настоящее время полностью реабилитированным.

Тов. ВАННИКОВ Б.Л. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР назначен заместителем Наркома вооружения и, по распоряжению Государственного Комитета Обороны, должен немедленно приступить к работе в качестве заместителя Наркома вооружения.

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин».

Вручая Ванникову это удостоверение, Сталин сказал: «Случаются недоразумения, к сожалению. Я ведь тоже сидел в тюрьме, товарищ Ванников». Ванников ответил: «Вы сидели у врагов, а я у своих». Сталину реплика не понравилась: «Сейчас не время держать обиды, надо работать».

(Примерно такой же диалог, только между Сталиным и А. Бергом, Сталиным и директором ракетного НИИ-88 Л. Гонором, описан в исторической литературе. С. Кремлев склонен считать эффектную словесную перепалку – поздней выдумкой журналистов. Хотя, у одного из персонажей «обмен любезностями» с Вождем мог и состояться).

В сентябре 1941-го Берия записал в дневнике: *«Ванников молодец. Бывает с придурью, но тянет хорошо»*.

Да, работал, «тянул». К 1954 году «дотянул» до трех Звезд Героя Социалистического труда. Две из них – за войну…

Чтобы вытащить из «острога» нужных людей и пристроить их к делу, Берия приходилось прикладывать немалые усилия. При этом условия содержания заключенных были существенно мягче, чем в Воркуте и на Колыме. Перед войной КБ Туполева завершило проектирование и испытания бомбардировщика ТУ-2, одного из самых совершенных на то время. После этого Туполев и многие его сотрудники были освобождены, но так и остались работать в той же шарашке. Не хотелось покидать обжитые места? Впрочем, Туполев получил за работу орден Ленина, были награждены и другие

сотрудники. А дождались бы наград и признания «на воле», это еще бабушка надвое сказала.

Вот как вспоминает об этом В. Н. Новиков, в те годы возглавлявший почти всё производство стрелкового оружия:

«В отрасли, где я работал, в предвоенную и особенно в военную пору органы госбезопасности вели себя относительно смирно. Спустя годы я не раз задавал себе вопрос: «Почему репрессии в годы войны в меньшей мере коснулись оборонной промышленности, по крайней мере, на тех участках, где довелось работать?» И волей-неволей приходил к выводу, что все упиралось ***в одного человека – в Л. П. Берию».***

Далее Владимир Николаевич Новиков пишет:

«Следует сказать, что, после того как мы оказались в сфере влияния органов безопасности, аресты заводских работников любого ранга практически прекратились… А руководство наркомата Берия оберегал особо».

Конечно, уместен вопрос: а за что сидели научные светила? Ладно, по доносам. Но за что? Ну не за карикатуры же на Сталина и стишки против Жданова, как принято считать в либеральных кругах? Конечно, нет!

Так, в начале 1938 года германский журнал «Немецкое оружие» опубликовал серию статей о ситуации в военной авиации Советского Союза. Причём автор статей, летчик германских военно-воздушных сил майор Шеттель, обнародовал секретные данные по производству советских авиационных заводов (в СССР тогда было 74 авиационных предприятия – 28 самолетостроительных, 14 моторостроительных и 32 приборостроительных). Немецкий майор привел краткие характеристики основных предприятий (о специализации, количестве ежемесячной и годовой продукции и т. д.). Шеттель отмечал, что постройка самолётов в СССР облегчалась системой «серийного производства», когда завод запускал в массовую серию одну модель и из года в год наращивал количество выпущенных машин. Кроме того, немецкий автор привел массу иных подробных данных, которые хорошо характеризовали советскую систему авиационного производства – от процесса конструирования самолетов до станков,

которые использовали на авиазаводах. Понятно, что такая публикация не прошла мимо аналитических служб органов госбезопасности Советского Союза. Была проведена определенная работа в авиационной промышленности и конструкторских бюро. Выяснилось, что положение дел с режимом секретности в этой сфере, одной из важнейших в ВПК страны, весьма удручающее. Многие были арестованы.

Но один информатор уцелел. Кто? **Николай Иванович ЕЖОВ!**

Конечно, руководителя такого ранга трудно представить иностранным шпионом в том обличье, которое обычно рисуют на страницах детективной литературы: подсматривающим, подслушивающим, с «Минольтой» последней модели и миниатюрным «Браунингом» в потайном кармане.

Уровень «информационного обмена» предполагал совершенно иной характер общения между агентом и торговцем государственными секретами. Хотя суть оставалась неизменной – предательство.

Вот небольшой фрагмент из протокола допроса бывшего руководителя НКВД:

27.04.1939

№ 1268/6

Совершенно секретно

Товарищ СТАЛИН.

При этом направляю Вам протокол допроса Ежова от 26 апреля 1939 года.

Допрос продолжается.

Народный комиссар внутренних дел

Союза ССР Л. Берия.

…

ОТВЕТ: В качестве агента немецкой разведки я был завербован в 1934 году при следующих обстоятельствах: летом 1934 года был послан на лечение за границу в Вену к профессору НОРДЕНУ.

ВОПРОС: Кто такой НОРДЕН?

ОТВЕТ: НОРДЕН по национальности немец, по неизвестным мне причинам переехавший из Франкфурта в Вену, крупнейший специалист

в медицинской науке, является совладельцем многих санаториев не только в Австрии, но и в некоторых других странах Европы.

В Вену к НОРДЕНУ на лечение направлялись больные из ряда стран мира, в том числе многие руководящие работники из СССР.

ВОПРОС: Кто именно?

ОТВЕТ: Насколько я знаю, у НОРДЕНА лечились

***ЧУБАРЬ, ГАМАРНИК, ЯКИР, ВЕЙНБЕРГ, МЕТАЛИКОВ**.*

ВОПРОС: Кто же вас завербовал?

ОТВЕТ: Завербован я был для сотрудничества с немецкой разведкой доктором ЭНГЛЕРОМ, который является старшим ассистентом НОРДЕНА.

По приезде в Вену в конце июля 1934 г. я был помещен в наиболее комфортабельный коттедж-санаторий.

На третьей неделе своего пребывания в санатории я вступил в интимную связь с медицинской сестрой, имени которой не помню. В первую ночь все обошлось благополучно, но в следующее ее дежурство в комнату неожиданно вошел доктор ЭНГЛЕР, который застал меня в непристойном виде с медсестрой и поднял скандал. Он немедленно вызвал сестру, та с криком выбежала из комнаты, а ЭНГЛЕР стал на ломаном русском языке объясняться со мной.

Он заявил: «Такого скандального случая у нас в санатории еще не было, это вам не дом терпимости, вы портите доброе имя нашего санатория. Здесь имеются ученые всего мира, а вы такие дела делаете. Придется вам выписаться из санатория, а мы доведем до сведения наших властей об этом безобразном факте. Я не ручаюсь, что эта скандальная история не появится в печати».

Я стал умолять ЭНГЛЕРА не делать этого и предложил ему деньги. ЭНГЛЕР еще более вспылил и демонстративно ушел.

На второй день я сам подкатился к ЭНГЛЕРУ извиняться за грубость, за деньги, которые я предложил ему, заявив, что хочу все дело уладить миром. В тоне, не допускавшем возражений, ЭНГЛЕР предложил мне: «Либо вы будете впредь сотрудничать с немцами, либо мы вас дискредитируем в печати. Выбирайте».

*Тут же ЭНГЛЕР сказал мне, что прекрасно знает, кто я такой, что делаю в СССР и какое положение занимаю в партии (**я тогда работал зав. промышленным отделом ЦК ВКП(б) и зам. председателя Комиссии партийного контроля).***

Я был озадачен и понял, что медицинская сестра по заранее обдуманному плану была подставлена ко мне, и попросил у ЭНГЛЕРА разрешения подумать. Он согласился.

А при следующей встрече на все предложения «доктора» согласился и Ежов.

ВОПРОС: Следствие интересует вопрос, какие сведения шпионского характера были переданы вами ЭНГЛЕРУ?

ОТВЕТ: В пределах того, что я знал по памяти, я рассказал ЭНГЛЕРУ все о состоянии вооружения и боеспособности Красной Армии, особенно подчеркнув наиболее узкие места в боеспособности РККА. Я рассказал ЭНГЛЕРУ о том, что Красная Армия очень отстает по артиллерии, как по качеству артиллерийского вооружения, так и по количеству, и значительно уступает артиллерийским вооружениям передовых капиталистических стран.

Касаясь общего экономического положения в СССР, я рассказал ЭНГЛЕРУ о трудностях колхозного строительства и больших неполадках в индустриализации страны, особо остановившись на медленном освоении вновь построенных предприятий. Это я иллюстрировал на примере Сталинградского тракторного завода, где к моменту освоения производства уже была выведена из строя значительная часть ценного оборудования. Следовательно, заявлял я ЭНГЛЕРУ, успехи в области индустриализации СССР являются сомнительными.

Далее я информировал ЭНГЛЕРА об огромной диспропорции в росте отдельных отраслей промышленности, сильно сказывающейся на общем экономическом положении страны. Особо подчеркнул я отставание группы цветных металлов и специальных сплавов, тормозящих развитие боеспособности Красной Армии.

ВОПРОС: Какие задания по шпионской работе вы получили от ТАЙЦА? (Связной ЭНГЛЕРА, проживавший и работавший в Москве. – *Авт.*).

ОТВЕТ: В Комиссии партийного контроля существовала военная группа, которую возглавлял Н. КУЙБЫШЕВ. Работа группы и ее материалы носили ***сугубо секретный характер, и потому группа подчинялась мне.*** *Материалы, которые составлялись военной группой КПК по вопросам состояния или обследования того или иного рода войск и вооружений, посылались* ***только в Комитет Обороны и***

***мне**. Как правило, все эти документы я периодически брал с собой на квартиру и во время посещения ТАЙЦА передавал ему на короткий срок, после чего он мне их возвращал.*

Я знаю, что большинство этих записок ТАЙЦ фотографировал и передавал по принадлежности.

ВОПРОС: Он вам об этом говорил?

ОТВЕТ: Да, однажды я поинтересовался, каким образом и куда он передает получаемые от меня сведения. ТАЙЦ мне сказал, что эти сведения в сфотографированном виде он передает определенному лицу в немецком посольстве, которое уже пересылает эти фотографии германской разведке.

ВОПРОС: А как он проникал в немецкое посольство?

*ОТВЕТ: Помимо своей основной работы в **Лечсануправлении Кремля** врач ТАЙЦ обслуживал и сотрудников германского посольства в Москве.*

ВОПРОС: Вы помните характер сведений, которые вами были переданы ТАЙЦУ?

ОТВЕТ: Да, помню.

ВОПРОС: Конкретизируйте.

ОТВЕТ: За время моей связи с доктором ТАЙЦ мной было передано большое количество докладных записок и справок по вопросам вооружения, вещевого и продовольственного снабжения, морально-политического состояния и боевой подготовки Красной Армии. В этих материалах давалась исчерпывающая цифровая и фактическая характеристика того или иного рода войск, видов вооружений и состояния военных округов.

За это же время мной были переданы ТАЙЦУ сведения о ходе и недостатках перевооружения военной авиации, о медленном внедрении новых, более совершенных образцов авиамашин, об аварийности военных самолетов, плане подготовки летных кадров и тактико-технические данные, характеризующие качество и количество производимых нами авиационных моторов и самолетов.

Кроме того, мною были переданы через ТАЙЦА германской разведке имевшиеся в КПК данные о состоянии танкового вооружения Красной Армии. Я обращал внимание немцев на плохое качество советской брони и неналаженность переключения танков на

дизельный мотор вместо применявшегося тогда авиационного мотора.

Далее, мною были переданы ТАЙЦУ исчерпывающие данные о крупнейших недостатках в области вещевого и продовольственного снабжения и складского хозяйства РККА. По этим вопросам, между прочим, ***в ЦК ВКП(б) состоялось специальное совещание, решение которого мною также было доведено до сведения германской разведки.***

Сообщенные мною материалы давали ясную картину положения в этой важной отрасли войскового хозяйства. Из них явствовало, что в самом начале войны Красная Армия окажется перед серьезными затруднениями.

Аналогичные материалы я передал ТАЙЦУ о состоянии химического, стрелкового, инженерного вооружения РККА, кроме того, отдельные материалы, характеризующие состояние боевой подготовки и политико-морального состояния частей Ленинградского, Белорусского, Приволжского и Среднеазиатского военных округов, которые были обследованы КПК.

ВОПРОС: В чем выразилось ваше дальнейшее сотрудничество с германской разведкой?

ОТВЕТ: В начале 1936 года ***по предложению Лечсануправления Кремля*** *для консультации ряда ответственных работников в Москву был приглашен НОРДЕН, который пробыл в СССР дней 15-20.*

Из большого количества лиц, проконсультированных НОРДЕНОМ, я точно помню ГАМАРНИКА, ЯКИРА, ЧУБАРЯ, ПЕТРОВСКОГО, КОСИОРА, ВЕЙНБЕРГА и МЕТАЛИКОВА*. Проконсультировал НОРДЕН и меня.*

Ну вот, а нам говорят «стишки… карикатуры… сплетни на кухне».

Конечно, среди читателей обязательно найдутся «эксперты», которые не преминут усомниться в искренности и правдивости показаний Ежова: дескать, известно, какими средствами выбивались нужные признания.

Сталинские судебные процессы над высшими партийными, советскими, военными чинами – тема, исследованная многими авторитетными историками, юристами. Как отечественными, так и зарубежными. И, как ни странно, у большинства исследователей не

было особых претензий к процессуальной составляющий довоенного правосудия в СССР. Мы не говорим о произволе местечковых «троек».

«Запад очень внимательно следил за московскими процессами, особенно в отношении наиболее важных подсудимых. Понимая, что им никак не отвертеться от ответственности и что в этой связи они вынуждены будут нарушить обет молчания, заправилы Запада пытались даже спасти некоторых из них. Но отнюдь не потому, что их шкуры были так уж ценны, а только для того, чтобы они лишку не наговорили на Лубянке и, особенно, в открытом судебном заседании в присутствии многочисленных представителей мировой прессы и дипломатического корпуса. Это для заправил Запада было страшней чего угодно. В Москву был направлен Лион Фейхтвангер – не только как выдающийся писатель и представитель еврейской интеллигенции Германии, но и, прежде всего, как влиятельный член еврейской масонской ложи «Бнай-Брит». Правда, результатом его визита стала знаменитая книга «Москва. 1937 год. Отчёт о поездке для моих друзей», всё содержание которой подтверждало ***справедливость предпринятых Сталиным мер****»* (А. Мартиросян).

Что же касается непосредственно «дела Ежова», то достаточно ознакомиться с его заключительным словом на процессе (03.04.1940 г.), где Николай Иванович обвиняет в шпионаже **всех** бывших коллег и даже знакомых, уверяя, что уж он-то не является… **польским** шпионом. Правда, почему польским, когда на предварительном следствии Ежов довольно складно рассказывал о сотрудничестве с **немецкими** спецслужбами?

Ну а теперь – о «гримасах ежовщины».

Не секрет, что при Сталине выдающийся конструктор космической техники **Сергей Павлович Королёв** был осуждён – но не все знают, за что именно. В 1937-1938 гг. Королев разрабатывал управляемые ракеты – крылатые и зенитные. Сегодня они – серьёзная боевая сила. Поэтому странно, что человека, занимавшегося такой важнейшей с нашей точки зрения разработкой, арестовали. Но странно сегодня. Когда Королёв только-только начал свою работу, разработчики автопилотов сразу же сказали, что не в состоянии сделать систему управления, способную действовать в условиях полёта ракеты – хотя

бы потому, что там стартовые перегрузки на порядок выше перегрузок при любых эволюциях самолёта. Инженеры оказались, к сожалению, правы. Даже немцы, опередившие нас по части приборостроения на пару поколений приборов, сумели создать летающую крылатую ракету – Физелер-103, более известную, как Фау-1 – только в 1943-м году. А немецкие зенитные ракеты до самого конца войны так и не вышли из стадии эксперимента, хотя были жизненно необходимы Германии для противостояния массированным налётам английских и американских бомбардировщиков на немецкие города. Но вот не получилось – те же немцы не смогли создать нормально летающие зенитные ракеты. Соответственно, у Королёва в 1938-м это заведомо не получилось бы. Ему об этом говорили. Он это знал. Кроме того, немцы на Физелер-103 использовали воздушно-реактивный двигатель – он берёт окислитель из окружающего воздуха, а на борту хранится только горючее. Королёв же строил крылатую ракету с жидкостным реактивным двигателем: она должна была нести на борту и горючее, и окислитель. Понятно, что суммарный энергозапас получался на порядок меньше, чем в немецком варианте. Физелер-103 пролетала до трёхсот километров, а ракета Королёва, по проекту, рассчитывалась на дальность полёта 30 км. Военные сразу же заявили: ракета такой дальности нам в принципе не нужна; на такое расстояние проще послать обычный самолёт на бреющем полёте – он долетит незамеченным, попадёт в цель без промаха, а твоя ракета, Королев, во-первых, неизбежно попадёт не точно в цель, а, во-вторых, стоит практически столько же, сколько самолёт, но ракета одноразовая, а самолёт вернётся; не нужна нам ракета с такими характеристиками. Но Королёву **было просто очень интересно**.

Знаменитый советский физик Лев Арцимович однажды остроумно заметил: *«Наука – лучший способ удовлетворения личного любопытства за государственный счет»*. Правда, в эпоху Сталина это было довольно рискованным мероприятием.

Королев был человеком в высшей степени увлечённым, как все ракетостроители той эпохи: не зря сокращение ГИРД – группа исследования реактивного движения – сами участники расшифровали как «группа инженеров, работающих даром». В итоге Сергей Павлович построил 4 опытных экземпляра крылатой ракеты. Все они летали, куда Бог пошлёт. Одну из них Бог даже послал на блиндаж на

ракетном полигоне, где находились в тот момент несколько генералов, приехавших посмотреть на такую оружейную экзотику. Понятно, Королёва арестовали: по обвинениям в попытке покушения на представителей командного состава Рабоче-крестьянской Красной Армии, нецелевом расходовании казённых средств и подрыве обороноспособности страны путём нецелевого расходования средств, поскольку Ракетный научно-исследовательский институт, где Королёв работал, финансировался из средств государственного бюджета. Но на следствии сразу отпало обвинение в покушении: ведь если ракета летит куда попало, если невозможно создать для неё автопилот – значит, невозможно её сознательно нацелить на блиндаж с генералами. Поэтому, хотя Королёв был арестован по первой категории, преступления по которой карались смертной казнью, это обвинение в ходе следствия отпало, а «любознательному» дали 10 лет по совокупности прочих деяний. Причем, случись это при Ежове, вряд ли мы когда-нибудь узнали имя Сергея Королева. Ну, если только из списков безвременно почивших «врагов народа». Но **при Берия** расстрельное обвинение пересмотрели и пришли к выводу, что нецелевое расходование средств было (когда ты делаешь нечто заведомо бесполезное, о чём тебе уже со всех сторон сказали, что это бесполезно, то это, несомненно, нецелевое использование средств), но вот подрыва обороноспособности не было, потому что Королёв действовал не по злому умыслу, а по искреннему заблуждению – и, соответственно, срок ему сократили с 10 лет до 8, положенных по закону именно за нецелевое использование казённых средств. Правда, эти годы он провёл в закрытых конструкторских бюро и его талант использовался по назначению.

Надо полагать, что сейчас за такое отношение к казённым деньгам Королёв получил бы примерно столько же. Если, конечно, кто-то удосужился бы защитить казну.

Ну, раз пошел такой разговор, еще несколько строк о главном. О деньгах!

Андрей Николаевич Туполев. Незадолго перед войной его и еще ряд конструкторов посадили в тюрьму. Либеральные историки этот факт объясняют самодурством Сталина. На самом деле все было не так. Вот что пишет об этом Юрий Мухин.

Из-за неспособности отечественных конструкторов обеспечить ВВС современными машинами, Туполеву было поручено закупить в США лицензии на самолеты, наиболее перспективные для строительства в СССР. Туполев собрал компанию в 60 человек, имевших непосредственное отношение к авиастроению, и уехал в США на несколько месяцев. Из этого бизнес-тура они привезли 3 лицензии на самолеты, чертежи на которые американцы выдали в дюймах.

Чтобы построить эти самолеты из отечественных деталей, размеры которых даются в миллиметрах, требовалось произвести перерасчет всей конструкции самолета в объемах, равноценных проектированию нового самолета. В результате эту гигантскую работу смогли сделать только для одной лицензии – на транспортный самолет И. Сикорского «ДС-3» («Ли-2»). Для этого было выключено из плановой работы КБ авиаконструктора Мясищева. То есть, Туполев огромные государственные деньги выбросил псу под хвост, но из поездки в США вся делегация вернулась загруженная американским барахлом – от костюмов до бытовых холодильников.

После этого, с 1938 года все «авиабарахольщики» продолжили свою конструкторскую работу в тюрьме. Ну что же тут поделать, Сталин был таким – и сам не воровал, и другим не давал.

Пожалуй, этими двумя необычными эпизодами из области «репрессий» ограничимся и перейдем к делу.

Уже 10 января 1939 года был подписан приказ об организации Особого технического бюро при наркоме внутренних дел и под его руководством. Тематика – чисто военная. В состав бюро входят следующие группы:

а) группа самолетостроения и авиационных винтов;

б) группа авиационных моторов и дизелей;

в) группа военно-морского судостроения;

г) группа порохов;

д) группа артиллерии снарядов и взрывателей;

е) группа броневых сталей;

ж) группа боевых отравляющих веществ и противохимической защиты;

з) группа по внедрению в серию авиадизеля АН-1 (при заводе № 82).

Заметьте: авиация, военно-морской флот, боеприпасы, химзащита… Сотни высококвалифицированных специалистов из важнейших оборонных отраслей вместо того, чтобы ковать оборонный щит и разящий меч Родины, сидели по лагерям. Не каждый враг способен на такую масштабную диверсию, прикрытую подобострастными лозунгами и пустыми речами.

Но вернемся к Туполеву. Осенью 1938 года его перевели в бывшую трудовую колонию в поселке Болшево, а вскоре последовало задание от Берии: разработать четырехмоторный пикирующий бомбардировщик. Задача была технически невыполнимой, о чем Туполев и сообщил наркому. Позже он рассказывал своим товарищам:

«Мой доклад вызвал у Берии раздражение. Когда я закончил, он взглянул на меня откровенно злобно. Видимо, про ПБ-4 он наговорил Сталину достаточно много, а может быть, и убедил его. Меня это удивляло, из прошлых приемов у Сталина я вынес впечатление, что он в авиации если не разбирается, как конструктор, то все же имеет здравый смысл и точку зрения. Берия сказал, что они со Сталиным разберутся. Сутки я волновался в одиночке, затем был вызван вновь. “Так вот, мы с товарищем Сталиным еще раз ознакомились с материалами. Решение таково: сейчас и срочно делать двухмоторный. Как только кончите, приступайте к ПБ-4, он нам очень нужен”. Затем между нами состоялся такой диалог:

Берия: Какая у вас скорость?

Я: Шестьсот.

Он: Мало, надо семьсот! Какая дальность?

Я: Две тысячи.

Он: Не годится, надо три тысячи. Какая нагрузка?

Я: Три тонны.

Он: Мало. Надо четыре. Все! (Обращаясь к Давыдову): Прикажите военным составить требования к двухмоторному пикировщику. Параметры, заявленные гражданином Туполевым, уточните в духе моих указаний».

Это не было капризом «малообразованного» начальника НКВД, как может показаться, читая мемуары Туполева.

Накануне войны в советской авиации примерно 75-80 % общего числа машин, по своим летно-техническим данным, отставали от

однотипных немецких машин. Реорганизация ВВС требовала также переучивания летно-технического состава.

Новые немецкие истребители «Мессершмидт» (Ме-109е) и бом бардировщики «Юнкерс» (Ю-88) имели значительные преимущества перед советскими истребителями И-15, И-16 и бомбардировщиками СБ.

Это признает известный специалист А. С. Яковлев, который внес огромный вклад в самолетостроение в военные годы.

«В воздушных боях наши истребители, – отмечал А. С. Яковлев, – *несмотря на хорошую маневренность, оказались хуже немецких, уступая им в скорости и, особенно, в калибре оружия и дальности стрельбы. Бомбардировщики СБ не могли летать без прикрытия истребителей, а последние уступали немецким и не могли обеспечить эффективной защиты».*

Вскоре Туполева и его группу перевели из Болшева в Москву, в здание конструкторского отдела сектора опытного самолетостроения ЦАГИ. Кроме них, там работали группы Петлякова и Мясищева. В этой «шарашке» родились такие самолеты, как пикировщик Пе-2, дальний высотный бомбардировщик ДВБ-1, Ту-2. Работали над ними как заключенные, так и вольные специалисты. Отдельным пунктом в приказе об организации «шарашек» говорилось: «Особое техническое бюро привлекает для работы в группах вольнонаемных специалистов, в первую очередь, из числа молодых специалистов». Это особое попечение о молодых было всегда характерно для Берия.

…Между тем, уголовно-политические дела арестованных конструкторов двигались каким-то своим «загадочным» путем. И вроде было невдомек, **кто** стоял за всеми правовыми манипуляциями…

28 мая 1940 года Туполеву объявили приговор – 15 лет лагерей. 2 июня 10 лет получил Петляков. Примерно в течение двух недель все их работники узнали свои приговоры – от 5 до 15 лет.

20 июля 1940 года Сталин пригласил на встречу наркома авиационной промышленности А. Шахурина и его заместителя, выдающегося советского конструктора А. Яковлева. Поинтересовался, как идут дела у Петлякова и Мясищева. Нарком и зам похвалили талантливых инженеров. Тогда Сталин спросил: «А как вы, товарищ

Берия, считаете?». Берия ответил, что согласен с мнением наркомата. «Как мы их можем поощрить?» – прищурился Сталин.

«Освободить можно, – в простоте ответил Берия, – Пусть спокойно работают». «Ну вот, только осудили и уже освобождать», – проворчал Сталин. «А они возражать не будут», – хитро улыбнулся Лаврентий Павлович. «Хорошо, – с облегчением вздохнул Сталин, – готовьте представление и проЭкт Постановления. Снимем судимость. Пусть работают. Они еще много хорошего сделают».

25 июля Петляков был амнистирован по ходатайству НКВД, **подписанному Берией**, и в январе 1941 года уже удостоен Сталинской премии. Вместе с ним были освобождены еще 18 человек, в том числе и конструктор Мясищев.

Летом 1940 года вышел на свободу и Туполев, а с ним еще 32 человека. Из прочих большая часть была освобождена в 1943 году, остальные получали свободу с 1944 по 1948 годы. По-видимому, через амнистию провести все это оказалось проще.

«Туполев, Королев, Мясищев, Минц, многие другие люди, ставшие жертвами репрессий, рассказывали мне о роли моего отца в освобождении советских ученых… и до моего ареста, и позднее, когда отца уже не было в живых, – говорит Серго Берия. – *Какая нужда была этим людям что-то приукрашивать? Они считали, что их спас мой отец. Двурушничать передо мной в той обстановке им не было никакого смысла. Напротив, их заставляли давать показания на отца…*

Возьмите любое “дело” тех лет. В каждом непременно найдете визу наркома, другого ответственного работника. Скажем, если ученый был из наркомата авиационной промышленности, резолюцию накладывал нарком этой отрасли. Знаю, что единственным человеком, не завизировавшим своей подписью ни один подобный документ, был Серго Орджоникидзе…

Никто не может опровергнуть такой факт: во время войны в тех отраслях, которыми руководил Берия, не было ни одного ареста, ни одного снятия с должности… И совсем не потому, что не пытались это делать. Пытались. Но отец санкции не давал, требуя у органов реального обоснования обвинения. Другие поступали иначе. Когда с

такими предложениями приходили к Ворошилову, тот подписывал тут же или сам садился писать… И не он, к сожалению, один».

– Дайте мне факты, что этот ученый действительно сотрудничает с разведкой, а не рассказывайте, что он английский шпион, – этим предложением разведчик Берия ставил в тупик не в меру ретивых блюстителей «чистоты рядов».

В случае, если опасность реально грозила его подчиненным, Берия действовал решительно. Когда против физика Ю. Б. Харитона было выдвинуто обвинение в шпионаже в пользу англичан, Берия лично отстоял его перед Сталиным, написав свое поручительство. По поводу таких обвинений Л. П. Берия говорил: «То, что этот ученый считает, что мы сволочи, это его личное дело, но ведь работает он честно».

Вот далеко не полный список крупных советских деятелей науки, которых Лаврентию Павловичу удалось сохранить для будущего страны за стенами «шарашек».

Р. Л. Бартини, авиаконструктор;

Н. И. Базенков, авиаконструктор;

В. П. Глушко, конструктор ракетно-космической техники;

Д. П. Григорович, авиаконструктор;

Ю. В. Кондратюк, конструктор ветроэлектростанций, автор трудов по космонавтике;

С. П. Королев, конструктор ракетно-космической техники;

Л. Л. Кербер, специалист по дальней радиосвязи;

В. М. Мясищев, авиаконструктор;

И. Г. Неман, авиаконструктор;

В. М. Петляков, авиаконструктор;

Н. Н. Поликарпов, авиаконструктор;

А. И. Путилов, авиаконструктор;

Л. К. Рамзин, инженер-теплотехник;

Л. С. Термен, создатель терменвокса;

Д. Л. Томашевич, авиаконструктор;

А. Н. Туполев, авиаконструктор;

В. А. Чижевский, авиаконструктор;

А. М. Черемухин, авиаконструктор;

Д. С. Макаров, авиаконструктор;

А. С. Фанштейн, крупный химик;

Е. И. Шпитальский, профессор-химик, специалист по химическому оружию;

Г. Л. Штукатер, ученый химик;

В. В. Шнегас, ученый химик;

М. А. Швиндельман, ученый химик;

Д. Е. Воробьев, ученый химик;

М. А. Бельдер, ученый химик.

А вот, что сумели создать в «застенках»:

Высотный бомбардировщик ДВБ-102 – ЦБК-29 под руководством В. М. Мясищева, 1938;

Пикирующий бомбардировщик Пе-2 – ЦКБ-29 под руководством В. М. Петлякова, 1939;

Фронтовой бомбардировщик Ту-2 – ЦКБ-29 под руководством А. Н. Туполева, 1941;

Вспомогательные авиационные ЖРД РД-1, РД-1ХЗ, РД-2 и РД-3 – КБ 4-го Спецотдела НКВД при Казанском заводе № 16 под руководством В. П. Глушко, 1942-1944;

Универсальная артиллерийская система 152 мм;

Полковая 75-мм пушка образца 1943 года.

Все пригодилось.

Война

«Всякий, стоящий у государственной власти, обязан избегать войны точно так же, как капитан корабля избегает кораблекрушения».

Ги де Мопассан

Сталин старался до последнего часа избежать вооруженного столкновения с фашистской Германией. Боялся? Берег народ. В отличие от некоторых теоретиков «побед и поражений», Сталину еще по Гражданской войне были знакомы запах пороха и цвет человеческой крови. К тому же страна не была готова к масштабным боевым действиям.

Общая численность Советских Вооруженных Сил к июню 1941 г. составила более 5 млн. человек. В западных приграничных округах перед самой войной было 170 дивизий (стрелковые, кавалерийские, танковые, моторизованные) и 2 стрелковые бригады. В них насчитывалось 2 680 тыс. человек, 1800 тяжелых и средних танков, в том числе 1475 КВ и Т-34, и много легких танков устаревших типов с ограниченным моторесурсом. Орудий и минометов (без 50-мм минометов) имелось 37 500, самолетов новых типов – 1540 и значительное количество машин устаревших конструкций. Большинство дивизий содержалось по сокращенным штатам мирного

времени, и лишь определенная часть соединений переводилась на полный штат. Таким образом, в связи с обострением обстановки советское командование проводило большие мероприятия по перегруппировке войск как в приграничных, так и во внутренних округах. Однако завершить их полностью не удалось. Когда началось вторжение немецко-фашистских полчищ в СССР, советские войска были рассредоточены на обширной территории от Баренцева до Черного моря; общая протяженность фронта составляла 4,5 тыс. км, в том числе 1125 км приходилось на морские побережья, прикрывавшиеся Военно-Морским Флотом. Фактически 170 советских дивизий и 2 бригады занимали по фронту 3375 км и в глубину до 300-400 км. Ближе всех к государственной границе располагались войска первого эшелона, насчитывавшие в общей сложности 56 дивизий и 2 бригады. Они были рассредоточены на глубину до 50 км. Дивизии вторых эшелонов находились от границы в 50-100 км, а соединения резерва – в 100-400 км. Все танковые дивизии входили в состав вторых эшелонов и резервов.

В группировке советских войск слабым был первый эшелон, недостаточно нацеленными оказались резервы. Второй стратегический эшелон еще не был полностью развернут. Недочеты имелись и в размещении мобилизационных запасов**. Большое количество их находилось вблизи приграничной полосы и в первые дни войны неизбежно попадало под удары немецко-фашистских войск.**

Северный, Балтийский и Черноморский флоты к началу войны насчитывали 220 тыс. человек, 182 корабля основных классов – 3 линкора, 7 крейсеров, 45 лидеров и эсминцев и 127 подводных лодок. Преимущество противника заключалось прежде всего в том, что его войска, заблаговременно развернутые у советской границы, были сосредоточены в плотных, компактных группировках. В первых эшелонах враг имел 103 дивизии, из них 12 танковых, то есть почти вдвое превосходил силы первого эшелона советских войск. Немецкие дивизии были полностью укомплектованы и снабжены, они обладали большой ударной мощью. Советские же дивизии, находившиеся на положении мирного времени, не были приведены в полную боевую готовность; мобилизационное развертывание войск не было своевременно осуществлено.

В этих условиях им было трудно противостоять немецко-фашистским войскам. Таким образом, обстановка и общее соотношение сил к началу войны складывались явно не в пользу Красной Армии.

Утром 22 июня 1941 года Германия нанесла сокрушительный удар по нашим аэродромам. Только за 8 часов войны были потеряны 1200 самолетов, произошла массовая гибель летного состава, были уничтожены хранилища и все запасы. Историки отмечали странную «скученность» нашей авиации на аэродромах накануне войны и сетовали на «ошибки» и «просчеты» командования в оценке событий. На самом же деле, «скученность» предвещает планы сверхмассированного удара по целям и уверенность в безнаказанности, чего и не случилось. Летный состав ВВС, особенно бомбардировочный, ввиду нехватки истребителей поддержки нес большие потери, произошла трагедия гибели, пожалуй, самого совершенного и мощного воздушного флота в истории человечества, который предстояло заново возродить под ударами противника.

Нужно признать, что свои планы воздушной войны гитлеровцам удалось в 1941-м и первой половине 1942 года в значительной мере реализовать. Против Советского Союза были брошены почти все наличные силы гитлеровской авиации, в том числе части, снятые с Западного фронта. При этом предполагалось, что после первых же успешных операций часть бомбардировочных и истребительных соединений будут возвращены на Запад для войны с Англией. В начала войны гитлеровцы имели не только количественное превосходство. Их преимуществом являлось и то, что **летные кадры, принимавшие участие в воздушном нападении, уже прошли серьезную школу боев с французскими, польскими и английскими летчиками. На их стороне был также изрядный опыт взаимодействия со своими войсками, приобретенный в войне против стран Западной Европы.**

То, чего не было у нас!

Маршал авиации Н. С. Скрипко в своих мемуарах писал:

«Пагубно отразилось на боевой подготовке выполнение приказа НКО № 303 от 4.11.40 «О переходе к производству полетов с колес в зимних условиях» (маршал Тимошенко). Лыжи сняли, а укатывать снег было нечем, тракторов не хватало (нужно было 252, а получили

только 8). Летчики в течение зимы фактически не вылетали на боевое применение…». Да и весной начинали летать, когда просыхала земля после распутицы, в апреле-мае. В итоге, навыки были потеряны и начиналась та самая аварийность, за которую были расстреляны Рычагов и Смушкевич… Да если бы только это. А демонтаж вооружения с истребителей, входящих в наиболее боеспособные полки, дислоцированные непосредственно у границы и способные быстро подняться для перехвата немецких самолетов!.. А снятые по указанию генерала Павлова под видом учений прицелы в гаубичных полках под Брестом!..»

Такие преступления, равно как и должностной идиотизм, не имеют срока давности!

…Первый удар противника приняли на себя **погранвойска НКВД**. 83 тысячи бойцов, стоявших на западных рубежах Родины. И снова сухая статистика рождает в нас чувство бесконечной гордости.

По плану «*Барбаросса*» на преодоление сопротивления пограничников отводилось от 30 минут до одного часа, но в штабах вермахта просчитались. Пограничники задерживали врага на дни и недели, стояли насмерть – до последнего патрона.

Государственную границу СССР от Баренцева до Черного моря на 22 июня 1941 года охраняли 666 пограничных застав, 485 из них в этот день подверглись нападению со стороны войск фашистской Германии, остальные заставы начали боевые действия 29 июня 1941 года. Все пограничные заставы стойко обороняли порученные им участки: до одних суток – 257 застав, свыше одних суток – 20, более двух суток – 16, свыше трех суток – 20, более четырех и пяти суток – 43, от семи до девяти суток – 4, свыше одиннадцати суток – 51, свыше двенадцати суток – 55, свыше 15 суток – 51 застава. **До двух месяцев сражалось 45 застав.**

Но оставался один участок границы, который врагам так и не удалось пройти. **Двенадцать застав 82-го Рескитентского пограничного отряда Мурманского округа с 29 июня по июль 1941 года отражали многочисленные атаки финских подразделений, которые вклинились на территорию Советского Союза. Третьего августа враг был выбит с советской земли. С этого дня и до выхода Финляндии из войны с СССР, 9 сентября 1944 года,**

госграница на участке отряда была нерушима на всем ее протяжении.

Именно пограничники в первых боях сбили спесь с фашистских войск, с победоносной легкостью прошагавших почти по всей Европе, заставили немцев прятаться от пуль, кланяясь советской земле.

Брестская крепость. Сегодня стараются «деликатно» обойти вниманием одну «деталь». Немецкое командование планировало взять крепость к 12:00 22 июня. Но фашистам не удалось осуществить свои планы. В крепости им противостояли **500 солдат и офицеров войск НКВД**, среди которых был и личный состав 9-й заставы Брестского пограничного отряда во главе с лейтенантом А. М. Кижеватовым. 45-я немецкая пехотная дивизия осаждала крепость до 1 июля, потеряв более тысячи солдат и офицеров. После этого для блокирования крепости были оставлены два батальона, которым до 20 июля оказывала сопротивление горстка наших бойцов и командиров. Об этом свидетельствует надпись, сделанная 20 июля 1941 года на стене каземата: «Я умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина!». Эти слова нацарапал винтовочным штыком боец **132-го отдельного батальона конвойных войск НКВД СССР.** Именно **это малозаметное звено «бериевской» структуры** вынесло на своих плечах основной груз брестской эпопеи. Вместо даты смерти у всех: «Погиб в июне 1941 года».

Лейтенант А. М. Кижеватов погиб в крепости в июле, ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Воины в зеленых фуражках в ходе боев на границе не только мужественно оборонялись, но и **переходили в наступление**. В ночь на 23 июня 1941 года 500 пограничников 92-го Перемышльского пограничного отряда под командованием старшего лейтенанта Г. С. Поливоды, совместно с несколькими подразделениями Красной армии, смелыми и решительными действиями **после восьмичасового боя выбили фашистов из города Перемышля**. Кто сегодня знает об этом? Заняв город, пограничники удерживали его до 27 июня, пока не получили приказ об отходе. Г. С. Поливода был назначен комендантом города. Именем героя названа пограничная застава.

На рассвете 26 июня 1941 года подразделения 79-го пограничного отряда НКВД и Красной армии на пограничных судах под командованием капитан-лейтенанта И. К. Кубышкина высадились на

румынский берег, в ходе боя **захватили город Килия-Вега и удерживали его, пока не поступила команда вернуться в расположение своих вой ск.**

Интересная деталь. Захваченные немцами в плен военнослужащие НКВД подлежали казни на поле боя. Но этот приказ зачастую игнорировали. Такое случалось, когда офицеры полевых частей вермахта считали должным отдать особую дань мужеству бойцам в васильковых и зеленых фуражках.

Но как бы там ни было, с горечью приходится признать, что редкие эпизоды ратной славы начала войны стали лишь яркими пятнами на печальном историческом фоне 1941 года. О потерях РККА в летних боях расскажут многочисленные труды историков и статистиков. Причем, цифры, приведенные исследователями различных политических пристрастий, мало отличаются друг от друга.

Но когда речь заходит о причинах провалов, мнения расходятся вплоть до противоположных.

Я не собираюсь сопоставлять позиции и искать некую, устраивающую стороны середину. Есть факты, о которых стараются упоминать реже, но которые сами по себе говорят о многом.

Оставим за чертой успокоительные монологи партийных лидеров (Н. Хрущева, возглавлявшего ЦК КП(б) Украины и П. Пономаренко, главу Белорусской КП(б), льстиво уверявших Сталина, что войны не будет, а если и будет, то она нам не страшна: мы, дескать, «держим порох сухим». Сталин знал о состоянии дел на западной и восточной границах, о чем ему непредвзято и регулярно **докладывал Берия**, поэтому не питал расхолаживающих иллюзий относительно планов Гитлера и его союзников. Но… продолжал оставаться в некой нерешительности. НЕ готова была страна к большой войне!

7 июня Берия записал в дневнике:

«У меня уже и материться сил нет. Тимошенко и Жуков вроде поддерживают, но без напора. Георгий (Маленков) тоже так же вяло. Молотов больше отмалчивается, видно считает, что пусть решает Коба. Остальные вообще не советчики.

Все данные за войну. Посольство они без шума эвакуируют. Диверсанты кого мы ловим, кто проходит. Видно, что через кордон идут уже не агенты, а боевики. Это уж не на разведку, это мосты

подрывать и связь рвать. Наум (Эйтингон) тоже убежден, что это война. Коба тоже склоняется к этому. Надо жать всем вместе».

18 июня 1941 года Сталин отдал необходимые распоряжения о подготовке к войне. Но уже в первые дни боев стало ясно, что **руководство НКО СССР и Генштаба РККА, высшее командование РККА и прежде всего, командующий Западным Особым военным округом генерал Павлов директивы Сталина не выполнили.**

«Кто хорошо подготовился к бою, тот его наполовину выиграл» (Сервантес).

А теперь, что касается «сухого пороха», обещанного Сталину… К тому же, не в переносном смысле, а в прямом!

Эти документы достойны внимательного чтения. Анализ работы профильных наркоматов проходил под непосредственным контролем **Лаврентия Берия.**

Состояние дел в Наркомате боеприпасов можно увидеть на примере проверки, осуществлённой Наркоматом Госконтроля и НКВД (отчёт от 5 ноября 1940 года, № 3534, АП РФ Ф.3, Оп. 58. Д.343а, Л-155-164):

«Установлено, что промышленность боеприпасов находятся в тяжёлом положении.

За 9 месяцев НКБ выполнил годовой план по товарной продукции всего на 61,3 %. Остатки незавершённого производства составили 1 млрд. 20 млн. рублей против 668 млн. по плану.

Работа НКБ ухудшается из квартала в квартал. План I квартала выполнен на 87,9 %, II квартала на 85,1 %, III квартала на 85,1 %. За 9 месяцев наркомат недодал Красной Армии и флоту 4,2 млн. комплектов выстрелов сухопутной артиллерии, 3 млн. мин, 2 млн. авиабомб и 205 тыс. комплектов выстрелов морской артиллерии.

НКБ должен был выпустить в 1940 году вместо латунных артиллерийских гильз 5,7 млн. железных. Не отработав технологического процесса, НКБ изготовил за 9 месяцев 1 млн. 117 тыс. железных гильз, из которых 963 тыс. пошли в брак (86,2 % брака).

За то же время пошло в брак большое количество взрывателей новых конструкций ГВМЗ и МГ-8. Взрывателей МП и Д-1 при плане

3 млн. не сдано ни одной штуки.

В целом убытки от брака за 9 месяцев составили 167 млн. рублей.

Оперативное руководство предприятием подменено изданием многочисленных приказов. При наличии всего 80 предприятий нарком боеприпасов т. Сергеев за 9 месяцев издал 633 приказа (не считая приказов по личному составу). За тот же период 4-мя главными управлениями НКБ издано ещё 1079 приказов.

Контроля за исполнением приказов нет, а сами они носят декларативный характер. Приказом № 151-с от 4 мая начальники 1,2 и 3 главков обязывались к 10 мая «разрешить вопрос об использовании или ликвидации бракованной продукции и запретить впредь хранить таковую на заводах в больших количествах». Этот приказ не выполнен, и заводские дворы завалены бракованной продукцией.

В НКБ ведётся огромная переписка, загружающая аппарат. Так, 4-е главное управление Наркомата за 9 месяцев представило на имя наркома и его заместителей 355 докладных записок, технический отдел наркомата – 309 записок.

За 3 квартал в НКБ ежедневно поступало с заводов и строек в среднем 1400 писем и отправлялось 880. За тот же срок НКБ направил в правительственные органы 1220 писем, т. е. свыше 5 писем в день. Значительное количество вопросов, поставленных в этих письмах, не носили принципиального характера и могли быть разрешены непосредственно самим наркоматом и его главками.

За январь-август нарком боеприпасов наложил на 72 руководящих работника 149 взысканий. Наряду с этим директора заводов, получившие взыскания, премировались за успешную работу.

Так, директору завода № 4 т. Брук 11 февраля было объявлено о предупреждении за невыполнение плана, а 14 марта он был премирован месячным окладом, 23 апреля ему объявляется выговор за плохую организацию производства, а 29 апреля он премируется 2 месячными окладами. Директор завода № 10 т. Бодров получил 5 взысканий и 2 премии.

За полтора года наркоматом снято с работы 26 руководителей предприятий и 18 главных инженеров (напомним, в ведении НКБ было 80 предприятий, т. е. снят каждый третий директор – ***прим***.). *При отсутствии в системе НКБ достаточного количества инженеров НКБ за 7 месяцев 1940 г. уволил с заводов 1226 дипломированных*

инженеров. Ещё большая ротация происходила в среднем техническом звене. К примеру, на заводе № 9 за это же время сменено 22 начальника смен и 15 мастеров.

Нарком Сергеев плохо разбирается в людях. Большим доверием у него пользовался Иняшкин – заместитель наркома по кадрам. В результате Иняшкин, отличавшийся бездельем, пьянством и самоснабжением, развалил работу по кадрам. К примеру, в 1940 г. в порядке сокращения штатов из центрального аппарата удалены 166 инженерно-технических работников, зато оставлены 31 человек, судившиеся за различного рода преступления.

Такими же характеристиками обладает Хренков – зам. наркома (управление комплектации). План по сдаче выстрелов по крупным калибрам сорван: не сдано ни одного выстрела для 152-мм пушки БР-2, 210-мм БР-17 и 280-мм мортиры БР-5. План снаряжения 76-мм дистанционных гранат сорван, и на заводах скопилось 720,8 тыс. неснаряжённых корпусов гранат.

За 9 месяцев брак по капсюлям «Шкасс» составил 159 млн. штук. Убытки составили 49,7 млн. рублей.

Процесс производства пороха марки А-19 и П-45 не отработан. На использование бракованной продукции только по 4 заводам было за 9 месяцев 1940 г. израсходовано 745 тыс. декалитров спирта (7 млн. 450 тыс. литров).

Нормы безопасности не соблюдаются. На заводе № 9 имел место взрыв 175 тонн пороха, в результате погибло 15 человек и тяжело ранено 18 человек».

В результате этой проверки было арестовано 49 человек.

…Повторяются дела по вредительству. Есть по пороховым заводам, по наркомату боеприпасов… Количество уменьшается, зато по качеству они растут. Может на следующий год война, им надо масштаб увеличить. А если вредить крупно, легче выявить…».

Да куда уж крупнее, – хочется возразить Лаврентию Берия. Оказалось – есть. И на земле, и в воздухе.

Лаврентий Павлович 9 апреля 1941 года записал в дневнике:

«Был крупный разговор по бардаку в авиации. Тимошенко (нарком обороны) хотел замазать, только тут разговор не замажешь. Пьянки были, так и есть, а учат плохо. Самолеты бракованные есть, не

спорю. Но ты их облетай, проверь. А главное людей научи. Может война на носу, а у них такой бардак».

9 апреля 1941 года было принято Постановление СНК «Об авариях и катастрофах в авиации Красной Армии».

«ЦК ВКП(б) и СНК СССР устанавливают, что катастрофы и аварии в авиации Красной Армии не только не уменьшаются, но всё более увеличиваются из-за расхлябанности лётного и командного состава, ведущей к нарушениям элементарных правил лётной службы.

Из-за расхлябанности ежедневно в среднем гибнет у нас при авариях и катастрофах 2-3 самолёта, что составляет 600-900 самолётов в год.

К примеру, при перелёте 27 марта 1941 года 12 самолётов ДБ-3Ф с аэродрома завода № 18 в Воронеже в 53 авиаполк (Кречевицы), когда начальник отделения оперативных перелётов Штаба ВВС полковник Миронов, несмотря на заведомо неблагоприятную погоду, разрешил указанный перелёт. В результате этого распоряжения произошло 2 катастрофы и одна вынужденная посадка, при которых погибло 6 человек и 3 человека получили ранения. Из-за похожих причин произошла катастрофа 23 января 1941 г. при перелёте авиационного полка из Новосибирска в Ташкент: 3 самолёта разбились, 2 самолёта потерпели аварию, погибло 12 человек и 4 человека ранено.

До чего дошёл развал нравов в ВВС, показывает небывалый для нашей авиации случай, когда в 29 авиадивизии пропал самолёт под управлением командира звена младшего лейтенанта т. Кошляк М. В., а командование не приняло мер к розыску пропавшего лётчика. Через 20 дней Кошляк был случайно обнаружен в кабине самолёта замёрзшим. Из оставленных писем видно, что лётчик после посадки был здоров, жил 8-9 дней, последнее письмо было написано им на 8-е сутки после посадки. В письме написано, что он пытался найти населённый пункт, но из-за глубокого снега был вынужден вернуться к самолёту».

Согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) № П32/93 от 10 мая 1941 года, было утверждено совместное постановление ЦК

ВКП(б) и СНК СССР «О командующем военно-воздушными силами Московского военного округа». В нем говорилось о снятии П. И. Пумпура с поста командующего ВВС МВО из-за недостатков боевой подготовки ВВС. За январь-март 1941 года средний налет составлял всего 12 часов на экипаж. Новым командующим ВВС МВО был назначен Н. А. Сбытов. В тот же день Постановлением Политбюро № П32/94 было утверждено совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О командующем военно-воздушными силами Орловского военного округа». В нем говорилось о снятии П. А. Котова с поста командующего ВВС ОрВО по тем же причинам. Средний налет в данном случае был еще меньше – **всего 2 часа на экипаж**. Новым командующим был назначен Н. Ф. Науменко.

Почти каждый четвертый летчик в МВО вообще не летал на боевых самолетах!

Предвоенный бардак не обошел стороной даже легендарный танк Т-34.

Плохие технико-тактические характеристики Т-34 **заставили** советское руководство ещё в начале войны обратиться за помощью к США. В декабре 1941 г. танки Т-34 и КВ-1 были переданы американцам для всестороннего анализа и разработки рекомендаций и технологий устранения в них брака.

Отчёт американцев был таков:

«Советские танки показали на испытаниях крайне низкую надёжность ходовой части и двигателя. Т-34 вышел из строя и не подлежал ремонту после 343 км пробега.

Вследствие чрезвычайно плохого воздухоочистителя на дизеле в мотор набилось очень много грязи. В результате поршни и цилиндры разрушились до такой степени, что их невозможно отремонтировать. Танк с испытаний снят и намечено прострелять его пушкой КВ и своей «3» – с танка М-10, после чего он будет направлен в Абердин (Великобритания), где его разберут и оставят как экспонат.

Химический анализ брони показал, что на обоих танках броневые пластины имеют неглубокую закалку, а остальная часть брони представляет собой мягкую сталь. В связи с этим мы считаем, что, изменив технологию закалки, можно уменьшить толщину её, оставив

ту же стойкость на пробивание. Это позволит облегчить вес Т-34 на 8-10 %.

Качество сварки оказалось никуда не годным. У Т-34 повышенная водопроницаемость как нижней части при преодолении водных преград, так и верхней во время дождя. В щели натекает много воды, что ведёт к выходу из строя электрооборудования и боеприпасов.

Пушка Ф-34 имеет маленькую начальную скорость – 385 м/с по сравнению с 75-мм пушкой М-3 нашего «Шермана» (560 м/с).

Очень неудачная конструкция башни. Основной недостаток – очень тесная. Мы не можем понять, каким образом танкисты могут поместиться в ней зимой, когда носят полушубки. Очень плохой электромеханизм поворота башни. Мотор слаб, перегружен и сильно искрит, в результате выгорают сопротивления и регулировки скоростей поворота, крошатся зубья шестерёнок.

Проверка гусениц. Идея стального трака очень понравилась. Но мы считаем, что пока не будут получены отзывы о сравнительных результатах применения стальных и резиновых гусениц на американских танках в Тунисе, нет оснований отказываться от нашей идеи – резиновых.

Пальцы на гусеницах Т-34 оказались плохо калены и сделаны из плохой стали, в результате чего быстро срабатываются и гусеница часто рвётся. Мы считаем, что следует утяжелить гусеницы.

Подвеска Т-34 заимствована у американского танка «Кристи». На нашем танке она, из-за плохой стали на пружинах, очень быстро проседает и оттого уменьшается клиренс.

Проверили воздухоочиститель. Только ***саботажник*** *(это констатируют не следователи НКВД, а американские инженеры!) мог сконструировать подобное устройство. Фильтр с механической точки зрения изготовлен крайне примитивно: в местах точечной электросварки металл прожжён, что ведет к вытеканию масла.*

Низкое качество стартёров – маломощные и ненадёжной конструкции.

Трансмиссия. Техник, работавший с ней, был поражён тем, что она очень похожа на те, с которыми он работал 12-15 лет назад. Была запрошена фирма, которая прислала чертежи своей трансмиссии А-23. Ко всеобщему удивлению, чертежи трансмиссии оказались точной копией присланных. Поразило нас не то, что она

была скопирована с наших конструкций, а то, что мы отказались от неё 15 лет назад как устаревшей.

Мы считаем, что со стороны русского конструктора, поставившего её в танк, была проявлена нечеловеческая жестокость по отношению к водителям (трудно работать).

Во время эксплуатации на ней полностью выкрошились зубья на шестернях. Их химический анализ показал, что термическая обработка очень плохая и не отвечает никаким американским стандартам.

Машины оказались очень тихоходными. И Т-34, и КВ-1 хуже преодолевали склоны, чем любой американский танк.

Очень возмущает плохая работа коробки передач. Её можно переключать только 2 людям. Мы отправим русским конструкторам нашу коробку передач, на замену штатным на Т-34».

Американские дельцы оставались верны себе, даже когда мир стоял на грани катастрофы: прежде всего бизнес. Что может быть важнее? Реклама этого бизнеса! Читаешь – и видишь за каждой строкой технического документа яркий плакат – «Покупайте только made in USA!»

И никуда не денешься, когда враг у ворот…

В результате американцы отправили в СССР за немалые деньги множество собственных технологий, которые заменили прежние, советские, на Т-34.

Неудивительно, что немецкие лёгкие танки PZ.II проходили в среднем 11.500, а средние Pz.IV – 11.000 км. Средний же пробег Т-34 до полного выхода из строя составлял не более 1.000 км.

Т-34 представлял собой «сборную солянку» из узлов и агрегатов, собранных по всему миру: ходовая часть от американского танка «Кристи», мотор от немецких самолётов, многие агрегаты от австрийцев и итальянцев, и т. д. Более того, практически все эти узлы и агрегаты были от прототипов конца 20-х – начала 30-х, как например двигатель BMW-VI, который немцы ставили на бипланы ещё в середине 20-х».

(Цитируются: книга Зефирова и Дёгтева «Всё для фронта»; «Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш», 1939 – март 1946, документы. Международный фонд «Демократия», 2006».)

Но вот другой документ

Указом № 79 Президиума Верховного Совета СССР от 30 сентября 1943 года за особые заслуги перед советским государством в развитии танковой промышленности в годы Великой Отечественной войны Вячеславу Михайловичу Молотову присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и медали «Серп и Молот».

И это несмотря на то, что весной 1942 года…

Берия принял у не справившегося с задачей Молотова производство танков.

А еще в сентябре 1941-го отметил в дневнике:

«Для Кобы сейчас главное от меня самолеты. И танки. И минометы. Еще винтовки и пулеметы. Людей тоже дай».

Считается, что Берия стал курировать вместо руководителя Госплана Н. А. Вознесенского производство вооружений 4 февраля 1942 года – однако В. Н. Новиков, бывший замнаркома вооружений (наркомом во время войны был Д. Ф. Устинов), бывал у него на докладе еще в **июле 1941-го.**

А вот еще один орденоносец, почти несменяемый на протяжении многих лет нарком путей сообщения Лазарь Моисеевич Каганович. (Согласно историческим хроникам, в начале 1937 года организовал погром в наркомате, арестовав **еще до «старта» массовых чисток** руководящего персонала более 3 тысяч человек, фактически в НКПС был уничтожен весь высший и средний эшелон руководящих работников)

Но умел, как говорят, отчитаться…

«У нас тут дела идут неплохо. Чтобы коротко охарактеризовать, я могу коротко повторить то, что я и Микоян сказали т. Калинину, когда он поехал в Сочи. Перед отъездом он спрашивал нас, что передать Хозяину? Мы и сказали ему: передай, что «страна и партия так хорошо и надёжно заряжены, что стрелок отдыхает, а дела идут – армия стреляет». То, что происходит, например, с хлебозаготовками этого года – это совершенно небывалая ошеломляющая наша победа – победа Сталинизма» – это тоже Каганович.

18 января 1941 года Л. Берия записал:

«Вчера представили Кобе и в Политбюро сводную записку по обследованию мобилизационной готовности на железных дорогах. Коба даже посерел. Потом взорвался. Кричал, когда это кончится? Я не могу за каждым смотреть. Лазарь моргал (Л. М. Каганович)*, Вознесенский сидел как не его касается, а его тоже касается.*

Я им уже говорил, сказал, что не готовите сами обследование, у меня Мильштейн (начальник Главного транспортного управления НКВД СССР) *обследует, он все до точки доведет. И довел».*

Информация НКВД СССР

И. В. Сталину, В. М. Молотову, Л. М. Кагановичу о мобилизационной подготовке железнодорожного транспорта

17.01.1941

Сов[ершенно] секретно

По материалам НКВД СССР, в деле мобилизационной подготовки железнодорожного транспорта имеется ряд серьезных ненормальностей.

Приказ НКПС № СС-70/Ц1 о составлении Военно-мобилизационным управлением к 1 декабря 1940 г. мобилизационного плана желдортранспорта СССР не выполнен. Таким образом, в настоящее время НКПС не имеет мобилизационного плана перевозок.

Действующие на железных дорогах воинские графики, разработанные в 1938 г., значительно устарели и уже во время воинских перевозок в сентябре 1939 года на ряде участков дорог себя не оправдали.

Между НКПС и НКО до сих пор нет должной договоренности по вопросу о плане воинских перевозок. НКПС требует от НКО указать размеры перевозок на воинское время, а НКО, в свою очередь, требует от НКПС данные о пропускной способности Брестской, Ковельской, Белостокской, Львовской и прибалтийской дорог, без которых НКО не может разработать плана перевозок.

По настоянию НКПС, в июне 1940 г. Генштаб РККА представил в НКПС грубо ориентировочные размеры погрузки, выгрузки и размеры движения по участкам дорог, на основе которых НКПС разработал временный вариант мобплана и произведен приблизительный расчет

потребного количества вагонов, паровозов, воинского оборудования, личного состава и т. д.

Этот временный план воинских перевозок является нереальным.

В плане перевозок не указан род подвижного состава, размеры погрузки превышают на 100 тыс. вагонов размеры выгрузки, не предусмотрены перевозки по Литовской, Латвийской и Кишиневской дорогам.

По Львовской, Ковельской и Брестской дорогам предусмотрено произвести 75 % погрузки в вагоны узкой колеи и 25 % в вагоны широкой колеи, в то время как эти дороги почти полностью перешиты на широкую колею.

До сих пор не составлен централизованный план народнохозяйственных перевозок на первый месяц войны. Союзные наркоматы не представили в НКПС заявок на грузы, подлежащие перевозке в первый месяц войны, а Военно-мобилизационное управление НКПС не проявляет должной настойчивости в получении этих заявок.

У замнаркомпути т. Багаева в течение ряда месяцев задерживается рассмотрение вопросов, связанных с разработкой мобилизационного плана железных дорог на военное время.

Существующая пропускная способность ряда железных дорог, особенно дорог Запада, не обеспечивает требований Военведа.

На многих участках дорог недостаточная пропускная способность узлов лимитирует более высокую пропускную способность линий.

Наиболее узкими местами на дорогах западных областей Украины и Белоруссии являются участки, которые могут пропустить от 4 до 9 пар поездов в сутки вместо требуемых от 12 до 48 пар поездов по плану НКО.

Минский узел имеет недостаточное развитие: короткие и слабо развитые пути и горловины, [он] не обеспечен водоснабжением, ввиду этого узел в направлении от Москвы может пропустить только 42 пары поездов, тогда как перегоны этой линии обеспечивают пропуск 96 пар поездов.

Участок Проскуров – Красне Львовской ж[елезной] д[ороги] после окончания строительства вторых путей в 1941 г. сможет пропустить 48 пар поездов, а Тарнопольский узел только 15 пар.

Такое же положение имеет место на ряде участков Юго-Западной, Ковельской, Львовской и других западных дорог.

Между тем 1286 млн. рублей, отпущенных Правительством на 1940 г. по специальной смете НКПС на усиление пропускной способности узлов и перегонов (постройка вторых путей, развитие узлов, новое ж[елезно]д[орожное] строительство и др. работы), освоено только на 726,7 млн. рублей (56,8 %).

Ассигнования на развитие узлов освоены только на 34-35 %, на усиление пропускной способности перегонов – на 39-40 %, на вторые пути – на 61,8 % и на новое железнодорожное строительство – на 63,2 %.

По важнейшим 24 оборонным узлам и основным направлениям (Минск, Полоцк, Ровно, Сарны, Барановичи, Львов, Брест, Шепетовка, Жмеринка, Казатин и др.), на которых ведутся работы по усилению пропускной способности, в 1940 году пропускная способность не увеличена ни на одну пару поездов ввиду того, что начатые работы не закончены.

На Минском железнодорожном узле из ассигнованных 12 млн. рублей освоено только 2,01 млн. рублей (16,7 %).

На железнодорожных линиях Новоград-Волынский – Шепетовка, Шепетовка – Гречаны объем выполненных работ выражается в 5,9 %, Красне – Львов – Перемышль – 14 %, Коростень – Остки – 2,6 %, Одесса – Помощная – 17,6 %, Чудово – Волховстрой – 15,5 %. На участке Петрозаводск – Масельская работы по усилению пропускной способности не начинались.

Строительство разъездов на участке Шепетовка – Гречаны – Каменец-Подольский Винницкой железной дороги выполнено в 1940 году только на 17 %. Начальник стройучастка Марков не использовал наряды на вербовку рабочей силы и устранился от организации быта рабочих, ввиду чего на строительстве вместо 1100 человек рабочих имеется только 170 человек.

На строительстве № 56 в западных областях Украины не выполнено ни одного задания Правительства и НКПС по вводу в действие железнодорожных линий и отдельных перегонов.

Начальник строительства Скрипкин в течение 1940 г., игнорируя указания НКПС, распылил средства и тем самым не обеспечил окончание в срок наиболее решающих участков строительства. Между

тем Скрипкин неоднократно информировал НКПС об успешном ходе строительства.

Снабжение материалами верхнего строения пути оборонных объектов производится некомплектно. Так, например, на Одесской железной дороге из-за отсутствия скреплений не могут быть использованы 40 км рельсов, на станции Чубовка 6-го стройучастка Одесской железной дороги имеются шпалы, но нет рельсов, на станции Ивановка имеются рельсы, но нет шпал, на станции Перекрестово имеются шпалы и рельсы, но нет скреплений.

Не выполнен также план строительства воинских площадок на дорогах. Из 3,5 млн. рублей, отпущенных для этой цели, в 1940 году освоено около 35 %, а на дорогах западных областей Украины и Белоруссии – только 20,9 %.

Строительство командных пунктов не обеспечено аппаратурой и материалами для устройства связи и освещения, вследствие чего работы по сооружению их приостановлены. Отпущенные средства за три квартала 1940 года освоены только на 29 %.

Бывший председатель техническо-экспертной комиссии НКПС Шелюбский (ныне работает в НИИ железнодорожного строительства) и бывший начальник Союзтранспроекта НКПС Левин (ныне работает начальником технико-экспертного отдела НКПС) на протяжении ряда лет исключали из проектов желдорстроительства развитие станций и узлов, что привело к разрывам в пропускной способности отдельных дорог.

Замнаркомпути и начальник Военно-мобилизационного управления т. Багаев не уделяет должного внимания оборонному железнодорожному строительству и не реагирует на запросы дорог, связанные с этими работами.

Большую беспечность в этом деле проявил заместитель начальника Мобилизационного управления НКПС т. Беляков. Товарищ Беляков вместо оперативного контроля за ходом оборонного строительства занимается сбором различных сводок, которые, как правило, механически подшиваются к делу.

В мобилизационном запасе дорог вместо требуемых по плану 30700 вагонов имеется только 18600.

План размещения запаса вагонов по дорогам составлен таким образом, что районы сосредоточения порожняка не совпадают с

районами массовых воинских погрузок. Вследствие этого в ряде пунктов в первые дни мобилизации воинские перевозки будут находиться под угрозой срыва.

На Западной, Московско-Киевской и других дорогах (всего на 19) наличие порожняка вместе с предусмотренным запасом не обеспечивает потребности в погрузке мобилизационного периода.

Кроме того, имеются расхождения в запасе по роду подвижного состава. На Южной и Южно-Донецкой дорогах предусмотрен запас крытых вагонов, в то время как им нужны платформы.

Для перевозки тяжелых танков требуются 60-тонные платформы. Однако таких платформ на дорогах имеется только 387 штук, из которых в запасе стоят 125. В 1940 году ни одной 60-тонной платформы не построено. Еще хуже дело обстоит с более тяжелыми платформами. Их имеется только 19 штук.

Железные дороги не выполняют плана постановки в запас НКПС паровозов. Особенно это относится к дорогам западных областей Украины и Белоруссии, а также Винницкой, Юго-Западной, Белорусской, Западной и Кишиневской. На этих дорогах запас паровозов составляет 70-75 % плана.

Надлежащий контроль за техническим состоянием паровозов, находящихся в запасе, не организован, вследствие чего часть паровозов в запущенном состоянии.

На станции Осташков Калининской железной дороги, станциях Гомель и Могилев Белорусской железной дороги в запасе обнаружены паровозы с негодными рессорами и триангелями, неисправным сводом топки, трещинами буферного бруса, некомплектными сцепными дышлами и др. дефектами. Паровозы запаса Калининской железной дороги находятся в грязном запущенном состоянии.

Комиссионной проверкой состояния паровозов запаса НКПС на Белостокской железной дороге установлено, что прибывшие на дорогу 20 паровозов серии «Щ», из них 10 с Западной железной дороги и 10 с Калининской железной дороги, находятся в неудовлетворительном состоянии.

Работы по подготовке спецформирований (горемов, подремов и др.) ведутся бессистемно. Эти формирования к развертыванию фактически не готовы.

Военно-мобилизационное управление НКПС до сих пор не разработало плана восстановления прифронтовых железных дорог.

Неудовлетворительно идет накопление мобилизационных восстановительных запасов.

Так, например, рельсов и костылей накоплено 50 % от нормы, стрелочных переводов – 55 %, шпал – 40 %, телеграфной проволоки – 50-52 %, телеграфно-телефонного кабеля – около 40 %, разборных мостов пролетом 88 и 85 метров – только 20-23 %, тракторов гусеничных – 3 %, передвижных электростанций – 15-17 % и т. д.

В нормах мобилизационного запаса не предусмотрено имущество, необходимое для восстановления деповского хозяйства и электростанций. На ряде мобилизационных баз хранится много некомплектного оборудования и материалов. До сих пор ничего не сделано для обеспечения дорог лесоматериалами в первый месяц войны.

Между НКПС и Наркомздравом СССР отсутствует договоренность о содержании изоляционно-пропускных пунктов, дезинфекционных отрядов, обсервационных пунктов и по ряду других вопросов медобслуживания в военное время.

Также нет договоренности между НКПС и Наркомздравом по вопросу о ветеринарном обслуживании на железных дорогах принимаемых к перевозке лошадей и других животных.

Мобилизационная работа на дорогах Прибалтики до сих пор не начата.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР Л. Берия

Начальник Главного транспортного управления НКВД СССР Мильштейн (РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 49. Д. 1247. Лл. 1–6. Машинопись. Подлинник.)

И здесь тоже – Каганович, глава НКПС. Правда, обошлось без орденов…

По воспоминаниям работников железнодорожного транспорта, в том же июле 1941-го Берия от имени ГКО наводил порядок и в военных сообщениях.

После знакомства даже с этими немногочисленными документами становятся понятны причины неудач первых

месяцев военного лихолетья.

Конечно, не со всеми выводами авторов здесь можно согласиться (записка Мильштейна не в счет), но одно обстоятельство заставляет поверить в то, что незадолго до войны у руля жизненно важных для обороны сфер находились, мягко говоря, не совсем компетентные люди. А менять их было некем. Приходилось нагружать уже испытанных «рабочих лошадок».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 февраля 1941 г. НКВД СССР был разделен на два наркомата: НКВД СССР и НКГБ СССР. Наркомом внутренних дел СССР был назначен Л. П. Берия, а наркомом государственной безопасности СССР – В. Н. Меркулов. (По рекомендации Л. П. Берия).

Но это нисколько не снизило нагрузки на Лаврентия Берия! Наоборот!

3 февраля 1941 г. Л. П. Берия был назначен заместителем председателя СНК СССР, где ему поручили курировать работу НКВД, НКГБ, НКлеспрома, НКцветмета, НКнефтепрома, и НКречфлота, а также химической промышленности и электростанций.

Забегая немного вперед, скажем, что война предъявила более строгие требования и последовали новые нагрузки.

Постановлением ГКО от 4 февраля 1942 года о распределении обязанностей между членами ГКО на Л. П. Берию были возложены обязанности по контролю за выполнением решений ГКО по производству самолётов, моторов, вооружения и миномётов, а также по контролю за выполнением решений ГКО по работе ВВС Красной Армии (формирование авиаполков, своевременная их переброска на фронт и т. п.).

Постановлением ГКО от 8 декабря 1942 Л. П. Берия был назначен **членом Оперативного бюро ГКО.** Этим же постановлением на Л. П. Берия были дополнительно возложены обязанности по контролю и наблюдению за работой Наркомата угольной промышленности и Наркомата путей сообщения. В мае 1944 года Берия был назначен заместителем председателя ГКО и председателем Оперативного бюро. В задачи Оперативного бюро входили, в частности, контроль и наблюдение за работой всех наркоматов оборонной промышленности, железнодорожного и водного транспорта, чёрной и цветной

металлургии, угольной, нефтяной, химической, резиновой, бумажно-целлюлозной, электротехнической промышленности, электростанций.

Тем самым Сталин де-факто признал «неполное служебное соответствие» многих «знаковых» фигур в правительстве: того же Молотова, Кагановича, Вознесенского…

Хорошее решение. Но запоздало, как минимум, лет на пять.

Стратегия развития индустрии в 1938-1941 гг. имела ряд особенностей. Прежде всего, «наверху» попытались исправить опасный перекос в размещении производительных сил страны. Упор строительной программы был сделан на развитие восточных районов страны, где предусматривалось сооружение значительного числа предприятий-дублеров. Особое значение придавалось топливно-энергетической базе – расширению Кузнецкого угольного бассейна и созданию между Волгой и Уралом на территории Татарии и Башкирии новой нефтяной базы – «Второго Баку». Ускоренно возводились третий металлургический гигант – Ново-Тагильский завод, крупнейший завод транспортного машиностроения – Уралвагонзавод, Краматорский завод тяжелого станкостроения, дальневосточный завод «Амурсталь», горнометаллургический комбинат на Кольском полуострове «Североникель» и другие. Однако **до войны ни одно из предприятий-дублеров в строй ввести не успели.** Почему? Вернитесь на несколько страниц назад, почитайте еще раз анализ работы НК боеприпасов, сделанный ревизорами НКВД. **Некогда работать было: то совещания, то переписка**… И так почти повсюду.

Хотя государство пыталось сделать все возможное.

Во-первых, с января 1939 г. была введена единая трудовая книжка, без которой нельзя было устроиться на работу. Туда вносились все смены места работы и их причины. Книжка находилась в руках администрации.

Во-вторых, с 1939 г. рабочие и служащие, увольнявшиеся по собственному желанию, обязаны были за месяц до увольнения предупредить об этом администрацию. Трижды опоздавшие в течение месяца на работу на 20 минут увольнялись как прогульщики. Во время войны их судили и направляли в трудовые концлагеря. Уголовное преследование за опоздание на работу и самовольный уход с нее было отменено только в 1956 г.

В-третьих, по инициативе ВЦСПС были отменены введенные в 1927 г. семичасовой рабочий день и шестидневная рабочая неделя. Указом Президиума Верховного Совета СССР (июнь 1940 г.) был введен восьмичасовой рабочий день, семидневная рабочая неделя и запрещен самовольный уход с работы рабочих и служащих.

В-четвертых, с осени 1940 г. наркомы СССР получили право переводить рабочих и служащих с одних предприятий и учреждений на другие без их согласия. Эта мера преследовала цель обеспечить рабочей силой новостройки, особенно расположенные в отдаленных районах страны. Добровольцев и заключенных было недостаточно, а средств экономического стимулирования не было. Более того, правительство приняло постановление о снижении сдельных расценок и повышении норм выработки, что привело к серьезному снижению зарплаты.

Но и это не помогало.

В марте 1941-го Берия столкнулся в кремлевских коридорах с Никитой Хрущевым, возглавлявшим тогда ЦК КП(б) Украины. Потом Берия вспомнит об этой встрече в дневнике.

«Мыкыта все еще сидит в Москве. Не пойму. У него что, на Украине дела нет? Там надо день и ночь, огромное хозяйство. И подполье там сильное, крепко вредят. Я ему так и сказал, мы с ОУН еще помучаемся. От открытой пятой колонны мы Украину почистили, а подполье сидит. И банды ходят. А он в Москве. И все у Кобы.

Набивается в гости. Говорю, друг Никита Сергеевич я дом ночью не всегда вижу. Наркомат делим делим, все не доделим. Я сейчас не нарком, а полтора наркома. Два глаза на НКВД, один глаз на НКГБ. А еще на Совнарком надо. Скоро глаза лопнут.

Он говорит, у тебя ж люди, кадры решают все. Говорю, они решают, если ты кадрами руководишь.

Подколол, говорю: «А ты, товарищ дорогой, от кадров сбежал, в Москве прохлаждаешься». Рукой махнул. Говорит, справятся, мне надо у товарища Сталина важные вопросы решить…»

На Украине перед войной «вопросы» были не менее важные.

№ 387. Записка НКГБ УССР секретарю ЦК КП(б) Украины Н. С. Хрущеву

[Не ранее 15 апреля 1941 г.]

Материалами закордонной агентуры и следствия по делам перебежчиков устанавливается, что немцы усиленно готовятся к войне с СССР, для чего концентрируют на нашей границе войска, строят дороги и укрепления, подвозят боеприпасы.

По данным закордонных источников «Львовского» и «Видважного», пришедших из Генерал-Губернаторства в апреле текущего года, пограничная полоса в Генерал-Губернаторстве окончательно милитаризована: запрещено пассажирское движение, крестьянам запрещено производить сев.

Эти же данные объективно подтверждаются действиями самолета «Ю-86», совершившего 15 апреля посадку близ Ровно после глубокой разведки нашей территории.

Известно, что при ведении войны немцы практикуют предательский маневр: взрыв в тылу воюющей стороны («пятая колонна» в Испании, измена хорватов в Югославии).

Материалы, добытые в процессе агентурной разработки и следствия по делам участников «Организации украинских националистов» (ОУН), в том числе воззвания и листовки организации, свидетельствуют о том, что во время войны Германии с СССР роль «пятой колонны» немцев будет выполнять ОУН.

Эта «пятая колонна» может представить собой серьезную силу, так как она хорошо вооружена и пополняет свои склады путем переброски оружия из Германии.

Так называемый «революционный провод» ОУН, руководимый Степаном Бандерой, не дожидаясь войны, уже сейчас организовывает активное противодействие мероприятиям Советской власти и всячески терроризирует население западных областей Украины.

Об этом свидетельствует ряд известных Вам террористических актов против сельских активистов, работников милиции и советских работников.

Основную силу ОУН составляет ядро нелегалов, которых в настоящее время лишь в западных областях УССР учтено около 1000 человек.

Днем нелегалы скрываются в лесах, бродят по дорогам, вечерами являются в села и находят приют в домах кулаков, в семьях репрессированных и в своих собственных домах.

Население некоторых сел настолько терроризировано, что даже советски настроенные люди боятся выдавать нелегалов.

Например, террористический акт против председателя сельсовета села Лапшин Бережанского района Тарнопольской области

Ковара В. М. был совершен в его собственной хате двумя бандитами в присутствии шести соседей. Эти соседи не только не воспротивились убийству, но даже «не опознали» бандитов.

Председатель сельсовета с. Козивка того же района Тарнопольской области Гороховский, будучи преследуемым бандитами, вбежал в хату своего родного брата, где и был зверски убит.

Будучи запуган, брат Гороховского не выдал бандитов.

Изложенное выше вынуждает наряду с проводимой операцией по изъятию нелегалов и актива ОУН поставить вопрос о ликвидации базы ОУН – семей нелегалов, кулачества и семей репрессированных.

Нарком государственной безопасности УССР Мешик

Опытный чекист П. Мешик, проработавший много лет с Л. Берия и рекомендованный Лаврентием Павловичем на работу в Киев, умел видеть главное. И не ошибался.

За неделю до начала операции «Барбаросса» на территорию, прилегающую к государственной границе Советского Союза, поодиночке и целыми группами стали проникать агенты вермахта, переодетые в форму солдат и офицеров Красной Армии, владеющие русским языком и снабженные необходимыми документами. Они должны были сеять панику в воинских формированиях и среди мирного населения, способствуя дезорганизации линии обороны и тыла Красной Армии; разрушать коммуникации (мосты, железнодорожные пути, каналы телефонно-телеграфной связи), уничтожать объекты снабжения и жизнеобеспечения советских Вооруженных Сил и гражданского тыла. На многих участках фронта, возникшего утром 22 июня 1941 года, действия немецких диверсионно-разведывательных групп нанесли значительный урон частям Красной Армии. Так, перед самым началом артиллерийской подготовки в приграничном Бресте и на железнодорожной станции погас свет, вышел из строя водопровод. До сих пор военные историки не могут внятно объяснить, почему гарнизон Брестской крепости был вынужден обороняться, укрывшись за стенами старинной цитадели, тогда как к лету 41-го вдоль западной границы по проектам генерала Д. М. Карбышева были построены мощные современные фортификационные сооружения.

Агентура противника орудовала сначала в прифронтовой полосе, а потом и в советском тылу, не опасаясь разоблачения. Дело в том, что согласно Приказу Наркомата обороны СССР № 171, изданному в 1940 году, для военнослужащих Красной Армии предусматривался единый документ – красноармейская книжка. Однако в соответствии с пунктом № 7 того же Приказа в действующей армии такая книжка не вводилась. **Младшие командиры и рядовые бойцы, участвовавшие в боях с немцами, не имели документов!** Это привело к тому, что в начале войны в число выходивших из окружения советских воинов внедрилось немало солдат гитлеровского полка (с 1942 года – дивизии) специального назначения «Бранденбург 800», приписанного к абверу. К тому времени германский спецназ, которым командовали сначала генерал-майор Пфульштайн, затем генерал-лейтенант Кюльвейн, обладал богатым оперативным багажом, целый батальон «бранденбуржцев» был укомплектован солдатами и офицерами, владеющими русским языком. Действия этого подразделения нанесли Красной Армии огромный вред.

В октябре 1942 года Наркомат обороны Приказом № 330 обязал интендантские службы в 15-дневный срок изготовить и обеспечить действующую армию документами, удостоверяющими личность. Однако **до конца 1942 года в большинстве подразделений красноармейские книжки так и не появились.** Это давало возможность вражеским агентам почти свободно передвигаться в зоне боевых действий и в тылу наших войск. А руководство РККА, видимо, как и Н. Хрущев, «решали вопросы у товарища Сталина»?

Тем не менее, сотрудникам НКВД удавалось выявлять, задерживать или уничтожать значительную часть засылаемой в наш тыл немецкой агентуры. После поражения под Москвой немецкие разведорганы начали применять тактику массовой заброски разведчиков и диверсантов за линию фронта. Агентов вербовали в основном из числа военнопленных. Завербованные проходили необходимый инструктаж и переправлялись в прифронтовую полосу. Уровень подготовки «шпионов» был чрезвычайно низок, ставка на «массовость» не позволяла проводить тщательный отбор, внося в список лишь явно антисоветски настроенных кандидатов, людей, интеллектуально и физически способных выполнять задачи разведывательно-террористического характера. В итоге с июня по декабрь 1941 года

Особыми отделами НКВД СССР было арестовано 2343 шпиона, 669 диверсантов, 4647 изменников.

С лета 1942 года командование вермахта начинает более ответственно подходить к подготовке агентуры, действующей на Восточном направлении. В тылу, параллельно линии фронта, создаются разведывательно-диверсионные школы: в Вано-Нурси (Эстония), в Минске, Витебске, Борисове, Смоленске, Орле, Полтаве, Конотопе, Запорожье, Крыму. В каждой из них – сотни курсантов: их учат собирать информацию, закладывать взрывчатку, вести пропагандистские беседы. Конечно, за 2-3 месяца занятий можно овладеть лишь азами «шпионского» ремесла, но «выпускники 1943-го» уже не похожи на «ширпотреб 1941-го».

И это поняли в Москве. Весной 1943-го Нарком внутренних дел СССР Лаврентий Берия вызвал начальника Управления Особых отделов НКВД. Комиссару госбезопасности 2-го ранга Виктору Абакумову было предложено возглавить новую структуру – Главное управление контрразведки «Смерш» («Смерть шпионам!»). Первым заместителем Абакумова стал Павел Мешик.

Но до 1943-го надо было дожить!

Экономика… Фронт… И выполнение заданий особой важности. Одно из главных – комплектование 15 дивизий НКВД для формирования Резервного фронта. Именно эти соединения отличились в боях за Москву и Кавказ.

В анналах РГВА был найден один очень интересный документ:

В соответствии с Приказом Народного комиссариата внутренних дел Союза СССРот 27 июня 1941 года № 34 Л. Берия во исполнение отданных мною лично 26.6.41 указаний

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Начальнику Управления оперативных войск НКВД генерал-лейтенанту Артемьеву **немедленно** приступить к формированию:

1) 1-го мотомеханизированного корпуса оперативных войск НКВД, в составе:

1-й мсд им Дзержинского

35-й мсд

1-й тд

1-й противотанковой бригады.

Пункт формирования – Москва.

(Мы не случайно выделили именно этот пункт приказа. Чуть позже вы поймете, почему)

15 мсд – Тбилиси

16 мсд – Баку

2. Врид Начальника ГУ ПВ НКВД генерал-майору Яценко **немедленно** приступить к формированию следующих мсд войск НКВД:

29 мсд – Ярославль

30 мсд – Рыбинск

31 мсд – Владимир

32 мсд – Загорск

33 мсд – Дмитров

34 мсд – Муром

3. Начальнику ГУ НКВД по охране железнодорожных сооружений и особо важных предприятий промышленности генерал-майору Гульеву **немедленно** приступить к формированию мсд НКВД:

17 мсд – Серпухов

26 мсд – Тула

27 мсд – Софрино

28 мсд – Щурово

4. Начальнику Управления конвойных войск НКВД генерал-майору Шарапову **немедленно** приступить к формированию:

12 мсд – Ереван

5. Начальникам оперативных, железнодорожных и конвойных войск НКВД, для укомплектования кадром новых формирований выделить из частей вой ск НКВД, по своему усмотрению, по 2000 человек, из них 1500 человек рядового и младшего начсостава и 500 человек начсостава на каждую дивизию.

6. Врид Начальника ПВ НКВД снять с границы по своему усмотрению, 12000 человек кадрового состава, из коих 3000 человек начальствующего состава, и обратить их на укомплектование формируемых дивизий.

7. Начальникам войск НКВД представить мне **сегодня, не позднее 24.00,** проекты приказов и назначении высшего и старшего руководящего состава, до командиров полков включительно.

8. Командиров: 16, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35 мсд, начальников их штабов и заместителей командиров по политической

части, **немедленно** вызвать в Москву, для получения указаний и инструктажа.

9. Начальникам войск НКВД **сегодня** же дать Начальнику УВС все необходимые заявки по материально-техническому обеспечению.

Ответственность за обеспечение заявок возлагаю на генерал-майора интендантской службы Вургафт.

10. Начальнику УВС НКВД дать заявки на подвижной состав для перевозки кадров.

11. **Персональную ответственность** за ход формирования корпуса и отдельных дивизий возлагаю: по ПВ – генерал-майор Яценко по ОВ – генерал-лейтенант Артемьев по ЖДВ – генерал-майор Гульев по КВ – генерал-майор Шарапов по вопросам материально-технического снабжения на генерал-майора интендантской службы Вургафт по политико-моральному обеспечению на дивизионного комиссара Мироненко

Заместитель наркома внутренних дел Союза ССР генерал-лейтенант МАСЛЕННИКОВ».

(Источник – РГВА: ф. 38261, оп. 1, д. 255, л. 250)

Обратите внимание: практически все поручения приказано выполнить **немедленно с указанием персонально ответственных лиц**! И все было исполнено.

Еще в августе 1941-го Берия предложил сформировать особое разведывательно-диверсионное подразделение. «У Канариса (абвер) есть “Бранденбург 800”. У нас будет лучше»

Отдельная мотострелковая бригада особого назначения НКВД (ОМСБОН), вошедшая в состав Четвёртого (партизанского) управления НКВД СССР, фактически стала первым советским диверсионным спецназом.

Формирование бригады началось осенью 1941-го на московском стадионе «Динамо».

Личный состав бригады комплектовался сотрудниками НКВД и НКГБ, добровольцами-спортсменами, студентами и преподавателями Центрального государственного института физической культуры, членами ЦДКА и общества «Динамо», комсомольцами.

Первым командиром ОМСБОН стал полковник М. Ф. Орлов, до этого занимавший должность начальника Себежского военного

училища войск НКВД.

После завершения сформирования в состав мотострелковой бригады входило около **25000 человек**, из них две тысячи иностранцев (около 100 болгар, немцы, австрийцы, испанцы, американцы, китайцы, вьетнамцы, поляки, чехи и румыны), являвшихся политическими иммигрантами и проживавшими в СССР. Для чего?

Ими, как свидетельствуют архивные документы, наряду с задачами разведывательно-диверсионного характера и ведения партизанской войны на оккупированных территориях страны, осуществлялась вербовка агентов среди военнослужащих армий сателлитов фашисткой Германии: венгров, румын и словаков, а также членов «Армии Крайовой». Шел постоянный поиск новых эффективных форм и методов разведывательно-диверсионной деятельности. Например, была создана легендированная спецгруппа из числа бойцов ОСНАЗА под командованием майора А. Борисова, выдававшая длительное время себя за якобы «действующую в нашем тылу группу военнослужащих вермахта под командованием подполковника Г. Шерхорна».

В состав соединения входили лучшие советские спортсмены: боксеры Николай Королев и Сергей Щербаков, конькобежец Анатолий Капчинский, штангист Николай Шатов, гребец Александр Долгушин, дискоболы Леонид Митропольский и Али Иасев, велосипедист Виктор Зайпольд, гимнаст Сергей Кулаков, борец Григорий Пыльнов, лыжница Любовь Кулакова, группа футболистов минского «Динамо», бегуны-стайеры братья Знаменские. В бригаду также вошли художники Д. Цыновский и А. Ливанов, кинооператор М. Друян, специальный корреспондент газеты «Правда» А. Шаров и спортивный журналист Е. Шистер, полярники-радисты А. Волошин и А. Шмаринов. Люди, известные стране.

Соединение находилось в непосредственном подчинении у Л. П. Берии.

Результаты действий этого соединения просто поражают! Было пущено под откос 1415 вражеских эшелонов с живой силой, техникой, боеприпасами, горючим, а также пять бронепоездов; уничтожено 1232 паровоза; 13181 вагонов, платформ и цистерн; 2323 автомашины, тягачей, мотоциклов, подорвано 92,2 км рельсовых путей; взорвано 335 железнодорожных и шоссейных мостов. Движение поездов

приостанавливалось более 450 раз. Было уничтожено 145 танков и бронемашин, сбит 51 самолет. Выведено из строя около 700 км кабеля телефонно-телеграфных линий, в том числе до 240 км кабеля, связывавшего командование немецкого Восточного фронта с гитлеровской ставкой. Осуществлено более 400 других диверсионных актов, в результате которых, в частности, было взорвано и сожжено 344 промышленных предприятия и склада. Также, было проведено 1084 боевых столкновения с противником, разгромлено 122 гарнизона, жандармских и полицейских управлений, комендатур и штабов. В открытом бою и в результате диверсионных актов было уничтожено 136130 солдат и офицеров противника. Было ликвидировано 87 видных представителей гитлеровских оккупантов и 2045 фашистских агентов и пособников врага. В качестве трофеев было захвачено 45 орудий и минометов, пулеметов, более 850 винтовок и автоматов; танков, самоходных орудий, тягачей – 21, более 100 мотоциклов и велосипедов.

7103 военнослужащих ОМСБОН были награждены орденами и медалями, свыше 20 стали Героями Советского Союза.

Но в поле зрения Лубянки попадали и другие, не менее известные спортсмены.

«Одно продажный голос указует –
Куда сегодня ветер дует!»

(Патрик Генри, общественный деятель США)

Многие годы историческая наука и политическая публицистика старались обходить вниманием эпизоды, так сказать, «бытового предательства» в годы войны, в которых были замешаны довольно именитые граждане СССР.

Я решил нарушить эту традицию, потому что не заметить параллели между событиями Великой Отечественной и сегодняшними «трюками элиты» просто невозможно. К тому же именно Берия и его службы «ставили» на место или «сажали» некоторых зарвавшихся мастеров спорта и культуры.

В центре воюющей страны органы НКВД-НКГБ раскрывали сообщества с совершенно чуждыми Отечеству интересами! Даже опытный контрразведчик Лаврентий Берия не переставал удивляться!

В 1943 году футболисты и функционеры «Спартака» братья Старостины были отправлены в ГУЛАГ. Однако «кровавый режим» осудил их не за политику, как позднее сочиняли братья, а за… спекуляцию, торговлю освобождениями от фронта и пронемецкую агитацию. Такое поведение городского «среднего класса» во времена ВОВ было скорее нормой.

Четверо братьев Старостиных – Николай, Александр, Андрей и Пётр были арестованы в 1942 году. Сами они позднее вспоминали, что их дело было якобы сфабриковано, а причиной была месть Берии за успехи «Спартака» в матчах с московским «Динамо», за которое болел Лаврентий Павлович.

Однако в книге «Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш», 1939 – март 1946. Документы», с. 340–341 приводится более прозаическая причина ареста братьев Старостиных.

Спецсообщение Л. П. Берии И. В. Сталину о профашистских настроениях среди спортсменов

19.03.1942, сов. секретно, № 444/б, ЦК ВКП(б) товарищу Сталину:

В момент напряженного военного положения под Москвой Старостины Николай и Андрей, распространяя среди своего окружения пораженческие настроения, готовились остаться в Москве, рассчитывая в случае занятия города немцами занять руководящее положение в «русском спорте».

Политические настроения Старостиных в этот период времени характеризуются следующими высказываниями.

Старостин Андрей среди близких ему лиц заявил: «Немцы займут Москву, Ленинград. Занятие этих центров – это конец большевизму, ликвидация советской власти и создание нового порядка… Большевистская идея, которая вовлекла меня в партию в 1929 году, к настоящему времени полностью выветрилась, от неё не осталось и следа».

Старостин Н.: «11-й день наступления немцев, ну, через недельку они будут здесь. Нам надо поторопиться с квартирой и завтра всё оформить».

«…если брать комнаты, то только у евреев, потому что они больше не приедут сюда».

Жена: «…Голицыно находится в 10 километрах от Москвы, Лялечка (дочка Старостина) идёт учить немецкий язык, я тоже поучусь, а то немцы придут, а я и говорить не умею…»

Старостин: «Да, жизнь наступает интересная».

Жена: «Была интересная в 1917 году, боролись за жизнь, а теперь уничтожают всё».

Старостин: «А что тогда было интересного?»

Жена: «Свержение царизма».

Старостин: «А сейчас идет свержение коммунизма».

Жена: «Скорее бы…»

Готовясь к сотрудничеству с германскими оккупационными властями и сгруппировав вокруг себя классово-чуждый элемент, Старостины занялись накоплением материальных ценностей (валюта, золото) и продовольственных запасов.

Установлено, что Старостины связаны с разветвленной группой расхитителей социалистической собственности в системе Промкооперации и производственных предприятий спортивного общества «Спартак».

Хищническая деятельность этой группы приняла широкий размах, особенно в период войны. Из числа участников группы в данное время арестовано 15 человек. Показаниями обвиняемых Старостин Николай изобличается как один из её руководителей.

Используя свои связи среди отдельных руководящих работников советских и хозяйственных органов, Старостин Николай, получая крупные взятки, незаконно бронирует лиц, подлежащих мобилизации в Красную Армию, и организует прописку в Москве классово-чуждого и уголовного элемента.

НКВД СССР считает необходимым арестовать Старостина Н. П. и Старостина А. П.

(На первом листе имеется резолюция: *«За спекуляцию валютой и разворовывание имущества промкооперации – арестовать. И. Ст.»*).

В ходе следствия, которое, кстати, **шло почти год**, выяснились такие подробности. Хищения и мошеннические операции принесли Николаю Старостину 28 тысяч рублей, Александру – 12 тысяч, а Андрею и Петру Старостиным – по 6 тысяч рублей. Но гораздо более прибыльным для братьев-футболистов оказалось не столько воровство

и спекуляция валютой, а посредничество в операциях по освобождению состоятельных москвичей от фронта. В их деле говорилось:

«Руководствуясь корыстными соображениями, Старостин Николай во время Отечественной войны вошел в преступную связь с военным комиссаром Бауманского района Москвы Кутаржевским (осуждён) и за взятки, даваемые последнему в виде спиртных напитков и продуктов питания, добивался получения от райвоенкомата отсрочки от мобилизации не только в отношении работников спортивного общества «Спартак», но и лиц, не имевших никакого отношения к этому обществу». Среди людей, избежавших таким образом отправки на фронт, указаны руководители «Мосплодоовощторга», магазинов «Молококомбината», их заместители и др. За содействие указанные выше лица снабжали Николая Старостина продуктами в неограниченном количестве – в частности, «только от директора магазина Звездкина он получил масла сливочного 60 кг и колбасных изделий – 50 кг».

4 апреля 1942 года Берия записал в дневнике:

«Дошли руки арестовать Старостиных. Мячик гоняли здорово, люди оказались дерьмо. Строили из себя интеллигентиков. Вроде им дали все, что могли дать. Сколько чемпионов в тылу у немцев воюют, как спортсмены под Москвой воевали, а эти мало что шкурники и спекулянты, так еще и предатели. Шлепнуть бы, но зачем. Коба сказал, уберите это дерьмо подальше от Москвы, а так пусть воняет. Интеллигенты без дерьма не могут».

«Не успела начаться война – а московская «интеллигенция», не откладывая в долгий ящик, принялась готовиться к встрече «господ-арийцев», торопливо заказывая портным и модисткам новые платья и костюмы. Ну как же, «Европу» надо встретить «по-европейски». Другие стали строить планы коммерческого сотрудничества с новой властью», – вспоминала Народная артистка СССР, балерина М. Плисецкая в интервью А. Караулову.

«Дело Старостиных» было не единичным. Население крупных городов СССР тогда правдами и неправдами пыталось остаться в тылу. Правдами – получить законную бронь, неправдами – купить её.

Фактически Великую Отечественную выиграло русское крестьянство, практически подчистую выметенное военкоматами на передовую – и там сгинувшее. У крестьянства не было ни привилегий, данных свыше, остаться в тылу; ни денег, чтобы откупиться от фронта у таких вот «братьев Старостиных».

В процитированной книге приведено донесение Берия Сталину о таких случаях:

«18 ноября 1944 года. Органами НКВД вскрыты случаи незаконного освобождения райвоенкоматами и работниками военно-врачебных комиссий военнообязанных в Красной Армии.

10 октября УНКВД Ворошиловоградской области арестовано 5 работников горвоенкомата… Эти лица выдавали фиктивные свидетельства о болезни военнообязанным и освобождали их вовсе, получая за это взятки от 2 до 10 тысяч рублей… Выявлено 13 лиц, уклоняющихся от военной службы, которых преступники снабдили фиктивными документами…

…УНКВД Ставропольского края вскрыта группа Молотовского райвоенкомата и медработников, освобождающих военнообязанных за взятки. Установлено, что они незаконно освободили 13 и сняли с учёта 27 военнообязанных…

…Арестован и привлечён к уголовной ответственности врид военкома Частинского района Молотовской области Шиврин.

Установлено, что за взятки Шиврин освободил от службы в Красной Армии военнообязанных – уполномоченного треста столовых Чернышова и Голдобина и Лузина».

Случаев покупки брони за взятку – только выявленных НКВД – были сотни, а то и тысячи.

«Райвоенком Пригородного РВК (бывш. Чечено-Ингушская АССР) Новосёлов и сотрудники РВК Горбушин и Иванов систематически выдавали за крупные взятки фиктивные документы дезертирам из Красной Армии, которые были сняты с военного учета. У Джанаева и 7 других дезертиров получено за это 38800 рублей».

«В феврале 1943 г. НКВД Московской области ликвидирована группа дезертиров и уклонившихся от военной службы в составе

Аляутдинова, Мустафина и др. Находясь в преступной связи с врачами призывного пункта Пушкинского райвоенкомата Турбевичем, Селезневым, Постниковым, Коквиной, нач. 1 части военкомата Яптевым и писарем Половинкиным, получали фиктивные заключения и свидетельства о негодности к военной службе и сбывали их дезертирам и другим лицам за суммы от 3 до 20 тысяч рублей. По показаниям врача Турбевич, ими с начала Отечественной войны освобождено от службы в Красной Армии около 100 человек».

«УНКВД Ростовской области в мае с.г. вскрыта группа лиц, снабжавшая за крупные суммы дезертиров и уклонившихся от службы в РККА фиктивными документами. Организатором группы являлся дезертир из Красной Армии Хохлов – капитан интендантской службы. Проживая в г. Ростов-на-Дону, изготовлял фиктивные документы о болезни от имени эвакогоспиталя № 3883 и воинских частей и за каждый из них получал от 4 до 10 тысяч руб. Вместе с соучастником, дезертиром Сухановым, он продал дезертирам до 40 фиктивных документов, по которым они в военкоматах гор. Ростов-на-Дону и Ростовской области получали свидетельства об освобождении от воинской службы».

А миллионам горожан и другим, как тогда говорили, «спецкатегориям» не надо было покупать освобождение от фронта – они имели его законным путём.

Вот данные по Западной Сибири: «В общей численности мужчин призывного возраста удельный вес забронированных в городах достигал 28 %, в сельской местности – 5 %».

Кстати, братья Старостины на момент их ареста имели бронь по линии спорта и промкооперации. К тому же в Москве численность «забронированных» вообще достигала 45 % от общего числа военнообязанных мужчин.

Не является секретом факт отсутствия воинского призыва в национальных образованиях СССР. К примеру, зимой 1941/42 гг. Сталин говорил про национальные кадры:

«Вы говорите, что некоторые национальные кадры плохо воюют. А что вы хотите? Те народы, которые десятилетиями откупались от воинской повинности и у которых никогда не было своей военной

интеллигенции, всё равно не будут хорошо воевать, не могут хорошо воевать при том положении, которое исторически сложилось».

К примеру, в приказе Новосибирского облвоенкомата от 2 октября 1941 г. предписывалось без каких-либо ограничений на укомплектование запасных частей Красной армии «отобрать призывников следующих национальностей – русских, украинцев, белорусов, казанских татар, мордву, евреев, армян, грузин и азербайджанцев, владеющих русским языком. Призывников всех остальных национальностей использовать на пополнение строительных частей и формирование рабочих колонн». Немцев, румын, финнов, болгар, греков, турок, японцев, корейцев, китайцев, венгров, австрийцев предписывалось направлять исключительно в рабочие колонны. Кроме того, долгое время не призывали поляков, чехов, эстонцев, латышей и литовцев. В конце 1942 г. было запрещено призывать граждан, ранее проживавших в Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской, Дагестанской АССР.

Но малоизвестно, что **бронь получали граждане, отсидевшие в ГУЛАГе по политическим статьям и вышедшие на свободу, а также их родственники!**

Так, в Омской области осенью 1942 г. при призыве граждан 1924 г. рождения по «политико-моральным соображениям» (ПМС – так на канцелярском языке назывались «политические») было отсеяно 308 человек, в том числе по национальным признакам – 164 человека. Кроме того, мандатные комиссии военкоматов отвергли 48 уроженцев Западной Украины и Белоруссии. В Новосибирской области в ходе призыва граждан 1924 г. рождения на основании ПМС в зачислении в действующую армию было отказано 1661 человеку, а по национальным признакам было отсеяно 338 человек. Помимо этого, не было призвано 162 уроженца Западной Украины и Западной Белоруссии. В отдельных сельских районах Западной Сибири, где концентрировались спецпереселенцы, удельный вес отсеянных по ПМС был особенно высок. Так, в Тегульдетском районе из 165 юношей 1924 г. рождения 81 человек (49 %) были отсеяны по ПМС как дети трудпоселенцев.

Так что в некоторой степени **ГУЛАГ** для многих во время Великой Отечественной Войны **оказался спасением**, позволив остаться в живых. Кстати, выжили в ГУЛАГе и все четыре брата Старостины. А

попали бы на фронт – и, возможно, не было бы и «легенды «Спартака».

Да-а… В семье не без… И на все на это, наряду с обеспечением фронта оружием и боеприпасами, горючим и кадрами Лаврентию Павловичу приходилось тоже тратить силы, нервы и время.

«…Никогда не бывает больших дел без больших трудностей»

(Вольтер)

Работая над этой книгой, я с каждой новой страницей все больше убеждался в том, что вклад Лаврентия Павловича Берия в организацию Победы сопоставим разве что с подвигом советского солдата, отдавшего жизнь за Родину: не было бы Солдата – не было бы отвоеванной территории и освобожденных городов; не было бы Лаврентия Берия – не было бы Победы.

Признать это публично, значит кардинально поменять акценты в истории Великой Отечественной. А может, и пора?

23 августа 1941 года Берия черкнул в дневнике: *«Коба материт командующих. Говорит, и наступать не смогли и отступать не умеют. Теряют войска… У меня та же хренотень. Совет по эвакуации есть, а проблемы расшивают мои ребята. Некомплект ищут мои ребята… Как что не так, товарищ Берия, помогите».*

24 июня 1941 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей» при СНК СССР был создан Совет по эвакуации в составе Л. М. Кагановича (председатель), А. Н. Косыгина (заместитель председателя),

Н. М. Шверника (заместитель председателя), Б. М. Шапошникова, С. Н. Круглова, П. С. Попкова, Н. Ф. Дубровина и А. И. Кирпичникова.

26-го, 27 июня и 1 июля решением тех же органов в Совет по эвакуации были дополнительно введены А. И. Микоян (первым заместителем председателя), Л. П. Берия и М. Г. Первухин (заместитель председателя).

3 июля 1941 г. председателем Совета по эвакуации был назначен кандидат в члены Политбюро ЦК, секретарь ВЦСПС Н. М. Шверник. 16 июля последовало новое решение ГКО «О составе Совета по эвакуации». На этот раз в его реорганизованный состав вошли: Н. М. Шверник (председатель), А. Н. Косыгин (заместитель председателя), М. Г. Первухин (заместитель председателя), А. И. Микоян, Л. М. Каганович (в отсутствие Кагановича его заменял Б. Н. Арутюнов), М. З. Сабуров (в отсутствие Сабурова его заменял Г. П. Косяченко) и В. С. Абакумов (НКВД).

16 августа 1941 г. постановлением Государственного Комитета Обороны (ГКО) в Совет по эвакуации дополнительно ввели заместителя начальника Главного управления тыла Красной Армии генерал-майора М. В. Захарова. 26 сентября 1941 г. при Совете по эвакуации было создано Управление по эвакуации населения во главе с заместителем председателя СНК РСФСР К. Д. Памфиловым. Одновременно Памфилов пополнил состав Совета по эвакуации в качестве одного из заместителей председателя Совета.

Начальства было много! И сделано было немало. Но, как пишет С. Кремлев, Совет не имел аппарата на местах, а его руководители не сумели в кратчайшие сроки сформировать институт своих уполномоченных. Поэтому реально функции таких уполномоченных то и дело приходилось выполнять, совмещая множество других дел, аппарату наркома Берия. Иногда **нарком лично занимался розыском особо важного эвакуированного оборудования.**

«В Москве ночь, зато в Сибири день. На Урале пресс полетел, Лаврентий найди. Эшелон потеряли, Лаврентий, пусть твои ребята займутся. Вячеслав (Молотов) провалил, Лаврентий давай. Вознесенский не помог, Лаврентий помоги. Лазарю (Каганович) помоги. Георгию (Маленков) помоги, Щербакову помоги, а Кобу это

уж само собой. Если бы людей не подобрал везде, ложись и помирай», – записал Берия в дневнике 18 февраля 1942 года.

А тут еще нередко приходилось ставить на место не в меру ретивых, оставляя дипломатический «политес» для мирного времени.

Заместитель наркома вооружения В. Н. Новиков приводит конкретный случай его «грубости». Идет война, заводы выбиваются из сил, увеличивая и увеличивая производство стрелкового оружия. В это время, генерал-лейтенант госбезопасности Ткаченко неотступно ходит за Новиковым, слушает все совещания, читает оперативки и т. д. Через несколько недель Ткаченко показывает Новикову телеграмму в адрес Берия, в которой предлагает совершенно нелепые кадровые перестановки на оружейных заводах – того снять, того заменить. Новиков пытается объяснить, почему этого нельзя делать, но безуспешно. Через несколько часов Новикову звонит Берия и начинает расспрашивать. Понимает Новикова с полуслова и просит дать трубку генералу. Ткаченко берет трубку и слышит страшный мат: «Я зачем тебя, сволочь такую, послал к Новикову – шпионить за ним или помогать ему? Я тебя помогать послал, а ты чем занимаешься? Расстреляю». Ткаченко стоит синий, и бормочет: «Слушаюсь, товарищ нарком». После этого случая Ткаченко исчез…».

Да нет, не исчез… Не расстрелял его Берия. Но нагоняй пошел на пользу. Иван Максимович Ткаченко закончил войну при званиях и должностях: 1941-1943 начальник 7-го специального отдела НКВД – Экономического управления НКВД СССР. В 1942-1943 заместитель начальника Экономического управления НКВД СССР. И даже обеспечивал безопасность ряда строящихся объектов в рамках «Атомного проекта». В 50-х командовал НКВД-МВД на Ставрополье, милицией – в Челябинске…

Но было еще одно весьма важное звено в цепочке принятия решений, от целости которого зависел, ни много ни мало… исход войны. **Безопасность высшего руководства СССР.**

…Официально объект назывался «Центральный стадион СССР имени И. В. Сталина» – самый большой в стране – на 200 тысяч зрителей со 142 тысячами пронумерованных мест. Спортивный комплекс по плану включал в себя, кроме спортивной арены, здание для спортивно-тренировочной подготовки и общежитие. Все это

располагалось метрах в 500 от уже построенной станции метро. Но в 1939-м строительство заморозили: во-первых, уже началась Вторая мировая война и все средства были направлены на подготовку к обороне от возможного нападения немцев. А во-вторых, главный объект, прикрытием которого служил стадион и особенно его третий, недостроенный ярус трибун, был уже завершен. Это был **запасной командный пункт – сначала ГКО (Государственного Комитета Обороны), а с началом Великой Отечественной – ЗКП Ставки Верховного Главнокомандования.**

Как сообщает писатель-историк В. М. Жухрай (Мироненко), который изучал жизнь Сталина буквально по дням и часам, вождь ознакомился с объектом в апреле 1940-го.

Легко предположить, что кортеж автомашин двигался тогда (для апробирования) по специально проложенному 17-километровому тоннелю, въезд в который начинался прямо у Спасских ворот Кремля. В дальнейшем тоннель шел под зданием НКВД (КГБ-ФСБ) на Лубянской площади, проходил рядом с бункером МПВО, оборудованным в метро «Кировская («Чистые пруды»), – туда можно было спуститься на лифте из приемной Наркомата на улице Кирова (Мясницкой), 37. Затем автотоннель уходил параллельно тоннелю метро в сторону бункера «Измайлово», куда можно было попасть и по его Сокольническому ответвлению.

Наша справка. «*Спецобъект глубинного залегания у станции метро «Кировская» имеет несколько подземных уровней, нижняя точка которых находится на 70-метровой глубине. Он построен в 1937-1940 гг. для штаба МПВО и командного пункта НКВД. В начале войны сюда переехала Ставка ВГК. Поезда там не останавливались. Перрон был отгорожен высокой стеной, за которой оборудовали рабочий кабинет для Верховного Главнокомандующего и узел связи с любым абонентом.*

Размеры тоннелей между спецобъектами были стандартными – под КУНГ (кузов универсальный нормальных габаритов), то есть позволяли проезд не только легковых автомобилей, но и тяжелых танков и вагонов. Крепежом служили обычные чугунные тюбинги, применявшиеся в метрострое. Вентиляция также устроена по

технологии метро: поезд через воздухозаборные шахты как поршень выдавливает воздух впереди себя и затягивает его за собой.

После реконструкции, проведенной в середине 1990-х, видно, что при желании машина Сталина могла бы въехать прямо в зал заседаний Ставки: двери из тоннеля находятся напротив дверей в бункер. Однако на 15-метровой глубине под железобетонными сводами толщиной до 6 метров для машин и танков вокруг бункера имелась огромная стоянка, на которой свободно размещались автомобили и 150 танков КВ и даже небольшой ремзавод для них. Часть тяжелых танков была переоборудована под салоны. В сталинском танке предусматривалось даже место для личного врача. Сами танки предназначались для прорыва из возможного окружения с задачей пробиться к одному из названных выше аэродромов или двигаться своим ходом к удаленным ЗКП в других городах. На железнодорожной (средней) ветке метро стоял в готовности и бронепоезд. Собственно говоря, этот ЗКП и считается промежуточным пунктом для эвакуации…» (Николай Пальчиков «Объекты глубинного заложения» // Красная звезда, 21.04.2010).

Таким образом, моя версия состоит в том, что подпункт 1 пункта 1 Распоряжения заместителя наркома внутренних дел Союза ССР генерал-лейтенанта Масленникова И. И., изданного во исполнение Приказа НКВД СССР № 34 от 27.6.1941 г. был выполнен частично (кроме горно-стрелковых дивизий).

Вообще обращает на себя порядковый номер Приказа Наркома внутренних дел. Можно предполагать, что с началом войны нумерация их начинала новый отсчет с даты её начала, т. е. с 22 июня 1941 года. Сам оригинал этого приказа до сих пор хранится за семью печатями. Следовательно, как версию, можно предположить, что 1-й мотомеханизированный корпус оперативных войск НКВД, в составе: 1-й мсд им Дзержинского, 35-й мсд, 1-й тд и 1-й противотанковой бригады с Пунктом формирования – Москва, предназначался именно для обеспечения важной государственной задачи по охране и обороне главного защищенного командного пункта Ставки Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина «Измайловский парк». Не вдаваясь в подробности, можно только еще раз восхищаться высоким мастерством стратегической маскировки такого важнейшего объекта,

крайне необходимого для обеспечения бесперебойного руководства боевыми действиями войск стратегических направлений, фронтов и флотов, управления функционированием оборонной промышленностью и другими. Существование данного объекта, сохранялось в глубокой тайне вплоть до 2005 года.

1-я, я бы добавил, подземная и тяжелая танковая дивизия 1-го ммк ОВ НКВД получила на вооружение или расконсервировала уже ранее размещенные в мирное время накануне войны, новенькие танки КВ-1. Для этих целей пригодились и танкисты первого предвоенного выпуска бронетанкового отделения Харьковского военного пограничного училища НКВД СССР им. Ф. Э. Дзержинского в количестве 125 чел. Однако сами по себе танки не могут эффективно действовать и для их усиления требуется лучше всего мототопехота. Для этих целей была в составе 1-го ммк сформирована 35-я мотострелковая дивизия ОВ НКВД. Усиление противодиверсионной охраны в районе дислокации командного пункта возлагалось на 1-ю мсд им. Ф. Э. Дзержинского (вскоре переформированную в ОМСДОН им. Дзержинского, можно предположить, что это и был штаб 1-го ммк ОВ НКВД). Для создания мощного противотанкового рубежа на подступах к обороняемому стратегическому объекту предназначалась 1-я противотанковая артиллерийская бригада.

Было бы глупо полагать, что в дни самых трудных испытаний начального периода войны нарком Л. Берия и его зам генерал-лейтенант Масленников И. И. издавали «игрушечные директивы». Это были заранее подготовленные и выверенные действия опытных руководителей стратегического масштаба, а само построение обороны объекта «Измайловский парк» было обязательно заложено в специальном разделе Мобилизационного плана страны, известного под названием «МП-1941».

(Кстати, ставку Гитлера в годы войны охранял специальный охранный корпус, имеющий в составе танковую дивизию, вооруженную самими мощными танками того времени «Тигр»).

К осени 1941 года Москва превратилась в прифронтовой город. И не было всеобщей уверенности в том, что столицу удастся отстоять. В порядке самоутешения партийные и военные начальники рассуждали: «Ничего… и поляки в Кремле были… и Наполеон зимовал… Но одолели, выгнали супостатов из первопрестольной!..». К этому

времени дети, жены и имущество значительной массы «рассуждающих» уже перекочевали в Куйбышев (Самару).

8 октября 1941 года было принято Постановление ГКО об организации пятерки во главе с заместителем наркома НКВД Серовым «для проведения специальных мероприятий по предприятиям города». Имелась в виду подготовка к ликвидации 1119 предприятий Москвы, из которых 412 предприятий имели оборонное значение или частично работали на оборону.

Москву планировали взорвать!

13 октября Берия записал в дневнике:

«Был большой разговор. Снова доказывал Кобе, что взрывать город и уходить не дело. Ни[чего] мы толком не взорвем, потому что опыт уже есть, когда отходим, бардак. Свежий пример – Калинин. Хоменко мне позвонил, массой бежали из города позорно. И из Москвы бегут.

(За полгода войны из Москвы было эвакуировано организованным порядком и бежало примерно 2200000 человек. При этом на 8 января 1942 года в городе проживало 2 370 000 человек.)

Надо крепче организовать оборону на случай уличных боев. Даже если они в Москву войдут, уже не выйдут. Мы здесь каждый люк знаем, ночью и в тыл зайти можно и обойти можно. Сели с Ширяевым и танкистами. Если танки отойдут, можно их использовать как огневые точки. Можно воевать в городе. Тем более мы их сюда не пустим… Коба один момент снова растерялся. Не верил, что Москву удержим. Приказал готовить ликвидацию промышленности. Я сказал, выполним, товарищ Сталин, но это не дело. Надо отстоять.

Он говорит, я сам знаю, что надо. А если не отстоим? Говорю, надо немедля Москву укреплять. Тут любой дом, как укрепрайон. Посмотрел он на нас с Георгием (Маленков) говорит, мысль дельная. Шуруйте. Потом прибавил: «Жуков тоже уверяет, что не сдадим Москву». Теперь шуруем.»

Но кроме этих безотлагательных мероприятий, в повестке дня Наркома вновь объединенного НКВД и заместителя главы

Правительства СССР стояли еще и операции в тылу противника, на временно оккупированной советской земле…Уже в 20-х числах августа 1941-го на линию фронта отправили группу Д. Медведева, офицера ГБ, будущего командира партизанских отрядов НКВД «Митя» и «Победители», Героя Советского Союза и кавалера четырех орденов Ленина.

И это все на плечах Лаврентия Берия. До дневника добраться некогда…

Одно только партизанское движение занимало массу времени. Причем, там, где, казалось бы, все было отработано и налажено еще до войны.

Партизаны и «партизаны»

Нет сомнений, что «народные мстители», как их называли в советской литературе, приблизили час победы над врагом. Но партизанское движение было отнюдь не стихийным, рожденным эмоциональным порывом оскорбленных и униженных фашистами людей. Это в кино охваченная горем женщина бралась за вилы и шла громить немецкие аванпосты, увлекая своим примером бывших колхозников и колхозниц. На деле все было иначе.

Накануне войны на базе спецшкол ОГПУ-НКВД обучались будущие партизанские командиры, агенты-диверсанты; разрабатывались мобилизационные планы, предусматривающие использование партизанских формирований во вражеском тылу; подготавливались продовольственные и оружейные базы, где в некоторых районах в 1930-1933 годах находилось средств больше, чем было получено партизанами на этих же базах за весь период Великой Отечественной войны! **За все время боевых действий не было уничтожено ни одно партизанское соединение, возглавляемое командирами, прошедшими довоенную подготовку**. В то время как наспех сформированные летом 1941-го отряды, лишенные связи, централизованного руководства, гибли один за другим.

Управление партизанским движением было предметом соперничества между профессионалами из НКВД СССР (Л. Берия) и политиками ВКП(б) (П. Пономаренко).

Вот отрывок из документальной повести «Агент никто» (за которую Е. Толстых в 2006 году был удостоен премии ФСБ в области литературы), где в партизанской землянке речь идет об одном из весьма спорных эпизодов Великой Отечественной войны.

«Тут у нас по весне приказ с «большой земли» пришел: дескать, чтобы ускорить победу над врагом, надо объявить ему «рельсовую войну».

– Это как? – спросил, надкусывая луковицу, Доронин.

– А так: нечего пускать под откос немецкие поезда, надо рвать рельсы. Мы-то поначалу не уразумели, спрашиваем командира, «а разве мы не рвем рельсы, когда на железку ходим?» А он говорит,

дескать, теперь по-другому будет. Вот тебе, Михалыч, задание – за неделю развороти́ть взрывчаткой сто штук рельсов. И неважно, будут там на них в это время поезда или нет. Я-то в толк взять не могу: если немцы кого у железной дороги поймают, стреляют или вешают без разговоров. Ну, коли цена партизанской голове – фашистский эшелон с танками, тогда можно и на плаху. Мы для того и в лесу, чтоб головы класть, лишь бы врага меньше стало. А тут, мать твою, за метр железяки смертью платить? Да ее немцы через день отремонтируют. Мы грешным делом подумали, что это наше отрядное начальство чудит. А ребята из соседней бригады про то же рассказывают. Говорят, даже план по рельсам из Москвы спустили. Как в колхозе до войны. Чудно! Видать, кто это придумал, в мирной жизни любил рекорды ставить! Так что ж ты думаешь, под это, прости господи, мероприятие и взрывчатку самолетами забросили! Да что я тебе об этом толкую! Вот и думаю я… Да не только я один. Война без малого три года тянется, и конца края ей не видно, потому что в нашей деревне **один** дурачок Никитка, которого мать и за коровой присмотреть не допускает, а на «большой земле»! Не знаю, может, ты на меня завтра донос напишешь, да мне не страшно. Пока он до верху дойдет, я три раза под немецкую пулю попаду. А не попаду, так уйду за день до того, как меня НКВД брать придет. Один немцев давить буду, пока дышу, и никакой нарком-горком мне не указ, как их, сволочей, бить сподручнее…. Давай выпьем, а то спать пора…»

Кстати, идея «рельсовой войны» принадлежала именно политику, секретарю ЦК КП Белоруссии Пантелеймону Пономаренко. Ему удалось убедить Сталина в эффективности этого мероприятия, после чего спорить с «партийцами» уже никто не осмеливался. Хотя специалисты-подрывники в недоумении качали головами: на воплощение «идеи» требовалось гораздо больше дефицитной взрывчатки, нежели на проведение реальных диверсий, когда под откос летели немецкие эшелоны с техникой и личным составом! Илья Старинов, «диверсант СССР № 1», взрывавший белогвардейцев в Гражданскую, поднимавший на воздух составы в Испании, узнав о решении начать «рельсовую войну», смог лишь произнести: «Чушь какая-то!..» Ему тут же порекомендовали воздержаться от обсуждения приказов руководства и сообщили, что для успешного проведения акции Сталин распорядился выделить Центральному штабу

партизанского движения (П. Пономаренко) дополнительное количество взрывчатки и группу транспортных самолетов для доставки ее в зону действия партизанских отрядов!

И, тем не менее, советские спецслужбы старались держать руку на пульсе партизанского движения. За годы войны для выполнения особых заданий за линией фронта и в тылу врага НКВД СССР было подготовлено 212 специальных отрядов и групп общей численностью 7316 человек. Всего за линию фронта было заброшено более 2000 оперативных групп органов государственной безопасности.

Возможно, результаты партизанской борьбы могли бы быть весомее, если бы не амбиции партийных начальников. Вот пример: в августе 1943-го руководитель Главного управления контрразведки «Смерш» В. Абакумов пишет в адрес П. Пономаренко:

«Как Вам известно, по указанию товарища Сталина, оперативное обслуживание штабов партизанского движения и борьба с агентурой противника, проникающей в эти штабы и партизанские отряды, возложена на органы контрразведки “Смерш”.

Несмотря на это, имеет место ряд случаев, когда разоблаченные и явившиеся с повинной в партизанские отряды шпионы, диверсанты, террористы, участники так называемой “Русской освободительной армии” и других формирований, созданных немцами, доставляются на нашу сторону без ведома органов контрразведки “Смерш”, допрашиваются работниками штабов партизанского движения, которым не свойственно заниматься расследованиями по такого рода делам. Доставляемые из партизанских отрядов документы и составленные при допросах разоблаченных шпионов протоколы рассылаются в различные адреса, в результате чего некоторые серьезные оперативные мероприятия становятся достоянием большого круга лиц…».

Абакумов просит Пономаренко дать указание подведомственным ему штабам пресечь подобную практику и не мешать контрразведке выполнять профессиональные задачи.

В ответ секретарь ЦК раздражается:

«…почему со времени организации “Смерш” никто из работников этого управления не говорил о том, как они собираются и что

намечают предпринять, чтобы организовать работу и развернуть борьбу с агентурой противника…».

Иными словами, сидящий в Москве начальник советских партизан недоволен тем, что «Смерш» не рассказал массам и их партийным вожакам, как он собирается воевать со шпионами, не раскрыл методов и тактики контрразведывательной работы! В конце своего строгого ответа, больше похожего на отповедь Абакумову, Пономаренко пишет:

«Нам кажется, что известная часть работников управления, если судить по их поведению, хотела бы быть в некоторого рода начальственном положении к руководящим органам партизанского движения и рассматривать их как подчиненные "Смерш" органы. Но это глубокое заблуждение, которое ничего, кроме разочарования, не может принести таким работникам».

Комментировать документ излишне.

Абакумов не случайно решился на письмо Пономаренко. На то нужны были веские причины и определенное гражданское мужество: известно, что Сталин хорошо относился к главному белорусскому большевику.

Причин хватало. Контрразведка отмечала значительную засоренность партизанских отрядов предателями и изменниками Родины. Были случаи, когда партизанские командиры держали в любовницах женщин, завербованных абвером и СД. Шпионки имели доступ не только к командирскому телу, но и к секретным документам, так как партизанское начальство устраивало «любимых» на работу… в штабы!

Партизанское движение, как ни удивительно, болело теми же недугами, что и любая бюрократическая организация, парадоксально сочетая в себе героизм и самоотречение с банальными… приписками.

22 сентября 1943 года в 00 часов 40 минут в спальне генерального комиссара и гауляйтера Белоруссии Вильгельма Кубе взорвалась мина, в результате чего группенфюреру разорвало левую сторону груди и оторвало руку. Ранения были смертельными. Находившаяся рядом беременная жена гауляйтера не пострадала.

Вильгельм Кубе мало чем отличался от своего коллеги наместника Украины Коха: заложники, расстрелы, тактика выжженной земли. Кубе

тоже образцовый фашист!

Мину в постель наместнику Белоруссии подкладывает двадцатидевятилетняя Елена Мазаник, уроженка Минской области, не сумевшая уйти из города с отступающими частями Красной Армии. Убежденная партизанка? Нет. Данных о ее подпольной работе не имеется. Устроилась уборщицей в казино при генеральном комиссариате в конце 1941-го, чтобы не пропасть с голода. Потом получила доступ в комнаты, где работал и отдыхал гауляйтер. На нее обратили внимание люди из партизанской бригады «Дядя Коля». Предложили убить Кубе. Поначалу Мазаник согласилась, но потом стала избегать встреч с подпольщиками, опасаясь, что ее просто проверяет на благонадежность немецкая контрразведка. В конце концов, командир подпольной группы Мария Осипова дала понять Мазаник, что придет час и каждый «должен будет отчитаться перед Родиной, что он сделал для ее освобождения от фашизма». Не исключено, что эта полная пафоса фраза могла быть воспринята Мазаник как угроза. Она дала согласие на участие в теракте.

Мину Елена получила от Осиповой, которая была связана с отрядом «Дима» ГРУ Генерального штаба Красной Армии. После взрыва некоторые поспешили донести в Москву, что именно их агентура провела столь удачную операцию. Начальник особого отдела партизанских отрядов Витебской области С. Юрин доложил, что это его люди отправили на тот свет Кубе. **Когда выяснилось, что это не так, Юрина вызвали в Москву и дали шесть лет лагерей «за очковтирательство».**

Еще в середине февраля 1942 года, задолго до обмена «любезностями» между Абакумовым и белорусским партийцем, Берия записал в дневнике:

«Пономаренко остался без дела, теперь уговаривает Кобу, чтобы руководить партизанами. И мне говорит: «Вы, товарищ Берия, на партийный актив должны опираться»

Я ему говорю, я на верных людей опираюсь. Если он там, у немцев сидит, а остался партийным активом, мои люди на него опираются. Если у тебя, товарищ Пономаренко человек в Москве или Куйбышеве сидит, как я на него под Минском опираться буду. Сопит, обижается.

…Сдали Белоруссию… а теперь яйца чешут. Я выбрасываю на фронт крепкую боевую группу, во главе проверенный человек с

опытом. На месте они обрастают. Медведев за 4 месяца оброс в 7 раз. А у них не отряды, а партийные собрания. Слушали, постановили. Ты мне людей здесь дай, кто готов куда идти. Я их подготовлю, потом пошлю. А тебе заслуга нужна! Товарищ Сталин, мы сделали.

Сказал своим, вежливо посылайте [в лес]. Не понимают, посылайте невежливо. Нам базар не нужен, нам нужен результат».

И результат был. И в Белоруссии, и на «дальних берегах», где работали люди Л. Берия.

В годы войны отечественная внешняя разведка занималась добычей информации по широкому кругу вопросов, начиная от выявления попыток Германии и США зондажа возможности переговоров о сепаратном мире (первые попытки были предприняты осенью 1941 года, а летом 1942 года ведомство Лаврентия Берии доложило о них Иосифу Сталину), и заканчивая добычей информации по новейшим технологиям в сфере радиоэлектроники, авиастроения и т. п.

Подробно о ходе сепаратных переговоров между Германией и Западом, а также о том, что сообщали люди Лаврентия Берии об этом процессе Иосифу Сталину, рассказал в своей книге «Штирлиц без грима. Семнадцать мгновений вранья» историк Клим Дегтярев. Автор книги, с одной стороны, опроверг множество мифов, связанных с фильмом Татьяны Лиозновой «Семнадцать мгновений весны» (для многих он – документальное свидетельство специфики работы отечественной внешней разведки в годы войны), а с другой – показал, как все было на самом деле.

Первым попытался очертить истинный размах и особое любопытство ко всем новейшим технологиям и разработкам отечественной научно-технической разведки историк Сергей Чертопруд. В своей монографии «НКВД-НКГБ в годы Великой Отечественной войны» он доказал, что подвиги советских разведчиков в США можно приравнять к боевым делам чекистов. И те, и другие сделали все от них зависящее для победы. И снова за чередой опасных, но так необходимых стране дел, возникает фигура наркома внутренних дел Лаврентия Берии.

Научные и инновационные, говоря современным языком, центры Соединенных Штатов Америки были одним из основных источников получения новых технологий и образцов оборудования. В одном из докладов Комитета палаты представителей Сената США по антиамериканской деятельности, опубликованном в 1951 году, говорилось:

«Сталин имел относительно промышленности США настолько же полную и подробную информацию, как и сведения, которыми располагало правительство самих Соединенных Штатов».

Но успехи были и по другую сторону Атлантики – в Англии.

Генерал-лейтенант КГБ Вадим Кирпиченко:

«Во время войны мы получали такую информацию (научно-технического и военно-технического характера. – *Авт.*) *по каналам разведки из США, Англии, внимательно следили за развитием немецкой техники. Сплавы для танковой брони, авиации, артиллерия и боеприпасы к ней, самолетостроение, радиолокация – все это очень нас интересовало, и вклад нашего научно-технического отдела, соответствующих подразделений военной разведки, конечно же, огромен».*

Тому, что в годы Великой Отечественной войны Москва была в курсе американских и британских технических секретов, в немалой степени способствовало отношение многих граждан этих стран к СССР как к силе, способной уничтожить Третий рейх. Это побудило тысячи иностранцев, и не только левых взглядов, передавать советским гражданам оборонную информацию, чтобы как-то помочь союзнику. Если в предвоенный период большинством источников советской научно-технической разведки были рабочие, то с конца 30-х годов в списке агентов Кремля все чаще мелькали представители научной, административной и политической элиты – выпускники престижных высших учебных заведений.

Оценить число задействованных в операциях по добыче научно-технических секретов сотрудников советских спецслужб сложно. Штаты «легальных» посольских резидентур Лубянки и ГРУ примерно по 12 человек. Однако десятки офицеров разведки работали в составе Правительственной закупочной комиссии СССР в США, «Амторга», ТАСС и других официальных учреждений. В частности, число

сотрудников Правительственной закупочной комиссии и «Амторга» только в Вашингтоне и Нью-Йорке составляло около **пяти тысяч человек**. А сбором различной политической, военной, экономической и научно-технической информации должны были заниматься **все** советские специалисты, работавшие в годы войны в США, независимо от того, являются они сотрудниками разведки или нет.

Только по данным НКВД, за период с июня 1941 по ноябрь 1944 работники 1-го (разведывательного) Управления НКВД-НКГБ проделали значительную работу: «…по организации разведывательной сети за границей… За это время выведено на нелегальную работу 566, завербовано 1240 агентов-осведомителей… Добыто агентурным путем 41718 различных разведывательных материалов, в том числе большое количество документальных. Из полученных по линии научно-технической разведки 1167 проектов реализовано отечественной промышленностью 616».

Тысячи незнакомых между собой людей бескорыстно работали на Победу, как единый, хорошо настроенный механизм.

Они еще скажут свое слово в реализации главного проекта Л. П. Берия – Атомного. И нам пора переходить к этой необычайно интересной теме. Хотя еще на двух эпизодах Великой Отечественной войны хотелось бы задержаться.

Дело в том, что официальная историография старательно обходит острые углы двух сражений, стараясь не упоминать главных действующих лиц – Никиту Хрущева, фактически повинного в поражении РККА под Харьковом летом 1942-го. И Лаврентия Берия, обеспечившего летом того же 1942 года сначала надежную оборону, а потом и освобождение стратегически важного Кавказа, являвшегося, по мнению многих военных экспертов (включая У. Черчилля), ключом к Победе над гитлеровской Германией.

Поражение после победы

Успех контрнаступательной операции под Москвой зимой 1941/42 годов вселил в маршалов и генералов, офицеров и рядовых бойцов РККА веру в собственные силы и неминуемую Победу. Принимая в заснеженной Москве исторический парад 7 ноября 1941 года, Сталин с трибуны Мавзолея произнес: «Еще несколько месяцев, еще полгода, может, годик, – и гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений».

Конечно, в этом прогнозе было больше призыва, да и произнесен он был на параде, в то время как военно-политические оценки Вождя были гораздо сдержаннее. Берия отмечал, что Сталин считал непростительной близорукостью полагать, что с немцами покончено.

В Берлине наращивали мощь вермахта накануне новых боев. В отсутствии второго фронта в Западной Европе, Гитлер настойчиво готовился предпринять летом 1942 года новое крупное наступление. О том, что второго фронта в ближайшее время ожидать не стоит, Сталину доложил В. Молотов, вернувшийся из Англии и США, куда благополучно слетал пассажиром высотного бомбардировщика ТБ-7 в конце мая 1942 года. Кстати, результаты переговоров в Лондоне и за океаном не были секретом и для Берлина.

3 июля на совещании в Полтаве Гитлер заявил:

«…Вашингтон лишь утешает и заверяет. Никакого действительно второго фронта. Предложение – рассчитывать на 1943 год. Поведение Черчилля – лучшее доказательство.

Отвлекающий маневр на Западе? Сомнительно: очевидно, никаких серьезных обещаний России не дадут. Скорее предупредят о необходимости сражаться дальше…»

Опираясь на данные разведки, Берия записал в дневнике:

«*…немцы будут наступать крепко, все резервы перебросят с запада сюда и весной или летом ударят. Вопрос куда. Если не дураки, пойдут в Донбасс и на Кавказ. Украина у них, а толка мало, заводы стоят. А уголь и нефть ему позарез нужны. А если пойдет на Москву, тут мы укрепились, второй раз у него не получится*».

Берия оказался хорошим стратегом. В отличие от…

Гитлер решил провести, как основную, операцию «Блау» по захвату Кавказа. Первоначально сместиться к Курску и Воронежу, обойти Воронеж, не ввязываясь в уличные бои (что и произошло) и на предельных скоростях танковых соединений рвануть к излучине Дона, а оттуда – на Ставрополь, Майкоп, Грозный и… Баку! К большой и близкой к фронту нефти.

Сталин же допускал различные варианты действий противника в 1942 году, но в своих разговорах с членами Ставки ВГК, командующими фронтами больше склонялся к тому, что во всех случаях целью операций вермахта и общим направлением его ударов будет Москва. Большинство членов Ставки ВГК и большинство командующих фронтами разделяли это мнение. Всем хотелось наступать самим, чтобы реабилитировать себя за поражения лета 1941-го.

Лаврентий Павлович с определенной иронией и скепсисом (разведка!) относился к армейским амбициям.

«Немцы объявили, от удара скончался маршал Рейхенау. Да, от нашего удара сдох. Вот как мы бьем! Наши маршалы как обоср…лись, а живут. А у этих жила слабая. Выходит, русские дураки крепче немецких», – с горечью усмехнулся Берия в дневнике в январе 1942-го. Неспроста…

В начале февраля ему позвонил Г. Жуков*: «Лаврентий, готовь для резервов оружие, скоро дам фрицам жару»*. Берия ответил: *«Что-то вы все собираетесь давать фрицам жару, мы на вас на всех не*

напасемся. Мыкыта тоже собирается давать жару. Сидит у товарища Сталина и все рассказывает ему, как отбросит фрица до Днепра».

22 марта 1942 года Военный Совет Юго-Западного Направления в «Докладе по обстановке, сложившейся к середине марта на фронтах Юго-Западного направления, и о перспективах боевых действий в весенне-летний период 1942 года» оценивал состояние противника так: «Противник доведен активными действиями наших войск до такого состояния, что без притока крупных стратегических резервов и значительного пополнения людьми и материальной частью не способен предпринять операции с решительной целью».

Военный Совет ЮЗН предполагал, что немцы, несмотря на поражение под Москвой, весной будут опять стремиться к овладению советской столицей. Главный удар врага ожидался из районов Брянска и Орла в обход Москвы с юга и юго-востока для выхода на Волгу в районе Горького. Цель – изолировать Москву от Поволжья и Урала, а затем взять столицу СССР.

На юге, по предположению Главкомата ЮЗН, ожидалось наступление **второстепенной,** хотя и крупной вражеской группировки с задачей овладеть низовьями Дона и вторгнуться на Кавказ к источникам нефти. Допускался еще один **второстепенный** удар от Курска на Воронеж. Обратите внимание на коренное здесь слово «**второстепенный**». Значит не основной, не главный!

В январе 1942 года войска Юго-Западного фронта провели успешное наступление в районе Изюма, в результате которого был создан Барвенковский плацдарм на западном берегу реки Северский Донец глубиной до 100 км. Это давало потенциальную возможность подготовить наступление с плацдарма с целью освобождения первой столицы Советской Украины города Харькова и важного промышленного центра – города Днепропетровска.

Начальник оперативного отдела штаба ЮЗФ Иван Никифорович Рухле, вступивший в должность в апреле 1942 года, был одним из разработчиков операции по освобождению Ростова-на-Дону в конце ноября 1941 года. Рассмотрев материалы о подготовке будущего наступления фронта на Харьковском направлении, он пришел к твердому убеждению, что операция завершится в лучшем случае неудачей, а в худшем – разгромом. Для такого вывода у него были

веские основания. Еще 22 марта 1942 г. командование Юго-Западного направления (командующий – С. Тимошенко, член Военного Совета – Н. Хрущев, начальник штаба – И. Баграмян) доложило в Ставку свои планы на весенне-летнюю кампанию 1942 г.: «Разбить противостоящие силы противника и выйти на Средний Днепр, Гомель, Киев, Черкассы и далее Первомайск, Николаев». Было сделано категорическое заключение: южное направление станет для нацистов второстепенным, главный удар они нанесут на Московском направлении. Хотя многочисленные, заслуживающие доверия сообщения источников внешней разведки НКВД (люди Берия), резидентуры Особого отдела ЮЗФ в штабе немецкого пехотного корпуса в Белгороде (тоже люди Берия) свидетельствовали, что враг планирует нанести главный удар на юге. Это нашло подтверждение и в сообщениях военных разведчиков фронта о крупных сосредоточениях танков в районах Кременчуга, Кировограда, Днепропетровска, Полтавы.

Планы советского командования не являлись для немцев секретом. Если войска ЮЗФ обслуживало всего 10 самолетов-разведчиков, то у противостоящей фронту группировки противника их было 90. К немцам постоянно переходили одиночки и группы перебежчиков, сообщая им развединформацию. Германские секретные службы к этому времени провели частичную реорганизацию, пополнились кадровыми сотрудниками, подготовили сотни шпионов и диверсантов для заброски в тылы ЮЗФ. Они также подготовили новые руководящие документы, в частности «Инструкцию по зафронтовой разведке», «Пособие по контрразведке в действующей германской армии», «Руководство по борьбе со шпионами, саботажем и политической преступностью в армии», «Инструкцию по борьбе с партизанами». В конце апреля – начале мая 1942 г. было проведено несколько совещаний абвера и РСХА по вопросам активизации разведки и контрразведки на фронте; обращено внимание на усиление разведывательной и диверсионной деятельности спецслужб на более значительную глубину (400-600 км от линии фронта). Основной костяк нацистских спецслужб на советско-германском фронте составлял абвер (военная разведка и контрразведка, руководитель – В. Канарис), в частности, отдел абвер-«заграница», а также Главное управление имперской безопасности (РСХА – руководитель Э. Кальтенбруннер) в

лице его VI управления (внешняя разведка и контрразведка). Против Юго-Западного фронта были развернуты разведывательная абверкоманда 101 «А» (шесть абвергрупп) и диверсионная абверкоманда 204 (4 абвергруппы), подчиненные штабу «Валли»; два отделения (507 и 508) тайной полевой полиции (ГФП); отделение «Русланд-Зюд» вновь созданного под руководством РСХА отдела «Цеппелин» (разложение глубокого тыла противника); отделение зондерштаба «Р» (борьба против партизан и подпольщиков); два армейских, 12 корпусных и более 40 дивизионных разведотделов «1-Ц». Работали две разведшколы – в Варшаве и Полтаве…

Эти подразделения нацистских спецслужб позволили противнику в течение весны 1942 г. вести активную разведывательную и диверсионную работу в тылах Юго-Западного фронта на глубину до 500 км. Они осуществляли и достаточно эффективные карательные и контрразведывательные мероприятия против советских разведчиков, партизан и подпольщиков. По этим и многим другим причинам грандиозные планы командования Юго-Западного направления (ЮЗН) не нашли поддержки в Ставке Верховного Главнокомандования**. Берия, зная, что ГРУ РККА подыгрывает генеральским «наступательным» амбициям, предоставляя не совсем объективный анализ ситуации, предостерегал от поспешных и опрометчивых решений.**

Еще в конце сентября 1941 года Лаврентий Павлович записал в дневнике:

«Киев сдали. И здесь проср…л Мыкыта. Напора у мужика много и дело вроде знал. А как гроза пришла, проср…л. Командуй теперь из Харькова. Как бы они и Харьков не проср…ли. Фронт не мое дело. Но голове не прикажешь. Думаю…».

А Хрущев и Тимошенко уламывали Сталина. И почти уломали. Было получено разрешение лишь на проведение частной операции по освобождению Харькова. Но и такую операцию Генштаб дважды опротестовывал у И. Сталина. Верховный Главнокомандующий продолжал колебаться. Однако **Хрущев и Тимошенко гарантировали (!) победу**. Под их гарантии Сталин и разрешил проведение наступления, приказав Генштабу считать операцию внутренним делом ЮЗН и ни в какие вопросы по ней не вмешиваться. Это был крупный

просчет, ведь **на этом участке фронта решалась дальнейшая судьба войны.** Полковник Рухле обратился к начальнику отделения Особого отдела фронта Михаилу Белоусову, которого он знал по совместной службе, с просьбой доложить его мнение И. Сталину. Дело в том, что Особые отделы в этот период войны входили в состав народного комиссариата внутренних дел, а не народного комиссариата обороны, как это было позже. Соответственно, каналы связи у них были отдельные. М. Белоусов доложил об этом предложении начальнику Особого отдела фронта старшему майору госбезопасности Н. Селивановскому, одному из доверенных офицеров наркома НКВД Л. Берия. Тот полностью согласился с прогнозом И. Рухле и поручил М. Белоусову с соблюдением строжайшей конспирации подготовить обращение – доклад. Потом Селивановский лично отредактировал текст подготовленного документа. Доклад с пометкой «Сов. секретно. Только лично» отправили начальнику Управления особых отделов НКВД СССР В. Абакумову. Докладная на имя Сталина находилась во внутреннем конверте.

Однако Абакумов, вместо того чтобы доложить Сталину (возможно, боясь проигнорировать члена Политбюро ЦК ВКП(б), связался по «ВЧ» с Н. Хрущевым и сообщил ему, что опытные работники штаба Юго-Западного фронта серьезно опасаются за исход операции. Хрущев ответил, что такие опасения имеют определенные основания, но теперь «ничего уже нельзя сделать. Всем нам надо работать над тем, чтобы эта операция прошла как можно лучше».

Хрущев лгал – Сталин все еще сомневался и, получив адресованный ему доклад, несомненно, эту операцию отменил бы. Стратегическая обстановка на южном направлении к тому времени сильно осложнилась. Разгром Крымского фронта на Керченском полуострове (не без вины Мехлиса) позволил немецкому командованию перебросить 8-й авиакорпус фон Рихтгофена из Крыма в район Харькова. Ставка не смогла в обещанных объемах пополнить Юго-Западное направление личным составом и техникой. Брянский фронт вывели из его состава, фланги Харьковской наступательной группировки не были прикрыты должным образом войсками (особенно это касалось левого фланга). Кроме того, на стыке Юго-Западного и Южного фронтов разворачивались танковые и пехотные соединения армии фон Клейста. Хрущев понял, что источником

информации в Москву о провале готовящегося наступления на Харьков является начальник оперативного отдела штаба его фронта. 15 и 16 мая Селивановский и Рухле порознь предупредили Хрущева об опасности прорыва на левом фланге войск противника. Начальник оперативного отдела штаба фронта предлагал незамедлительно перебросить туда резервы, Баграмян же говорил о необходимости использования резервов на правом фланге для развития наступления на Харьков. Хрущев поддержал Баграмяна. А к предупреждению командующего 9-й армией Ф. Харитонова о дате и масштабах немецкого наступления на стыке Южного и Юго-Западного фронтов маршал Тимошенко отнесся с насмешкой: «Не до наступления будет немцам, когда мы ударим».

Дальнейшие события показали ошибочность, мягко говоря, таких шапкозакидательских настроений.

12 мая перешли в наступление на Харьков войска Юго-Западного фронта, а 17 мая, как и предсказывал полковник Рухле, противник силами 14-й и 16-й танковых дивизий при массированной поддержке авиации нанес мощный удар на ослабленном участке 9-й армии Южного фронта. Сил для отражения такого удара не осталось. Противотанковая артиллерия по распоряжению генерала Баграмяна была передана Юго-Западному фронту для «наращивания наступления на Харьков».

Катастрофу было видно даже без бинокля. На следующий день, 18 мая, обстановка только ухудшилась. Генштаб вновь высказался за то, чтобы прекратить наступление на Харьков. Предлагалось повернуть основные силы барвенковской наступательной группировки, ликвидировать прорыв противника и восстановить положение 9-й армии. **Сталин с этим согласился.**

Вот что пишет Г. Жуков в своих мемуарах «Воспоминания и размышления»:

«Мне удалось присутствовать в этот день в Ставке при разговоре И. В. Сталина с командованием Юго-Западного фронта. Хорошо помню, что Верховный предложил С. К. Тимошенко прекратить наступление и повернуть основные силы барвенковской группы против краматорской группировки противника. С. К. Тимошенко доложил, что ***военный совет считает опасность краматорской группы явно преувеличенной и, следовательно,***

прекращать наступательную операцию нет оснований. *К вечеру 18 мая состоялся разговор по этому же вопросу с Н. Хрущевым, который высказал такие же соображения».*

В итоге, как пишет Жуков, Верховный отклонил соображения Генштаба.

«Принимая такое решение, и Тимошенко, и Хрущев не имели представления о критической ситуации, сложившейся в харьковской группировке войск. Разве можно было продолжать наступательную операцию при полном господстве противника в воздухе, недостатке боеприпасов, продовольствия? 19 мая обстановка на юго-западном направлении стала катастрофической».

Ситуация требовала прекращения Харьковской операции. Однако этого сделано не было. В донесениях от 18 и 19 мая, подписанных Тимошенко, Хрущевым и Баграмяном, предложения о необходимости прекращения операции не последовало. Более того, **Н. Хрущев через полтора часа после отправки донесения от 19 мая приказал своему порученцу П. Гапочке передать по телефону в Ставку свое личное донесение, в котором сообщал, что войска Юго-Западного фронта продолжали наступление, несмотря на сопротивление противника. В донесении приводятся потери немцев, но ни слова о необходимости прекращения операции…**

Ударная группировка противника прорвалась в тыл советским войскам. Только теперь был отдан приказ о прекращении наступления на Харьков. Главные силы барвенковской ударной группы должны были развернуться против армии фон Клейста. Но было уже поздно. С севера прорвались танковые соединения 6-й армии фон Паулюса и устремились на юг. К исходу 22 мая окружение Харьковской группировки было завершено, а 29 мая закончена ее ликвидация. **В плену оказались 230 тыс. советских солдат и офицеров, 87 тысяч воинов погибли при попытке вырваться из окружения.**

Кто же ответил за это преступление? А, по сути, никто!

Непредвзятые исследователи называют главными виновниками харьковской трагедии Тимошенко, Хрущева и Баграмяна, настоявших на проведении операции. Но крайним в этой истории в итоге оказался… полковник Иван Рухле!

21 июля 1942 г. он стал генерал-майором и заместителем начальника штаба вновь образованного Сталинградского фронта. В разгар битвы за Сталинград Верховный Главнокомандующий послал следующее сообщение, адресованное Василевскому и Маленкову:

«Распоряжение Верховного Главнокомандующего № 170585 представителям ставки и государственного комитета обороны об отводе войск 62-й и 64-й армий на средний сталинградский обвод 25 августа 1942 г.

Меня поражает то, что на Сталинградском фронте произошел точно такой же прорыв далеко в тыл наших войск, какой имел место в прошлом году на Брянском фронте, с выходом противника на Орел. Следует отметить, что начальником штаба был тогда на Брянском фронте тот же Захаров, а доверенным человеком тов. Еременко был тот же Рухле. Стоит над этим призадуматься. Либо Еременко не понимает идеи второго эшелона в тех местах фронта, где на переднем крае стоят необстрелянные дивизии, либо же мы имеем здесь чью-то злую волю, в точности осведомляющую немцев о слабых пунктах нашего фронта…»

Через месяц, 24 сентября 1942 г., Хрущев в разговоре по прямому проводу с заместителем начальника Генштаба Боковым дал И. Рухле такую характеристику:

«Начальник оперативного отдела Рухле никчемный человек, боящийся ответственности, неточный, неаккуратный и притом трус… Я считаю, что дальнейшее пребывание… товарища Рухле на должности начальника оперативного отдела невозможно».

Хрущев потребовал как можно скорее доложить эту информацию Сталину. Реакция Верховного на эту явную клевету последовала быстро:

«Приказ ставки Верховного Главнокомандования № 994209 об образовании Донского и Сталинградского фронтов

28 сентября 1942 г.

Освободить от должности… начальника оперативного отдела штаба Сталинградского фронта генерал-майора Рухле И.Н…».

Дело на генерал-майора фабриковалось под контролем Г. Маленкова, который находился летом и осенью 1942 года на Сталинградском фронте в качестве представителя ГКО. Материалы против Рухле готовились в штабе и Особом отделе 4-й танковой армии. Начальником штаба этой армии был полковник Полозов, которого ранее Рухле отчислил из штаба фронта за профессиональную некомпетентность. Особый отдел армии составил для Маленкова справку именно на базе измышлений Полозова и высказываний, которые якобы делал член военного совета Лучко. (Последний, будучи допрошенным в сентябре 1944 г., заявил, что никаких заявлений, порочащих Рухле, не писал.) После того как Маленков **лично** доложил Сталину о результатах «расследования», Верховный Главнокомандующий дал санкцию на арест Ивана Рухле. 4 октября 1942 г. генерал-майор Рухле сдал дела новому начальнику оперативного отдела штаба Сталинградского фронта и отбыл в Москву. Там же, 5 октября, он был арестован. 9 октября, задним числом, было вынесено постановление о его аресте по обвинению в **провале Харьковской операции (!) и работе на немцев** (следственное дело № Р-751). Тем же способом и по той же причине, что и в случае с Рухле, Тимошенко и Хрущев пытались оклеветать и уничтожить еще одного свидетеля их преступного авантюризма – командующего 9-й армией Харитонова. Но его вывел из-под удара начальник Генерального штаба А. Василевский, доложивший об этом деле Сталину.

О дальнейшей судьбе арестованного генерал-майора рассказал в своих мемуарах экс-сотрудник центрального аппарата военной контрразведки Леонид Иванов. Во второй половине 1953 г. ему поручили подготовку к реабилитации дел ряда осужденных генералов. Вот что он написал об Иване Никифоровиче.

«…Однажды среди дел я нашел тонкую синюю папку – дело генерала И. Рухле. Это был один из первых красных офицеров, старый член партии, герой Гражданской войны, награжденный орденом Красного Знамени, стоявший в почетном карауле у гроба Ленина. В этой папке находилась подлинная телеграмма командующего Сталинградским фронтом А. Еременко – И. Сталину, датированная осенью 1942 года, где тот возлагал вину за срыв сентябрьского

наступления на готовившего его начальника оперативного управления штаба фронта генерал-майора И. Рухле. На телеграмме красным карандашом личная резолюция Сталина: «Рухле арестовать». Переворачиваю телеграмму и вижу небольшую справку, что И. Рухле сидит в таком-то лагере. Ни приговора, ни решения суда, ни на сколько лет осужден И. Рухле – ничего этого не было. А сидел он уже более 10 лет. Дело показалось мне необычным. Я доложил Д. Леонову (начальнику управления) об арестованном И. Рухле.

– Так я его знаю еще по работе в Генштабе, достойный человек, – сказал Леонов, – оставь-ка папку у меня.

Месяца через полтора Д. Леонов вызвал меня и сообщил, что И. Рухле жив, освобожден, восстановлен в звании генерал-майора и направлен в Петрозаводск заместителем командира стрелкового корпуса к генерал-лейтенанту С. А. Андрющенко».

А что стало с Тимошенко и Хрущевым?

Гуляет исторический анекдот. Когда, после катастрофического провала «харьковской авантюры», грозившей СССР поражением в войне, «Мыкыта» появился в кабинете Сталина, Вождь посадил его на табурет и выстучал пепел из погасшей трубки на лысую голову «неудавшегося стратега».

С. Кремлев пишет:

«*Хрущев по натуре был негодяем и авантюристом, но – бывает же такое на свете! – гениально умел это скрывать! Скрывать так, что его не раскусили ни Сталин, ни Берия, ни будущая «антипартийная» группа Молотова, Маленкова, Кагановича. Не знаю, чем это объясняется, но, возможно, тем, что Хрущев, особенно, когда занимал еще подчиненное положение, обладал – это надо за ним признать – огромным природным обаянием. Он умел уговаривать! Его болтовне много раз поддавался даже Сталин! Что уж говорить о медлительном маршале Тимошенко, тем более, когда его соблазнял картинами будущего триумфа член Политбюро!*».

С началом Великой Отечественной войны маршал Советского Союза С. К. Тимошенко был назначен председателем Ставки Главного Командования Вооруженных Сил СССР. Как вспоминал уже после

войны адмирал флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов, *«первые заседания Ставки Главного Командования Вооруженных сил в июне проходили без Сталина. Председательство наркома обороны СССР маршала С. К. Тимошенко было лишь номинальным. Как члену Ставки, мне пришлось присутствовать только на одном из этих заседаний, но не трудно было заметить: нарком обороны не подготовлен к той должности, которую занимал. Да и члены Ставки тоже. Функции каждого были не ясны – положения о Ставке не существовало. Люди, входившие в ее состав, совсем и не собирались подчиняться наркому обороны. Они требовали от него докладов. Информации, даже отчета о его действиях. С. К. Тимошенко и Жуков Георгий Константинович* (в то время Начальник Генерального штаба – *А.Ш.*) *докладывали о положении на сухопутных фронтах»*. (Кузнецов Н. Г. Накануне. М.: Воениздат, 1969 г. с. 374).

Похоже, что не был подготовлен Тимошенко и как командующий фронтом, да и направлением. В конце концов, он был снят и с должности командующего фронтом.

Но для нас важнее другая фигура. **Антипод** Лаврентия Берия. Хрущев.

30 мая 1942 года Берия записал в дневнике:

«Сегодня впервые увидел Хрущева. Был у Кобы. Я его не узнал, лица нет, черный. Скрутило мужика. А подумать, сам виноват. Сказать, обидится. У Мыкыты чувства юмора нет, я это давно знаю. У него юмор амбиция заменяет. А так он товарищ неплохой, мы с ним дружим. Но сейчас лучше не подходить. Он глянул на меня кисло. Даже показалось, что зло глянул. Ну, ладно».

Да нет, Лаврентию Павловичу, скорее всего, **не** показалось. Это станет понятно 26 июня 1953 года, когда в результате «хрущевского переворота» Берия будет застрелен при задержании в особняке, в центре Москвы… Но до того дня оставалось еще 11 лет. **И будущая жертва в 1942-м готова была протянуть руку дружбы завтрашнему палачу, по которому после «харьковского триумфа» плакал трибунал…**

Неудавшаяся авантюра Хрущева-Тимошенко в считанные дни круто изменила ход войны.

Сначала энциклопедическая справка.

К июню 1942 года советский фронт на южном участке был ослаблен из-за провала весеннего наступления под Харьковом. Этим обстоятельством не преминуло воспользоваться немецкое командование.

28 июня 4-я танковая армия вермахта под командованием Германа Гота прорвала фронт между Курском и Харьковом и устремилась к Дону.

3 июля был частично занят Воронеж, и войска С. К. Тимошенко, защищавшие направление на Ростов оказались охваченными с севера. Только пленными РККА потеряла на данном участке более 200 тыс. человек. 4-я танковая армия, пройдя с боями за десять дней около 200 км, стремительно продвинулась на юг между Донцом и Доном. 23-го июля пал Ростов-на-Дону – путь на Кавказ был открыт.

По словам научного директора Российского военно-исторического общества, профессора МГИМО Михаила Мягкова, к июлю 1942 года, когда началась битва за Кавказ, положение советских войск на этом участке было критическим.

Немецкая группа армий «А» (генерал-фельдмаршал В. Лист) прорвалась к предгорьям Кавказа, вышла к перевалам.

21 августа при помощи проводников из местного балкарского населения немецкие альпинисты водрузили флаги с эмблемами 1-й и 4-й горно-стрелковых дивизий – эдельвейсом и гвоздикой. Командовал восхождением капитан Хайнц Грот из 1-й дивизии. Ему подчинялся капитан Макс Геммерлер из 4-й дивизии. По дороге немцы разоружили в гостинице «Приют одиннадцати» отряд из 13 красноармейцев, часть из которых была присоединена к ним в качестве носильщиков и проводников, а остальных отпустили, снабдив продовольствием на обратный путь. Обер-фельдфебель Кюммерле из 1-й горнострелковой дивизии установил немецкий военный флаг со свастикой на вершине Эльбруса. Рядом с ним были установлены штандарты 1-й и 4-й горнострелковых дивизий. Всего в группе было 14 военнослужащих 1-й горно-стрелковой дивизии и 4 – из 4-й, а также два кинооператора – Вольфганг Гортер и Ханц Ертель. Решение осуществить это восхождение пришло к офицерам двух горно-стрелковых дивизий

спонтанно, после обильного употребления местного кукурузного самогона. А потом они получили разрешение командира 49-го горно-стрелкового корпуса генерала Рудольфа Конрада. Установка немецких флагов на вершине Эльбруса не имела никакого военного значения. Эта акция даже вызвала неудовольствие Гитлера, назвавшего восхождение чисто спортивным достижением. Фюрер все же разрешил использовать факт водружения немецких флагов на Эльбрусе в пропагандистских целях. В журналах стали публиковать их фотографии, а отснятую хронику демонстрировать в кинотеатрах.

Но не только военные альпинисты вермахта хозяйничали в горах на юге СССР.

Немецкое командование принимало во внимание, что многие терские казаки, казачье население Кубани и горское население Северного Кавказа враждебно относились к советской власти. В Чечне антисоветские мятежи начались ещё с февраля 1940 года под руководством Хасана Исраилова и активизировались после поражений Красной Армии в 1941-1942 гг. В дальнейшем предположения немцев подтвердились – на Кавказе было сформировано несколько казачьих и горских соединений, воевавших на стороне немцев.

Реакция правительства СССР на акты массового предательства в условиях кровопролитной Отечественной войны была вполне объяснимой и прецедентной.

Начиная с 1943 года и позже тотальные депортации были применены к калмыкам, чеченцам, ингушам, карачаевцам и балкарцам, крымским татарам, туркам-месхетинцам, а также некоторым другим народам Северного Кавказа и Крыма, обвиненных в сотрудничестве с оккупантами.

Превентивные депортации применялись в странах-союзниках СССР по антигитлеровской коалиции в Великобритании (арест и изоляция в лагерях британских фашистов с их руководителем Мосли), в США (аресты и депортации в лагеря этнических японцев, многие из которых имели американское гражданство, как потенциальной «пятой колонны» Японии, в состоянии войны с которой США находились с 7 декабря 1941 г.), а так называемые «депортации возмездия» были гуманнее, чем заключение большей части мужского населения депортированных народов в лагеря и колонии.

Поэтому не будем вникать в подробности этой страницы истории нашей страны. Сейчас важнее другое.

1942 год. Кавказ

«Человек, которому повезло, – это человек, который делал то, что другие только собирались делать».

Жюль РЕНАР, французский писатель

Больше всего наше командование был обеспокоено тем, что немцы сумеют прорваться к Туапсе, окружив, таким образом, черноморскую группировку наших войск, отрезав ее на Тамани, и, кроме того, выйдут через перевалы к республикам Закавказья, а на востоке, преодолев реку Терек, попадут непосредственно к Грозному, захватят Моздок, Малгобек и Орджоникидзе. А там и до Баку рукой подать.

Германский министр вооружений и военной промышленности Альберт Шпеер был уверен: именно «*потребность в нефти была основным мотивом» при принятии решения о вторжении в Россию*. Так он утверждал и на допросе после войны.

В этом случае армия противника получала бы доступ к нашим нефтепромыслам, и исход войны во многом был бы уже предрешен.

Здесь проявлялась еще одна угроза. Географическое положение Кавказа определяет его стратегическое значение. В довоенный период через Кавказ и порты на Черном и Каспийском морях осуществлялся значительный внешнеторговый грузооборот Советского Союза. В годы

войны торговые пути, идущие через Персидский залив, Иран, Каспийское море, занимали **второе место после Северного морского пути** в подвозе вооружения, стратегического сырья из Соединенных Штатов и стран Британской империи.

К лету 1942 г. с потерей Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей экономическая база Советского Союза резко сузилась: выплавка стали сократилась более чем на 10 млн. тонн в год; сбор зерновых – более чем в три раза; уменьшились мобилизационные ресурсы в связи с оккупацией врагом части советской территории. В создавшихся условиях оборона Кавказа приобретала для Советского государства жизненно важное значение.

Впрочем, последствия могли оказаться и более драматичными с геополитической точки зрения.

Если бы битва за Кавказ оказалась проигранной, немцы и их сателлиты соединялись бы с Турцией и угрожали проникновением через Иран южнее Каспийского моря в советские республики Средней Азии и Казахстана. В этом случае армии вермахта выходили к южным предгорьям Урала и расчленяли Советский Союз напополам. Турция непременно бы закрыла проливы Босфор и Дарданеллы.

Кавказ приковывал внимание не только советского руководства, но и Великобритании. Немцы, в случае неблагоприятного для Москвы исхода боев на Кавказе, угрожали английским колониям в Азии и Африке.

Обеспокоенный развивающимися событиями на Кавказе, в середине августа 1942 года в Москву прилетел премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль и встретился со Сталиным. Вот как впоследствии об этой встрече говорил сам английский премьер-министр: «Наконец я задал вопрос по поводу Кавказа. Намерен ли он защищать горную цепь и каким количеством дивизий? При обсуждении этого вопроса он (Сталин) послал за макетом хребта и совершенно откровенно и с явным знанием дела разъяснил прочность этого барьера, для защиты которого, по его словам, имеется 25 дивизий. Он указал на различные горные проходы и сказал, что они будут обороняться. Я спросил, укреплены ли они, и он ответил: «Да, конечно». Линия фронта русских, до которой враг ещё не дошёл, находилась севернее основного хребта. Он сказал, что им (русским) придётся держаться в течение двух месяцев, когда снег сделает горы

непроходимыми. Он заявил, что вполне уверен в том, что они смогут это сделать».

Откровенно говоря, Сталин лишь успокоил британского премьера. До уверенности было так же далеко, как от Спасской башни до Вестминстера.

Арсен Мартиросян: *«Должен отметить, что положением дел на этом, ещё только будущем, участке советско-германского фронта и Ставка, то есть, прежде всего, сам Сталин, озаботилась еще до начала битвы под Москвой.*

2 октября 1941 года командованию Северо-Кавказским фронтом была направлена директива Ставки о необходимости принятия соответствующих мер для укрепления возможных линий обороны. В дальнейшем Ставка уделяла громадное внимание этому же направлению. А вот то, что генералы напортачили уже по собственной инициативе, – это, как правило, даже и не рассматривается.

Дело в том, что и в 1942 г. генералы организовывали оборону Кавказа из рук вон плохо. На Кавказе они практически полностью проецировали ситуацию, приведшую к невероятной трагедии 22 июня, то есть опять вытягивали свои дивизии в тонкие линии, не понимая и не принимая в расчет сути специфики Кавказа. И если бы не Берия, «человек поистине броневой воли и могучего интеллекта», то Кавказ действительно был бы захвачен гитлеровцами. Естественно, что ни генералы, ни маршалы признавать свои ошибки, многие из которых были на грани преступлений (если не вообще за этой гранью), категорически не желали».

«Где глупость – образец, там разум – безумие» (Гете).

Кавказская операция современной историографией отнесена чуть ли к разряду второстепенных. Настолько велика ненависть номенклатуры к Лаврентию Павловичу Берия. Готовы переписать историю Мировой войны, лишь бы вычеркнуть из списка творцов Победы человека, пытавшегося сократить в СССР количество предателей, изменников, дураков и негодяев на душу населения…

Враг сосредоточил на кавказском направлении мощную ударную группировку в составе 22 дивизий, 9 (41 %) из которых были танковыми и моторизованными. Вполне естественно, что на начало операции превосходство врага в технике и личном составе было выше, чем на Сталинградском направлении. Ситуация усугублялась тем, что основная группировка Северо-Кавказского фронта имела задачу оборонять побережья Азовского моря, Керченского пролива и Черного моря до Лазаревской (командующий – маршал Советского Союза С. М. Будённый). От Лазаревской вдоль черноморского побережья начиналась полоса обороны Закавказского фронта (командующий – генерал армии И. В. Тюленев). Значительное удаление Кавказа от западных границ страны давало основание советскому командованию предполагать вторжение противника на Кавказ, вероятнее всего посредством морских и воздушных десантов. Поэтому обороне Кавказа с севера, то есть со стороны Дона, внимания уделялось мало. Основная часть группировки двух фронтов была предназначена к противодесантной и приграничной (с Турцией и Ираном) обороне. По сути, выход немецких армий от Ростова на юг приходился в неприкрытый тыл и фланг этих фронтов, в чем и был самый крупный стратегический просчёт Ставки и Генерального штаба в летней кампании 1941 г., а в дальнейшем – и 1942 г. Ожесточенные бои за Ростов в конце 1941 г., как за «ворота Кавказа», по всей вероятности, не дали советскому командованию уверенности в истинных намерениях врага. После поражения наших войск в районе Донбасса летом 1942 г. времени на оперативное и стратегическое перестроение враг не оставил, путь ему на Кавказ был открыт.

И если немцы всерьез и загодя готовились к захвату Кавказа, то руководство РККА не помышляло даже об адекватной обороне.

В Красной Армии фактически не было горнострелковых войск, хотя некоторые дивизии и назывались горно-стрелковыми, но все их отличие от обычной пехоты заключалось в том, что в штате горно-стрелковых дивизий были вьючные животные. Советские пехотинцы не были подготовлены к боевым действиям в горах, не имели необходимого снаряжения и вооружения, альпинистской подготовки.

В районных центрах и важных в военном отношении населенных пунктах на территории Северо-Кавказского военного округа (с 19 мая 1942 г. – Северо-Кавказского фронта) было

сформировано 138 истребительных батальонов в основном из военнообязанных, получивших отсрочку от призыва. Основная задача батальонов состояла в том, чтобы во взаимодействии с частями и подразделениями войск НКВД и милиции ликвидировать возможные воздушные десанты и диверсионные группы противника.

Мы специально выделили этот абзац. Вчитайтесь! Истребительные батальоны были наспех сколочены из «получивших отсрочку от призыва». Это что за «кадры»? Больные, хромые или «блатные» из промкооперации? И это «воинство», при условии, что его удастся собрать в шеренгу по тревоге, собирались бросить на ликвидацию «десантно-диверсионных групп противника». Элитных спецподразделений рейха?! Здесь даже куры не улыбнутся…

Но и это не все.

В целях создания глубоко эшелонированной обороны с севера в мае началось строительство оборонительных рубежей между Доном и Кубанью, по Тереку и на внешних оборонительных обводах вокруг Тихорецка, Ворошиловска (Ставрополя), Грозного, Минеральных Вод и Краснодара. Военный совет Северо-Кавказского фронта 16 июня принял решение оборудовать на этих рубежах 580 батальонных районов обороны. Однако **к началу боевых действий на Северном Кавказе их было менее одной трети от намеченного количества.** Существенными недостатками оборонительных рубежей являлись их слабая подготовка в противотанковом отношении и недостаточная маскировка.

Стоит перевести на понятный язык? Отсутствие «маскировки» и «слабая подготовка в противотанковом отношении» означают попросту… отсутствие оборонительных рубежей. Чем же там занимался член ГКО Л. Каганович? Проводил собрания?

19 июля Генеральный штаб указал штабам Северо-Кавказского и Закавказского фронтов на **недостатки** в организации обороны, на **отсутствие** должного руководства инженерными работами и **низкое качество** подготовленных рубежей. В директиве отмечалось, что войска **медленно** восстанавливают затопленные сооружения на Нижнем Дону, части и соединения **не имеют** тесных контактов с местными органами власти, что также **тормозит** ведение оборонительных работ.

Ну, как указал, так они исполнили…

19 августа 1942 года Берия открыл дневник:

«Уезжаю на Кавказ! Георгий уже уехал. Положение тяжелое, Коба сказал: «Особыми полномочиями тебя не наделяю, у тебя прав как члена ГКО хватает, да тебе и без того в Тифлисе все права вся твоя жизнь дает. Не спрашиваю у тебя, Лаврентий, сдашь Кавказ или нет, потому что знаю, не сдашь. Прошу одно, на Центр особенно не надейся. Что сможем, дадим, но обходись сам. Ты на Кавказе каждую дырку знаешь, и тебя все знают. Так что искать людей и резервы тебе не придется, все знаешь. Езжай, воюй, побеждай».

Вот так и еду. Может, сложу голову, война есть война…»

А «сложить голову» нельзя: у боев за Кавказ был особый негласный статус.

На перевалах Главного Кавказского хребта решалась тогда судьба народов Ближнего Востока и Азии.

А опыт первого противостояния дал понять, что командующие на Кавказе «полководцы» могут лишь повторить «харьковский позор».

Вот только беглый перечень проблем, не связанных с «пушками, танками» и командой «вперед, за Родину, за Сталина», которые в короткий срок нужно было разрешить на Кавказе.

Тыловые части и учреждения Южного фронта при отходе из Донбасса и переправе через Дон понесли большие потери в автотранспорте. Осложнилось снабжение войск из тыла страны. Железнодорожные пути, связывающие Кавказ с центром страны, были перерезаны противником. По железнодорожным коммуникациям сталинградского направления осуществлялись подвоз резервов в район Сталинграда и эвакуация материальных ценностей с Северного Кавказа. Порты на Каспийском море не были приспособлены для погрузки и разгрузки военной техники. Все это замедляло перевозки из Астрахани, Гурьева, Красноводска в порты западного побережья Каспия более чем в 1,5-2 раза.

Подвоз к фронту необходимых средств затруднялся скоплением на шоссейных и железных дорогах, мостах и переправах, на железнодорожных станциях Северного Кавказа огромного количества населения, а также промышленного оборудования,

сельскохозяйственной продукции и скота, эвакуируемых вглубь Кавказа из районов Дона, Кубани и Ставрополья. Недостаточно эффективно использовался для перевозки грузов автомобильный и гужевой транспорт, мобилизованный из народного хозяйства.

Пожалуй, достаточно… И кто сумел бы «разгрести» этот ворох? Командовавший направлением маршал Буденный?.. Начальник Госплана Вознесенский?.. Представитель Ставки Каганович?.. Полистайте начало нашей книги.

Успешную оборону Кавказа и последующее его освобождение мог возглавить не амбициозный вояка в галифе с лампасами, а гениальный организатор экономики с опытом разведывательной работы, стратегическим мышлением и непререкаемым авторитетом. В СССР таким был только Лаврентий Павлович Берия!

23 августа самолет из Москвы приземлился на аэродроме близ Тбилиси.

Правда, лететь пришлось почти как Молотову до Вашингтона, долго и с пересадками: через Среднюю Азию, минуя зону боевых действий.

Вместе с членом ГКО Лаврентием Берия на фронт прилетели его давние соратники, хорошо знавшие кавказскую специфику: Меркулов, Кобулов, Судоплатов, Мамулов, Мильштейн, Цанава, Рухадзе, Влодзимерский, Каранадзе, Какучая и сын Леврентия Берия Серго.

В 1942 году Серго участвовал в боевых действиях на Кавказе. Напомним, что было ему тогда 18 лет. Он входил в состав погрангрупп НКВД, которые противостояли немецким разведкомандам, обеспечивающим продвижение вражеских войск к горным перевалам. Дело непростое, опасное, требующее специальной подготовки. У сына наркома она была. И первой боевой наградой Берия-младшего стала медаль «За оборону Кавказа». На гимнастерке разведчика она появилась в 1944-м, когда награду учредили.

Наиболее многочисленная вражеская разведывательно-диверсионная группа в количестве 30 парашютистов была заброшена 25 августа 1942 года на территорию Атагинского района близ села Чешки. Возглавлявший её обер-лейтенант Ланге намеревался поднять массовое вооружённое восстание в горных районах Чечни. Для этого он установил связь с Хасаном Исраиловым, а также с предателем

Эльмурзаевым, который, будучи начальником Старо-Юртовского райотдела НКВД, в августе 1942 года перешёл на нелегальное положение вместе с районным уполномоченным заготовительной конторы Гайтиевым и четырьмя милиционерами, забрав 8 винтовок и несколько миллионов рублей денег.

Однако в этом начинании Ланге постигла неудача. Не выполнив намеченного и преследуемый чекистско-войсковыми подразделениями, обер-лейтенант с остатками своей группы (6 человек, все немцы) сумел с помощью проводников-чеченцев во главе с Хамчиевым и Бельтоевым перейти через линию фронта обратно к немцам. Не оправдал надежд и Исраилов, которого Ланге охарактеризовал как фантазёра, а написанную им программу «кавказских братьев» назвал глупой.

Одновременно с отрядом Ланге 25 августа 1942 года на территорию Галанчожского района была заброшена и группа Османа Губе.

На Османа Губе немцы возлагали особые надежды, планируя сделать его своим наместником на Северном Кавказе. Для поднятия авторитета в глазах местного населения ему даже разрешили выдавать себя за немецкого полковника. Однако планам этим не суждено было сбыться – в начале января 1943 года Осман Губе и его группа были арестованы органами госбезопасности. Во время допроса несостоявшийся кавказский гауляйтер сделал красноречивое признание:

«Среди чеченцев и ингушей я без труда находил нужных людей, готовых предать, перейти на сторону немцев и служить им. Меня удивляло: чем недовольны эти люди? Чеченцы и ингуши при Советской власти жили зажиточно, в достатке, гораздо лучше, чем в дореволюционное время, в чем я лично убедился после 4-х месяцев с лишним нахождения на территории Чечено-Ингушетии».

Вот таких диверсантов и их пособников приходилось выдавливать спецгруппам НКВД. Серго Берия начал военную карьеру осенью 1941-го. Не без помощи отца, едва ему исполнилось 17 лет, он стал курсантом разведшколы НКВД.

«Готовили нас тогда для заброски в Германию. Дважды в 1941 году пытались забросить в район Пенемюнде, где находился институт, разрабатывавший ракетные двигатели. Затем от парашютной выброски отказались, предпочтя длительный путь из Ирана в Турцию, Болгарию и далее – до Германии. В конце концов, меня так и не взяли. Никто о причинах происходящего не сказал, но в Иране мне пришлось пробыть в общей сложности около четырех месяцев. Затем нашу группу отозвали в Москву, а потом отправили на Кавказ. Буквально на один час мне удалось заехать домой, повидать мать. Она и сказала мне, что отец тоже выезжает на Кавказ», – вспоминал Серго Берия.

Сын наркома НКВД – в разведке. Явление по тем временам нормальное. Между прочим, дети Сталина – Яков и Василий, дети Микояна – Степан, Владимир и Алексей, сын Фрунзе – Тимур, сын Щербакова – Александр и другие ребята – друзья Серго – тоже пошли воевать. Правда, им повезло больше: они на два-три года были старше Серго, к тому времени закончили военные училища и ушли на фронт. Все они, как известно, были летчиками, за исключением Якова – он был артиллеристом. Серго был разведчиком. Это дело ему нравилось давно. Отец поддерживал его в этом. Серго вспоминал:

«Отец вообще оказал на мое формирование колоссальное влияние. Например, когда мне было всего двенадцать лет, он давал мне военно-технические бюллетени и просил сделать подборки материалов на заданную тему. В Москве задачу он мне усложнил – предлагал делать такие же подборки уже из иностранных журналов. Он вгонял меня в определенное русло, чтобы я учился думать и анализировать. Только потом я понял, как много он мне дал».

В конце 1942 года по распоряжению Ставки Верховного Главнокомандования военные академии были пополнены новыми слушателями: армии нужны были грамотные военные кадры. Серго отозвали с фронта и предложили разведывательный факультет Военной академии им. Фрунзе. Он готовил тогда и готовит сейчас офицеров – командиров войсковой разведки.

Серго отказался и подал рапорт о приеме в Ленинградскую военно-электротехническую академию (позже Академия связи) на факультет радиолокации. Во время учебы Серго привлекается и для выполнения

спецзаданий. В частности, как он пишет, во время Тегеранской конференции в 1943 году в составе спецгруппы он обеспечивал получение информации о «неформальной обстановке» союзников. Попросту говоря, прослушивал их разговоры и сообщал «наверх». По этому поводу его доклады принимал сам Сталин. Работой разведчиков тогда Сталин остался доволен. Вообще-то, Сталин относился к Серго хорошо. Однажды, увидев Серго вместе со своим сыном Василием, он сказал с укором сыну, находившемуся в не очень трезвом состоянии:

«– Бери пример с Серго. Он академию закончил, адъюнктуру!

Василий на это недовольно пробурчал:

– А ты-то у нас что закончил?» – вспоминал Берия-младший.

…О старшем сыне Никиты Хрущева Леониде сегодня стараются не вспоминать. Неприглядная история, правдивость которой на протяжение многих лет пытаются подвергнуть сомнению, но появляются новые свидетели и свидетельства.

«Из гнезда коршуна редко вылетает сокол» (Вальтер Скотт.)

Вот выдержка из журнала «Советский воин» № 1 за 2010 год.

Леонида Хрущева судил трибунал по законам военного времени. Он был разжалован в рядовые и отправлен в штрафбат в Белоруссию.

В первом же бою Леонид умышленно сдается в плен фашистам. Тут же потребовал встречи с немецким командиром и настоял организовать для себя соответствующие своему рангу условия жизни. Фашистский начальник караула ответил, что он уведомлен о том, что отец Леонида – член Политбюро Н. Хрущев. И они согласны создать ему соответствующие условия жизни, но только если он будет работать на немцев. Леонид согласился с предложением. На автомашине с мощными громкоговорителями он ездил вдоль линии фронта и агитировал наших бойцов сдаваться, постоянно напоминая, что он знает, что война проиграна, так как он сын члена Политбюро Н. Хрущева. А в плену им гарантируется хорошая жизнь. Кроме того, он выложил немцам все известные ему военные секреты.

Что греха таить, начало войны было для нас нелегким. И от слов такого агитатора у некоторых солдат дрогнуло сердце. О таких предательских поездках Леонида доложили Сталину. Естественно, оставить такую «мину» без внимания было нельзя. Но здесь нужно

отметить, что в Белоруссии уже воевало много партизанских отрядов. Были районы в лесу, где советская власть сохранялась весь период войны. Ее надежно охраняли партизаны. Одним таким отрядом в то время командовал Дмитрий Матвеевич Коркин, впоследствии партизанский комбриг. Он до недавнего времени жил в одной из деревень Белоруссии. Я с ним встречался и разговаривал, и могу ручаться за подлинность здесь сказанного.

Вот этому самому командиру отряда Коркину пришло радиораспоряжение, подписанное И. Сталиным, приказывающее «выкрасть у фашистов предателя Леонида Хрущева». Изловчившись, с использованием нескольких отвлекающих маневров партизаны выкрали сына Хрущева. Фашисты скоро обнаружили «пропажу» и послали вдогонку большой отряд моторизованной пехоты. Очень скоро они настигли пеших партизан. Завязалась кровавая битва. Вот, что пишет о ней П. Лебедев в книге «Мы Алексеевцы», 1979 г. на с. 146.: «В двух направлениях ударили партизаны. Завязался упорный бой, перешедший в рукопашную схватку. Дрались не на жизнь, а насмерть. Партизаны вырвались из окружения. В бою было убито много карателей. Но в этом бою был тяжело ранен и комиссар отряда Шерстнев. Как дирижер руководил боем Д. Коркин».

По рации командир отряда Д. Коркин дал И. Сталину телеграмму о том, что задание выполнено и за Леонидом можно посылать самолет. У них даже был подготовлен временный партизанский аэродром.

Радиограмму Сталину принес его секретарь в тот момент, когда шло заседание Политбюро. Прочитав текст, Сталин огласил его присутствующим (из воспоминаний Молотова). Подумав, он сказал, что вряд ли целесообразно рисковать самолетом, посылая его через линию фронта, и самим экипажем честных воинов, чтобы вывезти одного предателя для свершения правосудия. В этой связи он предложил поручить командиру отряда Д. Коркину организовать у них военно-полевой суд, и так как там, в тылу врага – часть нашего государства, то их решение и будет государственным. Это решение было принято единогласно всеми членами Политбюро (Н. Хрущев находился в Харькове у Ватутина). Такая телеграмма была получена Д. Коркиным.

Получив от Сталина телеграмму, Коркин организовал военно-полевой суд из девяти человек. Суд признал Леонида Хрущева

виновным в измене Родины и приговорил его к высшей мере наказания. Да и сам Леонид не отрицал своей вины. В этот же день и расстреляли преступника.

Это, так сказать, штрихи к политическому портрету **антипода**.

Но мы отвлеклись, вернемся на Кавказ 1942 года.

С 8 августа команду Берия в Тбилиси готовился встретить Иван Иванович Масленников – Герой Советского Союза, зам. наркома НКВД по войскам, один из руководителей погранвойск НКВД СССР, герой битв за Смоленск и Москву, а теперь командующий Северной группой войск Закавказского фронта (с 1943 года – командующий фронтом).

О Масленникове хочется сказать особо. Это тот самый генерал, который был заместителем Главнокомандующего Дальневосточными фронтами маршала Василевского во время войны с Японией в конце лета – начале осени 1945 года. Это тот генерал, который в 1953 году отказался клеветать на Берия, и после кулуарного разговора с Генеральным прокурором СССР, ставленником Н. Хрущева Руденко, пришёл в свой кабинет и застрелился…

Начальник кафедры внутренних войск Военного университета, кандидат исторических наук полковник Павел Смирнов, указывает, что, прибыв на фронт, Л. П. Берия с присущей ему энергией довольно быстро разобрался в сложной ситуации. Более того, направляясь туда, он добился назначения на ключевые должности своих надежных и проверенных генералов и офицеров, что не могло не породить недовольства со стороны некоторых армейских военачальников и тогда, и после войны. Кстати говоря, это вечная склока между органами госбезопасности и армейскими, в том числе и на генеральском уровне. По представлению Л. П. Берия **не у дел остались маршал С. М. Будённый и член Военного совета фронта Л. М. Каганович.** Генерал-майор В. Ф. Сергацков (до войны – старший преподаватель Академии Генштаба) был освобожден от должности командующего 46-й армией и назначен с понижением командиром дивизии. Армию принял давний соратник Берия, 39-летний генерал-майор Константин Николаевич Леселидзе (четыре брата Леселидзе с первых дней войны были в действующей армии.)

«*Мне довелось воевать вместе с одним из талантливых советских полководцев – командующим 18-й армией генерал-полковником К. Н. Леселидзе. На фронте люди раскрываются быстро, там сразу узнаешь, кто чего стоит. Константин Леселидзе запомнился мне как олицетворение лучших национальных черт грузинского народа. Это был жизнелюб и храбрец, суровый к врагам и щедрый к друзьям, человек чести, человек слова, человек острого ума и горячего сердца*» – вспоминал Л. Брежнев.

К управлению войсками пришли люди дела, способные принимать решения и нести за это ответственность.

Авиация фронта получила задачу вести ежедневную разведку с воздуха всех перевалов через Главный Кавказский хребет и дорог, ведущих к ним с севера. Были приняты меры и по устройству заграждений на важнейших перевальных маршрутах, выводящих к побережью Чёрного моря. На Военно-Осетинской и Военно-Грузинской дорогах начались работы по подготовке обрушения скал, разрушению дорог и их затоплению. Кроме системы заграждений, вдоль этих дорог строилась система оборонительных сооружений – узлов обороны, опорных пунктов, дотов и дзотов, окопов и противотанковых рвов.

Архитектор Берия в течение нескольких дней развернул масштабное строительство в условиях реального фронта! За два месяца (август-сентябрь) на подступах к Орджоникидзе, Грозному и Махачкале было возведено по 5-6 оборонительных полос, а на подступах к Баку – более 10. На это строительство ежедневно было мобилизовано 90 тысяч человек!

К началу сентября фронт уже имел 146 инженерных и саперных батальонов, то есть в шесть раз больше, чем к 1 августа 1942 г. В этих частях насчитывалось 63686 человек – в семь раз больше, чем было на 1 августа.

И что, все эти батальоны прибыли из Москвы вместе с наркомом НКВД Л. Берия? Конечно, нет!

Количество инженерных частей возросло за счет укомплектования отходивших инженерных войск Южного и Северо-Кавказского фронтов.

Значит, были резервы! Их надо было только заметить и суметь мобилизовать! Так что же там, на Кавказе, делали кагановичи и буденные?

Ждали, когда Ставка (Сталин) пришлет милости? Но приехал Берия. Как потом оказалось – всего на 28 дней.

На тысячекилометровом фронте закипела напряженная работа. Под сильной бомбежкой возводились укрепления, строились каменные барьеры на дорогах и тропах высокогорных перевалов, саперы готовили завалы в лесистых предгорьях, рыли окопы на берегах Уруха и Терека.

На основных направлениях и дорогах создавались комендатуры, имевшие резервы сапёрных сил, средств и снабжённые радиостанциями.

Для противодействия обходам противника формировались специальные отряды силой до роты с сапёрным отделением, которые выдвигались на возможные направления обходного манёвра. С этой же целью подрывались тропы, которые не прикрывались войсками. Срочно создавались отдельные горнострелковые отряды, каждый в составе роты – батальона. Эти отряды, куда входили альпинисты-инструкторы, направлялись на самые труднодоступные участки.

И выходили не с голыми руками.

«*В крайне тяжелой обстановке, при дефиците квалифицированных рабочих и инженерно-технических работ ников и эвакуации многих промышленных предприятий военного назначения, городские комитеты обороны Северного Кавказа сумели организовать перевод предприятий гражданской промышленности на изготовление военной продукции. В предельно краткие сроки был налажен выпуск вооружения и боеприпасов на предприятиях Ставрополя, Пятигорска, Нальчика, Махачкалы, Грозного, Орджоникидзе, Майкопа, Сталинграда. Промышленность Ставрополья уже с лета 1942 г. стала поставлять Красной Армии пулеметы, минометы, бое припасы, снаряжение, ремонтировать боевую технику. На промышленных предприятиях была развернута борьба за строжайшую экономию сырья, материалов, электроэнергии, перевыполнение сменных заданий. Рабочий коллектив завода «Красный металлист» за 4 месяца войны выдал продукции по сравнению с I полугодием на 398 %,*

выполнив за июль-октябрь план на 250 %; в целом выработка продукции повысилась в 2,5 раза, с увеличением количества рабочих только на 27 %. Себестоимость продукции завода за это время снизилась на 36,4 %» (Тугушева В. А. Роль комитетов обороны в перестройке народного хозяйства в экстремальных условиях войны // Молодой ученый, 2009, № 5).

Давайте оставим для архивов ссылки на парткомы и завкомы, как организующую силу Победы. Собрания и митинги не останавливали танковые колонны Гота и Клейста. И директивами из Центра мало что решалось. Все сводилось к наличию или отсутствию ресурсов и мобилизующей воли, способной повести за собой людей. На труд, а то и на смерть. В распоряжении Буденного и Кагановича были и партсобрания, и трибуны с призывами. Не было только победы. Она пришла с Лаврентием Берия и его людьми. Потом ему это припомнят… А после припомнят и тем, кто «припомнил» вначале….

К середине августа 1942 года войска Закавказского фронта перегруппировали свои силы и организовали оборону Кавказа с севера. Была создана вторая линия обороны по рекам Терек и Урух, на перевалах Главного Кавказского хребта. Особое внимание уделялось прикрытию бакинского направления и подступов к Грозному. Но предложенных руководством направления и фронта «мероприятий» оказалось мало. Это было очевидно в первую очередь врагу.

С выходом немецко-фашистских войск к предгорьям западной части Главного Кавказского хребта командование группы армий «А» сообщало в ставку Гитлера, что советские войска уже не способны оказывать упорное сопротивление. «Командование группы армий придерживается того мнения, что и это сопротивление [в районе Новороссийска] можно сломить при сильном натиске. Также и сильные части противника в излучине Терека могут оказать только временное сопротивление массированному наступлению немецких соединений». И далее: «Кажется, что противник по всему фронту выставил на передовой линии все имеющиеся в его распоряжении силы и что после прорыва этой линии сопротивление противника будет сломлено».

Немцы просчитались, как и в 1941-м, когда малочисленные, но хорошо вооруженные и подготовленные **пограничные войска НКВД**

сорвали план молниеносной войны против СССР.

На Кавказе ситуация почти повторялась.

Но ее отражение в исторической науке обретало весьма «оригинальные» контуры, подмеченные даже учеными. Операция по освобождению Кавказа «отличалась наличием в отечественных и зарубежных исследованиях различного рода **искажений, умалчиваний, прямой фальсификации** обстановки и неточностей, в освещении боевых действий советских войск в Северо-Кавказском регионе в годы Великой Отечественной войны, а также вводом в научный оборот новых архивных документов, ранее не использованных исследователями…» Вот так!

Объяснить это просто. В ситуацию на Кавказе вмешался Берия. И дело пошло! Но! О ходе операции написано достаточно мемуаров и эссе, в которых **не хватило места даже на упоминание** наркома НКВД и члена ГКО Берия и его людей. Пусть вскользь… Зато есть тома с описанием, кто, откуда и куда отступал, а кто, чем и как оборонялся…Что «слушали – постановили» на партсобраниях, к чему призвали на митингах. Даже список партработников, в числе которых и «один из организаторов победы» на Кавказе – М. А. Суслов… М-да…

По словам профессора МГИМО Михаила Мягкова, важную роль в Кавказской операции сыграла успешная оборона Грозного: враг так и не смог овладеть городом.

«Недавно были открыты архивные документы, согласно которым, когда Берия в конце августа – начале сентября появился на Кавказе, он стал готовить части НКВД, но прежде всего, собрал ответственных партийных деятелей и провел в Грозном короткое совещание об обороне города, где была сформулирована конкретная задача. Тогда было решено, что если бы немцы подошли к Грозному, где было три полосы нашей обороны, то реки Сунжа и Нефтянка, а также танковые рвы, были бы залиты нефтью, и немцы просто попали бы в огневой мешок. Тогда же ***20 тысяч добровольцев из Грозного и Грозненской области вошли в состав Красной Армии****. И Грозный немцы так и не смогли взять».*

Помимо необходимых армейских мероприятий, составным элементом Кавказской операции стало, как бы сказали современным языком, «ноу-хау» от Берия.

«*В спецлабораториях НКВД создавались рации, радиопеленгаторы, совершенные диверсионные мины, бесшумное оружие, инфракрасные прицелы. В период обороны Кавказа в 1942-1943 гг. применение специальных формирований из офицеров-пограничников, вооружённых бесшумными винтовками с ночными прицелами, сорвало наступательный порыв группы генерала Клейста – **обычная тактика немцев оказалась невозможной вследствие истребления около 400 радистов и офицеров наведения авиации и артиллерии***», – пишет историк А. Уралов.

Но этот успех стал только первым шагом к победе в одной из самых сложных и кровопролитных битв Великой Отечественной. И самой спорной!

Тысячи советских солдат были награждены медалью «За оборону Кавказа», учреждённой Указом Президиума Верховного Совета СССР 1 мая 1944.

Победители!

Но в то же время, за «умелое руководство войсками в ходе боёв за Кавказ и Кубань», 1 февраля 1943, командующий немецкими войсками на Кубани Э. фон Клейст был произведён в чин фельдмаршала.

Побежденных в званиях обычно не повышают. За что? Исключения, наверное, составляют поражения, понесенные в столкновении с достойным, сильным, самоотверженным противником, ведомым к победе умным и прозорливым стратегом.

Имя стратега и тактика мы называем в нашей книге.

Но как бы там ни было, в феврале 1943 года группой советских альпинистов из состава 46-й армии были сняты с вершин Эльбруса немецкие флаги и установлены флаги СССР (13 февраля 1943 года советский флаг был водружён на западной вершине группой под руководством Н. Гусака, а 17 февраля 1943 года – на восточной, группой под руководством А. Гусева).

Альпинисты были из формирований НКВД Лаврентия Павловича Берия.

О другом эпизоде войны вспоминают редко, но мы все же напомним в одном абзаце, потому что ответственность за операцию взял на себя Берия.

Это ввод советских войск в Иран. Немцев на главном Кавказском хребте удалось остановить, к бакинской нефти они не прорвались. Но это могли через Иран сделать турки. Чтобы предотвратить такой исход, надо было предпринять контрмеры. И Берия сумел убедить Сталина в необходимости ввода войск на персидский «север». Туда, откуда могла атаковать армия стамбульского режима. Иосиф Виссарионович прислушался к доводам наркома и дал приказ двинуть несколько советских дивизий в Иран, на границу с Турцией.

Мы заострили читательское внимание всего на нескольких эпизодах Великой Отечественной войны, где стратегическое мышление и организационный талант Лаврентия Павловича Берия проявились особенно ярко.

Но исход Второй мировой войны, а, следовательно, и судьба СССР-России могли оказаться иными, если бы не удивительная способность человека, управлявшего практически всей мобилизационной экономикой огромного государства, разглядеть за очевидной необходимостью оперативного решения текущих проблем – глобальные тенденции научно-технического развития. Именно эта прозорливость и сохранила державу, не позволив Западу спалить ее в ядерном пожаре.

Атомный проект Лаврентия Берия

«Прогресс имеет один недостаток: время от времени он взрывается»

Элиас Канетти, австралийский писатель.

В начале несколько строк из свободной русской энциклопедии «Традиция»: *«Советский атомный проект – комплекс мероприятий, проведённых в СССР в 1940-х и начале 1950-х гг. по разработке собственного ядерного оружия и завершившихся созданием и успешным испытанием в 1949 году первой советской (плутониевой) атомной бомбы, в 1951 году – урановой атомной бомбы, а в 1953 году – водородной бомбы.* ***Общее руководство проектом осуществлял советский партийный и государственный деятель Л. П. Берия, научное руководство – выдающийся советский физик И. В. Курчатов.»***

Публикация в 1939 году результатов исследований немецких физиков Отто Гана и Фрица Штрассмана, открывших распад ядер урана-235 при облучении нейтронами, показала практическую возможность создания атомной бомбы. В августе 1939 Альберт Эйнштейн в США передал письмо президенту Рузвельту,

информирующее о возможности создания нового сверхоружия. Вскоре информация о работах, связанных с ураном, перестала публиковаться и стала секретной.

У истоков советского атомного проекта стоял В. И. Вернадский, рано осознавший огромные перспективы использования атомной энергии.

Атомная наука начиналась с радиологии – исследований естественных радиоактивных превращений. С именем Вернадского связано начало этих исследований в России. Их продолжение в форме радиохимии и ядерной физики происходило на глазах и при конкретном участии Вернадского и его ученика, ближайшего сотрудника В. Г. Хлопина, в стенах Радиевого института, созданного ими в 1922 году.

В 1939-1941 гг. Ю. Б. Харитон и Я. Б. Зельдович занимались проблемой осуществимости цепной реакции деления урана, опубликовали работы на эту тему в «Журнале экспериментальной и теоретической физики» и обзор в журнале «Успехи физических наук». Они рассмотрели проблему выбора замедлителя нейтронов, проблему разделения изотопов и проблему устойчивости ядерного реактора. В 1940 году Г. Флёров и К. Петржак, работавшие в лаборатории И. В. Курчатова в Ленинграде, открыли самопроизвольное деление ядер урана-238.

Но еще в сентябре 1939 года в СССР инкогнито приезжал будущий научный руководитель работ по созданию американской атомной бомбы Роберт Оппенгеймер. От него советское руководство впервые могло услышать о возможности получения сверхоружия. Впрочем, важно ли, кто принес тревожную весть. Главное, что ее услышали. Хотя и не все поняли…

Осенью 1940 года харьковские физики В. А. Маслов и В. С. Шпинель подали заявку на изобретение атомной бомбы («А-бомбы»), подробно описав ее устройство, физику самого взрыва и последствия, однако изобретение было признано фантастическим. Заявка была засекречена в 1945 году, а в 1946 году им было выдано «не подлежащее опубликованию» авторское свидетельство.

Информация о создании в Великобритании Уранового комитета для работы над атомной бомбой поступила в СССР в конце сентября 1941 года от Джона Кэрнкросса (Офицер британской разведки во время

Второй мировой войны, работавший также на советскую разведку. Оперативный псевдоним «Лист». До 1990-го считался вероятным пятым членом «Кембриджской пятерки», пока его не разоблачил советский перебежчик Олег Гордиевский).

В конце 1940 года руководитель научно-технической разведки НКВД Леонид Квасников разослал в ряд зарубежных резидентур указание добыть сведения о возможно ведущихся в этих странах работах по созданию атомного оружия. Проблема эта была новой, неизученной. Первой откликнулась лондонская резидентура. В сентябре 1941 года «Лист» передал своему куратору доклад «Уранового комитета» премьер-министру У. Черчиллю. В документе, направленном в Центр, говорилось о начале работы по созданию в Великобритании и США атомной бомбы (проект «Тьюб Эллойз»), сообщалось о ее предполагаемой конструкции и перенесении центра тяжести дорогостоящих исследований и возможного производства на территорию США в связи с военной обстановкой в Европе. Этот документ в дальнейшем сыграл важную роль в том, что в Москве всерьез отнеслись к проблеме создания атомного оружия, а в послевоенный период Советский Союз сумел в кратчайшие сроки создать атомную бомбу и тем самым положить конец монополии США в этой области.

В декабре 1941-го Берия записал в дневнике:

«В октябре пришли материалы из Лондона по работам в области атомной энергии. Разговоры идут давно, а тут что-то вроде ближе к делу. Якобы уже идут серьезные работы. Сообщают, что сила взрыва будет в огромнейшей степени больше чем от обычной взрывчатки. Что значит в огромнейшей. В десять раз? В сто? А может в тысячу раз? Непонятно, пусть уточняют. Пока Кобе ничего докладывать не буду. Пока не до этого и надо разбираться. Может брехня. Посмотрим».

В течение 1942 года много разведывательной информации о работе по созданию атомной бомбы поступило из Англии от Клауса Фукса и Джона Кэрнкросса, а из США от Бруно Понтекорво. Все эти информаторы были убеждёнными коммунистами.

28 марта 1942 года Берия записал в дневнике:

«Доложил Кобе данные по атомной энергии урана… Сказал, что есть данные, что можно за счет реакции расщепления 10 кг урана получить бомбу по силе 1600 тонн. Нужны целые заводы, стоят дорого.

Он спрашивает: «А данные точные?» Я говорю, источники пока не подводили, потом данные перекрестные. Мы эту линию ведем уже больше года, будем активизировать, подготовили вам письмо, товарищ Сталин.

Он сказал, пока ничего не засылайте, дело похоже важное, а времени нет. У них тоже по воде вилами писано, а мы все равно сейчас не потянем, у нас танков и самолетов не хватает и еще неизвестно, как дело летом пойдет. Думает, я шапками закидать хочу. Нет, я знаю что тяжело, но людям надежда нужна. Сейчас как в первую пятилетку. Тогда не выполнили, а сказали, что выполнили. Соврали? Нет! Потому что главного добились, начали индустриализацию. И тут тоже сдвинули. Самое тяжелое пережили, когда могли дрогнуть. А теперь как ни крути, верх будет наш. Не в этом году так в следующем. Как работать будем и воевать, так и будет.

Говорит, подождите с вашим атомом. Но ты, Лаврентий, это дело не забрасывай, немного легче вздохнем и начнем разбираться. Пока собирай информацию, я тоже кое с кем посоветуюсь…»

С кем советовался Вождь, неизвестно, но существует версия, имеющая хождение в литературных и научных кругах.

За несколько месяцев до этого, с конца 1941 г., 28-летний курсант Военно-воздушной академии, уже тогда известный физик и будущий академик Г. Н. Флеров обратился с письмами сначала к И. В. Курчатову, а затем к уполномоченному Государственного комитета обороны (ГКО) по науке С. В. Кафтанову, убеждая их в необходимости развернуть в стране работы по делению урана. Более того, уже находясь в армии, он в апреле 1942 г. пишет непосредственно И. В. Сталину:

«Во всех иностранных журналах полное отсутствие каких-либо работ по этому вопросу. Это молчание не есть результат отсутствия работы… Словом, наложена печать молчания, и это-то является наилучшим показателем того, какая кипучая работа идет

сейчас за границей… Нам всем необходимо продолжить работу над ураном».

В письме Сталину Флеров подчеркивал: *«Единственное, что делает урановые проекты фантастическими – это слишком большая перспективность в случае удачного решения задачи… В военной технике произойдет самая настоящая революция… Если в отдельных областях ядерной физики нам удалось подняться до уровня иностранных ученых и кое-где их опередить, то сейчас мы совершаем большую ошибку, добровольно сдавая завоеванные позиции».*

Действительно, Флёров, но не молодой лейтенант, а крупный ученый, во время войны был мобилизован и служил в Воронеже, который до лета 1942 года находился на почтительном расстоянии от фронта. И в библиотеке местного университета, который **даже во время войны получал иностранную техническую литературу,** Флеров имел возможность, проанализировав западные источники, прийти к ошеломляющему выводу. Он, действительно, в декабре 1941 года написал письмо в ГКО с призывом начать разработку собственного атомного оригинала, но ответа не получил.

По мере накопления в научно-технической разведке информации по атомной проблематике, она была сконцентрирована в деле, получившем название **«Энормоз»** – по-латыни нечто «громадное, страшное и чудовищное». Так стала называться и операция внешней разведки по добыче атомных секретов.

В феврале 1942 года фронтовые разведчики нашли в портфеле убитого немецкого офицера тетрадь с непонятными расчетами. Сначала решили, что это какие-либо шпионские записи, но, когда с ними ознакомился начальник инженерной службы, он понял, что дело обстоит сложнее. Тетрадь направили в адрес уполномоченного ГКО по науке С. В. Кафтанова. Было установлено, что в тетради находятся расчеты, подтверждающие, что немцы ищут способы применения атомной энергии для военных целей. Офицера посчитали молодым ученым, случайно попавшим на фронт, который даже в боевой обстановке не мог расстаться с любимой работой. Но Кафтанов высказал другое мнение: это, скорее всего, был офицер, специально прибывший на юг России для поиска урановых месторождений.

А тут и Флёров оказался довольно «настырным». Он направил пять телеграмм, а в мае 1942 года в ГКО на имя Сталина поступило его второе письмо с убедительным призывом немедленно начать работы по созданию отечественного атомного оружия.

Письмо опять попало к Кафтанову, и на этот раз он решил, что настало время доложить его Сталину. Но непосредственно сам делать это он не стал, а направил на рассмотрение Берии как члену ГКО. Тот адресовал его начальнику разведки:

«*т. Фитину П. М.!*

Прошу проанализировать предложение ученого-фронтовика в совокупности с теми материалами, которые у нас имеются по делу «Энормоз».

Материалы дела были проанализированы Квасниковым и Овакимяном. В выводах составленной ими справки говорилось:

1. Письмо физика Флёрова может стать дополнительным импульсом к решению вопроса о начале работ в Советском Союзе. Но само по себе оно вряд ли возымеет действие на руководство страны, потому что фамилию ученого-фронтовика мало кто знает. Письмо сыграет свою роль, если доложить его т. Сталину вместе с другими разведывательными материалами: в первую очередь это агентурные донесения из Англии «Листа» и «Чарльза», шифровка о поездке в Англию американских ученых по урановой проблеме и радиограмма.

2. Учитывая, что в нашей стране крупные ученые не очень-то верят, что в ближайшем будущем можно создать атомное оружие, полагали бы целесообразным вышеперечисленные документы направить для оценки не светилам отечественной науки, а сравнительно молодому, честному и уже довольно известному в ядерной физике ученому».

На роль такого ученого был выбран И. В. Курчатов.

А чуть позже станет ясно, что аналитики НКВД не ошиблись в своих оценках «светил отечественной науки».

В сентябре 1942 года у Сталина по этому вопросу состоялось совещание. В воспоминаниях Кафтанова об этом совещании говорилось: «Докладывая вопрос на ГКО, я отстаивал наше предложение… После некоторого раздумья Сталин сказал: „Надо делать“».

Надо. Надо было догонять США.

Игорь Дамаскин в своей книге «Сталин и разведка» пишет:

«В секретном городке Лос-Аламос в глубокой тайне трудились 45 тысяч ученых (в том числе 12 нобелевских лауреатов), инженеров, техников, рабочих, охраняемых специальными воинскими частями. Что касается Лос-Аламоса и проводимых там работ, то даже сенатору Гарри Трумэну дали понять, что есть вещи (имеется в виду «Проект Манхэттен»), о которых дозволено знать предельно узкому кругу лиц. Даже став вице-президентом США, он не знал, что на «Проект» тратились сотни миллионов долларов. Лишь после смерти Рузвельта, приняв присягу и став президентом, Трумэн узнал правду.

Глава «Проекта Манхэттен», генерал Лесли Гровс, говорил, что стратегия в области безопасности сводилась к трем основным задачам: «… предотвратить попадание в руки к немцам сведений о секретной программе; сделать все, чтобы применение бомбы было полностью неожиданным для противника; и, насколько это возможно, сохранить в тайне от русских открытия и детали наших проектов и заводов». Тот же генерал Гревс с гордостью заявлял, что “туда и мышь не проникнет”».

Ничего не скажу насчет мыши, но советская разведка «туда» проникла. Помимо Клауса Фукса там трудились еще несколько советских агентов.

Агентурная сеть НКВД, работавшая в США и Англии по атомной проблематике, насчитывала около десятка агентов. Все они были высококомпетентными специалистами, людьми, работавшими совершенно бескорыстно, преданными идее сотрудничества с советской разведкой.

28 сентября 1942 года, когда в Сталинграде шли уличные бои, Сталин подписал Распоряжение ГКО № 2372 «Об организации работ по урану» (проект распоряжения составил В. М. Молотов по итогам консультаций с Кафтановым и Иоффе).

11 февраля 1943 года Сталин подписал решение ГКО о программе работ для создания атомной бомбы под руководством Молотова.

Мы уже обращали внимания читателя на некоторую «загадочность» кадровых назначений. Вот Хрущев, проваливший

оборону Киева, дважды сдавший немцам Харьков, после небольшой встряски вновь отправляется руководить массами и ресурсами. Молотову, доказавшему свою несостоятельность в управлении оборонными комплексами (взять то же производство танков!), Сталин поручает проект, по своей новизне и масштабу сложности доселе неведомый не только отечественной, но и мировой науке и индустрии! Почему?..

Соратник по партии, друг революционной молодости? Но Вождь далеко не сентиментален… Есть множество простых объяснений: отсутствие достойных в ближнем окружении; чрезмерная подозрительность… Но ни одна из версий не «тянет» на рабочую. Тогда что?.. Нужна была Хиросима, чтобы в Кремле осознали не только апокалиптичность угрозы, но и ужас от того, что в стране есть ОДИН человек, способный выковать ядерный щит? БЕРИЯ!

12 апреля 1943 года, была создана «Лаборатория № 2» АН СССР, призванная заниматься вопросами создания советского атомного оружия, начальником которой был назначен профессор Курчатов.

После принятия постановления ГКО, по личному указанию Сталина, внешняя разведка в глубокой тайне начала систематическую работу по делу «Энормоз». Курировать атомный проект по линии ГКО Сталин поручил Лаврентию Берии.

Во-первых, ведомство Лаврентия Павловича обладало не только наиболее полной информацией о работах, ведущихся в мире по атомной тематике, но и располагало источниками, **поставляющими и обновляющими** сведения из лабораторий всего мира.

Во-вторых, характер информации – как имеющейся, так и ожидаемой – обязывал относиться к ней с осторожностью. А именно это качество порой напрочь отсутствовало у корифеев науки.

Великий Анатоль Франс заметил: *«Рано или поздно любопытство становится грехом; вот почему дьявол всегда на стороне ученых»*. Так что «согрешить» в запале научной откровенности мог любой из привлеченных к проекту «великих». Присутствие НКВД уберегало… от греха.

Секретность достигала высшей степени, о наличии дела знали только начальник НТР и сотрудник, непосредственно ведущий его. Все

документы исполнялись только собственноручно в одном экземпляре, без привлечения машинисток и секретарей. Бывало, что сами руководители брались за иглу и нитку, подшивали документ после доклада и включали его в опись.

По делу «Энормоз» был составлен подробный план работы. Для связи с профессором (еще не академиком) Курчатовым был выделен высококвалифицированный разведчик, доктор химических наук Гайк Овакимян. В Нью-Йорке, Вашингтоне, Лос-Анджелесе и Сан-Франциско введены должности заместителей резидентов по НТР, главной задачей которых стало добывание атомных секретов. В Нью-Йорке на эту должность направили самого начальника НТР, Леонида Квасникова.

Вся поступающая из резидентур информация по атомной бомбе, по прямому указанию Сталина, должна была под расписку вручаться только Курчатову. На него были распространены правила, принятые по делу «Энормоз» в разведке: он не имел права при подготовке отзывов или запросов пользоваться чьей-либо помощью, все документы исполнял только лично, от руки. Поступавшая из резидентур информация доводилась им до своих сподвижников в собственной интерпретации. В результате новые моменты в исследованиях, по свидетельству Игоря Васильевича, воспринимались учеными как сведения, поступившие, вероятно, из других отечественных секретных центров. Надо думать, что в некоторых случаях их считали плодами раздумий самого Курчатова, что, конечно, работало на его авторитет (хотя, следует указать, что он действительно был автором многих передовых идей). Такая маскировка содействовала интересам разведки, ибо отвечала требованиям конспирации. Это положение существовало до создания в 1945 году Специального комитета Совета Министров СССР по проблеме № 1, после чего круг адресатов расширился.

Поступавшая от разведки информация, с самого начала работы Лаборатории № 2, стала играть важную роль. Значение первых же сведений, которыми занимался Курчатов, состояло, по его мнению, в том, что они «заставляют нас по многим вопросам пересмотреть свои взгляды» и указывают «на технические возможности решения всей проблемы в значительно более короткие сроки, чем предполагалось. Эта информация имела важное значение, ибо способствовала

оптимизации программы создания собственного атомного оружия и необходимых для того теоретических исследований, экспериментов, конструкторских разработок и т. д.».

Но было еще одно обстоятельство, которое превращало наркомат Л. П. Берия в **ведущую**, а отнюдь не ведомую силу.

В 1942 году между Англией и СССР было заключено соглашение об обмене секретной технологической информацией. Как британский союзник выполнял **эти** обязательства? Как и **все остальные**.

Летом 1943 года в канадском городе Квебек Рузвельтом и Черчиллем было подписано секретное соглашение о совместных усилиях по созданию атомной бомбы на территории США. Англия рассчитывала на равноправное сотрудничество, но вскоре американские партнеры начали отстранять англичан от наиболее перспективных направлений в работе. Был в этом соглашении и еще один пункт: «…не сообщать какой-либо информации по атомной бомбе третьим странам». Имелся в виду СССР, несмотря на действующее соглашение 1942 года.

Ну что же, если с нами действовали не по-джентльменски, приходилось и нам не по-джентльменски проникать в чужие секреты.

Летом 1943 года Курчатов из разведывательных материалов узнаёт о пуске в США уран-графитового котла. Это было крупнейшее явление в мировой науке и технике. 1-е Управление НКГБ СССР предоставило Курчатову «Обзорную работу по проблеме урана». Сведения из самого сердца «Манхэттенского проекта»! Напомним, что даже будущий президент США Трумэн вплоть до принятия присяги не подозревал об атомной программе.

Помимо этого, с мая по сентябрь 1945 года Курчатов получил доклад Энрико Ферми об урановом котле, описание завода в Хэмфорде и многое другое. Были даже получены образцы урана-235 и урана-233. Оригинал доклада был направлен маршалу Советского Союза т. Берия.

Пока разведка добывала сверхсекретные доклады, Вячеслав Михайлович Молотов подписывает у Сталина новое распоряжение ГКО, в котором, «в целях более успешного развития работ по урану», руководство работами возлагается… на Первухина М. Г. и Кафтанова С. В., а научное руководство – на Курчатова И. В.

Иными словами, Молотов переложил ответственность и риск на плечи своих подчиненных и амбициозного ученого. Загадка… Не был уверен в успехе? А может просто «не по Сеньке была шапка»? Или скроен был Вячеслав Михайлович по другим лекалам. В конце августа 1943-го Берия записал в дневнике:

«…Дипломаты возвращаются. Перевозка и охрана на мне, а улыбается им Вячеслав. Он все больше заделывается дипломатом, а в ГКО я. И все шишки на меня».

Вот вам и вся отгадка. Мы – про «шишки»…

Группу работников специальной лаборатории атомного ядра в количестве 20-25 человек вместе с Курчатовым из Казани переводят в Москву. В Москве у Курчатова появился мощный союзник – академик В. И. Вернадский. Он обращается к президенту АН СССР с предложением о восстановлении работ Урановой комиссии, имея ввиду возможность использования урана для военных нужд и быстрой реконструкции народного хозяйства на основе атомных электростанций.

Глобальные цели и задачи. Но решались они, порой, довольно замысловатыми аппаратными маневрами.

19 мая 1944 г. М. Г. Первухин написал на имя И. В. Сталина записку «О проблеме урана», где предложил для **поднятия статуса** руководства работами по использованию внутриатомной энергии от имени государства эти функции возложить… на Л. П. Берию. Хотя СТАТУС был. Куда уж выше: Молотов – правая рука Сталина! Но Первухину, генерал-лейтенанту инженерно-технической службы, с 1940 года занимавшему пост заместителя Председателя СНК СССР, и знавшему, как семейный врач, все болезни «властного Олимпа», было очевидно, что Молотов «не потянет» атомный проект. Как «не тянул» и другие, связанные с мобилизационной экономикой, да и просто управлением созидательными процессами. Мы уже коснулись этой проблемы. Тем не менее…

30 сентября 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР звание Героя Социалистического Труда было присвоено В. М. Молотову, Л. П. Берия, Г. М. Маленкову, А. И. Микояну, И. В. Тевосяну, П. И. Коробову, В. В. Вахрушеву. Заметим, что нарком черной металлургии Тевосян и нарком угольной промышленности

Вахрушев были удостоены Звезд Героев по ходатайству Лаврентия Павловича Берия.

Вот какую запись в дневнике оставил Берия в этот день:

«Опубликовали Указ. Вячеслав получил Героя за танки, Георгий за самолеты, Анастас за продовольствие… Я получил за оружие. А если разобраться – за все сразу. Это сейчас наладилось, а тогда, в 1941 г. все навалилось. Товарищ Сталин это фронты, политика, общий контроль. А индустрию большинство пришлось тянуть мне, кроме химии…»

Это Берия надо благодарить и за танки, и за самолеты, и за железнодорожные перевозки, да мало ли!

Вот так…

Но вернемся к «демаршу» Первухина. Выделим важные, на наш взгляд, моменты.

В записке его предложение было изложено в следующей редакции: «Создать при Государственном комитете обороны Совет по урану **для повседневного контроля и помощи** в проведении работ по урану примерно в таком составе:

1. т**. Берия Л. П. (Председатель Совета)**;
2. т. Молотов В. М.;
3. т. Первухин М. Г. (заместитель председателя);
4. академик Курчатов И. В.»

Первухин рисковал. Причем, не только креслом, но и головой.

В тексте документа косвенно просматривалась личная заинтересованность М. Г. Первухина в повышении своего статуса в руководстве проектом: председателю СНК СССР Молотову отводилась роль **рядового** члена совета, а себя он предлагал назначить на должность заместителя председателя совета. Нарушением субординации было и само обращение М. Г. Первухина к И. В. Сталину, минуя В. М. Молотова. Нарком это знал, поэтому на следующий день, 20 мая 1944 г., он направил в адрес В. М. Молотова и Л. П. Берии письмо аналогичного содержания. Подстраховался. А может, продолжил задуманную комбинацию?

В тот же день (так совпало?), 20 мая 1944 года, Курчатов направил свою «Записку», на которой Берия поставил отметку: «Важное. Доложить И. В. Сталину. Переговорить с т. Первухиным. Собрать всё,

что имеет отношение к урану». Курчатов убеждает Первухина (не Молотова!) довести до Сталина необходимость создания «Совета по урану» из четырех человек**: Л. П. Берия**, В. М. Молотова, М. Г. Первухина и И. В. Курчатова. Председателем Совета предлагает назначить Берия.

В этом случае заподозрить Первухина в аппаратных происках было уже сложнее. А Курчатова и подавно. И комбинация через полгода сработает!

После открытия Второго фронта вслед за наступающими войсками союзников, а иногда и обгоняя их, по территории Германии двигалась специальная группа, состоящая из разведчиков и специалистов в области ядерной физики, именовавшаяся миссией «**Алсос».** Ее задачей было выявить, разыскать и вывезти в США крупных немецких физиков, что она успешно и проделала. Представлявшие особый интерес Вернер Гейзенберг, Отто Ган, Макс фон Лау и другие известные немецкие ученые были переправлены в Америку и начали работать на новых хозяев.

СССР отставал в силу объективных причин: надо было ставить победную точку в мировой войне, брать Берлин, кстати, попутно спасая англоамериканский экспедиционный корпус, попавший в немецкую западню в Арденнах.

После капитуляции Германии группа, подобная «миссии «Алсос», по указанию Сталина была сформирована и в СССР. В нее вошли Харитон, Арцимович, Флёров, Кикоин, Головин, а также несколько разведчиков «от Лаврентия Павловича». Возглавил ее замнаркома внутренних дел, известный инженер и организатор производства А. П. Завенягин.

Ключевым вопросом успеха всех атомных проектов было наличие у разработчика ядерных материалов – урана. Рыскавшие в поисках научной добычи по просторам поверженного рейха американцы старались опередить советских союзников во всем и чаще всего это им удавалось. Но кое-что получалось и у «гонцов» Берия.

Главный завод по производству урана для немецких реакторов в Ораниенбурге оказался полностью разрушен американскими бомбардировками, произведёнными **за несколько дней до конца войны**. Однако склад оксида урана, находившийся в другом городке,

не пострадал, и в СССР было переправлено 100 тонн сырья. На другом складе было обнаружено 12 тонн урана.

Немецкий урановый компонент был доставлено на завод «Электросталь» в Ногинске («Строительство № 713»). По воспоминаниям Харитона, Курчатов говорил, что немецкий уран ускорил на год создание отечественной атомной бомбы.

Игорь Васильевич в начале 1946 года признавался:

«До мая 1945 года не было надежд осуществить уран-графитовый котёл, так как в нашем распоряжении было всего 7 тонн окиси урана и не было надежды, что нужные 100 тонн урана будут выработаны ранее 1948 года. В середине прошлого года т. Берия направил в Германию специальную группу работников Лаборатории № 2 и НКВД… для розыска урана и уранового сырья. В результате большой работы посланная группа нашла и вывезла в СССР 100 тонн окиси урана и его соединений, что серьезно изменило положение не только с уран-графитовым котлом, но и со всеми другими урановыми сооружениями».

Кроме того, залежи урановой руды в Судетских горах на территории Германии и Чехословакии попали под наш контроль.

Группа Завенягина сумела пополнить и кадровый состав лаборатории. К сожалению, американцы уже успели «поскрести» по интеллектуальным сусекам Германии. Советской стороне достался «лишь» Нобелевский лауреат Густав Герц, специалист по металлургии урана Николаус Риль, Манфред фон Арденне и другие менее значительные фигуры. Но и они оказались на месте и вовремя, активно включившись в работы над советской атомной бомбой в институтах возле Сухуми. С ними были заключены контракты, предусматривавшие достаточно высокую оплату. Всего в СССР приехало работать над атомной бомбой 300 немецких учёных и инженеров.

Курчатов в Москве своими руками собирает первый в Европе атомный реактор, который пока не имеет системы отвода тепла. На пуске реактора присутствует Л. П. Берия и Н. И. Павлов. Когда Курчатов сообщил Берия, что Экспериментальный реактор пущен, то Берия, еще не понимая толком, что произошло, хмыкнул «Всего-то!». Спустя некоторое время тональность оценок изменится. А тогда

наркому было невдомек, что это была **первая цепная реакция в Европе**, но без съёма тепла. Реактор был пущен в Москве, а рядом с реактором появилась «Хижина лесника» – квартира Курчатова. И это доказывало, что бояться взрыва реактора не надо. Позднее Курчатов добьется постоянной работы этого реактора на долгие годы.

Но за кремлевской стеной шли не менее важные процессы, причем, с не меньшим риском для жизни.

Курчатов 29 сентября 1944 г. написал Берии:

«*В письме т. М. Г. Первухина и мое на Ваше имя мы сообщали о состоянии работ по проблеме урана и об их колоссальном развитии за границей.*

В течение последнего месяца я занимался предварительным изучением новых весьма обширных (3000 стр. текста) материалов, касающихся проблемы урана.

Это изучение еще раз показало, что вокруг этой проблемы за границей создана невиданная по масштабу в истории мировой науки концентрация научных и инженерно-технических сил, уже добившихся ценнейших результатов.

У нас же, несмотря на большой сдвиг в развитии работ по урану в 1943-1944 гг., ***положение остается совершенно неудовлетворительным*** *(за это время число сотрудников лаборатории № 2 возросло с 25 до 83).*

Особенно ***неблагополучно обстоит дело с сырьем и вопросами разделения. Работа лаборатории № 2 недостаточно обеспечена материально-технической базой. Работы многих смежных организаций не получают нужного развития из-за отсутствия единого руководства и недооценки в этих организациях значения проблемы****, я все же, ввиду исторического значения проблемы урана, решился побеспокоить Вас и просить Вас дать указания о такой организации работ, которая бы соответствовала возможностям и значению нашего великого государства в мировой культуре».*

Результат обращения И. В. Курчатова от 29 сентября 1944 г. – принятие постановления ГКО № 7102сс/ов от 8 декабря 1944 г. «О мероприятиях по обеспечению развития добычи и переработки урановых руд». Этим постановлением предусматривалась организация в структуре НКВД СССР, который продолжал возглавлять Л. П. Берия,

научно-исследовательского института по урану – «Института специальных металлов НКВД» (будущий НИИ-9 в г. Москве).

3 декабря 1944 г. И. В. Сталин подписал Постановление ГКО № 7069сс «О неотложных мерах по обеспечению развертывания работ, проводимых Лабораторией № 2 АН СССР», заключительным пунктом которого **на Л. П. Берию было возложено наблюдение за развитием работ по урану.** Этот пункт уже юридически закрепил ответственность Л. П. Берии за дальнейшую судьбу атомного проекта.

Получив широкие полномочия, Л. П. Берия придал всей работе более организованный и динамичный характер. В целях обеспечения режима секретности решаемых задач доступ участников работ был ограничен только тем объемом информации, который необходим для выполнения возложенных на них обязанностей. На ключевые должности в организациях, занимавшихся решением задач по созданию атомного оружия, Л. П. Берия назначил опытных руководителей из числа сотрудников НКВД СССР.

По воспоминаниям Б. Л. Ванникова, Л. П. Берия якобы рассчитывал, что руководство Атомным проектом полностью сосредоточится в НКВД, поскольку наркомат располагал крупными строительными и монтажными организациями, огромным числом рабочих и квалифицированных специалистов. Специфика ведомства позволяла обеспечить высокую степень централизации и исполнительской дисциплины в решении поставленных задач. Но Сталин не пошёл на подчинение Атомного проекта отдельному ведомству и придал ему общегосударственный уровень. Главным администратором проекта назначался **не нарком НКВД, а заместитель председателя ГКО Л. П. Берия,** вторым лицом – генерал-полковник Б. Л. Ванников, являвшийся на тот момент наркомом боеприпасов. При этом оба они **не освобождались** от обязанностей наркомов.

Таким образом, уже практически с мая 1944 года все научные, производственные, социально-бытовые и другие вопросы, связанные с освоением атомной энергии в военных и мирных целях, решались с санкции и при участии Берии. Выполнение служебных обязанностей каждым сотрудником, начиная с академика И. В. Курчатова, бралось под постоянный контроль. Генерал НКВД В. А. Махнев докладывал Л. П. Берии 1 декабря 1944 года: «За месяц работы над вопросами,

связанными с Лабораторией № 2, я убедился, что академик Курчатов более 50 проц. своего времени тратит на разрешение всяких хозяйственных, в том числе мелких вопросов и мало занимается научной работой». Берия отреагировал на «донос» весьма оригинально. Курчатов был освобождён от не свойственной академику работы, получив в качестве заместителя по хозяйственным вопросам полковника НКВД П. В. Худякова – опытного и энергичного работника, сумевшего многое сделать для обустройства курчатовского научного центра.

Курчатов, оценив преимущество нового руководства, срочно направил Берии доклад «О неудовлетворительном состоянии работ по проблеме», где ставил вопрос о кардинальном увеличении производство урана. Берия, тщательно изучив проблему, вынес её на рассмотрение ГКО, который 8 декабря 1944 года принял постановление № 7102сс/ов «О мероприятиях по обеспечению развития добычи и переработки урановых руд». Постановление, содержащее 30 пунктов конкретных поручений различным наркоматам, охватывало весь комплекс вопросов по обеспечению Атомного проекта ураном. Разведка, добыча и переработка урановых руд передавались в ведение НКВД под личную ответственность заместителя наркома генерал-полковника А. П. Завенягина. **В течение 1945 года были созданы 90 геологических партий по поиску урана, а в 1946 году их количество возросло до 2509.**

Один из ветеранов оборонной промышленности и руководителей атомной отрасли А. М. Петросьянц пишет о причинах назначения Л. П. Берия руководителем всех работ по атомной проблеме:

*«**Среди всех членов Политбюро ЦК КПСС и других высших руководителей страны Берия оказался наиболее подготовленным** в вопросах технической политики и техники. Все это я знаю не понаслышке, а по личным контактам с ним по многим техническим вопросам, касавшимся танкостроительной и ядерной тематики. В интересах исторической справедливости нельзя не сказать, что Берия… сумел полностью оправдать доверие Сталина, использовав весь научный потенциал ученых ядерной науки (Курчатова, Харитона и многих, многих других), имевшихся в нашей стране. Он придал всем работам по ядерной проблеме необходимые размах, широту действий и динамизм. Он обладал огромной энергией и работоспособностью,*

был организатором, умеющим доводить всякое начатое им дело до конца. Часто выезжал на объекты, знакомился с ходом и результатами работ, всегда оказывал необходимую помощь и в то же время резко и строго расправлялся с нерадивыми исполнителями, невзирая на чины и положение. В процессе создания первой советской ядерной бомбы его роль была в полном смысле слова неизмеримой. Его усилия и возможности в использовании всех видов и направлений отраслей промышленности страны в интересах создания ядерной индустрии, научно-технического потенциала страны и громадных масс заключенных, страх перед ним обеспечили ему полную свободу действий и победу советскому народу в этой научно-технической эпопее».

Берия и неотделимый от этого имени СТРАХ – продукты лжи XX съезда КПСС. Не со страха в СССР создали атомную промышленность. Не с перепуга работал Курчатов! Страх испытывали те, кто знал за собой грехи. В то время таких было немало. Но не они определяли тональность общественного бытия той эпохи. Эпохи Берия!

Только тот, кто хотя бы просто пролистает все 12 книг трехтомного сборника «Атомный проект СССР. Документы и материалы» или даже по диагонали ознакомится с заголовками опубликованных рассекреченных правительственных документов, писем, справок, докладных записок и т. п., получит представление об объеме информации, которую Л. П. Берии приходилось получать**. Он ежедневно, беря на себя всю полноту ответственности, принимал государственные решения.** Кто из современных ему политиков был способен на такое?

Если вчитаться в тексты документов и служебную переписку, резолюции, которые делал Л. П. Берия, то это даст уже более полное представление о той колоссальной нагрузке, с которой приходилось ему сталкиваться, держа в руках все нити многогранной работы. Ведь каждый государственный документ Л. П. Берия не просто подписывал, он тщательно его изучал, в то время как за каждой цифрой и термином стояла работа **целых научных коллективов**. Все информационные записки и проекты правительственных постановлений затем представлялись на подпись И. В. Сталину.

В своей книге «Берия. Судьба всесильного наркома» Борис Соколов процитировал заместителя И. В. Курчатова профессора И. В. Головина, который отмечал, что *«Берия был прекрасным организатором – энергичным и въедливым. Если он брал на ночь бумаги, то к утру документы возвращались с резонными замечаниями и дельными предложениями. Он хорошо разбирался в людях, все проверял лично, и скрыть от него промахи было невозможно…»*.

Научную общественность СССР тоже захлестывали организационные бури. И Атомный проект отразился на характере перемен.

В 1945 году был избран новый президент АН СССР, им стал физик Сергей Иванович Вавилов. В числе претендентов на этот пост был и 42-летний И. В. Курчатов. Его характеристика была представлена справкой НКГБ:

«Курчатов Игорь Васильевич – директор Лаборатории № 2 Академии наук СССР, 1903 года рождения, русский, беспартийный, академик с 1943 года, профессор МГУ, лауреат Сталинской премии. Орденоносец. По специальности – физик-ядерщик. Работает в области исследования радиоактивных явлений. Основная работа по новому виду распада урана и использования его энергии.

В области атомной физики Курчатов в настоящее время является ведущим ученым СССР. Обладает большими организаторскими способностями, энергичен. По характеру человек скрытный, осторожный, хитрый и большой дипломат».

Курчатов наотрез отказывается от должности Президента АН СССР. Он прекрасно понимал, какие трудности лежат на пути Атомного проекта СССР. Но эти трудности его не пугали. Он соизмерял силы и возможности с пространством задач и отказывался от заманчивых приманок ради достижения высшей цели.

24 июля 1945 года в ходе встречи участников антигитлеровской коалиции в Потсдаме президент США Трумэн сообщил Сталину об успешном испытании американцами «оружия необыкновенной разрушительной силы». Очевидцы свидетельствуют: «дядя Джо» не удивился. Принято считать, что Сталин не понял слов Трумэна, поскольку не догадывался о мощи ядерного оружия. Хотя новинкой «атомный эффект» был, скорее, для Трумэна…

28 февраля 1945 года Сталин получил письмо от Берия с пометкой «Важное», где были изложены некоторые особенности создаваемой в США атомной бомбы. Письмо готовилось на основании агентурных данных. В нем сообщалось:

«По расчетам, энергия атомной бомбы общим весом около 3 тонн будет эквивалентна энергии обычного взрывчатого вещества весом от 2000 до 10 000 тонн. Считают, что взрыв атомной бомбы будет сопровождаться не только образованием взрывной волны, но и развитием высокой температуры, а также мощным радиоактивным эффектом, и что в результате этого все живое в радиусе до 1 километра будет уничтожено… Первый опытный «боевой» взрыв ожидается через 2-3 месяца…»

Разведка лишь немного ошиблась с датой.

После испытания в Аламогордо первого американского атомного устройства «Фэт Мэн» («Толстяк»), работы в СССР по созданию своего собственного ядерного оружия были значительно ускорены.

Америка, сама того не желая, заставила Сталина принять решения, которые были подготовлены **еще в 1943 году**. Уже тогда Курчатов формировал программу по урану, которая предусматривала создание Специального Комитета (СК) при Государственном Комитете Обороны (ГКО) СССР.

Помимо тех ученых, которые уже занимались Атомным проектом СССР, Курчатов предлагал привлечь Алиханова и его группу, Харитона и Зельдовича, Кикоина, Александрова и его группу. А в СК ввести академиков Иоффе, Капицу и Семенова.

К сожалению, тогда до Спецкомитета при ГКО руки не дошли. Да и деньгами страна была не так богата, как Америка, знавшая о войне только по кадрам кинохроники. Но, тем не менее, в Союзе «копошились», собирая «с миру по нитке» и мастеря сокрушительное оружие «на коленке».

Еще в конце ноября 1944 года Берия записал в дневнике:

«Махнев с Курчатовым подготовили проект Постановления по Лаборатории № 2. Бардак полный, работы ведутся кустарно, могли бы активнее действовать. Махнев докладывает, что запас радия, 4 грамма, Курчатов держит в картофельной яме. А это очень ценный и дорогой материал. Махнев говорит, почти все, что сейчас есть в

СССР, сейчас у Курчатова. Спросил у Курчатова, подтверждает. Жилья для них нет, помещений Моссовет не выделяет. Му…аки! Надо будет раздолбать Пронина (Председатель исполкома Моссовета)».

И только когда «гром грянул» в Аламогордо, в Кремле решили «перекреститься». 20 августа 1945 года для руководства Атомным проектом ГКО создал Специальный комитет **с чрезвычайными полномочиями** во главе с **Л. П. Берия**. При Спецкомитете был сформирован исполнительный орган – Первое Главное Управление при СНК СССР (Б. Л. Ванников), в распоряжение которого передавались многочисленные предприятия и учреждения из других ведомств, включая научно-технический отдел разведки, Главное управление лагерей промышленного строительства НКВД (ГУЛПС) и Главное управление лагерей горно-металлургических предприятий НКВД (ГУЛГМП) (с общим количеством 293 тыс. заключенных). Все – из «хозяйства Берия».

Накануне Сталин вызвал к себе наркома боеприпасов – одного из будущих руководителей атомной промышленности СССР Б. Л. Ванникова.

«*Сталин вкратце остановился на атомной политике США и затем повел разговор об организации работ по использованию атомной энергии и созданию атомной бомбы у нас в СССР*», – вспоминал Ванников. Сталин упомянул о предложении Берии возложить все руководство на НКВД и сказал: «*Такое предложение заслуживает внимания. В НКВД имеются крупные строительные и монтажные организации, которые располагают значительной армией строительных рабочих, хорошими квалифицированными специалистами, руководителями. НКВД также располагает разветвленной сетью местных органов, а также сетью организаций на железной дороге и на водном транспорте*».

Однако затем, видимо, учитывая и соображения Ванникова, Сталин посчитал, что наилучший вариант – выйти за рамки НКВД и создать Специальный комитет, который «должен находиться под контролем ЦК и работа его должна быть строго засекречена… Комитет должен быть наделен особыми полномочиями».

Заместителем председателя Специального комитета был назначен Ванников, а его членами стали Г. М. Маленков (секретарь ЦК ВКП(б)), Н. А. Вознесенский (председатель Госплана), А. П. Завенягин, М. Г. Первухин, А. Ф. Иоффе, П. Л. Капица, И. В. Курчатов. Секретарем и членом комитета стал В. А. Махнев.

И здесь снова уместен вопрос – ЗАЧЕМ? К чему Маленков? Ведь только что, как говорят, «по просьбе трудящихся», бесполезного Молотова сменили на Берия. О Молотове деликатно вспомнил академик Ю. Харитон: «Известно, что вначале общее руководство советским атомным проектом осуществлял В. М. Молотов**. Стиль его руководства и соответственно результаты не отличались особой эффективностью».**

И вдруг – Маленков… Опять на те же грабли? Про Маленкова сам Сталин говорил: «Это писарь. Резолюцию он напишет быстро, не всегда сам, но сорганизует людей… На какие-нибудь самостоятельные мысли и самостоятельную инициативу он не способен».

С 21 августа 1943 года Сталин ввел Берия в состав Комитета при Совнаркоме по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецких оккупантов (председатель Маленков, члены: Берия, Микоян, Вознесенский, Андреев).

25 сентября 1943-го Берия записал в дневнике:

«Работаю в Комитете по освобожденным районам. Председатель Георгий (Маленков), члены я, Анастас, Вознесенский и Андреев. От Андреева как от козла молока, гений Госплана вечно занят. Придется заставлять. Георгий (Маленков) тянет, но больше по партийной линии, Анастас работает по своему кусту. А мне сразу по всем линиям. А потом от Кобы чихвостка».

Что значит «по партийной линии», наверное, расшифровывать не надо: собрания – президиумы, митинги – резолюции…

Настаивая на включении в Спецкомитет Маленкова, Сталин подчеркнул: «Это дело должна поднять вся партия, Маленков – секретарь ЦК, он подключит местные партийные организации».

И здесь опять недоумение. А причем партия? Вот документ:

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ
РАСПОРЯЖЕНИЕ
от 20 августа 1945 года № ГКО-9887сс/ов

О СПЕЦИАЛЬНОМ КОМИТЕТЕ
[ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ]
ПРИ ГКО

Вот пункт № 11 Распоряжения:

11. Установить, что Первое главное управление при СНК СССР, его предприятия и учреждения, а также работы, выполняемые другими наркоматами и ведомствами для него, контролируются Специальным комитетом при ГОКО.

Никакие организации, учреждения и лица без особого разрешения ГОКО не имеют права вмешиваться в административно-хозяйственную и оперативную деятельность Первого главного управления, его предприятий и учреждений или требовать справок о его работе или работах, выполняемых по заказам Первого главного управления. Вся отчетность по указанным работам направляется только Специальному комитету при ГОКО.

И где здесь место для «партии»? Массы «мобилизовывать» не надо, они уже отмобилизованы и ждут распоряжений в ГУЛАГе. А мобилизационные способности партийных чиновников известны хотя бы по хронике обороны Кавказа…

Резонно спросить, кто подсовывал Сталину такие кадровые решения? Скорее всего никто. **Просто он не уставал верить в «ближний круг». До поры…**

Одновременно с организацией Специального комитета был сформирован Ученый (Технический) совет по атомной энергии, в который по предложению Берии вошли А. Ф. Иоффе, П. Л. Капица, И. В. Курчатов, А. И. Алиханов, И. К. Кикоин, Ю. Б. Харитон, Б. Л. Ванников, А. П. Завенягин и В. А. Махнев.

При этом Сталин рассуждал так: «Давайте назначим председателем Ученого совета тов. Ванникова, у него получится хорошо, его будут слушаться и Иоффе, и Капица, а если не будут – у него рука крепкая; к тому же он известен в нашей стране, его знают специалисты промышленности и военные».

И здесь Иосиф Виссарионович или пошутил, или допустил ошибку, которую потом ему же самому пришлось и исправлять. Речь идет о Петре Леонидовиче Капице.

Нам понадобится короткая справка.

В 1921 году Капица, **не без протекции Максима Горького**, в составе специальной комиссии, был командирован в Англию. **Благодаря рекомендации Иоффе**, ему удаётся устроиться в Кавендишской лаборатории под начало Эрнеста Резерфорда и с 22 июля Капица начинает работать в Кембридже.

В 1929 году Капица избран действительным членом Лондонского Королевского общества. В ноябре 1930 года Совет Королевского общества принимает решение о выделении **15000 фунтов стерлингов** на строительство в Кембридже специальной лаборатории для Капицы.

Большие деньги? Считайте сами. Золотой рубль в 1920-е годы весил 0,7 грамма, золотой доллар тогда же – 1,5 (тройская унция при этом стоила 20 долларов). Фунт стерлингов равнялся 7,3 граммам золота, а в реальности – 5 долларам или 10 рублям. «Форд» в 1926 году стоил 260 долларов – 500 рублей. Американский рабочий-то получал в день 5 долларов, то есть, 10 рублей – 200 рублей в месяц.

Деятельность Капицы в Кембридже не оставалась незамеченной на родине. Особое беспокойство разведки вызывал тот факт, что Капица оказывал консультации европейским промышленникам. С августа по октябрь 1934 года был принят ряд постановлений Политбюро, подписанных Л. М. Кагановичем, предписывающих задержать учёного в СССР. Окончательная резолюция гласила:

Исходя из соображений, что Капица оказывает значительные услуги англичанам, информируя их о положении в науке СССР, а также и то, что он оказывает английским фирмам, в том числе военным, крупнейшие услуги, продавая им свои патенты и работая по их заказам, запретить П. Л. Капице выезд из СССР.

После приезда в Ленинград 21 сентября 1934 г. Капицу вызвали в Москву, в Совет народных комиссаров, где он встретился с Пятаковым. Заместитель наркома тяжёлой промышленности рекомендовал как следует обдумать предложение остаться. Капица отказался, и его отправили на приём в вышестоящую инстанцию к Межлауку. Председатель Госплана сообщил учёному, что выезд за границу невозможен и виза аннулирована. Капица был вынужден переехать к матери, а его супруга, Анна Алексеевна, уехала в Кембридж к детям одна. Английская пресса, комментируя случившееся, писала о том, что профессора Капицу принудительно задержали в СССР.

Постепенно Пётр Леонидович пришёл в себя и согласился продолжить работу по специальности. В качестве условия потребовал перевезти Мондовскую лабораторию, в которой он работал, в СССР. Если Резерфорд откажется передать или продать оборудование, то необходимо будет приобрести дубликаты уникальных приборов.

Требование было не из рядовых. Почти из разряда невыполнимых. Но!

Решением Политбюро ЦК ВКП(б) было выделено **30 тыс. фунтов** стерлингов на закупку оборудования, которое, между прочим, обошлось англичанам в 15 тысяч.

23 декабря 1934 г. Вячеслав Молотов подписал постановление об организации в составе Академии наук СССР Института физических проблем (ИФП). 3 января 1935 г. газеты «Правда» и «Известия» сообщили о назначении Капицы директором нового института. В начале 1935 года Капица переезжает из Ленинграда в Москву – **в гостиницу «Метрополь», получает в распоряжение личный автомобиль. В мае 1935 года началось строительство институтского лабораторного корпуса на Воробьёвых горах. После довольно сложных переговоров с Резерфордом и Кокрофтом (Капица не принимал в них участия!) удалось прийти к соглашению об условиях передачи лаборатории в СССР. В период с 1935 по 1937 год постепенно было получено оборудование из Англии.** Дело сильно стопорилось из-за нерасторопности чиновников, занимавшихся поставкой («Сталинская эпоха», надо было отчитываться за каждую копейку!) и понадобилось писать письма высшему руководству СССР, вплоть до Сталина. В итоге удалось получить всё, что требовал Пётр Леонидович. В Москву приехали два опытных инженера, которые помогали в монтаже и настройке – механик Пирсон и лаборант Лауэрман.

В своих письмах конца 1930-х годов Капица признавался в том, что **возможности для работы в СССР уступают тем, что были за рубежом – это даже несмотря на то, что он получил в своё распоряжение научное учреждение и практически не испытывал проблем с финансированием**.

В январе 1936 года из Англии возвращается Анна Алексеевна с детьми, и семья Капицы переезжает в **коттедж, возведенный на территории института**. Это был двухэтажный особняк, специально

построенный для П. Л. Капицы на английский манер, с гостиной, кухней и холлом на первом этаже и спальнями на втором. К марту 1937 года закончилось строительство нового института, перевезена и смонтирована большая часть приборов, и Капица возвращается к активной научной деятельности.

В это же время при Институте Физических проблем начинает работать «капичник» – знаменитый семинар Петра Леонидовича. Правда, в стенах **построенного по распоряжению Сталина института** рассуждали не только о физике. Потому-то становится понятной «непростая» судьба некоторых корифеев науки.

В апреле 1938 г. Лев Давидович Ландау написал вместе с двумя другими молодыми сотрудниками института – Ю. Б. Румером и М. А. Корецом – антисталинскую листовку, которая предназначалась для распространения 1 мая, но она попалась на глаза московским чекистам за несколько недель до праздника. Естественно, авторы листовки сразу же были арестованы. Ландау ровно год провёл в следственном изоляторе Бутырской тюрьмы. В отличие от огромного числа сталинских жертв, подвергшихся репрессиям «ни за что», в случае Ландау «криминала» было с избытком. Текст листовки:

«Великое дело Октябрьской революции подло предано. Страна затоплена потоками крови и грязи. Миллионы невинных людей брошены в тюрьмы, и никто не может знать, когда придёт его очередь. Разве вы не видите, товарищи, что сталинская клика совершила фашистский переворот? Социализм остался только на страницах изолгавшихся газет.

В своей бешеной ненависти к настоящему социализму Сталин сравнялся с Гитлером и Муссолини. Разрушая ради своей власти страну, Сталин превращает её в лёгкую добычу озверелого немецкого фашизма. Единственный выход для рабочего класса и всех трудящихся нашей страны – это решительная борьба против сталинского и гитлеровского фашизма, борьба за социализм. Товарищи, организуйтесь! Не бойтесь палачей НКВД. Они способны избивать только беззащитных заключённых, ловить ни о чём не подозревающих невинных людей, разворовывать народное имущество и выдумывать нелепые судебные процессы о несуществующих заговорах…».

Откровенный призыв к свержению существующего режима гарантировал авторам **в лучшем случае** ГУЛАГ до конца их дней.

Но эмоциональная и митинговая стилистика был подкреплена, как и положено в большой науке, фундаментальными размышлениями:

В собственноручных показаниях Ландау читаем:

«К началу 1937 года мы пришли к выводу, что партия переродилась, что советская власть действует не в интересах трудящихся, а в интересах узкой правящей группы, что в интересах страны свержение существующего правительства и создание в СССР государства, сохраняющего колхозы и государственную собственность на предприятия, но построенного по типу буржуазно-демократических государств» (Горелик Г. Е. Физики и социализм в архиве КГБ // Свободная мысль. 1992. № 1. С. 51)

Так вот они, истоки «перестройки»?

И эти люди, спросит дотошный читатель, благополучно пережили 37-й год?

Да! Мы вам больше скажем.

Вот официальный документ:

«УТВЕРЖДАЮ»
НАЧ. СЛЕДСТВЕННОЙ ЧАСТИ НКВД СССР
КОМИССАР ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ 3 РАНГА
КОБУЛОВ
«28» АПРЕЛЯ 1939 ГОДА

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Москва, 1939 года апреля 28 дня, я, начальник 6 Отделения 2 Отдела ГУГБ НКВД СССР, капитан государственной безопасности – ВИЗЕЛЬ, рассмотрев материалы следственного дела № 18747 по обвинению ЛАНДАУ Льва Давыдовича в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-7, 10 и 11 УК РСФСР, –

НАШЁЛ:

Арестованные в 1937 году Управлением НКВД по Харьковской области быв. научные работники Украинского физико-технического ин-та ШУБНИКОВ Л.В. и РОЗЕНКЕВИЧ Л.В. показали, что ЛАНДАУ Л.Д. с 1932 года вместе с ними входил в антисоветскую группу и вёл вредительскую работу в Украинском физико-техническом ин-те.

В апреле 1938 года в НКВД СССР поступили данные о том, что ЛАНДАУ Л.Д. совместно с б. доцентом физики Московского педагогического ин-та КОРЕЦ М.А. составили контрреволюционную листовку, в которой призывали население СССР к активной борьбе против Советской власти.

Проверкой этих данных было установлено, что ЛАНДАУ Л.Д. и КОРЕЦ М.А. пытались размножить эту листовку и распространить её 1 мая 1938 года во время демонстрации.

На основании этих данных 28 апреля 1938 года ЛАНДАУ Л.Д. был арестован.

На следствии ЛАНДАУ Л.Д. признался в том, что, будучи озлобленным арестом своего отца – Давида Львовича ЛАНДАУ, инженера, осуждённого в 1930 году к 10 годам концлагеря за вредительство в нефтяной промышленности, примкнул в 1932 году к антисоветской группе, существовавшей в Харьковском физико-техническом ин-те.

ЛАНДАУ признал также, что совместно с другими участниками антисоветской группы во вредительских целях срывал важнейшие научные работы института, предназначенные для нужд обороны страны. Переехав в 1936 году из Харькова в Москву, ЛАНДАУ не прекратил своей враждебной деятельности против Советской власти.

В Москве ЛАНДАУ Л.Д., как он показал, привлёк к антисоветской работе профессора физики РУМЕРА Ю.Б., и в апреле 1938 года по предложению КОРЕЦА А.М. принял участие в редактировании текста составленной КОРЕЦОМ контрреволюционной листовки, подписанной «Московский комитет Антифашистской рабочей партии», которую они намеревались распространить к 1 мая.

На основании изложенного:

ЛАНДАУ Лев Давыдович, 1908 года рождения, уроженец гор. Баку, до ареста профессор физики, б/п, гр-н СССР, достаточно изобличён в участии в антисоветской группе, вредительской деятельности и попытке выпустить и распространить антисоветскую листовку.

Однако, принимая во внимание, что:

1. ЛАНДАУ Л.Д. является крупнейшим специалистом в области теоретической физики и в дальнейшем может быть полезен советской науке;

2. академик КАПИЦА П.Л. изъявил согласие взять ЛАНДАУ Л.Д. на поруки;

3. руководствуясь приказанием Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР, комиссара Государственной Безопасности 1 ранга тов. Л. П. БЕРИЯ об освобождении ЛАНДАУ на поруки академика КАПИЦЫ, -

ПОСТАНОВИЛ:

Арестованного ЛАНДАУ Л.Д. из-под стражи освободить, следствие в отношении его прекратить и дело сдать в архив.

Начальник 6 отд-ния 2 отдела ГУГБ НКВД СССР Капитан государственной безопасности:

Визель

Вот так! И тут вспомнился Аркадий Райкин: «Эпоха была жуткая, просто жутчайшая эпоха, настроение было гнусное, и атмосфера была мерзопакостная, но тем не менее, рыба в Каме была!».

Вы спросите, а причем здесь «рыба»?..

Выйдя на свободу, Ландау успешно и плодотворно занимался научной деятельностью, не подвергаясь каким-либо гонениям и репрессиям. В 1946 году он становится академиком АН СССР, в 1946, 1949 и 1953 годах получает **Сталинские премии.** В «гнусное и мерзопакостное» время из рук «тирана». И не отказывается! Вот такая «рыба»…

Но вернемся к Капице.

Во второй половине 1945 года, сразу по окончании войны, в активную фазу вступает советский атомный проект. 20 августа 1945 года был создан атомный Спецкомитет при Совнаркоме СССР, руководителем которого стал **Лаврентий Берия**. В комитет первоначально вошли только два физика:

Курчатов был назначен научным руководителем всех работ.

Капица, который не являлся специалистом в ядерной физике, должен был курировать отдельные направления (низкотемпературная технология разделения изотопов урана).

И Курчатов, и Капица входят в состав Технического совета специального комитета, дополнительно туда приглашаются И. К. Кикоин, А. Ф. Иоффе, Ю. Б. Харитон и В. Г. Хлопин. У Капицы сразу же возникает **недовольство** методами руководства Берии, он весьма нелицеприятно и остро отзывается о генеральном комиссаре госбезопасности – как в личном, так и в профессиональном плане.

Что же не устроило известного ученого? Мы постараемся обойтись без комментариев, хотя они просятся в строку, – и сухо изложить суть «академического недовольства». Итак, **Капица сообщал Сталину, что хотел бы уйти с работы, связанной с выполнением правительственного задания, из-за «недопустимого» отношения Берии к ученым. Капица писал, что, приглашая его к участию в атомном проекте, Берия «просто приказал своему секретарю вызвать меня к себе». По мнению Капицы, предметом разногласий были не хорошие манеры, а более важный момент, касающийся положения ученых в обществе. «…Было время, – писал Капица, – когда рядом с императором стоял патриарх, тогда церковь была носителем культуры. Церковь отживает, патриархи вышли в тираж, но в стране без идейных руководителей не обойтись». Только наука и ученые могли бы стать фундаментом технического, экономического и политического прогресса. «Вы лично, как и Ленин, – писал он Сталину, – двигаете страну вперед как ученый и мыслитель. Это исключительно повезло стране, что у нее такие руководители, но так может быть не всегда… Рано или поздно у нас придется поднять ученых до «патриарших» чинов». Только тогда ученые с энтузиазмом могли бы служить своей стране. «Поэтому уже пора товарищам типа тов. Берия начать учиться уважению к ученым».**

Судя по тексту, Петр Леонидович без обиняков претендовал на место рядом с «императором». Правда, «император» не торопился подвинуться… Ну, здесь вопросы – к «монарху». А чем не угодил Берия? Не приехал лично… не открыл дверку… не взял под ручку… не угостил «Цинандали»?..

Начальник отдела «С» НКВД (НКГБ) СССР, исполнявший одновременно обязанности начальника отдела «К» НКГБ СССР (контрразведывательное обеспечение советского атомного проекта)

П. А. Судоплатова, неоднократно принимавший участие в заседании СК, вспоминал:

«Заседания Спецкомитета обычно проходили в кабинете Берии. Это были жаркие дискуссии. Меня удивляли взаимные претензии членов правительства. Берия вмешивался в эти споры, призывал к порядку. И я впервые увидел, что все в этом особом правительственном органе считали себя равными по служебному положению независимо от того, кто из них был членом ЦК или Политбюро… Берия, грубый и жестокий в общении с подчиненными, мог быть внимательным, учтивым, оказывать каждодневную поддержку людям, занятым важной работой, защищал этих людей от всевозможных интриг органов НКВД или же партийных инстанций. Он всегда предупреждал руководителей предприятий об их личной ответственности за неукоснительное выполнение задания, у него была уникальная способность внушать людям как чувство страха, так и воодушевлять на работу… Мне кажется, что он взял эти качества у Сталина – жесткий контроль, исключительно высокая требовательность и вместе с тем умение создать атмосферу уверенности у руководителя, что в случае успешного выполнения поставленной задачи поддержка ему обеспечена».

Берия проявлял понимание и терпимость, даже если для выполнения работ требовался тот или иной специалист, не внушавший доверия работникам его аппарата. Когда Л. В. Альтшулера, не скрывавшего своих симпатий к генетике и антипатий к Лысенко, служба безопасности решила удалить с объекта под предлогом неблагонадежности, Ю. Б. Харитон напрямую позвонил Берии и сказал, что этот сотрудник делает много полезного для работы. Разговор ограничился единственным вопросом всемогущего человека, последовавшим после продолжительной паузы: «Он вам очень нужен?». Получив утвердительный ответ и сказав: «Ну, ладно», Берия повесил трубку. Инцидент был исчерпан.

П. А. Судоплатов: *«В 1944 году Хейфец* (резидент КГБ в Америке, впоследствии – член Еврейского антифашистского комитета, арестованный по делу в 1951 году, но счастливо избежавший расстрела.) *доложил мне и Берии свои впечатления о встречах с*

Оппенгеймером и другими известными учеными, занятыми в атомном проекте. Он сказал, что Оппенгеймер и его окружение глубоко озабочены тем, что немцы могут опередить Америку в создании атомной бомбы.

Выслушав доклад Хейфеца, Берия сказал, что настало время для более тесного сотрудничества органов безопасности с учеными. Чтобы улучшить отношения, снять подозрительность и критический настрой специалистов к органам НКВД, Берия предложил установить с Курчатовым, Кикоиным и Алихановым более доверительные, личные отношения. Я пригласил ученых к себе домой на обед. Однако это был не только гостеприимный жест, по приказанию Берии я и мои заместители – генералы Эйтингон и Сазыкин – как оперативные работники должны были оценить сильные и слабые стороны Курчатова, Алиханова и Кикоина. Мы вели себя с ними как друзья, доверенные лица, к которым они могли обратиться со своими повседневными заботами и просьбами.

Однажды вечером после работы над очередными материалами мы ужинали в комнате отдыха. На накрытом столе стояла бутылка лучшего армянского коньяка. Я вообще не переношу алкоголя, даже малая доля всегда вызывала у меня сильную головную боль, и мне казалось, что наши ведущие ученные по своему складу и напряженной умственной работе тоже не употребляют алкогольных напитков. Поэтому я предложил им по чайной ложке коньяку в Лайз. Они посмотрели на меня с изумлением, рассмеялись и налили себе полные рюмки, выпив за успех нашего дела.

В начале 1944 года Берия приказал направлять мне все агентурные материалы, разработки и сигналы, затрагивавшие лиц, занятых атомной проблемой, и их родственников. Вскоре я получил спецсообщение, что младший брат Кикоина по наивности поделился своими сомнениями о мудрости руководства с коллегой, а тот немедленно сообщил об этом оперативному работнику, у которого был на связи.

Когда я об этом проинформировал Берию, он приказал мне вызвать Кикоина и сказать ему, чтобы он воздействовал на своего брата. Я решил не вызывать Кикоина, поехал к нему в лабораторию и рассказал о «шалостях» его младшего брата. Кикоин обещал поговорить с ним. Их объяснение было зафиксировано оперативной

техникой прослушивания, установленной в квартирах ведущих ученых-атомщиков.

Я был удивлен, что на следующий день Берия появился в лаборатории у Кикоина, чтобы окончательно развеять его опасения относительно брата. Он собрал всю тройку – Курчатова, Алиханова, Кикоина – и сказал в моем присутствии, что генерал Судоплатов придан им для того, чтобы оказывать полное содействие и помощь в работе; что они пользуются абсолютным доверием товарища Сталина и его личным. Вся информация, которая предоставляется им, должна помочь в выполнении задания Советского правительства. Берия повторил: нет никаких причин волноваться за судьбу своих родственников или людей, которым они доверяют, – им гарантирована абсолютная безопасность. Ученым будут созданы такие жизненные условия, которые дадут возможность сконцентрироваться только на решении вопросов, имеющих стратегически важное значение для государства.

По указанию Берия все ученые, задействованные в советском атомном проекте, были обеспечены приличным жильем, дачами, пользовались спецмагазинами, где могли наравне с руководителями правительства покупать товары по особым карточкам».

Так что же мешало Петру Капице принять участие в Атомном проекте СССР? Грубость Берия, организационные и финансовые издержки, диктат партийной некомпетентности? Да не было ничего этого!

Еще в марте 1944-го Лаврентий Павлович заметил:

«С московскими интеллигентами всегда тяжело. Жрут и пьют сладко, а все равно готовы тут же нас…ать тебе на голову. Старостины звонили во всех московских гостиных, что немцы скоро займут Москву и Ленинград, что советской власти конец, барахолили. Пришлось посадить… И эти академики. Все им не так. Нагадить мастера, а помогать – нет. Пока развал, они каркают. Наладится, они лижут задницу».

Не исключая справедливости и таких оценок, изложим версию человека, лично знавшего Петра Капицу. Причем, «лично» вплоть до откровения. Это **режиссер Юрий Петрович Любимов**:

«Когда он рассказал мне о своем разговоре с Берией, понял, что это была вовсе не отчаянная, безумная храбрость, которая ничего не дает – кроме ареста. Он все рассчитал, включая и письма свои к Сталину, в которых он писал, что Берия – дирижер, не умеющий читать партитуру. Все рассчитал и пришел к выводу, что он это должен сделать. Зато ему потом будет гораздо спокойнее. Не будет грызть совесть. И ему не придется работать с Берией. Вместе с ним создавать советскую атомную бомбу».

Такой наглости, разумеется, ни Лаврентий Павлович, ни Иосиф Виссарионович стерпеть не смогли. Уже 21 декабря 1945 года Капицу вывели из состава Технического Совета и Спецкомитета.

25 января 1946 года в Кремль пригласили Курчатова, хотя в списке участников атомного проекта, предложенных для встречи с главой государства, значилось 11 фамилий. Вот короткая выдержка из дневниковой записи Игоря Васильевича.

Беседа продолжалась приблизительно один час, с 7.30 до 8.30 вечера. Присутствовали т. Сталин, т. Молотов, т. Берия.

(Затем?) были заданы вопросы об Иоффе, Алиханове, Капице и Вавилове и целесообразности работы Капицы.

Было выражено (мнение?) ***на кого (они?) работают и на что направлена их деятельность – на благо Родине или нет****.*

Вопрос со стороны Сталина был далеко не праздный. После успешной (для американцев) бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, за океаном почувствовали огромное силовое преимущество и готовы были развязать в любой момент войну с СССР, будучи уверенными в свое безнаказанности. И только **аналитики спецслужб США**, как это ни покажется странным, предостерегли **Трумэна и военных** от опрометчивого шага (план «Флитвуд», о нем еще пойдет речь).

Именно поэтому Сталину важно было знать, кто «с ним», а кто «против» перед лицом возможной схватки.

Писатель Борис Соколов*: «Судя по всему, Петр Леонидович специально спровоцировал конфликт с Берией и другими членами Спецкомитета, чтобы создать благовидный предлог и отказаться от работы над ядерным оружием. Очевидно, академик считал*

безнравственным работать над бомбой, которая могла поставить под угрозу существование всего человечества. Можно предположить также, что Капица не хотел давать такое сверхоружие в руки коммунистического режима и конкретно Сталина, в связи с чем риск его применения многократно возрастал, по крайней мере, до тех пор, пока ядерных и термоядерных боеприпасов с обеих сторон было накоплено столько, что их применение стало бессмысленным: в термоядерной войне погиб бы весь шар. Применение же первых маломощных атомных бомб, вроде тех, что американцы сбросили на Хиросиму и Нагасаки, было вполне возможно, и Капица, вероятно, не был убежден, что Сталин не соблазнится испытать новое оружие не только на полигоне. Насчет Советской власти, в свое время обманом заманившей его на родину, а потом не выпустившего обратно в Англию к другу Резерфорду, сделавшего его невыездным, Петр Леонидович никаких иллюзией не питал, и делать для «них» чудо-бомбу не собирался. И прямо говорил своему другу Ю. П. Любимову, когда власти начали травлю академика. А. Д. Сахарова: «Что же делать, Юрий Петрович? Они даже не понимают, какого уровня этот ученый. И второе: они совершенно не понимают, что у него комплекс вины. Я ведь не стал делать бомбу для них, а Андрей Дмитриевич – стал…»

История создания советской атомной бомбы обошлась без Петра Капицы.

Как и история советской водородной бомбы могла бы обойтись без Андрея Сахарова. (Об этом речь впереди.) **А вот без Лаврентия Павловича Берия ни первое, ни второе события состояться не смогли бы. Как, впрочем, и четверть, без малого, века созидания державы, включая Победу в Великой Отечественной войне.**

Да и мир на планете вот уже 70 с лишним лет держится отнюдь не благодаря научно-политическому саботажу Петра Капицы, а заслугой «архитектора безопасности» СССР Лаврентия Берия.

Но пора вернуться к событиям 1945 года.

Не забыть одну «деталь»! В связи с начавшейся в стране реорганизацией наркоматов и преобразованием их в министерства, а также большой занятостью в выполнении важнейших секретных заданий особого государственного значения **29 декабря 1945 г.**

Л. П. Берия был освобожден от должности народного комиссара внутренних дел. В марте 1946 г. он избран членом Политбюро ЦК партии и назначен заместителем председателя СМ СССР. С этого времени Л. П. Берия стал курировать и работу министерства внутренних дел (МВД), министерства государственной безопасности и министерства государственного контроля.

Но дел от этого меньше не становилось!

Директива Сталина обязывала ПГУ обеспечить создание атомных бомб, урановой и плутониевой, в 1948 году. Число людей, работавших в системе ПГУ, к концу 1950 года превышало **700000 человек. ПГУ имело неограниченное финансирование («открытый счёт») в Госбанке!**

Словом, вспомнился имевший хождение в годы первых пятилеток призыв «Даешь!», правда, в условиях строжайшей секретности, – и все завертелось!

С конца 1945 года был начат поиск места для размещения секретного объекта, который позже будет назван КБ-11. 1 апреля 1946-го местом расположения первого советского ядерного центра выбран поселок Саров.

9 апреля 1946 года принято постановление Совета Министров СССР о создании КБ-11 при Лаборатории № 2 АН СССР. Сооружение КБ-11 на базе завода № 550 в поселке Саров возлагалось на Народный комиссариат внутренних дел. Для проведения работ была создана специальная строительная организация – Стройуправление № 880 НКВД СССР.

Научно-исследовательские лаборатории и конструкторские подразделения КБ-11 начали разворачивать свою деятельность непосредственно в Сарове (Арзамасе-16) весной 1947 года. Параллельно создавались производственные цеха опытных заводов.

Основные объекты («стройки»), задействованные в советском атомном проекте:

Завод «Электросталь» в г. Ногинске Московской области («Строительство № 713») – производство урана

Ленинабадский горно-химический комбинат в Таджикской ССР («Строительство № 665»)

Атомный центр Челябинск-40 («Строительство № 859»), включавший первый промышленный реактор и радиохимический

завод «Маяк» возле города Кыштым.

Атомграды Свердловск-44 и Свердловск-45, в которых проводилось промышленное разделение изотопов урана

Арзамас-16 (Горьковская область, возле Саровского монастыря) – изготовление плутониевых и урановых бомб

Строитель и созидатель по складу ума, характера и внутренним целеустремлениям, Берия, как и в Грузии начала 30-х годов, не боялся экспериментировать, порой игнорируя экономические догмы социализма.

Судоплатов подтверждает, что *«Берия в работе над атомной бомбой широко использовал рыночные методы. Так, на головном объекте атомного проекта в Арзамасе-16* (ныне городу возвращено древнее название Саров)*, вначале именовавшемся для маскировки «Приволжская контора Главгорстроя, п/я 214», специальным постановлением Совмина были введены почти что капиталистические порядки. Было разрешено «выполнять строительно-монтажные работы без утвержденных смет и проектов; производить оплату по их фактическим затратам; вести финансирование строительства через Госбанк, без проектов и смет, по фактической стоимости; расходовать на премирование до 1,5-2 % от фактических затрат»*.

С. В. Пестов следующим образом прокомментировал это аномальное явление для советского общества второй половины 40-х годов:

«Строительство разрешалось вести не по планам, проектам, чертежам и массе других бумаг, а по указаниям Зернова (замминистра транспортного машиностроения) *и Харитона, которые на месте выдавали задание проектировщикам»*.

Такая «анархия», неслыханное «святотатство», прямо-таки настоящий капитализм был разрешен, говорят, по настоянию Лаврентия Павловича. Потом, после смерти Сталина, Лаврентию припомнят попытки ввести в отдельно взятом регионе капитализм и назовут его «буржуазным перерожденцем», но в данный момент практичный и циничный Берия, наплевав на

«идеологические ценности», шел по самому эффективному и короткому пути.

И хотя в феврале 1947 года Зернов докладывает правительству, что ни одного производственного объекта первой очереди не закончено, строительство объекта идет, тем не менее, очень быстро, «намного быстрее, чем это делалось бы в плановом порядке».

За масштабными государственными заботами Лаврентию Павловичу удавалось заметить проблемы, мимо которых проходили «большие начальники», не считая нужным «опускаться» до житейских мелочей рабочей массы.

8 июля 1949 года он направил докладную записку в Бюро Совмина, где, основываясь на данных союзного МВД, с тревогой писал:

«В настоящее время заключенные снабжаются продовольствием по сниженным во время войны суточным нормам, содержащим в среднем 2660 калорий, тогда как до войны средняя калорийность суточного пайка составляла 3378 калорий… В целях повышения производительности труда заключенных МВД предлагает увеличить норму хлеба с 800 до 900 граммов в день (против довоенной 1100 граммов), а по остальным продуктам питания восстановить довоенную норму».

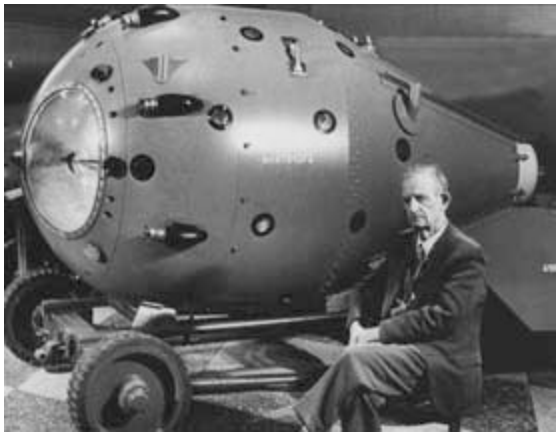
Участие в формировании глобальной политики и послевоенного мироустройства не мешали Л. П. Берия время от времени спускаться «на землю». А эта способность замечалась отнюдь не за всеми, вознесенными волею судеб или случая на вершины властного Олимпа.

Бомба

«Америка не знает, куда направляется, но бьет рекорд скорости по дороге туда».

Лоренс Питер, американский литератор.

6 ноября 1947 года министр иностранных дел СССР В. М. Молотов сделал заявление по поводу атомной бомбы, сказав, что «этого секрета давно уже не существует». Это означало, что Советский Союз **уже открыл** секрет атомного оружия и **имеет его в своем распоряжении**. Что-что, а заявления Вячеслав Михайлович делать умел. Правда, здесь поторопился… Хотя в иных случаях, наоборот, старался не спешить.



Для страны жизненно важным было СКОРЕЙШЕЕ создание оружия адекватной силы. Сталин не собирался завоевывать чужие земли. Свои бы отстоять и отстроить. Но мирное **созидание** было возможно лишь при наличии в арсенале предостерегающего инструмента **разрушения**.

Рассказ о поиске путей решения научно-технических задач – сам по себе увлекательный и познавательный. Но, к сожалению, выступающий за рамки нашей книги. Поэтому – почти телеграфным стилем.

Группы ученых шли несколькими «тропами» (Курчатов, Кикоин, Арцимович, Алиханов), но исследовательские процессы требовали времени и затрат.

А нужно ли было так «распылять силы»? Не целесообразнее ли сосредоточиться на одном направлении? Может быть, это помогло бы раньше добиться заветной цели – создания атомной бомбы? Такие сомнения возникали у многих, в том числе и у самого Сталина. Игорь Васильевич Курчатов в своем докладе об итогах работы в 1947 году ответил и на эти вопросы:

«При равной производительности заводов количество бомб, которое может быть получено за одно и то же время при помощи атомных котлов, почти в 10 раз больше, чем количество бомб, которое может быть получено на диффузионных и электромагнитных заводах.

Котлы «уран – тяжелая вода» дают такое же количество бомб, как и уран-графитовый котел, при равной производительности, но требуют дорогостоящей тяжелой воды и более сложны по конструкции. На основе сказанного, казалось бы, можно было заключить, что все преимущества на стороне уран-графитовых котлов и что можно было бы ограничиться работами лишь в этом направлении. Это заключение, однако, оказывается неверным, т. к. не только одной производительностью атомных бомб определяется ценность метода.

Очень важным является также глубина использования сырья, определяющая, сколько атомных бомб может быть сделано из данного количества сырья и позволяет ли метод использовать наряду с ураном также и торий. В отношении использования сырья уран-графитовый котел дает худшие результаты, чем диффузионный и электромагнитный методы и чем котел «уран – тяжелая вода». Котлы с тяжелой водой имеют преимущество перед другими методами, так как позволяют использовать торий. Таким образом, было бы неправильно идти только в направлении уран-графитовых котлов».

Далее Курчатов приводит любопытные цифры. Он пишет о количестве бомб, которые можно получить из 1000 тонн урана разными методами: 20 штук при использовании уран-графитового

котла, 50 – при диффузионном методе, 70 – при электромагнитном, 40 – при котле «уран – тяжелая вода». Ну а затем начинаются поистине фантастические подсчеты: комбинация трех методов дает уже иной порядок цифр – 300 бомб, уран-ториевый котел с тяжелой водой – 3000 бомб, а обогащенный урановый котел на быстрых нейтронах – 16 000 бомб!

От таких цифр даже у Сталина могла закружиться голова. Оснований сомневаться в верности расчетов Курчатова у него не было, а потому он поддерживал все рекомендации Игоря Васильевича. Действительно, в выборе научного лидера Атомного проекта Сталин не ошибся.

Но не все шло гладко.

В декабре 1946 года был запущен первый (экспериментальный) атомный реактор, потребовавший 45 тонн урана. Для запуска промышленного реактора, требовавшегося для получения плутония, было нужно ещё 150 тонн урана, которые были накоплены только к началу 1948 года. Из-за непригодности предполагавшейся к эксплуатации системы загрузки испытательные пуски реактора начались лишь 8 июня 1948 года (над год позже намеченного), но в конце 1948 года произошла серьёзная авария, из-за которой реактор был остановлен на 2 месяца, при этом была произведена ручная разборка и сборка реактора, в процессе которой переоблучились тысячи человек, включая участвовавшего в ликвидации аварии И. В. Курчатова (его вмешательство было необходимо, так как только он в тот момент знал, как отличить дефектные блоки). Облучился и один из руководителей атомного проекта А. П. Завенягин.

10 килограммов плутония, необходимых для повторения американской бомбы, были получены в СССР к середине 1949 года, благодаря по-настоящему героической деятельности тысяч известных и оставшихся безымянными для истории людей.

Из-за задержки с наработкой необходимого количества плутония установленный постановлением СМ СССР № 234-98сс от 8 февраля 1948 г. срок изготовления первого экземпляра РДС-1 – 1 марта 1949 г. – не был выдержан, однако в августе 1949 г. все работы по изготовлению компонент и подготовке РДС-1 к испытанию были завершены, а Семипалатинский полигон готов к проведению испытания и проведению исследований и измерений эффективности бомбы. План

испытания предусматривал окончательную сборку бомбы на полигоне (без баллистического корпуса и приборов, необходимых при сбрасывании бомбы с самолёта) и подрыв её на башне высотой 33 метра.

Разведывательные материалы по американскому плутониевому заряду для атомной бомбы позволили сократить сроки создания первого советского заряда, хотя многие технические решения американского прототипа не являлись наилучшими. Даже на начальных этапах **советские специалисты могли предложить лучшие решения как заряда в целом, так и его отдельных узлов.** Поэтому первый испытанный СССР заряд для атомной бомбы был более примитивным и менее эффективным, чем оригинальный **вариант заряда, предложенный советскими учеными в начале 1949 года. Но для того, чтобы гарантированно и в короткие сроки показать, что СССР тоже обладает атомным оружием, было принято решение на первом испытании использовать заряд, созданный по американской схеме.**

СССР взял на вооружение американскую практику. Что уж тут стесняться? К тому же торопливость была вполне объяснима: не поспешим сегодня – завтра торопиться будет некуда. Да и некому…

Заряд для атомной бомбы РДС-1 был выполнен в виде многослойной конструкции, в которой перевод активного вещества – плутония в надкритическое состояние осуществлялся за счет его сжатия посредством сходящейся сферической детонационной волны во взрывчатом веществе.

РДС-1 представляла собой авиационную атомную бомбу массой 4,7 тонны, диаметром 1,5 метра и длиной 3,3 метра. Она разрабатывалась применительно к самолету Ту-4, бомболюк которого допускал размещение «изделия» диаметром не более 1,5 метра. В качестве делящегося материала в бомбе использовался плутоний.

18 августа 1949 г. был подготовлен проект постановления СМ СССР «О проведении испытания атомной бомбы», который был представлен Л. П. Берия на утверждение И. В. Сталину. **Однако И. В. Сталин не подписал это постановление.**

Более того, с участием И. В. Сталина состоялось только одно совещание по атомной тематике. Оно прошло 9 января 1947 г. Согласно журналу учета посетителей кремлевского кабинета

И. В. Сталина, в совещании приняли участие В. М. Молотов, Л. П. Берия, Г. М. Маленков, А. Н. Вознесенский, В. А. Малышев, а также ведущие ученые и руководители, задействованные в атомном проекте. И все.

Почему? Что остановило Сталина? Документально подтвержденного ответа нет. Но есть интересные записи в дневниках Лаврентия Павловича, опубликованных С. Кремлевым.

19 августа 1949 года. *«Подготовили Проект Постановления по РДС-1. Отнес Кобе. Посмотрел, почитал, спрашивает: «А если не взорвется?» Я пожал плечами. Он говорит, не буду подписывать. «Постановления должны быть выполнены и мы их всегда выполняли. А это Постановление то ли выполним, то ли нет. Пусть будет Проект, вы его принимайте и мне направляйте. А испытывать будем без Постановления».*

Вот такая «восточная мудрость»… Но в любом случае кто-то должен был взять на себя если не глобальную, историческую ответственность, то хотя бы банальную административную.

Секретарь Специального комитета В. А. Махнев сделал на первом экземпляре проекта отметку о том, что Л. П. Берия вернул оба экземпляра проекта постановления и сообщил, что «вопрос обсуждался в ЦК и решения выноситься не будет» (т. е. постановление приниматься не будет).

25 августа 1949 года. *«Выезжаю в Казахстан. Там все готово, предварительно назначено на 29 августа. Окончательно доложил т-щу Сталину. Он посмотрел, сказал, что не верит он, что у нас что-то получится. Потом спросил, а сам я верю? Твердо ответил, что верю, что все будет хорошо. Он спрашивает: «А если нет?» Тогда, ответил, будем работать дальше…*

Ничего не сказал. Рядом сидели Анастас (Микоян), Георгий (Маленков), Булганин и Лазарь (Каганович). Прямо это касается только Булганина. Он молчит. Я тогда говорю: «У нас все готово. Разве что люди Николая Александровича подведут. Полигон за военными, они его называют «Двойка».

Тут Николай Александрович задергался, заворочался и голос подал. Говорит, я уже не министр. Коба не принял, говорит: «Все равно, считай твоя епархия. Два года командовал, два дня как сдал». Тогда Николай тоже заверил, что у них тоже все готово. Хорошо. Хоть какая-то страховка.

Я спрашивал у Игоря Васильевича (Курчатова), уверен он или нет? Говорит, уверен, Лаврентий Павлович. Потом смеется, говорит: А оправдается ли или нет моя уверенность, не знаю». Ну, раз шутит, значит уверен».

26 августа 1949 г. **Л. П. Берия** перед отъездом на полигон **подписал** протокол заседания Специального комитета, повестка дня которого была обозначена: «Об испытании первого экземпляра атомной бомбы». Сформулированное в протоколе решение гласило: «Принять внесённый тт. Ванниковым, Курчатовым и Первухиным проект Постановления Совета Министров Союза ССР „Об испытании атомной бомбы“ и представить его на утверждение Сталина».

Проект предусматривал назначение научным руководителем испытания И. В. Курчатова, заместителями научного руководителя испытания по различным вопросам Ю. Б. Харитона, П. М. Зернова и П. Я. Мешика. Проект предписывал «испытание атомной бомбы произвести 29-30 августа 1949 г. на Полигоне № 2 (в 170 километрах западнее г. Семипалатинска), построенном и оборудованным в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 19 июня 1947 г. № 2142-564сс/оп».

Так что **ответственность за предстоящие испытания доселе невиданного оружия взял на себя Лаврентий Павлович Берия.**

Ну, а теперь о том, **где и как** происходило **событие**. Пожалуй, одно из важнейших в биографии Отечества.

Главной особенностью требований к конструкциям РДС-1 и РДС-2 было то, что эти изделия должны были быть отработаны как реальные авиационные бомбы, пригодные для сброса с самолёта. В связи с этим программа работ включала баллистические испытания макетов этих бомб и создание приборов, обеспечивающих взрыв на заданной высоте. Полагаем, что подробности будут интересны читателю.

Начнем с документа.

«Заместитель министра внутренних дел СССР, заместитель начальника 1 Главного управления при Совете Министров СССР Завенягин – Л. П. Берия, 4 сентября 1949 года, Совершенно секретно.

В соответствии с Вашим распоряжением докладываю:

Подписки о неразглашении сведений об испытании отобраны от 2883 человек, в том числе от 713 непосредственно участвовавших в испытании работников КБ-11, полигона, научно-исследовательских организаций и руководящих органов, включая всех уполномоченных Совета Министров и ученых.

У остальных работников полигона в количестве 3013 человек отобрание подписок будет закончено в трехдневный срок».

Такое начало практически гарантировало благополучный финал. Во всяком случае, в отношении секретности.

Вот оценка работы спецслужб СССР, данная в книге «Великие шпионские операции времен холодной войны (1945-1965)» Карела Пацнера (Technet. cz, Чехия):

«О ходе советских атомных исследований Запад ничего не знал. Миллион людей производил в СССР атомную бомбу, из которых почти 100 тысяч это ученые и инженеры. Как же возможно, что никто из них не допустил никакого промаха, который привел бы к разоблачению всего проекта за рубежом, и что не было тех, кто из ненависти к коммунистическому режиму передал бы западным агентам информацию? Как же возможно, что западные разведки не смогли вовремя узнать о гигантских усилиях? У американской разведки во время войны не было возможности что-то узнавать в России. На это обращает внимание Джеффри Ричелсон в книге American Espionage and the Soviet Target («Американский шпионаж и советская цель»). Лишь иногда некоторым офицерам из ведомства американского военного атташе и специалистам, работающим в рамках программы ленд-лиза, удавалось получить незначительную информацию. Учитывая советскую шпиономанию, когда любого подозрительного тут же арестовывали и отправляли в лагерь или тут же расстреливали, туда было трудно отправлять хорошо обученных агентов. Создалась атмосфера, когда на любого иностранца лепили ярлык шпиона или, по крайней мере, потенциального шпиона. Кроме того, граждане вообще

боялись просто заговорить с человеком, который выглядел чужим, чтобы их не обвинили в пособничестве. И все русские, работавшие в консульствах, должны были доносить советской контрразведке. Да и тех избранных, кто ездил за границу, было довольно мало. Поэтому среди них офицеры западных спецслужб не могли найти и завербовать агентов. Эти времена настали намного позже. Между сталинской империей и остальным миром в 30-е годы выросла почти неприступная стена, которая просуществовала еще два десятилетия. О Советском Союзе знали немногое – только то, что Кремль позволял знать.

Этот информационный вакуум также стал причиной того, что в конце 1946 года после множества споров физиков группа американских специалистов под руководством разведки ЦРУ пришла к выводу, что СССР начнет проводить испытания своих первых атомных бомб не ранее 1950-1953 гг., но, вероятнее всего, с 1952 года. Это предположение всех успокоило. Никто не считал необходимым как-то серьезно проверять ход советской ядерной программы. (В том числе и первый министр обороны США Дж. Форрестол, который 22 мая 1949 года с криком «Русские идут!» выбросился из окна 16 этажа Национального военно-морского медицинского центра США).

Кстати, надежных данных, которые о чем-то говорили, поступало слишком мало. Первую попытку внедрить агентов, специализирующихся на ядерных исследованиях, предприняли англичане. После окончания войны они отправили, в качестве реэмигрантов, в Латвию двух человек, чтобы те наладили контакт с местными антисоветскими партизанами. В ночь на 15 октября 1945 года их переправили туда на катере. Но Красная армия и тайная полиция были очень многочисленны и имели сеть осведомителей, поэтому британских шпионов очень скоро, за несколько недель, обнаружили и арестовали. Как только в руки контрразведки попадает агент, ей выгодно перевербовать его, то есть заставить его под ее контролем передавать в центр хорошо продуманную дезинформацию. Одновременно из задач, которые ставит центр перед своим агентом, офицеры контрразведки могут понять основные интересы неприятеля. В эту шпионскую игру СССР играл с Лондоном с помощью пойманных агентов. Когда Секретная разведывательная служба Великобритании (MI6) отправила в марте 1946 года в Прибалтику

вторую группу, советские контрразведчики уже ожидали ее. Так игра окончилась. Но британские спецслужбы были наводнены советскими агентами, которые передавали в Москву информацию обо всех операциях. Поэтому и парашютисты, которые оказались в августе на советской территории независимо друг от друга, не имели шансов на успех. В течение зимы Советы всех их переловили. Одной из последних попыток была высадка двух групп, которые должны были взять образцы воды в нескольких русских реках. По ним англичане хотели определить, где находятся ядерные заводы. Образцы, которые были переданы в Лондон, были очень радиоактивными, как будто вода была прямо из атомного реактора, заявил Гордиевский. Неудивительно, ведь это была «обманка» советских спецслужб. Всего в 1949-1956 гг. британцы отправили в Советский Союз более 42 человек. КГБ всех их задержал, большую часть казнил, а некоторых перевербовал против Запада. Это были напрасные потери, особенно потому, что с 1951 года офицеры MI6 начали подозревать, что в группах, скрывающихся в лесах Прибалтики, у советской контрразведки есть свои информаторы. После войны американское ЦРУ вербовало агентов среди русских, белорусов и украинцев, которые попали в Западную Европу. Они прекрасно были знакомы со сложными условиями жизни в России, поэтому отлично вписывались в советскую жизнь. Весной 1948 года руководство ЦРУ начало отправлять этих людей на советскую территорию. По словам Ричельсона, они должны были собирать «секретную информацию об СССР, о его военных планах, атомном оружии и усовершенствованных ракетах, о советских операциях в Восточной Европе, Северной Корее и Северном Вьетнаме, о московских контактах с иностранными коммунистическими партиями и группами, борющимися за национальное освобождение». Из-за массового переселения населения, которое еще проходило в СССР, американцы надеялись, что эти агенты уйдут от внимания сотрудников госбезопасности. С осени 1949 года с самолетов, взлетевших в Западной Германии, Скандинавии, Греции, Турции, Иране и Японии, в рамках операции «Редсокс», спрыгивали обученные агенты. Через пять лет акция ЦРУ была завершена, потому что провалилась. Большая часть агентов вскоре замолчала, так что почти никаких данных передано не было, а вот расходы на их подготовку были весьма велики. Либо их быстро арестовали, либо они испугались и перестали

работать сами. Все боялись известной жестокости сотрудников спецслужб. Например, в сентябре 1949 год агента «Ивана» высадили недалеко от авиационной базы, за которой он должен был следить. За последующие 13 месяцев он отправил пять радиосообщений и три письма на конспиративные адреса в Германию. Ему удалось стать электриком на местном консервном заводе. Аэродром казался ему спокойным и неинтересным, поэтому он решил, что перестанет отправлять данные центру. С тех пор о нем никто ничего не слышал.

Вскоре после войны американцы начали отправлять разведывательные самолеты в патруль вблизи от советских границ. Сначала ЦРУ в рамках «Проекта 23» интересовало расположение и точные характеристики радаров. В конце декабря 1947 года эти приборы также смогли получить первые снимки советской территории – Чукотского полуострова. Во время этих разведывательных полетов также нужно было устанавливать уровень радиоактивности в атмосфере, как потребовал председатель Комиссии по атомной энергии США адмирал Льюис Страусс в апреле 1947 года. Это могло бы помочь выявить советские ядерные испытания или аварии. Необходимую для этого технику опробовали во время собственных ядерных испытаний в начале 1948 года на Маршалловых островах в Тихом океане. Метод определения радиоактивности довольно прост. Через фильтрационную бумагу всасывается воздух, и так на ней остаются частички пыли, включая радиоактивные частицы от атомных взрывов. Уровень радиоактивности затем измеряли ученые в лаборатории. Особо секретная операция «Блюбой» началась 12 мая 1948 года. В тот день в воздух над Тихим океаном поднялся первый самолет WB-29, оборудованный такими детекторами. Более чем за год разведывательные самолеты зафиксировали 111 случаев повышенной радиоактивности. Все они были естественного происхождения: частицы появляются после извержения вулканов или при землетрясениях, а кроме того, естественная радиоактивность появляется в некоторых местах под влиянием определенных необычных геофизических процессов. Но фильтрационная бумага, которую привел WB-29 с обычного вылета 3 сентября 1949 года над Тихим океаном, дала другой результат. Лаборатория Лос-Аламос и Военно-морская исследовательская лаборатория сошлись во мнении – очень сильное излучение. По пути от острова Гуам к Японии на высоте

около трех километров радиоактивность была выше в 10 раз, чем радиоактивность от вулканов, землетрясений и флуктуации естественного порядка. «Эти явления соответствуют тому, что источником продуктов распада был взрыв атомной бомбы, чьи ядерные компоненты напоминают бомбу из Аламогордо, – заявил профессор Оппенгеймер. – Взрыв произошел между 26 и 29 августа в каком-то месте между 35-м градусом восточной долготы и 70-м градусом северной широты…». СССР испытал первую атомную бомбу – точную копию плутониевой, которую американцы сбросили на Нагасаки».

Профессор не ошибся! К тому же он сам еще в 1939-м подбросил Лаврентию Берия идею создания грозного оружия.

Итак, где произошел взрыв, в очередной раз встряхнувший мир?

Место для учебного полигона № 2 Министерства Вооруженных Сил было выбрано в районе города Семипалатинска Казахской ССР в безводной степи с редкими заброшенными и пересохшими колодцами, солеными озерами, частично покрытой невысокими горами.

Сама площадка, предназначенная для сооружения испытательного комплекса, представляла собой равнину диаметром примерно 30 км, окруженную с юга, запада и севера невысокими (до 200 м) горами, – прекрасное место, как будто бы сама природа позаботилась о том, чтобы создать максимальные удобства для предстоящих испытаний.

Штаб воинского подразделения, являющегося хозяином будущего полигона, вместе с жилым городком, с научной и материальной базой, расположился на берегу реки Иртыш в 60 км на северо-восток от испытательной площадки, в 120 км от Семипалатинска.

Территория в радиусе 100 км вокруг выбранного центра испытательного поля, использовавшаяся лишь казахами-кочевниками для выпаса скота, не имела постоянных поселков, и после создания полигона была отчуждена. Для казахов-кочевников примерно в 20 км от воинского городка вниз по течению Иртыша был сооружен поселок из сборно-щитовых домиков вблизи древнего казахского поселения Акжары. Однако эта дома не соответствовали житейским традициям кочевников и просуществовали недолго – были порушены и сожжены.

На территории дислокации воинского подразделения на берегу Иртыша были сооружены здание штаба командования воинской части, дом офицеров, двухэтажная гостиница для командированных, два 8-квартирных дома – один для командного состава воинской части,

другой – гостиница для прикомандированных членов комиссии. Тут же, рядом со штабом, разместились двухэтажные здания военторга – промтоварный и продовольственный магазины. Вблизи было выстроено несколько кварталов двухэтажных 8– и 12-квартирных жилых домов для офицеров воинской части.

Строительство полигона было начато в 1947 году, а к июлю 1949 года в основном было закончено. Всего за два года были выполнены работы колоссального объема, причем с отличным качеством и на весьма высоком техническом уровне. К этому еще необходимо добавить, что все строительные материалы, начиная от песка и гравия и кончая металлическими конструкциями, доставлялись на строительные площадки автомобильным транспортом по грунтовым дорогам за 100-200 км. Движение шло круглосуточно и зимой, и летом. На трассах через каждые 25 км были устроены пункты, где уставший водитель мог отдохнуть, обогреться или вызвать по телефону техническую или медицинскую помощь в случае непредвиденных обстоятельств.

В центре опытного поля была смонтирована металлическая решетчатая башня «1-П», высотой 37,5 м, для установки испытуемого изделия РДС-1. Башня оборудована грузовым и пассажирским подъемником с электрическим управлением. В 25 м от башни находилось здание из железобетонных конструкций, с мостовым краном в зале для установки плутониевого заряда в заряд из ВВ.

Опытное поле условно разделено на 14 секторов. Среди них: два фортификационных сектора; сектор гражданских сооружений и конструкций; физический сектор; военные сектора, в которых на различном удалении от центра в открытом виде и в укрытиях различного типа размещались образцы вооружения и военной техники всех родов войск; биологический сектор.

В 1500 м от центра в западном направлении сооружен отрезок шоссейной дорога с железобетонным мостом с пролетом 8-10 м. Полотно дороги поднято на насыпь высотой 3-4 м. На полотне установлены грузовые автомобили.

В 1000 м от центра в юго-западном направлении сооружен отрезок железной дороги с металлическим мостом с пролетом 20 м. На мосту и перед мостом на путях установлены грузовой вагон и цистерна с горючим.

В 800 м от центра в южном направлении сооружены два трехэтажных дома, один из которых экранировал другой. Расстояние между домами соответствует ширине нормальной городской улицы (примерно 20 м).

В 1500 м от центра в юго-восточном направлении сооружено здание электростанции с двумя дизельными генераторами, в направлении на центр сооружена ЛЭП на металлических опорах протяженностью 2 км.

В 1500 м от центра в северном направлении сооружено кирпично-бетонное здание промышленного типа упрощенной конструкции с мостовым краном.

По радиусам в северо-восточном и юго-восточном направлениях на различных расстояниях от центра сооружены приборные здания для размещения в них фотохронографической, кино– и осциллографической аппаратуры, регистрирующей действие ядерного взрыва.

На расстоянии примерно 1000 м от центра в восточном направлении сооружено подземное здание 1 ОП, в котором размещена аппаратура, регистрирующая световые, нейтронные и гамма-потоки ядерного взрыва от датчиков, расположенных на поверхности на различных расстояниях от центра взрыва.

Оптическая и осциллографическая аппаратура, устанавливаемая во всех измерительных пунктах (сооружениях), управляется по кабелям с программного автомата, размещаемого в сооружении 12П. Кабельная линия управления подрывом заряда на расстоянии 3 км от центра имеет рубильниковый разъединитель, размещенный в железобетонном бункере ПП. В 7 км от центра в юго-восточном направлении сооружена землянка для производства тренировочных взрывов зарядов. В 200-300 м от центра на глубинах 15-30 м были сооружены отрезки тоннелей метро с различными конструкциями армирования. На различных расстояниях от центра сооружены отрезки взлетно-посадочных аэродромных полос из железобетона и металлических щитов.

Для исследования воздействия ударной волны и светового излучения ядерного взрыва на военную технику по всему полю было расставлено множество самолетов различных конструкций и

назначений, танков, артиллерийских ракетных установок, корабельных надстроек, боеприпасов и пр.

Военная техника устанавливалась на различных расстояниях от центра взрыва разнообразной ориентированностью к центру взрыва, в укрытиях капонирного типа и на открытых площадках. На расстоянии примерно 9 км от центра установлены два самолета Пе-2, один – как бы на взлете, второй – на крутом вираже.

На расстоянии 1000 м и далее, через каждые 500 м были установлены 10 легковых автомобилей «Победа». На расстоянии до 5 км было выстроено несколько щитовых и рубленых жилых деревянных домов.

На расстоянии 500-2500 м были сооружены фортификационные постройки: окопы с бревенчатым и хворостяным покрытием крутостей, землянки, дзоты, доты и прочее.

В бронемашинах, убежищах и на открытых площадках на различных расстояниях от центра размещались подопытные животные: собаки, овцы, свиньи, крысы, мыши и даже два верблюда.

В местах расположения техники и подопытных животных измерялись величины световых, нейтронных и гамма-потоков и амплитуды ударной волны.

Скоростная и нормальная киноаппаратура производила съемку развития взрыва, образования и развития газового облака, с различных расстояний от центра взрыва и воздействия ударной волны на сооружения и военную технику.

Таким образом, опытное поле обустроено большим разнообразием средств определения воздействия параметров ядерного взрыва на технику, наземные и подземные сооружения различного хозяйственного и военного назначения, на животных. Оснащено приборами, предназначенными для регистрации параметров ядерного взрыва: ударной волны, светового излучения нейтронного и гамма-потока.

Кроме того, с целью изучения воздействия проникающего излучения на продукты питания на различных расстояниях от центра взрыва были размещены на открытом поле комплекты НЗ: консервы, колбасы, шоколад, напитки и прочее.

Все это огромное хозяйство – техника, животные, измерительные комплексы, системы автоматизированного управления этими

комплексами, требовало квалифицированного обслуживания и в очень больших объемах. Для этого было привлечено большое количество военнослужащих офицерского и рядового состава, большинство из которых имело инженерный опыт времен Отечественной войны. Для перевозки вооружения, техники и имущества других родов войск понадобилось 90 железнодорожных вагонов.

Наибольший интерес представлял физический сектор. В нем на двух дублирующих северовосточном и юго-восточном направлениях было построено: 15 железобетонных башен высотой 20 м; 2 металлические башни такой же высоты; 17 малых железобетонных башен высотой 3 м; 2 подземных каземата; 2 пульта автоматического управления приборами, командный пункт с программным автоматом.

В целом для обеспечения задач физического сектора на полигоне было построено 44 сооружения и проложена кабельная сеть протяженностью 560 км.

В сооружениях и на поверхности земли была размещена аппаратура, предназначенная для измерения параметров, характеризующих работу изделия и поражающих факторов взрыва.

Теперь мы знаем, что Семипалатинский полигон был построен всего за два года силами 15 тысяч строителей и обошелся разоренной и голодной после Великой Отечественной войны стране в громадную по тем временам сумму – около 180 миллионов рублей, не считая затрат на всю остальную подготовку к испытанию.

И настал тот день!

Вот отчет об испытании первой атомной бомбы, написанный рукой А. С. Александрова 13.09.49 и подписанный И. В. Курчатовым, А. П. Завенягиным, Ю. Б. Харитоном, М. Г. Мещеряковым, К. И. Щелкиным и М. А. Садовским.

«Ровно в 7 часов, одновременно с третьим коротким сигналом автомата, окрестности были озарены необычайно яркой вспышкой, и для всех стало очевидно, что атомный взрыв успешно осуществлен. Раздались возгласы: «Есть! Получилось! Вышло!» Не трудно представить состояние людей, в течение стольких лет готовившихся к испытанию принципиально нового вида оружия.

Спустя секунд 20 двери командного пункта были закрыты. Несмотря на большое расстояние от центра поля, набежавшая через

несколько секунд ударная волна сопровождалась мощным грохотом, в здании командного пункта были выбиты стекла и некоторые из присутствующих были оглушены и чувствовали сильную боль в ушах. После прохождения ударной волны двери командного пункта были открыты, все присутствовавшие вышли из помещения и стали наблюдать за полем.

Громадный черный столб дыма и пыли из центральной части поля поднимался к небу и вскоре ушел за облака… По земле простиралась огромная туча пыли…»

Из книги участника испытаний А. И. Веретенникова («Рядом с атомной бомбой», М., 1995): «*На командном пункте непосредственно после взрыва произошел любопытный эпизод. Нейтронный фон составлял обычно 2-3 отсчета механического счетчика в минуту, то есть регистрировались отдельные приходящие на него импульсы. И постоянство фона, с учетом статистических флуктуации, было свидетельством сохранности одного из важнейших элементов «специзделия» – нейтронного запала (НЗ) до самого последнего момента перед подрывом. Сведения о нейтронном фоне Флеров сообщал руководству вслух каждые пять минут. Когда уже произошел взрыв, никто уже не обращал внимания на счетчик, а Берия посмотрел на его показания и обнаружил, что последний раз вместо одного он зарегистрировал в обоих каналах сразу по 3-4 импульса. Немедленно он потребовал объяснений, что же случилось с НЗ? ГН ответил, что это, видимо, наводки на аппаратуру. И не ведал в тот момент никто из присутствующих, что здесь неожиданно произошла одна из первых регистрации электромагнитных явлений, сопровождающих ядерный взрыв.*

В момент взрыва на месте центральной части появилось светящееся полушарие, размеры которого в 4-5 раз превышали размеры солнечного диска, и яркость была в несколько раз больше солнечной. После первой вспышки наблюдавшие сняли очки и увидели большую огненную полусферу золотистого цвета, которая затем превратилась в большое бушующее пламя, и в следующий момент сменилось быстро поднимающимся столбом дыма и пыли…»

Через 20 минут после взрыва к центру поля были направлены два танка, оборудованные свинцовой защитой, для проведения

радиационной разведки и осмотра центра поля.

Разведкой было установлено, что все сооружения центра снесены. На месте центральной башни образовалась воронка диаметром 3 и глубиной 1,5 метра, радиоактивность превышала 50 тысяч микрорентген в секунду. Почва в центре поля сплавилась и образовалась сплошная корка шлака. Гражданские здания и промышленные сооружения были полностью или частично разрушены.

Как вспоминает В. И. Жучихин, вышедшие с командного пункта *«увидели картину ужасающих разрушений: окна и двери механической мастерской, склада оборудования, зданий ФАС и ВИА были полностью выбиты и искорежены. Кое-где на зданиях провалилась крыша. Финские домики приобрели неузнаваемый вид. При более близком рассмотрении стало ясно, что разрушения домиков имели такие масштабы, что о восстановлении не могло быть и речи. Руководство испытаниями, в составе которого был Л. П. Берия со своим телохранителем-полковником, вооруженным до зубов (хотя трудно было представить, от кого он должен был отстреливаться), выйдя из командного пункта, обнимались и целовались, поздравляя друг друга с успехом»*.

На другой день, 30 августа 1949 года, состоялась поездка на опытное поле, где представилась страшная картина великого побоища.

Дозиметрическая служба оперативно сумела ограничить зоны опасной радиационной обстановки. На время не более 15 минут разрешалось заезжать в зону, ограниченную радиусом примерно 2 км от эпицентра. Но и с этого расстояния хорошо просматривалось все поле. Видны самолеты, разломанные пополам или лежащие на спине вверх колесами, танки, лежащие на боку со сбитыми башнями, пушки, у одной из которых лафет находился в одном месте, а ствол воткнут казенником вверх в другом, превращенная в груду искореженного металла корабельная рубка и все десять сгоревших автомашин «Победа».

Железнодорожный и шоссейный мосты искорежены и отброшены до своего места на 20-30 м. Вагоны и автомашины, располагавшиеся

на мостах, полуобгоревшие, были разбросаны по степи на расстоянии 50-80 м от места установки.

Жилые дома городского типа и цеховое здание разрушены полностью. Щитовые и бревенчатые жилые дома на расстоянии до 5 км были разрушены полностью. Несколько опор ЛЭП были изуродованы и сорваны с мест крепления.

30 августа 1949 г. из района испытания Л. П. Берия и И. В. Курчатов написали доклад, который был вручен И. В. Сталину 31 августа 1949 г. В нем были изложены предварительные результаты испытания.

«Докладываем Вам, товарищ Сталин, что усилиями большого коллектива советских ученых, конструкторов, инженеров, руководящих работников и рабочих нашей промышленности, в итоге 4-х летней напряженной работы, Ваше задание создать советскую атомную бомбу выполнено. Создание атомной бомбы в нашей стране достигнуто благодаря Вашему повседневному вниманию, заботе и помощи в решении этой задачи…».

28 октября 1949 г. Л. П. Берия представил И. В. Сталину заключительный доклад о результатах испытания атомной бомбы**. Доклад подписан Л. П. Берией единолично. К нему был приложен проект постановления СМ СССР «Об использовании результатов испытания на полигоне № 2»**

25 сентября 1949 года газета «Правда» опубликовала сообщение ТАСС «в связи с заявлением президента США Трумэна о проведении в СССР атомного взрыва».

«Сообщение ТАСС

23 сентября президент США Трумэн объявил, что, по данным правительства США, в одну из последних недель в СССР произошел атомный взрыв. Одновременно аналогичное заявление было сделано английским и канадским правительствами.

В связи с этим ТАСС уполномочен заявить следующее.

В Советском Союзе, как известно, ведутся строительные работы больших масштабов – строительство гидростанций, шахт, каналов, дорог, которые вызывают необходимость больших взрывных работ с применением новейших технических средств. Поскольку эти взрывные работы происходили и происходят

довольно часто в разных районах страны, то возможно, что это могло привлечь к себе внимание за пределами Советского Союза.

Что же касается производства атомной энергии, то ТАСС считает необходимым напомнить о том, что еще 6 ноября 1947 года министр иностранных дел СССР В. М. Молотов сделал заявление относительно секрета атомной бомбы, сказав, что «этого секрета давно уже не существует». Это заявление означало, что Советский Союз уже открыл секрет атомного оружия, и он имеет в своем распоряжении это оружие. Научные круги Соединенных Штатов Америки приняли это заявление В. М. Молотова как блеф, считая, что русские могут овладеть атомным оружием не ранее 1952 года. Однако они ошиблись, так как Советский Союз овладел секретом атомного оружия еще в 1947 году.»

За пару дней до этого, Берия записал в дневнике:

«Трумэн объявил о нашем взрыве. Вячеслав (Молотов) не знает, как реагировать. Снеслись с Кобой. Я предложил факт взрыва не признавать, сказать, что в СССР производятся мощные взрывные работы, а секрет атомной бомбы нам известен уже давно. И сослаться на заявление Вячеслава от 6.11.47 г. Пусть ломают голову, когда мы заимели Бомбу и сколько их у нас. А то узнают, что у нас одна была, и ту взорвали, и шарахнут они по нам, пока их у нас не стало много.

Коба согласился. Готовим сообщение ТАСС.

Но Взрыв мы провели, это они ущучили верно. Провели и точка!

Вот тебе и гений Капица. Обошлись без гения».

Ну, а теперь – о водопаде наград. Орденов и премий не жалели!

За успешное выполнение специального задания правительства более 800 научных, инженерно-технических и руководящих работников научно-исследовательских, конструкторских организаций и промышленных предприятий были награждены орденами и медалями Советского Союза. Только 29 октября 1949 г. было подписано четыре наградных Указа Президиума Верховного Совета (ПВС) СССР, одно отдельное постановление Совета Министров (СМ) СССР и одно совместное постановление ЦК ВКП(б) и СМ СССР.

Подписанию указов и постановлений предшествовало обсуждение их проектов на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) от 29 октября 1949 г.

По итогам заседания было принято совместное постановление ЦК ВКП(б) и СМ СССР № 5039-1925сс, в котором утверждены проекты всех указов ПВС СССР. Указы не подлежали опубликованию и хранились в ЦК ВКП(б) и ПВС СССР в порядке, установленном для хранения секретных документов.

На этом же заседании Политбюро ЦК ВКП(б) от 29 октября 1949 г. было принято решение о награждении Героев Социалистического Труда Б. Л. Ванникова, Б. Г. Музрукова и Н. Л. Духова второй золотой медалью «Серп и Молот». В Указе ПВС СССР от 29 октября 1949 г. отмечалось, что они были награждены «за исключительные заслуги перед государством при выполнении специального задания правительства, дающие право на присвоение звания Героя Социалистического Труда». Награжденным на руки была выдана соответствующая грамота по установленной форме.

Б. Л. Ванников являлся начальником Первого главного управления при СМ СССР, Б. Г. Музруков – директором завода № 817 (ныне Производственное объединение «Маяк» в г. Озерске (Челябинск-40, Челябинской области)), Н. Л. Духов – заместителем главного конструктора КБ-11 (ныне Российский федеральный ядерный центр Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики в г. Сарове (Арзамас-16), Нижегородской области). До подписания указов о награждении участников атомного проекта в СССР не было прецедентов повторного награждения золотой звездой Героя Социалистического Труда.

Следующим Указом ПВС СССР от 29 октября 1949 г. 33 научным, инженерно-техническим и руководящим работникам научно-исследовательских, конструкторских организаций и промышленных предприятий, принимавшим участие в решении задач советского атомного проекта, «за исключительные заслуги перед государством при выполнении специального задания», в том числе и немецкому ученому Николаусу Рилю, было присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

Отдельным Указом ПВС СССР от 29 октября 1949 г. были награждены наиболее отличившиеся при выполнении специального задания правительства 808 научных и инженерно-технических работников. Из них: орденом Ленина – 260 человек, орденом

Трудового Красного Знамени – 496 человек, орденом Знак Почета – 52 человека.

Работавший в аппарате Л. П. Берии генерал А. С. Александров, которого позже назначили заместителем Б. Л. Ванникова в ПГУ и затем начальником КБ-11 (Арзамас-16, ныне г. Саров, Нижегородской области), так вспоминал о подготовке документов о награждениях:

«Однажды Берия поручил мне подготовить проект постановления Совета Министров СССР о мерах поощрения за разработку вопросов атомной энергии… При подготовке проекта мне пришла мысль: а что же эти товарищи будут делать с деньгами – ведь на них ничего не купишь в наших условиях! Пошел я с этим вопросом к Берии. Он выслушал и говорит: «Запиши – дачи им построить за счет государства с полной обстановкой. Построить коттеджи или предоставить квартиры, по желанию награжденных. Выделить им машины». В общем, то, что я предполагал разрешить им купить, все это теперь предоставлялось за счет государства. Этот проект был утвержден».

Кроме указов ПВС СССР, председатель СМ СССР И. В. Сталин подписал Постановление СМ СССР от 29 декабря 1949 г. № 5070-1944сс, в котором было отмечено, «что в результате совместных усилий большого коллектива ученых, конструкторов, инженеров, руководящих работников, строителей и рабочих советской промышленности успешно выполнено задание о практическом решении в СССР проблемы использования атомной энергии». Были награждены особо отличившиеся советские и немецкие ученые и специалисты. Среди перечня правительственных наград – ордена, Сталинские премии, дачи, автомобили, пожизненное право на бесплатный проезд на всех видах транспорта в пределах СССР, бесплатное обучение детей в любых учебных заведениях страны за счет государства и др.

Немецкий ученый – доктор Николаус Риль, начальник лаборатории завода № 12 и руководитель разработки и внедрения в производство технологии изготовления чистого металлического урана был удостоен высшей советской награды «за исключительные заслуги перед государством при выполнении специального задания». Ему было присвоено также звание лауреата Сталинской премии первой степени,

установлен двойной оклад жалования на весь период работы в СССР. Помимо 350 тыс. рублей и автомашины «Победа», полученных в 1947 г., была выделена премия в сумме 350 тыс. рублей и по его желанию – дом-особняк в Москве с обстановкой.

Один из наиболее видных немецких специалистов, работавших в СССР, Макс Штеенбек так суммировал вклад своих соотечественников в советский атомный проект: «Западная пропаганда… при каждом удобном случае утверждала, что советскую атомную бомбу создали якобы немецкие ученые. Абсолютная чепуха! Конечно, мы сыграли определенную роль в разработке ядерной темы, но наша задача никогда не выходила за те границы, где освоение энергии четко переходит от мирного применения к использованию в военных целях».

К слову, параллельно с «атомным проектом» шли работы по созданию ракетного комплекса.

Когда советские инженеры получили доступ к трофейной немецкой ракетной технике, они были ошеломлены как мощностью двигателей, так и разнообразием различных моделей немецких ракет.

Несмотря на то, что американцы основательно пограбили Пенемюнде, где велись основные немецкие работы в этой области, на долю советских специалистов осталось много моделей различных ракет «Рейнтохтер», «Рейнботе», «Вассерфаль», «Тайфун» и отдельные фрагменты «Фау-2».

Москва требовала быстрее вывезти эти трофеи в Советский Союз и заняться их изучением. Но отправленные в Германию команды специалистов пришли к выводу, что эти сложнейшие узлы без чертежей и документации, и без их создателей, – ни что иное, как металлолом.

Специалисты доказывали советскому руководству необходимость попытаться из найденных узлов на заводах Германии организовать сборку и испытание ракет ФАУ-2, направив все усилия на поиск документации и немецких специалистов, участвовавших в создании узлов ракеты, монтаже и испытаниях.

Предложения были поняты и нашим специалистам позволили искать решения, чтобы заполучить опыт немецких инженеров в области создания ракет.

Руководитель трофейной команды Борис Евсеевич Черток пришел к выводу: для того чтобы привлечь в помощь немецких специалистов, необходимо создать авторитетную фирму, и он создал институт, который назвал «Raketen bau Entwicklung», или сокращенно «RABE» («РАБЕ»).

Немецкие специалисты, работавшие в институте «РАБЕ» вместе с советскими коллегами не находились за колючей проволокой, но были под постоянным присмотром людей И. А. Серова.

Начальником института был утвержден Черток, который развернул интенсивную «подпольную» деятельность по переманиванию на работу в свой институт немецких специалистов, сбежавших в американскую оккупационную зону вместе с главным конструктором немецких ракет Вернером фон Брауном.

Ему удалось выкрасть из американской зоны Гельмута Греттрупа, ближайшего помощника и единомышленника фон Брауна, и уговорить Греттрупа работать на Советский Союз.

Борис Черток даже замахнулся похитить самого Вернера фон Брауна, но спецслужбы НКВД категорически запротестовали, опасаясь международных осложнений. Однако Гельмут Греттруп сумел переманить из американской оккупационной зоны на работу в институт «РАБЕ» многих профессоров и докторов наук из бывшей команды фон Брауна. Был привлечен к работам аэродинамик Цейзе – это был настоящий эрудит. Уговорили австрийца Нэра – строителя, специалиста по наземным сооружениям пусковых площадок.

В созданном исследовательском институте «РАБЕ» были достигнутые обнадеживающие результаты.

Не будем вдаваться в подробности, скажем лишь, что из разрозненных агрегатов было собрано 12 ракет Фау-2, и на десяток ракет были собраны агрегаты, из которых в Москве удалось собрать еще порядка 10 ракет.

В мае 1946 г. службы НКВД доставили в СССР первую партию немецких специалистов по ракетной технике, порядка 234 человека: 13 профессоров, 32 доктора-инженера, более 100 инженеров и несколько практиков и техников.

Вместе с семьями их было более 800 человек.

Первый пуск ракеты Фау-2 состоялся 18 октября 1947 г. на полигоне Капустин Яр. Ракета пролетела 207 км; отклонившись на 30 км от курса, она разрушилась в плотных слоях атмосферы.

При последующих запусках такие отклонения были абсолютно недопустимыми. Положение спасли находившиеся на полигоне немецкие специалисты. Доктор Магнус, специалист в области гироскопии, и доктор Хох – специалист в области систем управления. Они выявили причины и сделали необходимые изменения в системах управления ракет. Отклонения в падении ракет вошли в заданную норму.

В качестве премии немецкие специалисты получили от наркома обороной промышленности Дмитрия Устинова **по 25000 рублей и канистру спирта,** что в условиях заброшенного в степях полигона играло не последнюю роль.

Постановлением Совмина № 1017-419 от 13 мая 1946 г. на базе лаборатории телемеханики НИИ-20 и завода № 1 при Министерстве вооружения было сформировано Специальное Бюро № 1 НКВД (СБ-1)

(п/я № 1323) по созданию систем управления ракетами, которую **возглавил Серго Берия.**

21 ноября 1952 года Серго Лаврентьевич продемонстрировал правительственной комиссии технические возможности созданных систем. В качестве мишени был использован отслуживший свой срок крейсер «Красный Кавказ».

Опытный пуск самолета-ракеты превзошел все ожидания. На расстоянии около 90 км система ракеты осуществила самозахват цели и вывела ракету в центр крейсера, отчего тот разломился пополам и затонул. Присутствовавший при испытаниях Лаврентий Павлович был просто поражен мощью нового оружия – результатом труда советских инженеров и рабочих.

За успешное выполнение правительственного задания по созданию ракетных систем **Серго Берия был награжден орденом Ленина и удостоен Государственной премии СССР.**

Эффективность научных учреждений, сформированных под руководством Л. П. Берии, признавало руководство страны и лично Сталин. Поэтому подчинённым Берии поручали задачи, которые вообще-то должны были решать **другие ведомства**. Например, проектирование и строительство первой советской атомной подводной лодки в конце 1952 года было поручено **не Минсудпрому или ВМФ, а Спецкомитету** по созданию ядерного оружия, который возглавлял Л. П. Берия.

А как же был отмечен вклад в реализацию атомного проекта его непосредственного руководителя – заместителя председателя СМ СССР Л. П. Берии? Совместным Постановлением ЦК ВКП(б) и СМ СССР ему была выражена благодарность и выдана Почетная грамота. Кроме того, отдельным указом ПВС СССР он был награжден орденом Ленина и ему присвоено звание лауреата Сталинской премии первой степени.

«*Воздавать нужно каждому свое*» (Марк Тулий Цицерон).

По меньшей мере странно… Оставь Сталин у руля Атомного проекта того же Молотова – сбылся бы прогноз американцев: атомное оружие оказалось бы у СССР не раньше конца 50-х годов. Без

Лаврентия Берия успех любого серьезного дела в 40-50 годы был просто немыслим. Но когда зашла речь об адекватной награде…

Проект совместного постановления ЦК ВКП(б) и СМ СССР был представлен на согласование И. В. Сталину, который написал на документе: «За» и адресовал его Г. М. Маленкову с резолюцией: **«На рассмотрение пятерки».** Свои согласующие подписи поставили Г. М. Маленков, В. М. Молотов, Л. М. Каганович и Н. А. Булганин**. Сам Л. П. Берия в обсуждении проекта участия не принимал. По крайней мере, его фамилия в числе согласующих членов пятерки не упомянута.**

И. В. Сталин подписал постановление как секретарь ЦК ВКП(б), а от правительства стояла подпись заместителя председателя СМ СССР Г. М. Маленкова.

То есть, решение было коллегиальным. А значит, ничьим?..

В Указе Президиума Верховного Совета СССР о награждении Л. П. Берии была записана следующая формулировка: «За организацию дела производства атомной энергии и успешное завершение испытания атомного оружия».

Указ был отпечатан в трех экземплярах. Один экземпляр хранился в ЦК ВКП(б), один – в ПВС СССР, и один экземпляр был направлен лично Л. П. Берии.

Ни о каких **«исключительных заслугах»** человека, без которого атомной бомбы в СССР просто не было бы (слова И. Курчатова), в Указе обнаружить не удалось. Ни в одном из трех экземпляров…

Не заметили заслуг товарищи по Политбюро, обсуждая наградной Указ? Вот Мао Цзэдун заметил! Когда в конце декабря китайский лидер приехал на празднование 70-летия Сталина, он обратился к Иосифу Виссарионовичу с просьбой: «Товарищ Сталин, отпустите товарища Берия в Китай. Пусть он и у нас бомбу сделает». Не Ванникова попросил отпустить, не Мазрукова и даже не Курчатова с Кикоиным и Харитоном. БЕРИЯ!

Китайцы даже обещали отыскать у себя уран, только дай им Бомбу. Берия с ходу не понравилась эта затея (китайцам – Бомбу?.. Еще чего!), а Сталин, вроде, был не против… Может, в шутку.

По какой причине Л. П. Берия не был представлен к присвоению звания Героя Социалистического Труда во второй раз? Кто как не он был этого достоин!? По какой причине он был награжден **отдельным**

Указом ПВС СССР от 29 октября 1949 г., в котором кроме его фамилии не было никого? Ведь все указы всё равно не подлежали опубликованию и с ними лауреатов знакомили только в части их касающейся.

К моменту награждения Л. П. Берия ранее, Указом ПВС СССР от 30 сентября 1943 г., был удостоен такого звания «за особые заслуги в области усиления производства вооружения и боеприпасов в трудных условиях военного времени». Можно допустить некую скромность руководителя атомного проекта. В защиту этой версии говорит и то, что, после присвоения Л. П. Берии воинского звания «маршал», в официальных документах его фамилия в сочетании с этим званием практически нигде не упоминается. Тогда почему же И. В. Сталин не настоял или не предложил представить своего заместителя повторно к званию Героя Социалистического Труда?

Давайте откровенно. В Советском Союзе и современной России сложилась такая практика: руководитель работ, на которого возлагался **весь груз ответственности** за выполнение важных государственных задач и проектов, соответственно после их успешного выполнения **награждался самой высокой и ценной наградой**. Поощрение же остальных участников, внесших наибольший вклад в выполнение поставленных задач, шло по нисходящей значимости награды, размера премий и количества привилегий. Что же помешало тогда адекватно оценить труд Л. П. Берии?

Не будем гадать. К тому же есть версия самого Берия. Она – в двух дневниковых записях.

Вот первая, от 29 октября 1949 года.

«Подписаны все указы по награжденным. Мазрукову, Ванникову и Духову дали по второй Звезде. Заслужили, особенно оба Бориса. В войну я их обоих особенно сильно дергал. Мазрукова особенно жал по танкам, но крепкий парень. И завод взял хорошо. Ванников тоже молодец, мы с ним тоже каши похлебали».

И следом – вторая от 1 ноября.

«За атомную бомбу я получил от товарища Сталина орден Ленина, Почетную грамоту и Благодарность от Политбюро.

Не за награды работаем, а все-таки обида есть. Мог бы товарищ Сталин и мне дать Вторую Звезду. Не хочет выделять. У всех по одной, а если бы у меня Вторая, то почета больше, знать будут больше и память будет дольше. А то и не вспомнят.

Помню, до войны мы с Чиаурели (советский кинорежиссер, актер, скульптор, народный артист СССР, пятикратный лауреат Сталинской премии) показывали ему грузинские фильмы и попросили наградить орденом Титберидзе (старейший работник грузинского кинематографа).

Сказали, что хорошо работает и хорошо руководит студией. Товарищ Сталин тогда сказал: «Работает, и хорошо, зачем же орден? Может, достаточно сердечной благодарности».

Вот и я получил сердечную благодарность, но не очень радует. И выделяет товарищ Сталин, и не выделяет товарищ Сталин. А я знаю, что мог бы сделать больше, если бы больше имел самостоятельности, но придерживает товарищ Сталин

(Выделено авторами). Обидно».

Так, может, именно неиспользованный потенциал Берия настораживал товарища Сталина, а, скорее, тех, кто был издавна рядом с Вождем и втайне считал «кремлевского новобранца» Берия инородным телом в их сплоченных рядах? А проверенная практикой военных лет способность Берия принимать самостоятельные и верные решения внушала окружению больше опасения, нежели удовлетворения от успеха общего, как провозглашалось, дела?

Но **дело** оставалось для Лаврентия Павловича Берия важнее всего. Атомный проект ждал своего продолжения и качественного развития. Было вполне очевидным, что это потребует новых вложений, еще более ощутимых для только поднимающейся на ноги послевоенной экономики.

«Водородная бомба: изобретение, позволяющее покончить со всеми изобретениями» (Роберт Орбен, американский юморист)

Писатель Борис Соколов сделал любопытный анализ сопоставимых затрат на достижение «атомного паритета» СССР и США в начале пресловутой гонки вооружений.

«Условия, в которых создавались атомная и водородные бомбы в США и в СССР были явно не в пользу последнего. Америка мобилизовала для участия в Манхэттенском проекте не только своих физиков, но и ученых почти со всей Европы. Допустим, в какой-то мере это компенсировалось для советской стороны тем, что она получила по каналам разведки почти исчерпывающие данные об американских разработках. Но вот экономический потенциал двух стран различался на порядок. Можно предположить, что во второй половине 40-х годов советский ВНП был меньше американского в 4 или в 5 раз, но при этом реальные военные расходы были, возможно, даже больше 50 процентов от всего ВНП[1].

В свою очередь, не менее половины военных расходов тогда направлялось на создание ядерного и ракетного оружия, т. е. в ведомство Берии. Лаврентий Павлович, таким образом, направлял развитие не менее четверти всей советской экономики, притом лучшей ее части, оснащенной самыми передовыми технологиями…

…Разумеется, в послевоенной Америке военные расходы составляли лишь несколько процентов от ВНП. А во время Второй мировой войны, когда и был осуществлен «Манхэттенский проект», на создание атомной бомбы ушла едва ли десятая часть всех американских военных расходов. Советская система показала миру свою способность мобилизовать ради достижения военного паритета

все людские и материальные ресурсы страны в ущерб уровню жизни основной массы населения. На такие жертвы ни США, ни другие западные страны никогда бы не пошли. Даже в воюющей Германии вплоть до 1943 года старались поддерживать по возможности предвоенный уровень жизни и не сокращали производство предметов потребления. В СССР всегда вместо масла предпочитали пушки, ракеты и атомные бомбы…»

Международная обстановка благоприятствовала миролюбивому курсу. Берлинский кризис закончился в мае 1949 г. в пользу Запада. Сталин прекратил блокаду Западного Берлина в мае 1949 г., не добившись своих требований. Закончилась и гражданская война в Китае. Провозглашение 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики было стратегическим поражением США в Азии.

Но 31 января 1950 г. Президент Трумэн сделал публичное заявление о том, что он дал директиву Комиссии по атомной энергии «разрабатывать все виды атомного оружия, включая так называемую водородную бомбу, или супербомбу» (Holloway D. Stalin and the Bomb. Yale Univ. Press. New Haven & London, 1994). На следующий день это решение Трумэна комментировалось на первых страницах американских газет, причем в основном положительно.

Принимая это решение и, тем более, объявляя о нем публично, Трумэн был уверен, что научная разработка в этой области происходит успешно. Решение Трумэна означало, что вся работа будет направлена в сторону практической реализации, и что проект создания водородной бомбы получит необходимую финансовую и организационную поддержку.

Эдвард Теллер, как теоретический первооткрыватель водородной бомбы, значительно переоценивал собственный научный потенциал. Он не был физиком широкого кругозора, с опытом работ в нескольких областях. Но он обладал талантом лоббирования политиков. Он был, кроме того, крайним реакционером и фанатичным антикоммунистом.

В составе коллектива американских физиков, занятых практической разработкой атомной бомбы в «Манхэттенском проекте», достаточно авторитетный физик Эдвард Теллер еще в 1942 г. решил сконцентрировать свои усилия именно на создании водородной бомбы и начал предварительные расчеты, чтобы доказать реальность этого проекта. Эдвард Теллер родился в 1908 г. в Будапеште, но получил

образование в Германии и начал свои исследования в Мюнхене. В 1935 г. он переехал в США, где был принят в лабораторию Роберта Оппенгеймера в Калифорнийском университете.

Теллер дискредитировал себя среди американских физиков выступлениями и обвинениями против Роберта Оппенгеймера, бывшего руководителя Манхэттенского проекта, «отца» атомной бомбы, на особом «политическом» суде, на котором Оппенгеймер обвинялся в нелояльности. В результате суда, получившего мировую огласку, Оппенгеймер был лишен допуска к секретным работам. Оппенгеймер был противником создания водородной бомбы. Теллер сумел убедить американскую администрацию в том, что советские физики, если и смогут создать атомную бомбу, хотя и не скоро, то **никогда не смогут создать водородную бомбу**. Он был убежден, что физические принципы термоядерного оружия настолько сложны и математические вычисления, необходимые для создания рабочей конструкции, настолько грандиозны по объему, что их реализация возможна только в США. Доклады, которые поступали к Трумэну от других экспертов и комиссий, также утверждали о крайне ограниченных возможностях Советского Союза в создании термоядерного оружия. Они не были столь скептичны в отношении способностей советских физиков, но были единодушны в заключениях об отсутствии в СССР индустриально-сырьевой базы, необходимой для создания атомной промышленности. По заключению американских экспертов главным фактором, ограничивающим возможности СССР, является отсутствие урана и урановой промышленности. Отмечалось и отсутствие хороших компьютеров.

Да, компьютеров не было. Но зато были мозги! И какие!

Американцы начали работу над водородной бомбой раньше, чем советские учёные, однако американцы, как показало время, пошли по неверному пути. Сведения об американских разработках поступили в СССР от Клауса Фукса в середине 1946 года. В СССР достаточно рано поняли, что американский путь создания дейтериевой водородной бомбы технически трудноосуществим и было решено делать литий-дейтериевую бомбу оригинальной конструкции («слойку»). Идеи создания такой бомбы обычно приписываются Гинзбургу и Сахарову, однако сравнительно недавно стало известно, что идея создания водородной бомбы на основе дейтерида лития-6, а также ее

конструкция были предложены молодым **моряком Олегом Лаврентьевым,** написавшем в 1950 году письмо Сталину, содержащее ключевые идеи и попавшее к Берия. **Берия распорядился создать автору условия для работы и вызвал Лаврентьева в Москву, его разработки были переданы учёным, работавшим в атомном проекте,** в частности Сахарову, который упоминает об этом в своих мемуарах. Впоследствии Лаврентьев закончил физический факультет МГУ и стал известным учёным, однако «дождь наград», обрушившийся на создателей водородной бомбы, обошёл его стороной, в атомный проект его впоследствии не взяли. О том, что Лаврентьев – один из авторов первой советской водородной бомбы, стало известно лишь в 1990-е годы.

Но мы немного забежали вперед, оставив «за бортом» массу познавательного и интересного. Давайте по порядку.

Мы предлагаем читателю фрагмент из книги Владимира Сикерина «Отцы водородной бомбы оказались отчимами», публикуя его с небольшими дополнениями и ремарками, которые выделим отдельным шрифтом.

«1 ноября 1952 года США провели испытание термоядерного устройства с жидким дейтерием тротиловым эквивалентом порядка 10 млн. т. Конструкция этого устройства ***не рассекречена*** *до сих пор, поэтому даже его вес разными авторами указывается разный. Ю. Б. Харитон называет – 65 т, а Б. Д. Бондаренко – 80 т. Но сходятся в одном: устройство –* ***огромное лабораторное сооружение величиной с двухэтажный дом, его трудно транспортировать, то есть это не было бомбой.***

Примерно через месяц после директивы Президента США форсируются работы в СССР. 26 февраля 1950 г. было принято Постановление СМ СССР «О работах по созданию РДС-6» (РДС-6 – шифр водородной бомбы), которым предписывалось создание бомбы с тротиловым эквивалентом 1 млн. т и весом до 5 т. Постановление предусматривало использование в конструкции трития. В тот же день было принято Постановление СМ СССР «Об организации производства трития».

На пути к поставленной Правительством цели просматривались труднопреодолимые проблемы.

«В водородной бомбе идёт реакция слияния трития Т и дейтерия Д, Т+Д или Т+Т. Поэтому для создания водородной бомбы был необходим тритий. В конце 40-х – начале 50-х годов, когда встал вопрос о создании водородной бомбы, в СССР трития не было. (Тритий нестабилен, его период полураспада 8 лет, поэтому в природе, например, в воде, он существует в незначительных количествах.) Тритий можно производить в атомных реакторах, работающих на обогащённом уране. В начале 50-х годов в СССР таких реакторов не было, была только поставлена задача их сооружения. Было очевидно, что за 2-3 года не удастся наработать значительное количество трития». Но одновременно с Советом Министров и Академией наук СССР обороноспособностью страны был ***озабочен солдат срочной службы Советской армии Олег Александрович Лаврентьев. Ему удалось обойти возникшие трудности.***

«С ядерной физикой я познакомился в 1941 г., когда учился в 7-м классе средней школы. Я прочитал только что вышедшую книгу «Введение в ядерную физику» (автора я не помню), где нашёл для себя много интересного. Из неё я впервые узнал про атомную проблему, и возникла моя голубая мечта работать в области атомной энергетики. Дальнейшему моему образованию помешала война. В 18 лет я ушёл добровольцем на фронт. Участвовал в боях за освобождение Прибалтики. После окончания войны служил на Сахалине. Там для меня сложилась благоприятная обстановка. Мне удалось переквалифицироваться из разведчиков в радиотелеграфисты и занять сержантскую должность. Это было очень важно, так как я начал получать денежное довольствие и смог выписать из Москвы нужные мне книги, подписаться на журнал УФН («Успехи физических наук»). В части имелась библиотека с довольно большим выбором технической литературы и учебников. Появилась чёткая цель, и я начал подготовку к серьёзной научной работе. По математике я освоил дифференциальное и интегральное исчисление. По физике проработал общий курс университетской программы: механику, теплоту, молекулярную физику, электричество и магнетизм, атомную физику. По химии – двухтомник Некрасова и учебник для университетов Глинки.

Особое место в моих занятиях занимала ядерная физика. По ядерной физике я впитывал и усваивал всё, что появлялось в газетах, журналах, передачах по радио. Меня интересовали ускорители: от каскадного генератора напряжения Кокрофта и Уолтона до циклотрона и бетатрона; методы экспериментальной ядерной физики, ядерные реакции заряжённых частиц, ядерные реакции на нейтронах, реакции удвоения нейтронов (n, 2n), цепные реакции, ядерные реакторы и ядерная энергетика, проблемы применения ядерной энергии в военных целях. Из книг по ядерной физике у меня тогда были: М. И. Корсунский «Атомное ядро»; С. В. Бреслер «Радиоактивность»; Г. Бете «Физика ядра».

Идея использования термоядерного синтеза впервые зародилась у меня зимой 1948 года. Командование части поручило мне подготовить лекцию для личного состава по атомной проблеме. Вот тогда и произошёл «переход количества в качество». Имея несколько дней на подготовку, я заново переосмыслил весь накопленный материал и нашёл решение вопроса, над которым бился много лет подряд: нашёл вещество – деитерид лития-6, способное сдетонировать под действием атомного взрыва, многократно его усилив, и придумал схему для использования в промышленных целях ядерных реакций на лёгких элементах. К идее водородной бомбы я пришёл через поиски новых цепных ядерных реакций. Последовательно перебирая различные варианты, я нашёл то, что искал. Цепь с литием-6 и дейтерием замыкалась по нейтронам. Нейтрон, попадая в ядро Li6, вызывает реакцию: n+Li6=He4+T+4,8МэВ.

Тритий, взаимодействуя с ядром дейтерия по схеме: Т+Д=He4+n+4,8МэВ, возвращает нейтрон в среду реагирующих частиц.

Дальнейшее уже было делом техники. В двухтомнике Некрасова я нашёл описание гидридов. Оказалось, что можно химически связать дейтерии и литий-6 в твёрдое стабильное вещество с температурой плавления 700 С°. Чтобы инициировать процесс, нужен мощный импульсный поток нейтронов, который получается при взрыве атомной бомбы. Этот поток даёт начало ядерным реакциям и приводит к выделению огромной энергии, необходимой для нагрева вещества до термоядерных температур».

В приведённом описании схема бомбы в элементах подобна той, что была передана К. Фуксом резиденту, только в ней жидкий дейтерий заменён на деитерид лития. В такой конструкции не нужен тритий, и ***это уже не устройство, которое надо было бы подвозить на барже к вражескому берегу и подрывать, а настоящая бомба, при необходимости доставляемая баллистической ракетой.*** *В современных термоядерных бомбах применяется только деитерид лития.*

Здесь даются выдержки из статьи О. А. Лаврентьева, опубликованной в «Сибирском физическом журнале» (№ 2, 1996 г.), изданном тиражом 200 (двести) экземпляров.

«*Что было делать дальше? Я, конечно, понимал всю важность сделанных мной открытий и необходимость донести их до специалистов, занимающихся атомными проблемами. Но в Академию наук я уже обращался, в 1946 г. посылал туда предложение по ядерному реактору на быстрых нейтронах. Никакого ответа не получил. В Министерство Вооружённых сил направил изобретение по управляемым зенитным ракетам. Ответ пришёл только через восемь месяцев и содержал отписку в одну фразу, где даже название изобретения было искажено. Писать ещё одно послание в «инстанции» было бессмысленно. К тому же я считал свои предложения преждевременными. Пока не решена главная задача создание атомного оружия в нашей стране, никто не будет заниматься «журавлём в небе». Поэтому мой план состоял в том, чтобы закончить среднюю школу, поступить в Московский государственный университет и уже там, смотря по обстоятельствам, довести свои идеи до специалистов.*

В сентябре 1948 г. в г. Первомайске, где находилась наша часть, открылась школа рабочей молодёжи. Тогда существовал строжайший приказ, запрещающий военнослужащим посещать вечернюю школу. Но наш замполит сумел убедить командира части, и троим военнослужащим, в том числе и мне, было разрешено посещать эту школу. В мае 1949 года, закончив три класса за год, я получил аттестат зрелости. В июле ожидалась наша демобилизация, и я уже готовил документы в приёмную комиссию МГУ, но тут

совершенно неожиданно мне присвоили звание младшего сержанта и задержали ещё на один год.

А я знал, как сделать водородную бомбу. И я написал письмо Сталину. Это была коротенькая записка, буквально несколько фраз, о том, что мне известен секрет водородной бомбы. Ответа на своё письмо я не получил. Прождав безрезультатно несколько месяцев, я написал письмо такого же содержания в ЦК ВКП(б). Реакция на это письмо была быстрой. Как только оно дошло до адресата, из Москвы позвонили в Сахалинский обком, и ко мне из Южно-Сахалинска приехал подполковник инженерной службы (Органов. Насколько я понял, его задачей было убедиться, являюсь ли я нормальным человеком с нормальной психикой). Я поговорил с ним на общие темы, не раскрывая конкретных секретов, и он уехал удовлетворённый. А через несколько дней командование части получило предписание создать мне условия для работы. Мне выделили в штабе части охраняемую комнату, и я получил возможность написать свою первую работу по термоядерному синтезу.

Работа состояла из двух частей. В первую часть вошло описание принципа действия водородной бомбы с дейтеридом лития-6 в качестве основного взрывчатого вещества и урановым детонатором. Он представлял собой ствольную конструкцию с двумя подкритическими полушариями из U235, которые выстреливались навстречу друг другу. Симметричным расположением зарядов я хотел увеличить скорость столкновения критической массы вдвое, чтобы избежать преждевременного разлёта вещества до взрыва. Урановый детонатор располагался в центре сферы, заполненной U6D. Массивная оболочка должна была обеспечить инерционное удержание вещества в течение времени термоядерного горения. Были приведены оценка мощности взрыва, способ разделения изотопов лития, экспериментальная программа осуществления проекта».

Вторая часть письма – идея управляемого термоядерного синтеза (УТС), работы по которому ведутся, пока безуспешно, уже более 50 лет во всём мире.

«Во второй части работы предлагалось устройство для использования энергии ядерных реакций между лёгкими элементами в промышленных целях. Оно представляло собой систему из двух сферических, концентрически расположенных электродов.

Внутренний электрод выполнен в виде прозрачной сетки, внешний является источником ионов. На сетку подан высокий отрицательный потенциал. Плазма создаётся инжекцией ионов с поверхности сферы и эмиссией вторичных электронов с сетки. Теплоизоляция плазмы осуществляется путём торможения ионов во внешнем электрическом поле, а электронов – в поле объёмного заряда самой плазмы.

Меня, конечно, торопили, да и сам я спешил быстрее закончить работу, так как были уже посланы документы в приёмную комиссию МГУ, и пришло уведомление, что они приняты.

21 июля пришёл приказ о моей досрочной демобилизации. Мне пришлось закругляться, хотя вторая часть работы была ещё не закончена. Я хотел включить некоторые дополнительные вопросы, связанные с формированием плазменного образования в центре сферы, и свои соображения по защите сетки от прямых ударов падающего на неё потока частиц. Все эти вопросы нашли отражение в моих последующих работах.

*Работа была отпечатана **в одном экземпляре** и 22 июля 1950 года отослана секретной почтой в ЦК ВКП(б) на имя заведующего отделом тяжёлого машиностроения И. Д. Сербина. (Сербин Иван Дмитриевич курировал по линии ЦК важнейшие отрасли оборонной промышленности, в том числе по атомной и космической технике, участвовал в подготовке полёта первого космонавта – здесь и далее примечания О.Л.).*

Черновики были уничтожены, о чём составлен акт за подписью военного писаря секретного делопроизводства старшины Алексеева и моей. Грустно было смотреть, как сгорают в печке листки, в которые я вложил две недели напряжённейшего труда. Так закончилась моя служба на Сахалине, а вечером с документами о демобилизации я выехал в Южно-Сахалинск.

4 августа 1950 года письмо было зарегистрировано в Секретариате ЦК ВКП(б), затем поступило в Специальный комитет при СМ СССР – правительственный орган, созданный Постановлением Государственного Комитета Обороны от 20.08.1945 г. для руководства всеми работами по использованию атомной энергии, председателем комитета являлся Л. П. Берия.

Из комитета письмо поступило на отзыв А. Сахарову, который был написан 18 августа 1950 г. Из воспоминаний А. Сахарова:

«Летом 1950 года на объект пришло присланное из секретариата Берии письмо с предложением молодого моряка Тихоокеанского флота Олега Лаврентьева… Во время чтения письма и писания отзыва у меня возникли первые неясные ещё мысли о магнитной термоизоляции… В начале августа 1950 года из Москвы вернулся Игорь Евгеньевич Тамм… Он с огромным интересом отнёсся к моим размышлениям – всё дальнейшее развитие идеи магнитной термоизоляции осуществлялось нами совместно».

Продолжает Лаврентьев:

«В Москву я приехал 8 августа. Приёмные экзамены ещё продолжались. Я был включён в группу опоздавших и после сдачи экзаменов был принят на физический факультет.

В сентябре, уже будучи студентом, я встретился с Сербиным. Я ожидал получить рецензию на свою работу, но напрасно. Сербин попросил меня рассказать подробно о моих предложениях по водородной бомбе. Слушал меня внимательно, вопросов не задавал, а в конце нашей беседы сказал мне, что известен другой способ создания водородной бомбы, над которым работают наши учёные. Тем не менее, он предложил мне поддерживать контакт и сообщать ему обо всех идеях, которые у меня появятся.

Через месяц я написал ещё одну работу по термоядерному синтезу и через экспедицию ЦК направил её Сербину. Но отзыва снова не получил, ни положительного, ни отрицательного».

В октябре 1950 года А. Сахаров и И. Тамм изложили принцип устройства предлагаемого магнитного термоядерного реактора первому заместителю начальника Первого главного управления Н. И. Павлову, а 11 января 1951 года И. В. Курчатов, И. Н. Головин и А. Д. Сахаров обратились к Л. П. Берии с предложением о мероприятиях, обеспечивающих постройку модели магнитного ядерного реактора.

«Прошло два месяца. Началась зимняя сессия. Помню, после первого экзамена по математике мы вернулись в общежитие поздно

вечером. Захожу в комнату, а мне говорят, что меня разыскивали и оставили номер телефона, по которому я должен позвонить, как только приду. Я позвонил. Человек на другом конце провода представился: «Министр измерительного приборостроения Махнев». (Махнев Василий Алексеевич – министр атомной промышленности. Это министерство имело кодовое название «Министерство измерительного приборостроения» и помещалось в Кремле рядом со зданием Совета министров.)

Он предложил приехать к нему прямо сейчас, хотя время было позднее. Так и сказал: «Подъезжайте к Спасским воротам». Я сразу не понял, переспросил, и он терпеливо стал объяснять, куда надо ехать. В бюро пропусков, кроме меня, был ещё только один человек. Когда я получал пропуск и назвал свою фамилию, он внимательно на меня посмотрел. Оказалось, что мы идём в одном направлении. Когда мы пришли в приёмную, Махнев вышел из кабинета и познакомил нас. Так я впервые встретил Андрея Дмитриевича Сахарова.

На столе у министра я увидел ***свою*** *аккуратно отпечатанную вторую работу, рисунок выполнен тушью. Кто-то уже прошёлся по ней красным карандашом, подчеркнув отдельные слова и сделав пометки на полях. Махнев спросил, читал ли Сахаров эту мою работу. Оказалось, что он читал предыдущую, которая произвела на него сильное впечатление. Особенно важным он считал мой выбор умеренной плотности плазмы.*

Через несколько дней мы встретились снова в приёмной Махнева, и опять поздно вечером. Махнев сказал, что нас примет председатель Специального комитета, но придётся подождать, так как у него совещание (заседания Спецкомитета проводились в Кремле, в здании Совета Министров СССР.)

Ждать пришлось довольно долго, а потом мы все пошли в здание Совета министров СССР. Мы прошли три поста: в вестибюле здания, при выходе из лифта и в середине довольно длинного коридора. Наконец, мы попали в большую сильно накуренную комнату с длинным столом посередине. Это, видимо, и была комната для заседаний Специального комитета. Форточки были открыты, но помещение ещё не проветрилось. Махнев сразу ушёл на доклад, а мы остались на попечении молоденьких капитанов с голубыми погонами. Минут через тридцать в кабинет был вызван Сахаров, а ещё через десять – я.

Открыв дверь, я попал в слабо освещённую и, как мне показалось, пустую комнату. За следующей дверью находился внушительных размеров кабинет с большим письменным столом и приставленным к нему буквой Т столом для совещаний, из-за которого поднялся грузный мужчина в пенсне. Он подошёл, подал руку, предложил садиться и первым же вопросом меня огорошил. Он спросил: «У вас что, зубы болят?» Пришлось объяснять, почему у меня пухлые щеки. Потом речь пошла о родителях. Я ждал вопросов, связанных с разработкой водородной бомбы, и готовился отвечать на них, но таких вопросов не последовало. Думаю, что вся необходимая информация обо мне, моих предложениях по ядерному синтезу и оценке их учёными у Берии имелась, а это были «смотрины». Ему хотелось посмотреть на меня и, возможно, на Сахарова.

Когда наша беседа закончилась, мы вышли из кабинета, а Махнев ещё задержался. Через несколько минут он вышел сияющий, в полной эйфории. И дальше произошло вообще непредсказуемое: он начал предлагать мне деньги взаймы. Финансовое положение моё было тогда критическое, близкое к краху. В первом семестре я стипендию не получал, скудные военные сбережения кончились, мать, работавшая медсестрой, помочь мне могла слабо. А декан физического факультета Соколов грозился отчислить меня из университета за неуплату денег за обучение. Тем не менее, брать деньги взаймы студенту у министра было неудобно, и я долго отказывался. Но Махнев меня уговорил, сказал, что моё положение скоро изменится и я смогу вернуть долг.

В этот день мы вышли из Кремля в первом часу ночи. Махнев предложил нам свою машину, чтобы развезти по домам. Андрей Дмитриевич отказался, я тоже, и мы от Спасских ворот пошли пешком в направлении Охотного ряда. Я услышал от Андрея Дмитриевича много тёплых слов о себе и о своей работе. Он заверил меня, что всё будет хорошо, и предложил работать вместе. Я, конечно, согласился. Этот человек мне очень понравился. По-видимому, и я произвёл тогда благоприятное впечатление. Мы расстались у входа в метро. Возможно, мы проговорили бы и дольше, но уходил последний поезд».

Через некоторое время Лаврентьев с удивлением узнает, что Сахаров и Тамм тоже занимаются вопросами удержания плазмы – за

*счет магнитного поля, **о чем Сахаров Олегу не говорил**. И тому были причина – как узнал Лаврентьев лишь в 1968 году, его первая сахалинская работа попала на отзыв к Сахарову – недавнему аспиранту Тамма, и идеи Лаврентьева, судя по всему, запустили «цепную реакцию» мыслей Сахарова…»* (С. Кремлев).

14 января 1951 года Л. П. Берия направил Б. Л. Ванникову, А. П. Завенягину и И. В. Курчатову письмо, где отмечает, что работа над созданием предложенного реактора имеет исключительно важное значение, и даёт конкретные задания по развёртыванию работ. «Учитывая особую секретность разработки нового типа реактора, надо обеспечить тщательный подбор людей и меры надлежащей секретности работ». В заключительной части письма **Берия написал**: «Кстати сказать, **мы не должны забыть студента МГУ Лаврентьева, записки и предложения которого по заявлению т. Сахарова явились толчком для разработки магнитного реактора** (записки эти были в Главке у тт. Павлова и Александрова).

Я принимал т. Лаврентьева. Судя по всему, он человек весьма способный. Вызовите т. Лаврентьева, выслушайте его и сделайте совместно с т. Кафтановым С. В. (министр высшего образования СССР) всё, чтобы помочь т. Лаврентьеву в учебе и, по возможности, участвовать в работе. Срок 5 дней».

Лаврентьева приглашают в Главк.

«По широкой лестнице мы поднялись на второй этаж в кабинет Н. И. Павлова. (Николай Иванович Павлов, начальник отдела Главного управления, курировал работы по созданию атомного водородного оружия.)

Меня давно ждали. Павлов сразу позвонил кому-то, и мы пошли в другое крыло здания: впереди генерал, затем я, тоже в военной форме, но без погон. Зашли, минуя приёмную, прямо в кабинет к начальнику Главного управления Б. Л. Ванникову. Табличку на двери я успел прочитать. В кабинете находились двое: Ванников в генеральской форме и штатский с окладистой чёрной бородой. Павлов подсел к штатскому, а меня посадили напротив. За всё время моей службы в армии мне не приходилось даже издали видеть генерала, а здесь я

оказался сразу перед двумя. Штатского мне не представили, и уже после встречи я спросил у Павлова, кто был этот, с бородой. Он как-то загадочно улыбнулся и ответил: «Потом узнаете». Потом я узнал, что разговаривал с Курчатовым. Вопросы задавал он. Я подробно рассказал ему об идее использования в промышленных целях энергии ядерных реакций между лёгкими элементами. Его удивило, что витки сетки представляют собой толстые медные трубы, охлаждаемые водой. Я собирался пропускать через них ток, чтобы его магнитным полем защитить от заряжённых частиц. Но здесь в разговор вмешался Павлов, перебил меня и сказал, что я собираюсь вставить туда атомную бомбу. Я понял, что их интересует моё первое предложение».

Докладная на имя Л. П. Берии: «По Вашему поручению сегодня нами был вызван в ПГУ студент 1-го курса Физфака МГУ Лаврентьев О. А. Он рассказал о своих предложениях и своих пожеланиях. Считаем целесообразным: 1. Установить персональную стипендию – 600 руб. 2. Освободить от платы за обучение в МГУ. 3. Прикрепить для индивидуальных занятий квалифицированных преподавателей МГУ: по физике – Телесина Р. В., по математике – Самарского А. А. [оплату производить за счёт Главка). 4. Предоставить О.А.Л. для жилья одну комнату площадью 14 кв. м в доме ПГУ по Горьковской набережной 32/34, оборудовать её мебелью и необходимой научно-технической библиотекой. 5. Выдать О.А.Л. единовременное пособие 3000 руб. за счёт ПГУ». Подписана: Б. Ванников, А. Завенягин, И. Курчатов, Н. Павлов. 19 января 1951 г. [2, с. 889].

О результатах беседы рассказывает Лаврентьев:

«*Для того, чтобы по предложению Курчатова закончить университет за четыре года, я должен был «перескочить» с первого курса на третий. У министра высшего образования я получил разрешение на свободное расписание, чтобы посещать занятия первого и второго курса одновременно. Кроме того, мне была предоставлена возможность заниматься дополнительно с преподавателями физики, математики и английского языка. От физика пришлось вскоре отказаться, а с математиком Александром Андреевичем Самарским у меня сложились очень хорошие отношения.*

Ему я обязан не только конкретными знаниями в области математической физики, но и умением чётко поставить задачу, от чего в значительной степени зависело её успешное и правильное решение.

С Самарским я провёл расчёты магнитных сеток, были составлены и решены дифференциальные уравнения, позволившие определить величину тока через витки сетки, при котором сетка защищалась магнитным полем этого тока от бомбардировки высокоэнергетичными частицами плазмы. Эта работа, законченная в марте 1951 г., дала начало идее электромагнитных ловушек…

Приятной неожиданностью был для меня переезд из общежития на Горьковскую набережную, в трёхкомнатную квартиру на седьмом этаже нового большого дома. Махнев предложил мне перевезти в Москву мать, но она отказалась, и вскоре одна из комнат была заселена. Специальным постановлением правительства мне была назначена повышенная стипендия, и я был освобождён от платы за обучение.

В начале мая 1951 г. был, наконец, решён вопрос о моём допуске к работам, проводившимся в ЛИПАНе (так назывался тогда Институт атомной энергии. – В.С.) группой И. Н. Головина… Моя экспериментальная программа выглядела довольно скромной. Я хотел начать с малого – с сооружения небольшой установки, но рассчитывал в случае быстрого успеха на дальнейшее развитие исследований на более серьёзном уровне. Руководство отнеслось к моей программе одобрительно, поскольку не требовались значительные средства для её начала: Махнев называл мою программу «грошовой». Но для начала работ требовалось благословение физиков. Я обратился к Павлову с просьбой помочь мне встретиться с Курчатовым».

Смотрины продолжались и далее.

«Наша встреча с Курчатовым всё откладывалась и откладывалась. В конце концов Павлов предложил мне встретиться с Головиным, который был заместителем Курчатова. В октябре в ЛИПАНе состоялось детальное обсуждение идеи электромагнитной ловушки. На обсуждении, кроме Головина и Лукьянова, присутствовал

ещё один человек. Он сидел тихо в углу, внимательно слушал мои объяснения, но вопросов не задавал и в наши разговоры не вмешивался. Когда обсуждение подходило к концу, тихо встал и вышел из аудитории. Позднее по фотографии, напечатанной в какой-то книге, я узнал, что это был Тамм. ***Мне до сих пор непонятны причины, побудившие его присутствовать на этой встрече****.*

Добавим: присутствовать инкогнито!.. (Авторы)

Хотя и не сразу, а после довольно бурной дискуссии, мои оппоненты признали идею электромагнитной ловушки правильной, и Головин сформулировал общий вывод, что в моей модели никаких дефектов не обнаружено. К сожалению, это была лишь констатация факта пригодности электромагнитных ловушек для получения и удержания высокотемпературной плазмы. Рекомендаций начать исследования не последовало, Игорь Николаевич мотивировал это тем, что имеется более простой способ получения высокотемпературной плазмы – пинчи, где есть уже хороший задел, получены обнадёживающие результаты… Я не разделял мнение Головина, но спорить было бесполезно. Поскольку экспериментальную программу пробить мне не удалось, я занялся теорией. К июню 1952 года был готов отчет о моей работе, содержащий подробное описание идеи электромагнитной ловушки и расчёты параметров удерживаемой в ней плазмы. Отчёт был направлен на рецензию к М. А. Леонтовичу (руководителю теоретических работ по УТС), а 16 июня 1952 года состоялась наша первая встреча.

Леонтович начал с комплимента: моя идея его очень заинтересовала и увлекла настолько, что он сам принялся за расчёты в её обоснование. Этими словами Михаил Александрович, видимо, хотел подсластить пилюлю, которая была мне уже приготовлена. Далее последовали критические замечания, корректные по форме, но убийственные по своему содержанию…

Леонтович…стал убеждать автора отчета в нереализуемости как его идеи ловушек, так и второй идеи о реактивном плазменном двигателе для использования в космическом пространстве (позднее такие двигатели будут использоваться практически, но…). Лаврентьев не поддавался, однако вежливо сказал, что подумает. И тогда Леонтович при нем позвонил кому-то по телефону и сообщил:

«Все в порядке»… Даже наивного Олега эти слова покоробили, и он мысленно к ним добавил: «Ваше задание выполнено».

Хотелось бы знать – чье?

Отчет Лаврентьева Леонтович «зарубил», но встречи их продолжались, и Леонтович даже хотел брать его в аспирантуру, но… Но вот слова Лаврентьева:

«Заключение М. А. Леонтовича задержало начало экспериментальных исследований по электромагнитным ловушкам почти на пять лет. Это была большая потеря не только для меня, но и для всей нашей программы по управляемому термоядерному синтезу».

И что там молодой русский парень с задатками гения, но – без амбиций и без облика гения в отличие от «блистательного» Ландау или Леонтовича с его очень выразительным лицом! Интриганы от науки валили фигуры покрупнее! Например, в 1946 году в ЖЭТФе – «Журнале экспериментальной и теоретической физики» – была опубликована статья В. Л. Гинзбурга, Л. Д. Ландау, М. А. Леонтовича и В. А. Фока, начинавшаяся так:

«В последнее время (в 1944-1945 гг.) в печати появился ряд работ А. А. Власова… Рассмотрение указанных работ А. А. Власова привело нас, однако, к убеждению об их несостоятельности и об отсутствии в них каких-либо результатов, имеющих научную ценность…»

Анатолий Александрович Власов был профессором физфака МГУ… В 1988 году во Франции, на Корсике, прошла международная конференция, названная по предложению ряда ученых США «Плазма Власова»… Но самого Власова давно не было в живых – ***он сошел с ума и умер****.*

Олег же был парнем с крепкими нервами и хотя удивлялся, почему Сахаров при разговорах уклоняется от темы той части «сахалинской» записки Лаврентьева, где предлагалась «настоящая» водородная бомба, но из колеи молчание Сахарова бывшего артиллерийского разведчика-наблюдателя не выбивало. А оно было вполне объяснимо… Скажем, идея использования дейтерида лития в термоядерном заряде датирована в СССР 1948 годом – на этот счет есть вроде бы неоспоримые документы в «Арзамасе-16». Но ее

авторство оспаривали друг у друга сами «корифеи». И вдруг признать, что этот мальчишка, лишенный интеллигентского изящества, да еще и продвигаемый «этим» Берией, нашел все это самостоятельно, нося сержантские погоны…» (С. Кремлев)

«*Мои надежды на участие в разработке моей первой идеи также не сбылись. После неудачной встречи с Курчатовым и моей болезни вопрос о моем привлечении к работам по созданию водородной бомбы больше не поднимался. Какое-то время я по инерции продолжал заниматься этой проблемой, но потом полностью переключился на термоядерный синтез*».

На этом воспоминания О. А. Лаврентьева заканчиваются, но жизнь страны и работа над термоядерной бомбой интенсивно продолжались. Завеса секретности надолго похоронит значение письма О. Лаврентьева для создания термоядерного оружия и УТС.

5 марта 1953 года умирает И. В. Сталин, а летом происходит государственный переворот и **убивают Л. П. Берия**.

…Академик Леонтович к своему 50-летию, наступающему 7 марта 1953 года, получил самый замечательный – как он сам заявлял «своим» – подарок: смерть Сталина… Это как же надо ненавидеть страну, в которой родился, чтобы так относиться к тому, кто – по оценке Черчилля – принял Россию с сохой, а оставил ее с атомной бомбой?

26 же июня 1953 года вся всесоюзная сволочь получает еще один подарок – арест Берии.

И началось!

Лаврентьева лишают и пропуска в ЛИПАН, и допуска к работам. А у него начинается дипломная практика и надо писать диплом. Лишают его и повышенной стипендии (абсолютно беззаконно, в нарушение постановления правительства) и выворачивают плату за обучение за целый год. Олег оказывается без средств к существованию, а когда пробивается в кабинет нового декана физического факультета Фурсова, то слышит: ***«Ваш благодетель умер, чего же вы хотите?»***

(С. Кремлев)

Новым политическим руководством страны проводится перетряска в техническом руководстве советской ядерной программы, после которой главенство в программе переходит к научному руководству. Сама программа успешно продолжается. 12 августа 1953 года в СССР испытан первый в мире реальный термоядерный заряд, в котором используется **дейтерид лития**. На участников создания нового оружия обильно сыплются лавровые листочки и Золотые Звёзды. **Имени О. А. Лаврентьева в этой когорте нет**. Составители списков на награждение, по-видимому, посчитали его человеком, случайно вытянувшим выигрышный билет в жизненной лотерее. Признание заслуг Лаврентьева ставило под сомнение научную репутацию многих лиц, поэтому «после окончания МГУ О. А. Лаврентьев, по рекомендации Л. А. Арцимовича (руководителя экспериментальных работ по УТС в ЛИПАНе), был принят в Харьковский физико-технический институт». Как говорится: «С глаз долой, из сердца – вон!»

А может, всё проще, квартирный вопрос всегда для москвичей был болезненным. Отсылая Лаврентьева в Харьков, освобождали его жильё

для нужного человечка».

Кто мог стать таким «нужным человечком»? А. Д. Сахаров?

28 сентября 1952 года Берия записал в дневнике:

«Сахарова выдвигаем в Академию. Это хорошо. А может тоже станет потом засранцем? Непохоже, парень скромный и работящий. Такие не портятся».

Ошибся Лаврентий Павлович?..

Когда 5 апреля 1989 года Лаврентьев пришел к Сахарову на его московскую квартиру и хозяин, «понурив голову», повел гостя мимо галдящих по всему дому доморощенных «демократов» и наставников-иностранцев на кухню, то уже в первые минуты вспомнил он не что-то там, а встречу с Берией.

Запала она, значит, академику в душу и в память, но не атмосферой же «страха» – ее в той встрече и близко не было. Зато был живой интерес к нему выдающегося государственного человека. Сахаров ведь был старше Лаврентьева всего на пять лет, старший ровесник, по сути. И в 1951 году он попал к ЛП тоже в первый, хотя, в отличие от Олега Александровича, и не в последний раз. Так что это и для АДС были смотрины…

«Мы пили чай, – свидетельствует Лаврентьев, – с пирогом и вспоминали былое. Он все еще находился под впечатлением нашей встречи с Л. П. Берией, и первые его слова были о ней…»

Какими же были эти слова, что вспоминал Сахаров? Я не знаю, а Олег Александрович не помнит – во всяком случае, он так сказал в ответ на мой вопрос. Но что, впрочем, мог сказать тогда Сахаров, пройдя, понурив голову, на кухню сквозь строй ликующих разрушителей России? Он ведь, похоже, тогда начинал понимать, что Россию, не без его содействия, ведут на заклание…» (С. Кремлев)

Конец эпохи, или 100 дней без Сталина

«Несчастья начались – готовьтесь к новым!»

В. Шекспир, «Гамлет»

5 марта 1953 года умер Сталин. Впрочем, не так. Давайте по порядку. 1 марта 1953 года Сталина, лежащего на полу в малой столовой Ближней дачи в Кунцево, обнаружил сотрудник охраны Лозгачёв. Утром 2 марта на Ближнюю дачу прибыли врачи и диагностировали паралич правой стороны тела. 4 марта 1953 года было объявлено о болезни Сталина, опубликованы и передавались по радио бюллетени о состоянии его здоровья; упоминались такие признаки тяжелого состояния, как инсульт, потеря сознания, паралич тела, агональное дыхание Чейна-Стокса. 5 марта в 21 час 50 минут Сталин умер. О смерти Сталина было объявлено по радио 6 марта 1953 года в 6 часов утра. Согласно медицинскому заключению, смерть наступила в результате кровоизлияния в мозг. 6-9 марта советские люди прощались со Сталиным, по всей стране был объявлен траур. Гроб с телом покойного был установлен в Доме Союзов. Похороны состоялись 9 марта.

Этих «новостей», изложенных по радио полным трагизма голосом Левитана, было бы достаточно, если бы не… Если бы не…

…Рано утром 1 марта (по одной из версий **убийства** Сталина) после отъезда с дачи Сталина «четвертки» – Маленкова, Берия,

Хрущева и Булганина – полковник госбезопасности Иван Хрусталев сообщил сослуживцам, что «хозяин» отправляет всех спать: «Ложитесь спать все, мне ничего не надо, вы не понадобитесь», – таковы, якобы, были его слова. Странно – подозрительный и опасающийся покушения Сталин поблажек охране не делал.

С 5 до 10 часов утра 1 марта бодрствовал только Хрусталев. Что происходило в те часы, никто уже не узнает, так как полковник неожиданно… умер вскоре после смерти Сталина. Впрочем, это может быть совпадением: скончался заместитель коменданта Кремля генерал-майор МГБ Косынкин, умер участвовавший во вскрытии тела вождя профессор Русаков, а министра здравоохранения Третьякова и начальника кремлевского лечебно-санитарного управления Куперина арестовали и отправили в Воркуту. Ну, это потом… А тогда, в начале марта?

Врачи в Кунцево прибыли только 2 марта в 9.30, т. е. спустя 11 часов после обнаружения охраной неподвижного, лишившегося речи Сталина… По версии офицеров МГБ, их министр Игнатьев проявил **странную** пассивность и робость. Когда ему по телефону сообщили о случившемся несчастье, он, якобы, рекомендовал связаться не то с Маленковым, не то с Берия. Рекомендация звонить Берия более чем удивительна – органы госбезопасности Лаврентий Павлович не курировал с 1946 года. У Игнатьева с ним добрых отношений не сложилось. Игнатьев, выходец из партийного аппарата, был ближе к Хрущеву.

Анализ имеющихся воспоминаний лиц, причастных к событиям марта 53-го, наводит на мысль, что все их авторы – каждый по-своему – так или иначе стараются указать на Берия, как человека, сосредоточившего в своих руках рычаги управления процессами «жизни и смерти» в стране, хотя он не был в начале 53-го таким уж всесильным и даже сам имел основания опасаться за свою жизнь.

Органы госбезопасности и внутренних дел были основательно очищены от его соратников и контролировались Маленковым и Игнатьевым, армию курировал Булганин, друживший с Хрущевым. Маршал Василевский симпатий к Берия тоже не испытывал.

Несколько строк о тех, кто не только мог, а просто обязан был знать, что случилось… или могло случиться с Вождем.

К концу февраля 53-го Игнатьев был не только министром, но и начальником Главного управления охраны и комендантом Кремля, что позволяло ему быть в курсе всех передвижений Сталина. Жизнь Вождя в Кунцево в те месяцы напоминала пребывание подопытного кролика в лаборатории: в мягкую мебель, размещенную во всех комнатах, были встроены – скорее всего, без ведома «хозяина», – специальные датчики, что позволяло охране круглосуточно отслеживать по лампочкам на пульте перемещения вождя.

Вся наиболее важная информация о Сталине, его передвижениях и встречах стекалась в кабинет министра госбезопасности, а через него – к Георгию Максимилиановичу. Поэтому Маленков в начале 1953 года стал самым информированным человеком в кремлевском руководстве.

Не так прост был и Никита Сергеевич Хрущев. Трех заместителей министра госбезопасности можно смело отнести к его «людям». Это генералы А. Епишев, курировавший в МГБ кадры (назначен с поста первого секретаря Одесского обкома), начальник 2-го главного управления В. Рясной (в 1943-1946 годах руководил НКВД Украины), начальник 1-го главного управления С. Савченко (в 1943-1949 годах нарком госбезопасности Украины), а генерал И. Серов (нарком внутренних дел Украины в 1939-1941 годах) был первым заместителем министра внутренних дел. Так что Хрущев тоже располагал основательной информацией…

Ну, а что же делали врачи 2 марта 1953 года? Они пытались «запустить сердце». Хотя, по свидетельству профессора Мясникова, *«…врачи заметили на губах умирающего следы кровавой рвоты…»* Но в медицинском заключении о болезни и смерти Сталина записали: *«С первого дня болезни повысилась температура и стал отмечаться высокий лейкоцитоз, что могло указывать на развитие воспалительных очагов в лёгких»* Однако во время неполного вскрытия Сталина выяснилось, что никаких *«воспалительных очагов в лёгких»* не было.

Зато «Акт патолого-анатомического исследования» желудочно-кишечного тракта явно свидетельствовал об отравлении. Как и анализ крови с избыточным содержанием лейкоцитов, боровшихся с ядом. Профессор Лукомский вспоминал: *«…Во всех 4-х порциях мочи содержался белок в количестве 2,7 промилле. В осадке имелись эритроциты»*. То есть, попросту кровь.

«5 марта 1953 года у больного повторно наблюдались явления острой сердечно-сосудистой недостаточности (коллапс), которые, по словам Лукомского, «в значительной степени зависели от желудочного кровотечения»».

Скорее всего, **подлинные** причины болезни и смерти Сталина были понятны медикам еще до вскрытия. Вождя фактически не стало уже 2 марта.

По косвенным признакам завершение «эпохи Сталина» могли заметить и политики. 2 марта ведущие советские газеты прекратили писать о «врагах народа», хотя весь февраль и даже 1 марта, в соответствии с установками Сталина, передовицы призывали к бдительности и борьбе с наймитами империализма и шпионами. Значит, уже днем 1 марта **кто-то** был уверен, что вождю не подняться и, не опасаясь последствий для себя, дал указание прекратить кампанию в печати. Кто мог дать такое указание, если пресса была инструментом партии? Партия.

2 марта, когда вся (нет, конечно, были исключения) страна еще жила с именем Сталина в сердцах, в умах и на плакатах, в Кремле шло перераспределение портфелей.

Утром **в сталинском кабинете** собрались все члены бюро Президиума ЦК, а также выведенные осенью 1952-го из состава Президиума по инициативе Сталина Вячеслав Молотов, Анастас Микоян. Прибыли Николай Шверник (председатель Президиума Верховного Совета СССР) и Матвей Шкирятов (председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС).

Обратите внимание: дележ власти происходил еще при живом вожде – если все же считать, что Сталин не умер 1 марта. Инсульт в Кунцево предоставлял «единомышленникам» вождя удобный случай закрыть «сталинскую страницу» советской истории. При этом никто никому не верил. Хрущев с Булганиным уже думали о том, как минимизировать возможный рост влияния Берия – для «подстраховки» министр обороны СССР Булганин еще 2 марта распорядился ввести в столицу дополнительные воинские части.

Совместное заседание ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР провели вечером 5 марта в течение сорока минут. Оно, как планировалось, «проштамповало»

выработанные 2 марта в Кремле решения. Состав Президиума ЦК, расширенный незадолго до этого Сталиным, сократили до одиннадцати членов – одним из них, приличия ради, избрали «дорогого товарища Сталина».

Интересно, что на заседании **председательствовал** Хрущев, что говорит (партийным языком) о его ведущей и направляющей роли в тех событиях. А дежурил в эти решающие часы у постели умирающего (или уже покойного) Сталина ближайший соратник Никиты Сергеевича – Николай Булганин. Именно Никита Сергеевич предоставил слово Берия, предложившему «по поручению бюро Президиума ЦК» избрать Маленкова председателем Совета министров СССР. Затем слово получил новый глава правительства, который огласил согласованные ранее кадровые перестановки. Первыми заместителями предсовмина становятся Берия, Молотов, Булганин, Каганович (консенсус соблюден: двое из «молодых», двое – из «старой гвардии»). Ворошилов возглавляет Президиум Верховного Совета СССР. МГБ включается в состав МВД, во главе его становится Берия (его первыми заместителями вскоре назначаются **протеже Маленкова и Хрущева** – Круглов и Серов). Министерство иностранных дел вновь получает Молотов, а военное ведомство – Булганин. Непосредственно на совместном заседании первыми заместителями военного министра становятся маршалы Василевский и Жукова (для первого – это незаслуженное понижение, для второго – возвращение из опалы).

Принимается также решение о целесообразности для Хрущева сосредоточиться на работе в ЦК партии и в связи с этим его освобождении от обязанностей первого секретаря МК партии. Уже бывшего министра госбезопасности Игнатьева избирают секретарем ЦК.

Очень интересный и важный момент: Сталин был еще жив, а решение, оправдывающее **чистку архивов** (на бюрократическом языке «упорядочение») было принято 5 марта 1953 года:

«Из протокола совместного заседания ЦК КПСС, Совета министров и Президиума Верховного Совета О документах и бумагах товарища Сталина И. В.

Поручить т.т. Маленкову Г. М., Берия Л. П., Хрущёву Н. С. принять меры к тому, чтобы документы и бумаги товарища Сталина

как действующие, так и архивные, были приведены в должный порядок».

Так состоялась первая, политическая смерть Сталина. А спустя семьдесят минут после исторического заседания в Кремле, когда вождь де-юре лишился власти, врачи, в присутствии приехавших новых правителей, официально констатируют и его вторую, уже физическую смерть.

Для миллионов советских людей, победивших в Великой войне под знаменем Сталина, начавших восстанавливать разрушенный жизненный уклад с именем Сталина, связывавших не только дальнейший рост державного могущества, но и каждый свой прожитый и завтрашний день с образом Сталина, – кончина Вождя стала личной утратой. Горе пришло в каждый дом.

Впрочем, для кого-то трагедия обернулась торжеством. Спустя 30 лет эти люди заявят о себе в голос, присвоят небольшой, но вездесущей группке единомышленников право говорить «от имени народа» и трактовать историю страны, жонглируя некогда святыми понятиями.

«Правозащитник и публицист» Елена Боннэр (это имя, похоже, стало уже забываться), называла сообщение о состоянии здоровья Сталина «чейнстоксовым дыханием весны».

Гибель Сталина в кругах так называемых диссидентов было принято отмечать как праздник. «Когда три года спустя после смерти Сталина Хрущев объяснил нам, что Иосиф Джугашвили был массовым убийцей, тираном и деспотом, мало кто возмущался, разоблачения эти восприняли все как должное», – пишет один из основателей диссидентского движения в Советском Союзе Владимир Буковский.

Смерть Сталина вызвала «прилив энтузиазма» у заключённых ГУЛАГа. В то время там отбывал наказание популярный в перестроечные годы писатель Лев Разгон. За что сидел? Да, наверное, было, за что. Лев Менделевич три года проработал в спецотделе ОГПУ/НКВДВ. Еще при Ежове получил 5 лет исправительно-трудовых лагерей. Попал под «бериевскую» амнистию – выпустили. А летом 1950 года вновь арестовали, обвинив в антисоветской агитации.

Разгон получил десять лет лагерей и пять лет поражения в правах. Ждал смерти Сталина, как манны небесной.

«Я уж не помню, после этого ли бюллетеня или после второго, в общем, после того, в котором было сказано: «дыхание Чейн-Стокса» – мы кинулись в санчасть. Мы потребовали от нашего главврача Бориса Петровича, чтобы он собрал консилиум и – на основании переданных в бюллетене сведений – сообщил нам, на что мы можем надеяться… Мы сидели в коридоре больнички и молчали. Меня била дрожь, и я не мог унять этот идиотский, не зависящий от меня стук зубов. Потом дверь, с которой мы не сводили глаз, раскрылась, оттуда вышел Борис Петрович. Он весь сиял, и нам стало всё понятно ещё до того, как он сказал: «Ребята! Никакой надежды!!!»

К слову, Лев Разгон был зятем большого начальника – Глеба Бокия, с марта 1918 года стоявшего у руля Петроградской ЧК, ЧК Союза коммун Северной области. Бокия, который считается одним из организаторов «красного террора» в Петрограде и Северном регионе, создателем и куратором Соловецких лагерей.

Сталин тогда был очень далек от массовых казней… Но львы разгоны топтали именно память Сталина, умело «забывая» Бокия *и компанию.*

Эдуард Хруцкий отмечал: «Воровской мир ликовал. „Усатый, – говорили блатные, – одел деревянный бушлат. Жди амнистии!“ Так оно и случилось: в 1953 году на свободу выпустили сотни тысяч заключенных».

Мы еще вернемся к этому «празднику». А пока – в горе.

Пережившая арест в 1938 году Ольга Берггольц, в марте 1953-го писала в газете «Правда»:

Обливается сердце кровью…
Наш любимый, наш дорогой!
Обхватив твоё изголовье,
Плачет Родина над Тобой.

В другой работе, «Пять обращений к трагедии», Берггольц так отозвалась о смерти Сталина:

О, не твои ли трубы рыдали
Четыре ночи, четыре дня
С пятого марта в Колонном зале
Над прахом, при жизни кромсавшим меня…

Первым стихотворением Владимира Высоцкого стало стихотворение «Моя клятва», которое он, восьмиклассник, написал на смерть Сталина 8 марта 1953 года:

Опоясана трауром лент,
Погрузилась в молчанье Москва,
Глубока её скорбь о вожде,
Сердце болью сжимает тоска.
Я иду средь потока людей,
Горе сердце сковало моё,
Я иду, чтоб взглянуть поскорей
На вождя дорогого чело…

Малоизвестный факт: 6 марта 1953 г., когда штаб Корейской Народной Армии и китайских добровольцев обратился к командованию американо-южнокорейских войск с просьбой о **трехдневном перемирии (до 23:59 8 марта) из-за траура в связи с кончиной И. В. Сталина**, командующий этими войсками (с 1952 г.) генерал Риджуэй, с согласия президента США Г. Трумэна, **выполнил эту просьбу**, отметив в своём приказе, что «генералиссимус Сталин и СССР были нашими главными союзниками в войне с Германией и Японией. Поэтому **мы, как солдаты, равны друг перед другом, и должны воздать уважение памяти генералиссимуса Сталина**…».

А в это время с Ближней дачи, где еще вчера было слышно дыхание Сталина, вывозили имущество «диктатора», нажитое за 30 лет управления коммунистической империей. Вот официальный документ:

«Я, комендант Ближней дачи Орлов, старший прикрепленный Старостин, помощник Туков, сотрудник Бутусова составили опись л/ имущества товарища Сталина И. В.

1. Блокнот для записей, в обложке из кожи серого цвета;
2. Записная книжка, кожаная, красного цвета;
3. Личные записи, пометки, составленные на отдельных листках и отрывных листках. Пронумеровано всего 67 листов (шестьдесят семь);
4. Общая тетрадь с записями, обложка красного цвета;

5. Трубки курительные – 5 шт. К ним: 4 коробки и спец. приспособления, табак. В кабинете товарища Сталина: книги, настольные принадлежности. Спальня и гардероб:

6. Китель белого цвета – 2 шт. (На обоих прикреплена звезда Героя Социалистического Труда).

7. Китель серый, п/дневной – 2 шт.;

8. Китель темно-зеленого цвета – 2 шт.;

9. Брюки – 10;

10. Нижнее белье сложено в коробку под № 2.

В коробку под № 3 уложены: 6 кителей, 10 брюк, 4 шинели, 4 фуражки. В коробку под № 1 сложены блокноты, записные книжки, личные записи. Ванно-душевые принадлежности уложены в коробку № 4. В спальне была обнаружена сберегательная книжка, в ней записано 900 рублей».

900 рублей… Копилка «тирана», одно слово которого могло изменить судьбы континентов… И меняло!.. Переведем дух… Отвлечемся от эмоций. Есть и более существенные «посмертные» обстоятельства. Это судьба «упорядоченного» архива Вождя.

Дочь Сталина Светлана признавалась: 7 марта какая-то спецгруппа вывезла с Ближней дачи всю мебель. Позднее мебель на дачу вернули, но уже без бумаг. Исчезли и все документы из кремлевского кабинета и даже из сейфа вождя. Где они и что с ними случилось – до сих пор неизвестно. Кто-то решил сохранить в тайне свои неприглядные поступки в прошлом? Пустое. Натура проявит себя в будущем. А может, надумали воспользоваться секретами мудрого управления? Напрасно.

«Великие империи и ничтожные умы плохо сочетаются друг с другом», – сказал англичанин Бёрк в XVIII веке.

А мы, перед тем как оказаться в скорбящей массе людей и услышать прощальные речи с облаченной в траур трибуны Мавзолея, на котором уже успели подновить надпись, добавив к имени «ЛЕНИН» имя «СТАЛИН», в который раз попытаемся отыскать среди множества разнообразных версий наиболее вероятные мотивы трагедии, случившейся на Ближней даче в Кунцево в ночь на 1 марта 1953 года.

Причины скорее политические, нежели медико-биологические, хотя, может оказаться, что грань между ними – почти незримая. Начнем с анализа международного положения.

Почему **Западу было выгодно уничтожить Сталина**? Экономика СССР имела тенденцию ускоренного роста. В книге «140 бесед с Молотовым» Феликса Чуева приводятся такие слова: *«Когда с маршалом Голованoвым мы сидели за столом на даче у Молотова, Александр Евгеньевич сказал: «Поживи Сталин еще лет десять, мировому капитализму пришел бы конец».*

Американцы рассчитали, что если темпы производства в сталинской России сохранятся, то к 1970 г. советский объем производства в 3-4 раза превысит американский, а в 70-х СССР превзойдет США по потреблению. В 1954 году американцы расценивали колоссальный промышленный и технический прогресс послевоенного сталинского СССР как «самое опасное событие второй половины XX века».

За всем этим стоял Сталин!

Вот что пишет Сергей Кремлев:

«К началу весны 1953 года Сталин уже полностью сложил с себя все элементы политической «мозаики» – как внешние, так и внутренние – в нечто единое целое.

Он убедился в том, что «холодная война», провозглашенная Черчиллем и непрерывно расширяемая Трумэном, начинает достигать своего системного пика. Причем своеобразие ситуации заключалось в том, что впервые в мировой истории, несмотря на все более обостряющуюся ситуацию, ни одна из сторон не могла перевести войну двух мировых лагерей из «холодной» фазы в «горячую» без риска получить – говоря языком более поздних времен – неприемлемый для себя ущерб.

Обе стороны уже имели атомное оружие, а США 1 ноября 1952 года испытали в Тихом океане первое в мире термоядерное устройство «Майк» с мощностью в 10 мегатонн, то есть, в 10 миллионов тонн тротилового эквивалента. Правда, это было сооружение весом в десятки тонн, но Сталин знал о возможности создания транспортабельного термоядерного заряда – работы по советской термоядерной бомбе РДС-6с уже подходили к концу.

Возникал ядерный «пат», и тут могло быть два варианта развития ситуации на планете.

Первый – все же «горячий». Сталин знал, что по количеству и суммарной мощности ядерного арсенала Россия сильно уступает Америке. Три с половиной месяца назад – 16 ноября 1952 года – США в испытании «Кинг» успешно взорвали бомбу с тротиловым эквивалентом в несколько тысяч тонн, то есть, уже имели атомные бомбы такой мощности, которую и Курчатов, и Берия обещали обеспечить только в термоядерной бомбе.

И Запад под рукой США мог решиться на «горячий» крестовый поход против СССР и социализма – пока Запад еще имел реальные шансы на успех».

Дополним выводы С. Кремлева:

По приказанию комитета начальников штабов к середине 1948 года был составлен план «**Чариотир».** Война должна была начаться «с концентрированных налетов с использованием атомных бомб против правительственных, политических и административных центров, промышленных городов и избранных предприятий нефтеочистительной промышленности с баз в западном полушарии и Англии».

В первый период войны – тридцать дней – намечалось сбросить 133 атомные бомбы на 70 советских городов. Из них 8 атомных бомб на Москву с разрушением примерно 40 квадратных миль города и 7 атомных бомб на Ленинград с соответствующим разрушением 35 квадратных миль. В последующие за этим два года войны предполагалось сбросить еще 200 атомных бомб и 250 тысяч тонн обычных бомб. Командование стратегической авиации предполагало, что где-то в ходе этих бомбардировок или после них Советский Союз капитулирует.

Но!..

К 1 сентября 1948 года по штабам соединений вооруженных сил США был разослан план **«Флитвуд»** – руководство к составлению соответствующих оперативных планов. Как в наметках «Чариотира», так и в плане «Флитвуд» признавалось, что **с началом войны Советский Союз сможет занять Европу.** Как было, например, отмечено в плане «Флитвуд» применительно к Средиземноморью:

«К исходу шестого месяца боевых действий Советы смогут оккупировать и укрепиться на всем северном побережье Средиземного

моря, от Пиренеев до Сирии, и подвергнуть линии коммуникаций в море сосредоточенным ударам с воздуха. Кроме того, СССР через шесть месяцев после начала войны сможет оккупировать Испанию и подвергнуть артиллерийскому обстрелу коммуникации (через Гибралтарский пролив)». Объединенный разведывательный комитет в приложении к плану «Флитвуд» заключил:

«СССР в борьбе с вероятными противниками – США, Англией и союзными с ними странами – сможет овладеть ключевыми районами Европы и Азии».

И кому она нужна, такая «победная война»?..

Командование американской стратегической авиацией предлагало временно закрыть на это глаза, ибо, пока Красная Армия будет продвигаться по Европе и Азии, атомные бомбардировки территории Советского Союза якобы подорвут **основной элемент советской мощи – политический**, каковой, по заключению объединенного разведывательного комитета в приложении к плану «Флитвуд», состоял в следующем…

ВНИМАНИЕ! Это цитата из официального документа американского военного командования, отнестись к которому надо со всей серьезность. Итак, что сдерживало заокеанскую военщину, обладавшую бесспорным, по тем временам, преимуществом в летальных вооружениях:

«**1) прирожденное мужество, выдержка и патриотизм русского населения;**

2) отлаженный и четкий механизм централизованного контроля Кремля в советской орбите;

3) доказанная способность советского режима мобилизовать прирожденный русский патриотизм в поддержку советских военных усилий;

4) способность русского народа и правительства вести войну в условиях крайней дезорганизации, как случилось в первые годы Второй мировой войны».

Поэтому в плане «Флитвуд», в разделе «Психологическое воздействие» американские штабисты откровенно указали: «Атомное наступление само по себе не вызовет капитуляции, не уничтожит корней коммунизма и фатально не ослабит советское руководство народом.

Для большинства советского народа атомные бомбардировки подтвердят правильность советской пропаганды против иностранных держав, вызовут гнев против Соединенных Штатов, объединят народ и приумножат его волю к борьбе».

С учетом этого непредвзятого анализа «*наиболее выигрышным и вероятным для Запада – и Сталин понимал это – был все же «холодный» вариант постепенного разрушения социализма за счет внутренней разрушительной работы в лагере социализма, направляемой и координируемой извне.*

Бомбы не атомные и водородные, а идеологические, пропагандистские.

Плюс – «пятая колонна».

Кстати, об особой роли предательства в истории России писал еще Карл Клаузевиц, выдающийся военный теоретик XIX века: «Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, то есть оккупировать… **Такая страна может быть побеждена лишь внутренней слабостью и действием внутренних раздоров».**

7 апреля 1950 г. президенту Г. Трумэну была представлена директива Совета национальной безопасности США – СНБ-68, ставшая основой американской внешней политики на многие годы вперед и действующая в своих принципиальных положениях по сей день: «Запад не должен довольствоваться защитой своих основных ценностей и стремиться воплотить их в жизнь только на своей территории. Запад должен поставить своей целью оказание влияния на естественные процессы изменений, происходящие в «третьем» и коммунистическом мире… в направлении не благоприятном для их ценностей…»

Довольно витиевато, как и в большинстве документов, рожденных за океаном и переведенных на Смоленской площади. Но, если вчитаться – все просто и очевидно.

Итак, по мнению С. Кремлева, *«предстояла борьба Мирового Добра и Мирового Зла за умы и души люде на планете, и первый серьезный Сталинский удар в этой войне Сталин уже обдумал и был готов его нанести. Лишить врага народов и свободы – империализм –*

его внутренней агентуры в СССР, и лишить ее не путем чисток по образцу 1937-1948 годов, а путем ***скорого и решительного избавления советского общества от переродившейся и шкурной части руководства, лишая ее возможности влиять на общество, – вот таким был*** **замысел** ***этого сталинского удара»***

Но и враг не дремал…

В 2006 году журнал «Вопросы истории» опубликовал довольно откровенную статью трудящегося на ниве американской науки профессора истории Бориса Самуиловича Клейна (США). Вот о чем он поведал.

Ранее неизвестные исследователям документы имеются в Библиотеке президента Д. Эйзенхауэра (25 из них рассекречены по моему запросу). Они исходили от руководства и сотрудников аппарата Совета по психологической стратегии (Psychological Strategy Board, PSB). Совет был образован президентом Г. Трумэном в июне 1951 г. в Вашингтоне в составе зам. министра обороны, помощника госсекретаря США и директора ЦРУ.

Исполнительный директор СПС Дж. Морган возглавлял и тот орган, который, кажется, еще не фигурировал в специальной литературе: рабочую группу «Сталин» (кодовое обозначение PSB D-40). Эта группа ставила целью изучение возможности **отхода (или отстранения) Сталина от власти.**

СПС действовал согласованно со специальным помощником президента по психологической войне с Советским Союзом.

Помимо сугубо диверсионно-террористического решения проблемы «Сталин» (операция «Моцарт»), рассматривался ряд иных подходов, среди которых не последнее место занимал «медицинский». Нет, без цианистого калия и прочей шпионско-фармакологической атрибутики. Они проходили по другому ведомству. СПС предпочитало более изощренные, многоходовые комбинации.

«Медицинский заговор» («Дело врачей» в СССР) говорилось в меморандуме от 16 января 1953 г. для директора СПС Моргана его помощником Тэйлором, содержит (с западной точки зрения) бредовый элемент, пригодный для дискредитации самого диктатора. Общественное сознание может воспринять идею о его параноидальных галлюцинациях, если продемонстрировать миру, что

Сталин, как и Гитлер до него, шагнул через край и что все его слова и действия с настоящего момента должны рассматриваться как поступки сумасшедшего. Таким образом, ситуация в СССР создает благоприятную атмосферу для психологических операций, направленных на реализацию «Плана по отстранению Сталина от власти» («Plan for Stalin's passing from power»). Версия объявления Сталина умалишенным рассматривалась, как подтверждает этот и ряд других документов, с разных сторон. Как считали вашингтонские политики, она могла выглядеть правдоподобной и убедительной для масс.

Согласно меморандуму, версия о сумасшествии сделала бы более понятным раскрытие «медицинского заговора». Если один из девяти докторов (участников процесса по делу врачей) пришел к выводу, что Сталин душевнобольной, он мог обсуждать этот диагноз с другими медиками или с партийными функционерами. И если Сталин прослышал об этом, он должен был впасть в ярость, особенно, если он действительно не в своем уме.

Что касается практической стороны намечаемого плана, то возлагалась серьезная надежда на разведку, включая ее методы «черной пропаганды». Предполагалось, что Сталин сам будет подогревать «кампанию ненависти к коммунизму», раскручивая показательную чистку. Но дело нельзя было пускать на самотек. В дни, когда отсутствуют новости из Москвы, мировая пресса должна быть снабжена короткими заявлениями Альберта Эйнштейна, на следующий день должно быть «что-нибудь» от Элеоноры Рузвельт, еще днем позже пусть пройдет бурная демонстрация еврейских ветеранов перед советским посольством в Париже и т. п. В развитие, должен был хлынуть поток заявлений от психиатров со всего мира, изучивших сталинские речи разных периодов в сопоставлении их с гитлеровскими. Пригодились бы и анекдоты.

Что же не давало покоя заокеанским «ястребам»? Растущая ядерная мощь СССР? Присутствие вооруженных сил Союза в Восточной Европе и попытки Москвы распространить свое политико-экономическое влияние в сторону Атлантики и на Восток?

18 декабря 1952 г. зам. министра обороны США В. С. Фостер обратился к СПС с письмом, в котором говорилось, что разведка нащупала по ряду направлений «болевые точки» СССР, но вопрос в

том, как эффективнее использовать эти сведения. Желательно, чтобы директор СПС привлек свой аппарат и соответствующие агентства для изучения: какие конкретно акции США за последние полтора года затронули чувствительные места коммунистической системы. Результатом объединенных усилий спецслужб явился датированный 9 февраля 1953 г. секретный отчет «Советская уязвимость». Раздел «Подрывная политика США» описывает две акции, вызвавших особенно острую реакцию советских властей.

Во-первых, это принятый Конгрессом в октябре 1951 г. «Закон об обеспечении взаимной безопасности», в соответствии с которым **выделялось до 100 млн. долларов на поддержку лиц, проживающих в коммунистических странах, или перебежчиков из СССР и его сателлитов, которые захотят участвовать в действиях вооруженных сил НАТО или в обеспечении безопасности США.** Во-вторых, это предвыборная речь Эйзенхауэра 25 августа 1952 г., в которой он призвал к поддержке полного **«освобождения» всех советских сателлитов.**

Комментируя речь Эйзенхауэра, «Правда» 29 августа 1952 г. нарисовала алармистскую картину будущей американской политики, в случае если он будет избран. Перечислив территории, которые он запланировал «освободить», газета предупредила, что такая установка может продиктовать советскому народу «**военное решение»**.

17 февраля 1953 года Сталин пригласил на беседу третьестепенного индийского политика, д-ра Сайфутдина Китчлу. Через неделю тот передал детальную информацию об этой встрече московскому корреспонденту «New York Times» Г. Солсбери, включая и те сведения, которые не появились в советской печати. Но они имеются в книге Солсбери «Московский журнал. Конец Сталина». Сталин на встрече, в частности, заявил**: «Если разразится война, Англия будет сметена. В случае войны будет плохо и России, и Соединенным Штатам, в самом деле, очень плохо. Но она окажется фатальной для Англии. Если действительно дойдет до дела, англичане не сумеют поддержать США в войне… То же самое и Франция. Они, Англия и Франция, не могут вести себя по-прежнему неопределенно, поддерживая США. Им предстоит разрыв».** Надо думать, такая «утечка информации» входила в

намерения Кремля. Это был способ оказать дополнительное давление на западных «ястребов». (Б. Клейн)

Кто-то пытался расценить сказанное как фанаберию Сталина. Они ошибались!

Еще задолго до этого «демарша» главы СССР, 1 апреля 1950 года в докладе начальника оперативного управления ВВС США генерал-майора С. Андерсона министру авиации С. Саймингтону указывалось, что ВВС США в случае войны **не в состоянии** выполнить план атомных бомбардировок СССР («Тройан») и **обеспечить противовоздушную оборону территории США, включая Аляску.**

Поэтому вопрос о войне с СССР был отодвинут, и ему на смену была выдвинута идея подготовки коалиционной войны с участием всех стран НАТО.

Но уместнее искать эпицентр раздражения вчерашних союзников не в коридорах военного ведомства США, а на Уолл-Стрите. **Сталин посягнул на «святое» – источники доходов Запада. ДЕНЬГИ!**

С начала 1950-х гг. СССР использовал любые возможности для всестороннего развития взаимного сотрудничества со странами «второго и третьего мира». Причем не только пресса, но и некоторые советские дипломаты и чиновники того времени подчеркивали, что Аргентина под руководством «признанного национального лидера – Х. Д. Перона – может не только ликвидировать свою неоколониальную зависимость от империализма, но и организовать подлинную, равноправную интеграцию Южной Америки»

Такие мнения и публикации фактически были приурочены к одному из последних внешнеполитических мероприятий И. В. Сталина – его беседе с послом Аргентины в СССР Леопольдом Браво, состоявшейся 7 февраля 1953 года. Некоторые её фрагменты нелишне воспроизвести с сохранением речевой стилистики и особенностей перевода того времени:

«…Браво говорит, что во всех странах Латинской Америки развивается движение за экономическую независимость.

Сталин говорит, что для того, чтобы стать самостоятельными, надо иметь свою индустрию.

Браво полностью соглашается с этим. Говорит, что поэтому они борются в Аргентине за экономическую независимость, и имеют в этом деле некоторые успехи. И сообщает, что в текущем году

аргентинские заводы впервые дали сельскому хозяйству страны качественные тракторы и грузовики собственного производства.

Сталин отвечает, что этот факт отражает линию Аргентины на достижение технологической и общеэкономической самостоятельности.

…Браво сообщает, что долгое время Англия ела аргентинское мясо бесплатно, так как мясохладобойни, железные дороги и флот принадлежали Англии, и что Аргентине даже приходилось часто доплачивать за экспортируемое в Англию мясо, чтобы там оно было дешевым.

Сталин спрашивает: «Будет ли так продолжаться в дальнейшем?»

Браво отвечает, что впредь этого не будет и… отмечает, что Аргентина испытывает нехватку вагонов и железнодорожного оборудования.

Сталин говорит, что «у нас найдутся и вагоны, и машины для Аргентины». И просит передать наилучшие пожелания национальному лидеру – Хуану Доминго Перону.

Браво горячо благодарит, сообщает об аналогичных пожеланиях г-на Перона генералиссимусу и премьер-министру И. В. Сталину и в его лице – Советскому Союзу.

…Сталин говорит, что латиноамериканским странам надо бы объединиться. Замечает, что, «может быть, латиноамериканским странам следовало бы образовать что-нибудь вроде Соединенных Штатов Южной Америки?»

Браво говорит, что в латиноамериканских странах происходит объединение движения против иностранного империализма, и что Аргентина показывает пример в деле завоевания экономической независимости.

Сталин говорит, что надо создать какой-нибудь союз латиноамериканских стран для позитивных целей, т. е. для экономического строительства, а не только для организации сопротивления США. Спрашивает, захотят ли латиноамериканские страны образовать именно такой союз?

Браво говорит, что у латиноамериканских стран существует такое желание, но, как только какая-либо страна начинает бороться за экономическую независимость, США поднимают против неё

враждебную кампанию, обвиняя её в приверженности к коммунизму и в зависимости от СССР.

Сталин говорит, что «это лишь выдаёт бедность ума руководителей США…»

Но, как говорится на Руси – сила есть, ума не надо.

(Национально ориентированное руководство Аргентины во главе с Х. Д. Пероном было в 1955 г. свергнуто аргентинскими военными не без помощи ЦРУ и почти на 20 лет Перон стал эмигрантом во «франкистской» Испании… А США и позже мешали как развитию аргентино-советских отношений, так и созданию южноамериканского экономического союза).

Идею «антидолларового» межгосударственного блока СССР обсуждал в тот период и с Индией. Здесь, прежде всего, следует отметить переговоры И. В. Сталина с послами Индии в СССР – 5 марта 1952 г. с С. Радхакришнаном и 17 февраля 1953 г. – с К. Меноном: это было **последнее внешнеполитическое мероприятие И. В. Сталина…**

В апреле 1952 года в Москве состоялось международное экономическое совещание, на котором СССР, страны Восточной Европы и Китай предложили создать зону торговли, альтернативную долларовой зоне. Причём громадный интерес к этому плану проявили также: Иран, Эфиопия, Аргентина, Мексика, Уругвай, Австрия, Швеция, Финляндия, Ирландия, Исландия. На совещании Сталин предложил создать свой «общий рынок». Более того, на совещании была озвучена идея введения межгосударственной расчётной валюты. Учитывая, что инициатором замысла создания альтернативного долларовой зоне торговли фактически трансконтинентального «общего рынка» был СССР, то и межгосударственной расчётной валютой в таком «общем рынке» все шансы имел стать именно советский рубль, определение курса которого уже было переведено на золотую основу.

Советский рубль с 1937 года был привязан к американскому доллару. Курс рубля исчислялся к иностранным валютам на основе доллара США. В феврале 1950 года Центральное статистическое управление СССР по срочному заданию И. Сталина пересчитало валютный курс нового рубля. Советские специалисты, ориентируясь на покупательную способность рубля

и доллара (сравнивали цены на товары) и вывели цифру 14 рублей за 1 доллар. Ранее (до 1947) года за доллар давали 53 рубля. Однако, по словам главы Минфина Зверева и главы Госплана Сабурова, а также присутствовавших при этом событии, китайского премьера Чжоу Эньлая и руководителя Албании Энвера Ходжи, Сталин 27 февраля перечеркнул эту цифру и написал: «Самое большее – 4 рубля».

Постановление Совета министров СССР от 28 февраля 1950 г. перевело рубль на постоянную золотую основу, привязка к доллару была отменена. Золотое содержание рубля устанавливалось на уровне в 0,222168 грамма чистого золота. С 1 марта 1950 года была установлена покупная цена Госбанка СССР на золото в 4 руб. 45 коп. за 1 грамм чистого золота. Как отметил Сталин, СССР, таким образом, был защищен от доллара. США после войны имели долларовые излишки, которые хотели сбросить на другие страны, переложив свои финансовые проблемы на других.

Но и это не все! Сталин стал требовать назад залоговое золото, которое Англия и Франция присвоили себе после 1914 г. Россия держала залоговое золото в западных банках накануне Первой мировой войны. 1 августа был введен мораторий на операции с русским золотом. Именно этот золотой запас позволил в годы Второй мировой войны обеспечить «бескорыстную», а на деле весьма высоко оплаченную помощь союзников, которые в противном случае вполне могли оказаться союзниками Германии. Реально помощь союзников **обошлась СССР в 216 тонн золота**, не считая обеспечения кредитов.

Нетрудно догадаться, что тысячи тонн – фактически украденного – золота, вместе со всем прочим «бесхозным золотом» (германско-нацистским, еврейским и т. д.), перешло в уставной капитал МВФ и МБРР. Перспектива возврата Сталину украденного у России золота дружеских чувств к нему не прибавила (Ю. Мухин).

В 1964 году французский министр финансов рассказал президенту Франции генералу де Голлю историю о том, как сложилась довоенная, а затем и послевоенная международная финансовая система. Он привел такой пример: «Представьте, на аукционе продается картина Рафаэля, идет битва за нее между немцем Фридрихом, арабом Абдуллой, русским Иваном и янки Джоном. Каждый из них предлагает за картину свои товары: араб – нефть, немец – технику, Иван – золото,

а янки Джон с веселой улыбкой предложил двойную цену, вынул кошелек с пачкой новеньких стодолларовых банкнот, отсчитал, забрал картину и ушел».

«Где же трюк?» – спросил де Голль.

«Трюк в том, – ответствовал его министр финансов, – что янки выложил сто стодолларовок, а фактически заплатил 3 доллара, потому что стоимость бумаги на одну банкноту в 100 долларов – 3 цента…». То есть все богатство мира, все его золота текло в обмен на зеленые бумажки! Ранее, до войны такую же роль играл английский фунт стерлингов.

Де Голль рассвирепел, собрал по всей Франции 750 млн. бумажных долларов и в 1967 году во время официального визита в США с диким скандалом, но обменял бумажки на золото, благо тогда в США сохранялся золотой стандарт. В Париж де Голль вернулся, имея на борту, образно говоря, своего самолета почти 66,5 тонн золота (в 1967 г. средняя цена одной тройской унции золота составляла 35,23 доллара). После этого он прожил всего два года, причем на следующий год, в мае 1968-го ему устроили, как теперь говорят, знаменитые студенческие волнения, в результате которых он вынужден был уйти в отставку. А уже в 1969 году Франция со слезами на глазах прощалась с великим французом XX века.

Хотя «великому французу» не лишне было бы заглянуть в анналы мировой истории. Может быть, пожил бы еще немного.

Совокупность подобных событий в СССР конца 40-х – начала 50-х и **подтолкнула мировую «закулису» к идее поскорее избавиться от Сталина**. На худой конец, **объявить его сумасшедшим**. «Дело врачей» подвернулось весьма кстати (как и студенческие волнения во Франции, между прочим…)

Детали этого процесса описаны в десятке энциклопедических справочников, но мы ограничимся версией аналитика СПС. Так сказать, взгляд изнутри.

Меморандум, подготовленный в этот день для помощника директора СПС Тэйлора ответственным сотрудником его ведомства Норбергом, является первым по времени, и начинался он так:

«Информация по безопасности. Секретно.

13 января 1953 года.

Вопрос: Советский медицинский заговор.

Из анализа 1. Ситуация. Сегодня в обзоре международных новостей CBS содержалось изложение передачи московского радио о том, что 9 советских врачей арестованы за участие в медицинском заговоре, созданном для ликвидации ключевого аппарата в советской иерархии. Еще неясно, все ли врачи евреи, но их достаточно, чтобы заговор был объявлен антикоммунистическим, буржуазным, сионистским, националистическим. Ясно, что в обвинении проступают сильные антисемитские ноты. Врачей обвиняют в том, что они умертвили Жданова наряду с некоторыми другими представителями советских верхов и составили список других руководителей, намеченных к ликвидации. Техническая сторона, очевидно, заключалась в постановке неправильных диагнозов заболеваний, а затем в применении неподходящего лечения».

Из ситуации следовало, что факты указывают на слабость, которую можно использовать к выгоде Америки.

Для Запада ситуация с «врачами-вредителями» была лишь поводом разыграть антисталинскую карту. Сами по себе томящиеся в «сталинских застенках» эскулапы и их национальная принадлежность мало волновали политические круги Вашингтона и Лондона.

В бумагах Госдепартамента США имеются документы, раскрывающие первую реакцию внешнеполитических ведомств западных стран на события в Москве. 14 января 1953 г. в Госдепартамент поступила депеша поверенного в делах США в Москве Дж. Бима. Обвинение нескольких докторов в террористической деятельности, писал он, напоминает методы 1930-х годов. **Нельзя полностью исключить, что имел место какой-то вид тайной деятельности.**

То есть, американский дипломат фактически признавал, что «Дело врачей» имело реальное основание в виде закулисного антисоветского заговора.

Мы не собирались излагать подробности «Дела», но пара деталей помогут внести некоторую ясность в этот раздутый Западом процесс. Вначале – несколько слов о профессоре В. Н. Виноградове. Кстати, на протяжении значительного времени лечившем Сталина.

Мог ли этот Главный терапевт Лечебно-санитарного управления Кремля качественно заботиться о здоровье руководства страны, если

он параллельно заведовал кафедрой в 1-м Московском медицинском институте, был главным редактором журнала «Терапевтический архив», заведующим электрографическим отделением Института терапии АМН СССР и занимал ряд других должностей, не связанных с практической медициной? При этом даже автор монографии «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм» Г. Костырченко признает: «В знаменитой «Кремлевке»… витал мертвый дух чиновной иерархичности, корпоративности, круговой поруки».

Когда 4 ноября 1952 года оперативники МГБ пришли за Виноградовым, их поразило богатое убранство его квартиры, которую можно было спутать со средней руки музеем. Виноградов происходил из семьи мелкого харьковского служащего, но еще до революции успел стать состоятельным человеком, держал собственных призовых лошадей на ипподроме, коллекционировал живопись, антиквариат.

Чекисты описывали **картины Репина, Шишкина, Брюллова и других первоклассных русских мастеров. При обыске были обнаружены золотые монеты, бриллианты, другие драгоценности и солидная сумма в американской валюте.**

Забегая вперед, сообщу, что когда «врачей» после смерти Сталина «реабилитировали», то никто почему-то не вспомнил, что Виноградов-то был однозначно виновен в ряде вульгарных уголовно наказуемых деяний, тайно храня золото, драгоценности, валюту. Никто не задался и другим резонным вопросом: **зачем профессор Виноградов тайно хранил «камешки» и доллары**? (С. Кремлев)

Пожалуй, достаточно. Уместно лишь добавить, что **на Западе об этом не писали.**

Между тем от аналитиков в европейских центрах поступали противоречивые сообщения. 23 января госсекретарь США получил официальную депешу из Бонна. После совместного изучения вопроса британской Форин оффис и специалистами по Востоку Социал-демократической партии Германии **они склонны теперь рассматривать московский «заговор врачей» в первую очередь как внутреннюю меру безопасности**…»

Иными словами, пусть не было высказано одобрения, но просматривалось понимание. И никакого антисемитизма? Мало того…

По мнению Форин оффис, **слухам о пошатнувшейся власти диктатора верить нельзя: нет никаких признаков того, что он**

утратил часть контроля.

Вот как? Вдруг вопрос о неадекватности Сталина оказался… неактуальным? Что случилось?

В Вашингтоне распространилась строго секретная информация, которая, как можно заключить, и сделала **неактуальной** глубоко продуманную, по сути уже начавшуюся, **операцию**.

Ее довел до сведения Тэйлора другой ответственный сотрудник СПС Норберг: «Одно предостережение насчет темы с изображением Сталина как потерявшего рассудок. **Получены данные, что Черчилль одобряет проведение в ближайшее время встречи Черчилль-Эйзенхауэр-Сталин** и, если новая администрация (США) разделяет этот подход, то мы **будем не в состоянии преподнести публике итоги этой встречи в случае, если одного из ее участников мы сами до этого объявим сумасшедшим».**

И врачи также «скоропостижно» перестали волновать Запад, как и начали.

Вот что писал в воспоминаниях Эйзенхауэр: «Накануне моего вступления в должность (то есть до 19 января 1953 года. – *Б.К.*) Сталин намекнул в одном из своих редких интервью, что он хотел бы встретиться со мною… Я не был уверен, может ли принести что-нибудь полезное встреча с таким человеком. Тем не менее, на пресс-конференции 25 февраля, когда один из репортеров задал вопрос, соглашусь ли я покинуть Соединенные Штаты, чтобы встретиться со Сталиным, мой ответ был таким: «Я готов встретиться с кем угодно и где угодно, если при этом, на мой взгляд, будет малейший шанс сделать что-нибудь хорошее, и коль скоро это отвечало бы тому, чего американский народ ожидает от своего главы исполнительной власти».

Итак, президент дал согласие на встречу, **не выдвинув Сталину каких-либо предварительных условий. Не только об «освобождении» угнетенных народов Восточный Европы, но даже о «вызволении из застенков» врачей не было сказано ни слова.**

А ведь поддержи Запад «врачей» из Лечсанупра, события 1953 года могли развиваться по иному сценарию. Но история не знает сослагательного наклонения…Так что партийной и армейской верхушке в СССР, опасавшейся радикальных кадровых решений Сталина, оставалось надеяться только на себя.

А опасаться было чего…

Как ни странно, но **Победа СССР над гитлеровцами дала мощный толчок расцвету коррупции в верхних эшелонах власти и армии**

Советская номенклатура начала жить на европейский манер после Победы над Германией, благодаря немецким трофеям.

8 октября 1952 года Берия записал в дневнике:

«…Я Кобе говорил в 1945 г., что трофейное барахольство опасно. Коба тогда сказал, знаю, а что сделаешь. Сказал: «Приказывай, не приказывай, все равно тащить будут. Кто по бедности, кто по жадности. Самых зарвавшихся расстреляем, а так что же».

Давайте начистоту: как не понять охоту за трофейными добычами рядовых советских солдат в Германии?

И кто это осудит? Волею войны простые парни и мужики из городов и весей СССР очутились в центре Европы.

Нетрудно представить, какой шок получили выходцы из Тулы или Караганды, Рязани или Чимкента, увидев воочию, как жили простые люди в этой распроклятой для них, но довольно зажиточной Германии.

Советский быт 1930-1940-х годов был чуть ли не самым дремучим в мире. Простые люди обыкновенные часы считали роскошью. Уж не говоря о драгоценностях и всяких мелочах по хозяйству вроде настольных ламп, фонариков, ножичков, зажигалок и другой домашней утвари.

Один из ведущих британских историков Макс Гастингс написал книгу «Армагеддон: битва за Германию, 1944-1945 годы».

Он отмечал, что погоня за трофеями «приобрела эпический размах. Этому способствовал существовавший в Красной армии порядок, согласно которому каждый солдат раз в месяц мог отправлять домой посылку с трофеями. В СССР отправлялось все: еда, напитки, скот, одежда…».

Информация об общем регламентировании посылок разная.

По некоторым данным, **военнослужащему разрешалось отправить на родину восьмикилограммовую посылку.** Понятно, корова туда не войдет. И даже поросенок.

Вот тут-то и начиналась великая советская «справедливость». Она распространялась только на солдат.

Офицеры уже имели другую разнарядку. Им разрешали **посылать ящики**. Причем **вес ящика не ограничивался**. Командование определяло только размеры ящиков. Чтоб не вошла корова?..

Что касается высшего офицерства и другого штабного прифронтового чиновничества, то тут вопрос ограничений практически не стоял.

В результате на оккупированных Советской армией территориях возникла отдельная **трофейная экономика.** В конце войны были организованы целые подразделения госчиновников, занимающихся вопросами трофеев.

Российские исследователи Михаил Семиряга и Борис Кнышевский наткнулись в 1990-е годы на официальные данные Главного трофейного управления СССР. Одни только государственные трофеи уместились в 400 тысяч вагонов.

Отдельной графой «в пользу советского государства»: «Из Германии вывезено 60 тысяч роялей, 460 тысяч радиоприемников, 190 тысяч ковров, 940 тысяч предметов мебели, 265 тысяч настенных и настольных часов». Заметим, что они так и не попали в «закрома» государства. Их распихали по символическим ценам среди советской номенклатуры и старших офицерских чинов.

Видимо, к этой статье «распределения» относились 1 миллион 200 тысяч мужских и женских пальто, 1 миллион головных уборов и 186 вагонов вина. Неизвестно, какая часть этого фашистского добра осела в центре, а какую развезли по разным городам: в Киев, Алма-Ату и другие национальные столицы.

Если государственные репарации хотя бы приблизительно представлены в цифрах, то о частных трофеях можно иметь лишь весьма смутное представление.

К Дню Победы 1945 года в Советской армии было 11,5 миллиона военнослужащих. Сами трофеи были узаконены сталинским приказом уже вдогонку – 9 июня 1945 года. В момент демобилизации воинам-победителям разрешалось **увезти всё, что они смогли бы натянуть на себя и взять с собой в дорогу.**

Иначе обстояло в случае с генералами. Им **бесплатно разрешался автомобиль «Мерседес» или «Опель».** Офицеры ниже званием довольствовались мотоциклом или велосипедом. Им предлагали также по бросовым прейскурантам ковры, меха, сервизы, фотоаппараты всемирно известной германской фирмы «Цейс». Полковникам за «смешные деньги» отдавали автомобили.

Не обходилось без забавных историй. Волокли домой часто по принципу – в хозяйстве все пригодится. Понятно, жизнь на разоренной войной родине была не сладкой. Приукрашивали ее чем угодно. Один прихватил мешок германских велосипедных звонков. Нередко

офицерские жены появлялись в театрах в ночных рубашках с воланами, приняв их за выходные вечерние платья.

Другой полковник привез целый чемодан полуботиночек. Почему-то они разваливались после часа ходьбы. Выяснилось, что это была обувь для… покойников, не предназначенная для хождений. Урвал, видать, по дешевке в магазине похоронных принадлежностей что-то красивое, толком не поняв, что урвал, из-за незнания немецкого.

Генералы и другое высокое начальство СССР разгулялось в конце войны и в первые месяцы после Победы, что называется, «во всю ивановскую». Дошло до того, что трофейное имущество для этой категории советского общества вывозилось вагонами и даже **эшелонами**.

Впереди всех шествовал легендарный маршал Георгий Жуков. Когда Георгий Константинович попал в немилость к Иосифу Виссарионовичу, – это случилось в 1948 году, – следователи госбезопасности обыскали квартиру и дачу «несчастного». Там было обнаружено то, что как-то позволит читателю представить **типичные** аппетиты главных советских военно-бюрократических «тузов»:

«Среди прочего конфискованы 194 предмета ценной несоветской мебели, 483 шкурки пушных зверей, 4 тысячи метров ткани, 44 ковра и гобелена, 55 музейных картин, 7 ящиков с хрусталем и фарфором и многое другое.»

Но были замечены и такие, которые переплюнули самого маршала!

К ним можно отнести члена Военного совета Группы советских войск в Германии генерал-лейтенанта Константина Телегина. Его осудили на 25 лет лагерей за отправку на родину в личное пользование целого **эшелона трофеев**. Правда, в 1953 – оправдали и реабилитировали.

Начальник госбезопасности в советской оккупационной зоне, будущий председатель КГБ Иван Серов облюбовал для своего пребывания в фашистском логове не меньше и не больше, а бывший особняк Геббельса.

И не икалось будущему председателю КГБ СССР. Совсем даже наоборот. Жил лихо, припеваючи и без всякого финансового стеснения. Выяснилось, что растратил он на свои нужды **77 миллионов марок.** Оплату «красивой жизни» оформили по статье «оперативные расходы».

Попался на «трофейной ниве» и генерал-лейтенант Владимир Крюков со своей женой, знаменитой певицей Лидией Руслановой. У них конфисковали два «Мерседеса» и «Хорьх-951». **На таком «Хорьхе» ездили Геринг и Розенберг**. Список трофеев оказался, пожалуй, разнообразней, чем у Жукова:

«132 картины русских художников, ранее похищенные нацистами из советских музеев, 107 килограммов серебряных изделий, 35 старинных ковров, бриллианты, гобелены, антикварные сервизы, меха, мраморные и бронзовые скульптуры, 312 пар обуви, 87 костюмов, а также… **78 оконных шпингалетов, 16 дверных замков и 44 велосипедных насоса!»**

Впрочем, на нескольких дружках Георгия Жукова по оккупации расследование остановилось. Что стало с самим Г. Жуковым?

31 мая 1946 года состоялся Высший военный совет, где против Жукова были выдвинуты обвинения, которые основывались на материалах допросов органами госбезопасности по «делу авиаторов».

Жуков был обвинён в **незаконном присвоении трофеев и раздувании своих заслуг в деле Победы над фашистской Германией с личной формулировкой И. В. Сталина «присваивал себе разработку операций, к которым не имел никакого отношения».**

Жуков написал объяснительную записку на имя Жданова: «Я признаю себя очень виновным в том, что не сдал всё это ненужное мне барахло куда-либо на склад, **надеясь на то, что оно никому не нужно».**

И впрямь, «утиль» да и только, пусть у меня поваляется, чтоб не загораживать массам дорогу к светлому будущему… Напомним: 194 предмета мебели, 44 ковра и гобелена, 7 ящиков с хрусталем, 55 музейных картин, 4000 метров ткани, 323 меховых шкурки, – «хлам»!

Журналист Василий Песков весной 1970 года брал у Жукова интервью для «Комсомолки».

«Беседовали долго. Я спрашивал, Жуков отвечал, иногда уточняя вопрос. В одном месте, помню, он вдруг поднял брови: «Василий Михайлович, но **это вопрос для ротного командира…»**

И как тут не съязвить: «Ваш ответ Жданову, Георгий Константинович, похож на оправдания вороватого **взводного старшины** перед поймавшим его на жидких щах ротным капитаном: а я-то думал, что мясо там и ни к чему…»

9 июня 1946 года маршала Жукова снимают с должности Главкома сухопутных войск и отправляют фактически в ссылку – командовать Одесским военным округом.

Редактор издательства «АПН» Миркина Анна Давидовна, работавшая с Жуковым над рукописью его будущей книги, спросила у маршала:

– Георгий Константинович, как могло получиться, что после всего, что вы сделали, Сталин отправил вас в Одессу, а затем в Свердловск?

Жуков спокойно ответил:

– **Зависть к моей славе. А Берия всячески это чувство подогревал**. Припомнили и мою способность возражать Сталину.

Подозревать «в зависти» к чужой славе **Сталина,** которому с избытком хватало своей? Ну-у… Здесь «маршал Победы», кажется, перегнул палку самомнения. К тому же, откуда на его груди ордена и медали? Партия награждала? СТАЛИН! (Роль Жукова как в поражениях 1941-го, так и в успехах на завершающем этапе войны, непредвзято рассматривает А. Мартиросян в двухтомнике «22 июня, блицкриг предательства.)

Несмотря на скромный объем книги, хотим предложить читателю один документ:

Товарищу ХРУЩЕВУ Н.С.

Посылаю Вам проект моего выступления на предстоящем Пленуме ЦК КПСС.

Прошу просмотреть и дать свои замечания. Г. Жуков 19 мая 1956 года Разослано: тов. тов. Булганину Н. А. и Шепилову Д. Т.

СОСТОЯНИЕ И ЗАДАЧИ ВОЕННО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

Вот пара абзацев из этого опуса:

«Был ли Сталин творцом вообще каких-либо операций?

Да, к сожалению, был. Об одной такой операции на XX съезде доложил тов. Н. С. Хрущев. По замыслу Сталина также планировалась и проводилась операция в Прибалтике в районе Либавы, которая безрезультатно повторялась несколько раз и, кроме тяжелых жертв, ничего не дала. За неудачи этой операции Сталин сменил трех командующих фронтами.

Исключительно безграмотно проводились операции севернее Варшавы, в результате которых погибли многие десятки тысяч наших людей. Сталину неоднократно докладывали о том, что по условиям местности там нельзя проводить операцию, однако такие доводы отвергались как «незрелые», и операция многократно повторялась с одними и теми же результатами».

Но куда девать признание Жукова в интервью Василию Пескову***: «Сталин так войну понимал, что даже я иногда склонял перед ним голову»***. Правда, это признание было сделано в 1970-м, когда «бесстрашному» маршалу не надо было склонять голову перед Хрущевым. Поэтому заметим только одно: к друзьям Лаврентия Берия Георгия Жукова отнести было никак нельзя еще в годы Великой Отечественной. Как, впрочем, и многих его соратников в штанах с лампасами.

В 1948 году Телегина, Крюкова, Русланову посадили. Сидели они с комфортом. Пианистка Т. Барышникова рассказала о появлении Руслановой в лагерном бараке: «В обезьяньей шубе с черно-бурыми манжетами, в сапогах из тончайшего шевро, в огромной пуховой белой шали». («Русская мысль», 8 февраля 2001) В таком облачении сибирские морозы не страшны. З-к Русланова щеголяла по лагерям и пересылкам в таких нарядах (вывезенных из освобожденной Германии), которые не снились не то, что жене начальника Озерлага, но и жене первого секретаря Иркутского обкома коммунистической партии. Понятно, что з-к Русланова стояла на специальном довольствии и имела множество привилегий. По крайней мере, рельсы она на себе не таскала и тачку не катала.

(Сразу после убийства Л. П. Берия всех высокопоставленных «барахольщиков» освободили и… реабилитировали.)

Десятки тысяч чиновников от армии и государства, их дети и внуки стали обладателями гигантских сокровищ, вывезенных из Германии.

В течении несколько месяцев **советская государственная и военная элита получила баснословные богатства, от которых она не хотела никогда отрекаться.**

А тут начали сгущаться тучи.

Сначала на **19 съезде ВКП(б), завершившимся переименованием партии в КПСС.** Это был серьезный политический шаг.

По мнению писателя Ю. Мухина, Сталин тем самым желал подчеркнуть **подчиненное положение партии по отношению к Советскому государству**. Название «Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)» менялось на «Коммунистическая партия Советского Союза». Как пишет Мухин, первое название объявляло всем о независимости партии от государства, от Советской власти. Слово «Всесоюзная» обозначало просто территорию, на которой действует эта часть всемирного коммунистического Интернационала.

Политбюро было упразднено не только фактически (в начале 50-х годов оно уже и так выполняло чисто номинальную функцию – большинство вопросов **Сталин, как глава правительства, решал со своими заместителями**), но и юридически – вместо компактного всесильного органа партии оно превратилось в Президиум ЦК КПСС, орган, состоящий из двух десятков человек и поэтому **не способный к оперативному руководству страной**. Ю. Мухин отмечает: *«И эта замена Политбюро на Президиум означала, что **партия лишается органа, непосредственно руководящего всей страной, и ей создается орган, который руководит только партией, и то – в перерывах между пленумами ЦК».***

«Элита», а точнее, ее часть, сумевшая разгадать этот политический гамбит Сталина, насторожилась. Но ее успокаивало то, что **справиться** с этой головоломкой стареющего Вождя в погружающемся в коррупцию СССР просто **некому**. Маленков?.. Хрущев?.. Микоян?.. Каганович?.. Не соперники. Да что там, вообще не игроки! Кто еще?.. «Элита» по-настоящему опасалась живущего всю жизнь на зарплату **Лаврентия Берия.**

Хочу напомнить один документ.

Фамилия, имя, отчество (кличка): Берия Лаврентий Павлович.

Год и место рождения: 1899 г., г. Сухуми.

Происхождение: крестьянин.

Гражданство (Ваше и родителей): русско-подданные.

Семейное положение: холост.

Когда стали жить самостоятельным трудом: с 1915 г., **с 17-летнего возраста.**

На Вашем иждивении: мать Берия Марта Ивановна – 54 года. Сестра Анна Павловна – 16 лет, племянница Сусанна Капитоновна – 6 лет.

Не на Вашем иждивении: отец Павел Хухаевич – 50 лет.

Имущественное положение до революции: **ничего не имел и не имею.**

Из анкеты Л. П. Берия, сотрудника АзЧК, от 10 февраля 1922 года.

То же самое он с чистой совестью мог написать о себе и осенью 1952-го: **не имел и не имею…**

«…Коба нервничает, но настроен решительно. После Съезда проведем Пленум. Коба сказал, что хочет отойти от формального руководства, мы с Георгием его отговариваем. Коба ясно дает понять, что в будущем расчет на меня и Георгия. В ночь перед началом Съезда вызвал нас, очень крепкий был разговор. Потом еще раз. Если он не передумает, будет хорошо», – записал в дневнике накануне съезда Л. Берия.

5 октября 1952 года в Большом Кремлёвском дворце открылось первое заседание съезда.

Отчетный доклад, подготовленный аппаратом ЦК, зачитал Г. М. Маленков.

Мы приведем лишь несколько фрагментов из стенограммы съезда, которые могли насторожить присутствовавшую в зале партийно-советскую элиту. Причем, насторожить всерьез, минуя привычное: «поговорят – споют «Жить стало лучше» под музыку Александрова на стихи Лебедева-Кумача – и забудут».

Не была, конечно, инициативой Маленкова его открытая атака на коррупцию. В качестве примера была приведена Ульяновская партийная организация, где, как сообщал доклад ЦК, *«часть хозяйственных, советских и партийных работников из руководящей верхушки областной организации морально разложилась, встала на*

путь казнокрадства растаскивания и разворовывания государственного добра».

Доклад констатировал: *«Создалась известная опасность отрыва партийных органов от масс и превращения их из органов политического руководства… в своеобразные административно-распорядительные учреждения…*

Партии нужны не заскорузлые и равнодушные чиновники, предпочитающие личное спокойствие интересам дела, а неутомимые и самоотверженные борцы за выполнение директив партии и правительства, ставящие государственные интересы превыше всего…»

Далее Маленков заявлял: *«У руля руководства в промышленности и сельском хозяйстве, в партийном и государственном аппарате должны стоять люди культурные, знатоки своего дела».*

И некоторым показалось, что повеяло тревожным ветерком 1936 года, накануне принятия Сталинской Конституции… Дуновение «ветерка» доносилось с того времени не раз и не два. Но партноменклатуре раз за разом удавалось восстановить комфортную для нее погоду.

В январе 1944 года, по распоряжению Сталина, Г. М. Маленков составил проект постановления ЦК *«Об улучшении государственных органов на местах».* В нем предлагалось: *«а) покончить с установившейся вредной практикой дублирования и параллелизма в руководстве хозяйственным и культурным строительством со стороны местных партийных и государственных органов… и полностью сосредоточить оперативное управление хозяйственным и культурным строительством в одном месте – в государственных органах… б) укрепить государственные органы наиболее авторитетными и опытными кадрами… в) повернуть внимание партийных организаций к всемерному укреплению государственных органов, поднятию их роли и авторитетности, освободив партийные органы от несвойственных им административно-хозяйственных функций и установить правильное разделение и разграничение обязанностей между партийными и государственными органами; г)*

обязать руководящие партийные органы на местах, проводя перестройку взаимоотношений с советскими органами…» (Ю. Н. Жуков. «Сталин: тайны власти»).

Предполагалось, что будет собран Пленум ЦК, которые и решит судьбу проекта. Однако **Политбюро отвергло предложения Сталина и Маленкова – настолько велико было сопротивление партноменклатуры. И далеко не всесилен «диктатор» Сталин.**

Уже после войны Сталин дал задание Жданову подготовить проект новой программы ВКП(б), которую планировали принять на партийном съезде в 1947 году. Проект предусматривал осуществление целого комплекса мер, призванных радикально преобразовать жизнь в стране. Предполагалось **включить в управление СССР всех его граждан** (само управление планировалось постепенно свести к регулированию хозяйственной жизни). Все они должны были по очереди выполнять государственные функции (одновременно не прекращая трудиться в собственной профессиональной сфере).

По мысли разработчиков проекта, **любая государственная должность в СССР могла быть только выборной, причем следовало проводить всенародное голосование по всем важнейшим вопросам политики, экономики, культуры и быта.**

Гражданам и общественным организациям планировалось предоставить право непосредственного запроса в Верховный Совет (Данилов А. А., Пыжиков А. В. «Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы»).

В 1947 году съезд так и не состоялся, а реформы были отложены. Но из содержания проекта хорошо видно **желание Сталина изменить строй в СССР.**

…Екатерина Фурцева – тогда секретарь Московского горкома партии – выступила на съезде партии ярко: *«О какой критике и самокритике может идти речь, скажем, в Физическом институте Академии наук СССР, где 102 работника состоят в родственных отношениях, причем часть из них находится в непосредственном подчинении друг у друга?»*

Фурцева же рассказала о таком случае: *31 мая 1952 года в Министерство речного флота СССР поступило письмо из Госснаба*

СССР с просьбой о продвижении важного груза. 5 июня соответствующий главк подготовил ответ и передал его на подпись заместителю министра Вахтурову. Через шесть дней ответ вернулся в главк с визой Вахтурова «Освежите»…

Под смех зала Фурцева рассказывала:

– Письмо «освежили», поставили 4 новые визы и вновь направили к замминистра…

Однако Вахтуров вновь вернул его, теперь уже через восемь дней, с припиской: «Написано слабо».

– Письмо «усилили», – продолжала рассказ Фурцева, *– поставили 5 новых виз, но через пять дней письмо вернулось перечеркнутым.*

А 30 июня на новом варианте появилась виза Вахтурова: «Заместителю начальника главка т. Соловьеву. Мною сообщено о принятых мерах в Госснаб по телефону и письмо посылать не будем».

– Таким образом, – резюмировала Фурцева, *– понадобилось тридцать дней бесплодной переписки, в то время как вопрос можно было решить в течение нескольких минут…»*

Такие пассажи с трибуны заставляли задуматься.

Формально Сталин на съезде выступил один раз – 14 октября. Однако съезд еще до этого услышал фактически сталинскую речь в исполнении его многолетнего помощника и секретаря А. Н. Поскребышева:

«Есть у нас, к сожалению, среди партийных и советских работников (заметим, что хозяйственные работники здесь не упомянуты. *– С.К.*) *такие, которые почему-то уверены в том, что законы обязаны исполнять не они, а кто-то другой, а что они сами могут обходить законы, нарушать или применять их по своему усмотрению по принципу: «Закон что дышло, куда повернул, туда и вышло». От такого весьма странного понимания законов всего один шаг к… преступлению… Иные руководители почему-то считают, что критиковать дозволено только своих подчиненных, а подчиненные, видите ли, не вправе критиковать свое начальство. Это… ничего общего не имеет с партийностью. Руководитель… ограждающий себя от критики, заведомо роет пропасть между собой и массами.*

Далее следовали еще более грозные, весомые и значимые слова: *«Имеются… случаи, когда некоторые вельможные чиновники,*

злоупотребляя своей властью, учиняют расправу за критику, прямо или косвенно подвергают подчиненных репрессиям и преследованиям. Но всем известно, как строго карает таких вельмож наша партия и ее Центральный Комитет, не считаясь при этом ни с чинами, ни со званиями, ни с прошлыми заслугами…»

Мог ли это сказать Поскребышев – всегда подчеркнуто скромный, подчеркнуто незаметный и подчеркнуто несамостоятельный человек – в публичной обстановке в зале, где во всем блеске и великолепии чинов, мундиров и наград был собран весь партийный цвет страны?

Нет, конечно! Говорил это Сталин. Но говорил так, чтобы при всей грозности и серьезности предупреждения оно не было воспринято как предвестие новых крупных чисток в партийно-государственном руководстве и аппарате.

Устами Поскребышева Сталин не угрожал, не пугал. Он предупреждал. Но предупреждал всерьез и, как всегда, по-сталински. То есть, во-первых, предельно сдержанно – потому он и поручил сказать то, что было сказано, другому. Во-вторых, весомо.

Наконец, 6 ноября 1952 г. в докладе на торжественном собрании, посвященном Великому Октябрю, Первухин сказал, что **плохие руководители будут заменены.**

И можно было не сомневаться, что вся шкурная «партоплазма» – и сидящая в зале, и орудующая вне его стен – поняла Сталина верно, – оценивал выступления на съезде писатель С. Кремлев.

Но еще до съезда у чиновничества и региональных партийных боссов был повод затаить злобу на Сталина, славословя его на людных митингах и собраниях.

Именно **Сталин начал борьбу с привилегиями**. Особенно важным шагом, который автоматически увеличивал количество недругов на всех уровнях номенклатуры и сплачивал ее в ненависти к И. В. Сталину, явилось **снижение зарплат партийному и советскому аппарату.**

В ноябре 1947 года по поручению И. В. Сталина была создана комиссия по упорядочению и ограничению выдачи бесплатных пайков по продовольствию и промышленным товарам руководящим работникам. 9 декабря 1947 г. были установлены денежные оклады

Председателям ВС и СМ по 10 тыс. рублей (что составляло около двенадцати средних зарплат), замам и секретарям ЦК ВКП(б) – по 8 тыс. Кроме того, 29 декабря 1947 г. была **прекращена продажа промышленных товаров через закрытую сеть для членов и кандидатов в члены ПБ, секретарей ЦК и других ответственных работников.**

Именно Сталин начал ликвидацию «конвертов». В январе 1951 г. Сталин отдал распоряжение: **сократить доплаты высшей партноменклатуре с 25 тысяч рублей до 8 тысяч.**

С 1952 г. и далее шло дальнейшее постепенное сокращение привилегий партаппарата. **Берия и Маленков поддерживали борьбу Сталина с привилегиями партноменклатуры**. Приведем лишь один документ.

«Протокол № 88/87оп заседания Политбюро.

Особая папка.

От 5.VII.52 г.

О ВРЕМЕННОМ ДЕНЕЖНОМ ДОВОЛЬСТВИИ

В связи с тем, что за последние годы произошло серьезное снижение цен на товары массового потребления ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Принять предложение членов Политбюро о сокращении с 1 августа 1952 года денежного довольствия членам Политбюро, секретарям ЦК ВКП(б), заместителям председателя Совета Министров СССР и установить вместо ныне получаемого денежного довольствия в сумме 20000 рублей ежемесячное денежное довольствие в размере 8-12 тысяч рублей, в зависимости от количества членов семьи.

2. Сократить денежное довольствие членам ЦК ВКП(б), министрам союзных министерств и другим работникам центрального аппарата, получающим денежное довольствие в сумме 15000 рублей ежемесячно, и установить им денежное довольствие в размере от 6 до 9 тысяч рублей, в зависимости от количества членов семьи.

3. Сократить денежное довольствие кандидатам в члены ЦК ВКП(б), первым заместителям министров союзных министерств и другим работникам центрального аппарата, получающим довольствие в сумме 10000 рублей, и установить им ежемесячное денежное

довольствие в размере от 5 до 7 тысяч рублей в зависимости от количества членов семьи.

4. Сократить руководящим работникам центрального аппарата, республиканских и местных партийных и советских органов размер денежного довольствия по сравнению с ныне получаемым по следующей шкале:

– получающим от 6000 до 4000 рублей – на 33 %;

– получающим от 4000 до 3000 рублей – на 25 %;

– получающим от 3000 до 2000 рублей – на 20 %;

– получающим от 2000 до 1000 рублей – на 15 %.

5. Работникам, получающим денежное довольствие в размере от 1000 рублей и ниже – выплату денежного довольствия сохранить на прежнем уровне.

6. Установить с 1 августа 1952 года министрам военному, военно-морскому, госбезопасности, внутренних дел и Госконтроля СССР их заместителям должностные оклады независимо от звания на уровне, установленном для министерств и заместителей министров других министерств.

Выписки посланы: тт. Маленкову, Звереву, Помазневу».

После таких постановлений количество врагов или, во всяком случае, недоброжелателей у Сталина увеличилось кратно количеству руководящих работников, членов семей и их родственников, которых оторвали от «кормушки».

После смерти Сталина глава правительства СССР Маленков… отменил все льготы для партийной номенклатуры. Например, ежемесячную выдачу денег («конверты»), сумма которых в два-три, а то и в пять раз превышала зарплату и не учитывалась даже при уплате партвзносов, Лечсанупр, санатории, персональные машины, «вертушки». И поднял зарплату сотрудникам госорганов в 2-3 раза. Партработники по общепринятой шкале ценностей (и в собственных глазах) стали намного ниже работников государственных.

Наступление на скрытые от посторонних глаз права партийной номенклатуры продлилось три месяца. Партийные кадры объединились, стали жаловаться на ущемление «прав» секретарю ЦК Хрущёву. Просили оставить хоть что-то, чего нет у других.

Тот добился отмены решения, все «потери» номенклатуре с лихвой возвратили. И Хрущёв на сентябрьском пленуме ЦК был единогласно избран первым секретарём. Хотя на мартовском пленуме решили отменить эту должность, перейти к коллективному руководству. (Ю. Жуков).

Но наиболее опасным всегда был и оставался «ближний круг». Полудрузья… А «наполовину друг – предатель наполовину», – подметил Виктор Гюго.

Последовавший за съездом Пленум ЦК КПСС, похоже, включил часы, отмеряющие уходящее время Сталина. Сразу, после первой фразы Вождя.

«Итак, мы провели съезд партии. Он прошел хорошо, и многим может показаться, что у нас существует полное единство. Однако ***у нас нет такого единства,*** – начал Сталин.

Спрашивают, почему мы освободили от важных постов министров видных партийных и государственных деятелей. Что можно сказать на этот счет? Мы освободили от обязанностей министров Молотова, Кагановича, Ворошилова и других и заменили их новыми работниками. Почему? На каком основании? Работа министра – это мужицкая работа. Она требует больших сил, конкретных знаний и здоровья. Вот почему мы освободили некоторых заслуженных товарищей от занимаемых постов и назначили на их место новых, более квалифицированных, инициативных работников. Они молодые люди, полны сил и энергии. Мы их должны поддержать в ответственной работе, – сделал дипломатический реверанс Сталин.

А потом перешел к фактам:

Нельзя не коснуться неправильного поведения некоторых видных политических деятелей, если мы говорим о единстве в наших делах. Я имею в виду товарищей Молотова и Микояна.

Молотов – преданный нашему делу человек. Позови, и, не сомневаюсь, он, не колеблясь, отдаст жизнь за партию. Но нельзя пройти мимо его недостойных поступков. Товарищ Молотов, наш министр иностранных дел, находясь под «шартрезом» на дипломатическом приеме, дал согласие английскому послу издавать в

нашей стране буржуазные газеты и журналы. Почему? На каком основании потребовалось давать такое согласие? Разве не ясно, что буржуазия – наш классовый враг и распространять буржуазную печать среди советских людей – это, кроме вреда, ничего не принесет. Такой неверный шаг, если его допустить, будет оказывать вредное, отрицательное влияние на умы и мировоззрение советских людей, приведет к ослаблению нашей, коммунистической идеологии и усилению идеологии буржуазной. Это первая политическая ошибка товарища Молотова.

А чего стоит предложение товарища Молотова передать Крым евреям? Это – грубая ошибка товарища Молотова. Для чего это ему потребовалось? Как это можно допустить? На каком основании товарищ Молотов высказал такое предложение? У нас есть Еврейская автономия – Биробиджан. Разве этого недостаточно? Пусть развивается эта республика. А товарищу Молотову не следует быть адвокатом незаконных еврейских претензий на наш Советский Крым. Это – вторая политическая ошибка товарища Молотова. Товарищ Молотов неправильно ведет себя как член Политбюро. И мы категорически отклонили его надуманные предложения.

Товарищ Молотов так сильно уважает свою супругу, что не успеем мы принять решение Политбюро по тому или иному важному политическому вопросу, как это быстро становится известным товарищу Жемчужиной. Получается, будто какая-то невидимая нить соединяет Политбюро с супругой Молотова, Жемчужиной, и ее друзьями. А ее окружают друзья, которым нельзя доверять. Ясно, что такое поведение члена Политбюро недопустимо.

Стоит заметить, что с начала 50-х все большие подозрения у Сталина начал вызывать его давнишний соратник и друг Вячеслав Молотов. Абакумов все чаще напоминал Сталину, что, начиная с 1939 года, жена Молотова Полина Жемчужина имеет подозрительные связи с антисоветскими элементами. Особенно раздражало Сталина, что в покаянных письмах Шахурина, Новикова и Шиманова утверждалось, что Молотов знал о крупных недостатках в работе авиационной промышленности и покрывал их.

В связи с «делом авиаторов» Сталин вспомнил слова простодушного наркома Военно-морского флота адмирала Кузнецова,

неискушенного в политических интригах, который на одном из приемов рассказал ему, что когда он пожаловался Молотову: мол, ему крепко порой достается от Сталина за допущенные ошибки, промахи в работе и прямоту суждений, то Молотов сказал: «Только “шляпа” высказывает то, что думает». Иными словами, то, о чем на самом деле думал Молотов, Сталину было невдомек.

Неожиданно Жемчужина дала повод для своего ареста, открыто установив дружеские отношения с послом государства Израиль в СССР Голдой Меир.

После нескольких зафиксированных встреч с Голдой Меир, **пытавшейся вести провокационную работу среди евреев – представителей советской интеллигенции, агитируя их за отъезд из СССР**, Полина Жемчужина, по приказу Сталина, в феврале 1949 года была арестована. Голда Меир, как нежелательная персона, была выслана из страны. **В кулуарах ООН поведение Голды Меир назвали «неуместным».** Такое поведение евреев показало Сталину, что на них нельзя опираться в строительстве социализма в СССР, особенно при наличии вражеского окружения.

Досталось на Пленуме и Микояну, мастеру аппаратного маневра, не допускавшему политических проколов даже в переломные времена.

Именно Микоян выступал от имени Политбюро ЦК ВКП(б) на торжественном активе НКВД, посвящённом 20-летию органов ВЧК-ГПУ-НКВД. После восхваления деятельности Ежова, оправдания массовых репрессий Микоян закончил свой доклад словами: **«Славно поработало НКВД за это время!»**, – имея в виду 1937 год. Знал, когда сказать. В январе 1939 было уже не к месту…

Но вот, о чем в своих «Воспоминаниях» писал Н. Хрущев:

«На первом же Пленуме после съезда он (Сталин) предложил создать вместо Политбюро Президиум ЦК партии в составе 25 человек и назвал поименно многих новых людей.

Я и другие прежние члены Политбюро были удивлены, как и кем составлялся этот список? Ведь Сталин не знал этих людей, кто же ему помогал? Я и сейчас толком не знаю. Спрашивал Маленкова, он ответил, что сам не знает. По своему положению Маленков должен был принимать участие в формировании Президиума, подборе людей и составлении списка, но не был к этому допущен. Может быть, это

сделал сам Сталин? Сейчас я по некоторым признакам предполагаю, что он при подборе новых кадров воспользовался помощью Кагановича. ***Внутри Президиума действовало более узкое Бюро****. Президиум фактически и не собирался, все вопросы решало Бюро. Это Сталин выдумал такую, совершенно неуставную форму: никакое Бюро не было предусмотрено в Уставе.*

Для чего Сталин создал Бюро Президиума? Ему было, видимо, неудобно сразу вышибать Молотова и Микояна, и он сделал расширенный Президиум, а потом выбрал Бюро узкого состава. Как он сказал, для оперативного руководства. И туда ни Молотова, ни Микояна не ввел, то есть «подвесил» их. Я убежден, что если бы Сталин прожил еще какое-то время, то катастрофой кончилась бы жизнь и Молотова, и Микояна. Вообще же сразу после XIX съезда партии Сталин повел политику изоляции Молотова и Микояна, не приглашал их никуда – ни на дачу, ни на квартиру, ни в кино, куда мы прежде ходили вместе».

А. И. Микоян утверждал, что расширенный состав Президиума ЦК КПСС был создан И. В. Сталиным для того, чтобы легче было кого-либо убирать из Президиума ЦК: мол, никто не заметит исчезновения того или иного руководителя партии. Другие писали, что расширение состава Президиума ЦК КПСС ослабляло позиции этого руководящего органа партии, поскольку де «утрачивались» мнения ветеранов партийно-государственного руководства и «не сложились» взгляды новых деятелей партии.

Однако если посмотреть состав расширенного Президиума ЦК, то станет ясно, что в него введены И. В. Сталиным новые руководящие кадры, вынесшие на своих плечах всю тяжесть войны с фашистской Германией и выросшие за годы нового этапа социалистического строительства.

На первом заседании Президиума ЦК КПСС 18 октября 1952 года было принято решение освободить Кагановича, Молотова, Микояна от высоких постов.

17 октября 1952 года Берия записал в дневнике: *«Все закончилось и все начинается. Провели Пленум. Коба все-таки попросил его заменить. Сказал нам, если Пленум колебнется,* ***передаю ЦК тебе***

Георгий, а Совмин тебе Лаврентий. *Мы сказали, этого делать не надо. Он сказал: «Я знаю, что не надо. А надо».*

Что крылось за сталинской фразой «если Пленум колебнется»? Нет ответа. Можно только предположить, что «Пленум» остался неколебим…

В октябре 1952 года, на пленуме ЦК, Сталин предложил освободить его от обязанностей секретаря ЦК и Председателя Совмина. **Но участники пленума отвергли это предложение, обставив свой отказ как проявление верности вождю.**

Стареющий, но живой Сталин, умеющий долго терпеть даже самых отпетых негодяев, был, в представлении «элиты», меньшим злом рядом с неподкупным Лаврентием Берия, который мог занять ведущее место в Правительстве СССР.

А вот теперь – о «неуставном» Бюро. Все началось с письма некоего военнослужащего Ф. Филькина из Бежецка.

25 октября 1952 г.

Товарищу Маленкову Г. М.

Дорогой Георгий Максимилианович, обращаюсь к Вам, как к депутату Верховного Совета СССР. Я три раза участвовал в выборах в Верховные органы государственной власти за Вашу кандидатуру и прошу Вас ответить мне на несколько вопросов.

Я нахожусь в г. Бежецке Калининской области. В городе очень неблагополучно обстоит дело с продовольственным обеспечением населения. В магазинах нет никаких продовольственных продуктов, кроме вин, водки, консервов и дорогих сортов конфет. Белый хлеб и хлебобулочные изделия совершенно отсутствуют. Сахара нет, круп нет, жиров и колбасных изделий тоже нет, а иногда даже трудно достать черного хлеба (24-25 октября 1952 г.).

Местные городские органы отвечают, что нет фондов. Нет фондов продовольствия, но в городе есть живые люди, рабочие, интеллигенция, которые отдают свой труд на благо общества.

В городе плохо обстоит с электроэнергией. Городская электростанция стро ится четыре года и не может окончить строительство. Нет средств, и средства нужны небольшие, чтобы окончить строительство электростанции. В городе имеется

хороший колхозный рынок, но на рынке имеется только мясо, лук, картофель. Муки, сахара не бывает. Георгий Максимилианович, окажите помощь в обеспечении снабжения продовольствием г. Бежецка и средств для окончания строительства городской электростанции 1.

Ф. Филькин. г. Бежецк Калининской обл. в/ч 78756(к) Филькин Ф. М.

ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 86. Д. 2167. Л. 56. Заверенная машинописная копия.

(На документе резолюции: «Т. Жаворонкову В. Г. Обратите внимание на это дело. [Примите меры.] О результатах сообщите. 30/X–52 г. Г. Маленков»; «т. Помазневу. 30/X–52 г. Г. Маленков».)

Маленков показал письмо Берия и они вместе зашли к Сталину.

«Он прочитал, ничего не говорит. Потом выругался. Мы молчим. Потом говорит Георгию: «По конкретному случаю сам решай как депутат. А явление надо рубить под корень».

И сам спрашивает: «А где корень?»

Я ему говорю: «В [идиотах]».

Он прищурился, согласился. Потом начали говорить. У Кобы есть крепкое желание устроить большую чистку, но уже без большой крови. Говорит: «Раньше против нас были внутренние враги, которые готовили форменные заговоры. А сейчас основной враг бюрократ и разложившийся шкурник. Этих к стенке ставить незачем, этих просто уволить, а самых злостных по суд».

Мы согласились, он говорит, это надо хорошо обдумать и хорошо подготовить. Сказал, что разговор пока между нами, больше ни с кем. Сказал, он тоже ни с кем пока говорить не будет.

Мне тоже надо подумать. Тут надо МГБ чистить. Игнатьев насажал засp…нцев из ЦК, а тут нужны профессионалы…», – из дневника Л. Берия от 27 октября 1952 года.

В октябрьско-ноябрьской сводке обращений граждан за 1952 год, направленных Сталину, помимо писем из Молотовской, Вологодской, Московской областей о тяжелом положении в кол хозах, выделялось

одно, датированное 1 ноября. Его прислал ветеринар из Орехово-Зуевского района Московской области Н. И. Холодов. Он писал:

«*Согласно нашей прессы, в сельском хозяйстве мы имеем гро мадные достижения […] Посмотрим же на самом деле, как обстоит дело в действительности. Рожь кое-как скошена, кое-как потому, что при уборке были колоссальные потери […] Колхозы района не получают на трудодни вот уже 3-4 года. Только и слыхать: “За палочки я работать не буду” […] Картофель вроде убран, но что это за уборка? Его убирали мобилизованные рабочие с фабрик и заводов, у которых на этот период сохраняется зарплата на 50 %, и они не старались собрать весь картофель, потому что они в этом не заинтересованы, они старались побыстрее освободиться и со бирали только то, что было наверху […]*

Теперь перейдем и посмотрим на животноводство. О нем даже совестно говорить – годовые удои молока из года в год не превы шают 1200-1400 литров на фуражную корову. Это смешно – это дает средняя коза […]

Сперва я думал, что такое положение вещей только в несколь ких районах промышленного значения, а оказывается нет – такая же картина, как я узнал, и в ряде районов Владимирской, Рязанской, Курской и Воронежской областей, не говоря уже о других, о которых я не знаю […]

Как бы ни старались руководители заставлять работать кол хозников, последние под всеми соусами работать не хотят, так как из года в год трудодень не оплачивается. В виде меры пресечения этого у плохо работающих отрезают усадьбы, последние уходят на производство, а сдвига в работе нет. В связи с таким положением вещей колхозы несут колоссальные убытки в сельском хозяйстве из-за несвоевременной и, надо сказать, плохой уборки урожая, не радивого отношения к животноводству. И все это потому, что при работе с угрозами, из-под палки, работают все нехотя, колхозное добро считают не своим и все работают кое-как […]

Предстоящая зимовка будет одной из труднейших зимовок, которые были в последние годы […] потому что план накопле ния грубых кормов выполнен всего на 50-60 % […] Вот придет февраль-март месяц, начнется отход слабых, падеж молодняка и на этом многие работники сельского хозяйства дорого поплатят ся, многие

заработают выговора, кое-кого снимут с работы, а не которых будут и судить. Не в лучшем положении животноводство и у колхозников. Корма колхозные хозяйства почти не накосили никто. Начинается массовая сброска скота».

Холодов утверждал, что спасти положение может только мате риальное стимулирование колхозников, оплата их труда натурой, а не пустыми трудоднями. **Так считал, кстати, и Берия**. 3 декабря 1952 года **Бюро Президиума ЦК КПСС** поручило Хрущеву, возглавлявшему партийные организации Москвы и Московской области, рассмотреть факты, изложенные в пись ме Холодова. В записке от 11 декабря 1952 года на имя Сталина Хру щев признавал справедливость ряда утверждений Холодова, однако доказывал, что Холодов пишет только о плохих колхозах и не знает, как работают передовые хозяйства. В заключении Хрущев сообщал, что вопросы повышения личной заинтересованности колхозников будут учтены при разработке соответствующих постановлений.

Таких и им подобных «новаторских» постановлений, вышедших из-под пера Хрущева, архивы ЦК хранят до сих пор целые тома.

4 марта 1951 г. в «Правде» было опубликовано выступление Хрущева о создании агрогородов, о необходимости укрупнения колхозов. На следующий день «Правда» напечатала, что по недосмотру редакции выпало примечание, где говорилось, что статья т. Хрущева печатается в дискуссионном порядке.

А 2 апреля было разослано закрытое письмо ЦК ВКП(б), осуждающее хрущевское новаторство. Для реализации хрущевских идей требовались огромные капиталовложения. Сталин раскритиковал статью, и Хрущев написал покаянное письмо Сталину.

На XIX съезде Хрущев был раскритикован Маленковым. Не называя имен, Маленков в отчетном докладе упрекал некоторых руководящих работников, которые «предлагали снести дома колхозников, форсированно осуществить массовое переселение деревень в крупные колхозные поселки, тем самым создавая агрогорода». Однако Хрущев не был наказан.

29 декабря 1952 года Берия открыл свой дневник: *«…С сельским хозяйством хреново. Мартын Беруля (Никита Хрущев) с Анастасом*

(Микоян) заседают, а толку нет. Коба сказал, что подключит меня и Георгия в комиссию по письму Холодова. Наживу я у Мартына врага. И у Анастаса тоже. Что им надо? Дела по горло, а они все амбицию гонят. Кто им виноват?..»

«Элите», в том числе и хозяйственной, было напрямую сказано: время уговоров прошло.

А Лаврентий Павлович в дневнике 23 января 1953-го размышлял:

«…Старости не чувствую, могу горы своротить, но вокруг много болота. Обросли жиром, чинами. Вячеслав (Молотов) и Анастас (Микоян) постарели и откровенно не тянут, Коба прав.

Георгий (Маленков) сейчас тянет хорошо, но как верил в силу бумажки, так и верит в силу бумажки. Аппаратный человек, далеко не смотрит. Но если припрет, он хорошо тянет. Помню по войне. Так что и сейчас потянет.

Мыкыта Беруля активничает, но зря старается. Теперь речами много не добьешься. А толку с него мало. Все крутится вокруг меня. Дружбы ищет».

Почему, станет понятно буквально через несколько страниц.

23 января 1953 года Берия записал в дневнике:

«Коба сегодня провел непонятный разговор. Позвонил, немного поговорил, потом говорит: «На Президиуме рассмотрим вопрос о контроле за специальными работами». Я говорю: А зачем? Все идет нормально.

Он говорит: «Ты Председателем хочешь быть?»

Я говорю: «Я и не знаю, как все успеть». Он говорит: «Это успеешь». Помолчал. Потом сказал: «Когда предложу Тройку по специальным работам, поддержишь». Я спрашиваю: «А кто в тройке?»

Он говорит: «Ты, Маленков и Булганин». И повесил трубку.

Потом снова позвонил, сказал, чтоб завтра зашел.

Через три дня Президиум».

27 января Берия записал:

«Вчера Коба организовал Тройку. Я председатель, члены Георгий и Булганин. Сегодня стало окончательно понятно, зачем. Он вчера сказал при всех, что соберет Тройку после разговора по «Беркуту» еще обсудить (в 1951 г. Постановлением Совета Министров СССР вокруг Москвы начато сооружение объектов ракетной системы ПВО «Беркут» (С-25). Сказал громко при всех, а сегодня пригласил только нас троих и объяснил. Сказал, что Хрущев Хрущевым, а в МГБ непорядки, это ему надоело, и он перебросит меня на МГБ и надо объединить с МВД. Сказал, готовься Лаврентий, снова придется тянуть ЧК.

Мне с Георгием надо разобраться по сельскому хозяйству, по комиссии по Холодову. Сказал, надо самого этого парня пригласить, присмотреться. Может, выдвинем.

Сказал: «Нам предстоит тяжелая весна, надо крепко поработать». Берулю он из секретарей ЦК выведет, поедет снова на Украину поднимать село министром сельского хозяйства. Сказал, если к концу года не выправит, он его выгонит на учебу. Шутит, конечно.

Беруле на пенсию пора. Но что решил Коба, не угадаешь. Посмотрим».

По мнению С. Кремлева, Тройка создавалась Сталиным с вполне определенными и очень решительными политическими целями. «…это действительно была не тройка, призванная решать комплекс военно-технических задач, а Тройка, задуманная Сталиным как **временный оперативный орган по проведению комплекса неотложных государственных мер по реформированию политической системы СССР весной 1953 года.**

Формально это был тот же Спецкомитет Берия с целями чисто «технократическими», почему Хрущев из «компании» логически выпадал. Но фактически главной системной чертой Тройки было то, что Тройка позволяла вполне легально, не вызывая ничьих подозрений, собираться наедине трем членам высшего руководства: Берия, Маленкову и Булганину.

Похоже, для Хрущева не были тайной «секретные» посиделки Сталина, Маленкова, Булганина и Берия. Аппарат МГБ, который курировал Хрущев (!), работал даже в стенах кремлевских кабинетов, и агентуру не надо было привлекать.

Хрущев поддерживал союз с **Булганиным и Маленковым.** Истоки этого альянса уходили в прошлое. В 1934-1938 годах молодой Хрущев занимал пост лидера московской партийной организации и уже тогда сблизился с Булганиным, который с 1931 года возглавлял Московский городской исполнительный комитет.

Вспомним военный провал под Харьковом в 1942 году. В сотнях тысяч смертей советских солдат и офицеров были виноваты Тимошенко и Хрущев. Как рассказывал Булганин, Сталин собирался поручить ему расследовать дело о Харьковской операции. А ведь Булганин и Хрущёв были приятели. С трудом удалось этот скандал замять. «Такой человек это Никита Сергеевич, – добавил Булганин. – Всё в его представлении всегда предельно просто – из невозможного сделать возможное». Дескать, что спрашивать с Хрущёва, он самоучка, но хороший организатор, смелый человек, не боящийся ответственности. М-да-а…

Незадолго до смерти Сталина, согласно диктовкам Хрущева, он предупреждал Булганина об опасности занятия Лаврентием Берия

поста министра МВД. Вот характерное признание Хрущева:

«Я был более откровенен с Булганиным, чем с другими:

– Ты знаешь, какая ситуация сложится, если Сталин умрет? Ты знаешь, какой пост захочет занять Берия?

– Какой?

– Он хочет стать министром госбезопасности. Если он им станет, то это начало конца для всех нас… Что бы ни случилось, мы абсолютно не должны допустить этого.

Булганин сказал, что согласен со мною, и мы начали обсуждать, что мы отныне должны делать. Я сказал, что поговорю обо всем этом с Маленковым».

Конечно, Хрущев где-то, как всегда, привирает, но сам по себе факт конфиденциального обсуждения очень острого вопроса с Булганиным говорит о многом.

В последние годы, по словам Н. Зеньковича, **Булганин и Хрущев** держались вместе **и в момент смерти Сталина, и в момент свержения Берия**. Булганин, Маленков и Хрущев жили в одном доме. Булганин и Хрущев на 5-м этаже напротив друг друга, а Маленков на 4 м этаже.

Личные отношения **Хрущева и Маленкова**, по свидетельству очевидцев, до определенного момента тоже были достаточно дружелюбными. Как пишет сын Маленкова, наименее официальные отношения у его отца некоторое время были, пожалуй, именно с Хрущевым. Однажды Хрущев даже помог Маленкову выйти из затруднительного положения. В 1937 г. на Московской городской конференции ВКП(б) шло персональное обсуждение кандидатов в члены МГК ВКП(б). Хрущев к тому времени был уже первым секретарем МГК, а Маленков – заведующим отделом ЦК ВКП(б). Маленков во время обсуждения своей кандидатуры рассказывал о периоде Гражданской войны и упомянул город Оренбург, где он вступил в Красную Армию. И тогда из зала был задан вопрос: «В Оренбурге были белые?» – «Да, в Оренбурге были белые», – ответил Маленков и тут же услышал: «Значит, был с ними!» На помощь неожиданно пришел Хрущев: «Товарищи, я считаю, что такие вопросы могут ввести в заблуждение конференцию. На территории Оренбурга могли быть в то время белые, но т. Маленков был не на их стороне».

А разве не показателен тот факт, что после ареста Абакумова и многих его сослуживцев «освободившиеся» руководящие посты в МГБ занял, как установил историк Г. В. Костырченко, целый ряд «людей Хрущева», переведенных в Москву с Украины. Едва ли Хрущев смог бы внедрить в 1951 году на высокие посты в МГБ такое количество «своих людей» при жизни Сталина, если бы он не курировал это министерство.

Об этом свидетельствовал и П. А. Судоплатов: *«Во время последних лет сталинского правления Хрущев… расставлял своих людей на влиятельных постах. Редко замечают, что Хрущев умудрился… внедрить четырех своих ставленников в руководство МГБ-МВД: заместителями министра стали Серов, Савченко, Рясной и Епишев».*

Так что вряд ли от Хрущева могли ускользнуть детали «тайных» бдений малой Тройки, созданной Сталиным незадолго до гибели.

Но, что еще удивительно: по сути, Сталин и его ближайшие помощники в начале 50-х годов были вынуждены соблюдать **конспирацию**, вырабатывая **в Кремле** проекты государственного переустройства **с демократическим вектором**! Вот вам и «диктатор» Сталин…

17 февраля 1953 года Берия отметил в дневнике:

«Сегодня Коба снова вызывал. Уточняли детали, доложили о готовности. Николай переговорил с Василевским. Сразу после Президиума (заседание Президиума ЦК было намечено на 2 марта 1953 года) Коба считает необходимым созвать внеочередную Сессию Верховного Совета. Он возьмет на себя Советскую власть, Совмин на мне, ЦК на Георгии, а Николая в Заместители по Верховному Совету. Возможно, он возьмет и военное министерство на первых порах. Косыгу на Госплан, Первухина возьму в первые замы по Совмину. Насчет Лазаря надо подумать.

Коба сказал, больше собираться у него не будем, чтобы не было лишних разговоров. Ему надо еще раз все обдумать. Может, соберет за столом в конце месяца. Для отвода глаз с Мыкытой».

Больше тройка не собиралась. Ни с Мыкытой, ни без**. И намеченное на 2 марта 1953 года заседание Президиума ЦК,**

который должен был круто повернуть государственный корабль в сторону подлинного народовластия, тоже не состоялось.

Так «совпало», что Сталин скончался буквально накануне…

Лаврентий Павлович Берия еще пару раз обратился к дневнику (23 и 26 февраля), а потом открыл страницу только 8 марта, где оставил короткую запись:

«Завтра хороним Кобу. Я не знаю».

Мы не ставили своей книгой цели отыскать подлинных организаторов и исполнителей убийства Иосифа Виссарионовича Сталина. Может быть, еще не пришло время назвать имена. Но вот, что удалось обнаружить на информационном поле современной, либерально-демократической России.

«Никита Хрущев в 50-е годы XX века использовал разоблачение культа личности, как своеобразную «шоковую терапию» для удержания и легитимизации своей собственной власти и ухода от ответственности за свой собственный вклад в репрессии.

В 60-70-е эта тема была использована против него самого, а в 80-е и 90-е годы XX века тема сталинских репрессий была раздута уже для свержения КПСС и полного уничтожения СССР».

Это мнение **Дмитрия Анатольевича Медведева**, на момент написания этой книги, главы Правительства РФ, которого при всем желании, трудно отнести к апологетам и даже симпатизантам Иосифа Виссарионовича Сталина…

Как, впрочем, и еще одного видного политического деятеля. Еще в конце 1970-х годов **Збигнев Бжезинский** недвусмысленно заметил:

«В настоящий момент есть две мощные идеологии, которые в состоянии разрушить морально-политическое единство советского общества: это, во-первых, национализм, и, во-вторых, антисталинизм. Сначала эти идеологии весьма грамотно внедрили в систему советского агитпропа, а потом сама верхушка КПСС довершила остальное».

Кто «внедрил», полагаем, не вызывает сомнений. Просто Бжезинский упустил местоимение «мы».

Но предложенная Медведевым последовательность событий, где последней инстанцией названо уничтожение СССР, подсказывает, кто

был наиболее заинтересован в таком итоге. **Промежуточном итоге**, потому что конечный – **стирание РОССИИ с цивилизационной карты мира**. Многовековая цель Запада. Об этом политик умолчал. Как и о том, **КТО** мог предотвратить такой исход. Нужно было назвать лишь одно имя. **БЕРИЯ…**

Исследователи эпохи Сталина сходятся в одном – участии ЦРУ в событиях 1-5 марта и 26 июня 1953 г. В том, что заговором руководили агенты спецслужб США, Англии, **используя советскую партноменклатуру, как слепых котят.**

Писатель А. Мартиросян уверен: *«Тут надо искать руку Запада. Потому как при ясном осознании того факта, что языком Марса (бога войны) со Сталиным лучше не разговаривать, тем более после 1949 года, когда СССР стал атомной державой, Запад по-настоящему испугался перспектив реального в скором времени экономического и политического доминирования СССР (тем более во главе целой системы стран народной демократии). Ведь темпы роста в 2-3 раза превышали американские. В сочетании же с мотивами, которые были указаны выше, именно это и послужило основанием для принятия решения об устранении Сталина самым подлым, самым коварным, но столь характерным для Запада образом: убийством!..И только Авторханов не заметил ЦРУ. Но его поведение понятно – как предатель он должен был сделать так, чтобы это выглядело абсурдом, как «держи вора», и указывать на Берию. Ему было важно отвести подозрения от своих спонсоров.*

…Покушения на Сталина готовились. Гитлер правильно определил, кто главный виновник победы СССР, кто головной мозг СССР. Почему мы должны отказывать ЦРУ в праве быть не глупее Гитлера. Почему у Гитлера не получилось? Потому что тогда абверу противостояли два гения сыска: Берия и Абакумов. В 1953 г. после удаления Берии и Абакумова профессионализму ЦРУ противостоять было некому».

Гипотеза об убийстве Сталина с участием ЦРУ нашла косвенное подтверждение. Сравнительно недавно Центральное разведывательное управление США рассекретило свои архивы, которые относятся к периоду с 1953 по 1973 год. Среди прочего эти документы содержат

отчет о смерти Сталина. Специалистам ЦРУ не удалось установить причину смерти Сталина: «невозможно определить, был ли Сталин уже мертв какое-то время до момента, когда о его гибели было объявлено официально, был ли он убит или умер таким образом, как об этом говорится в медицинских бюллетенях». При этом эксперты ЦРУ, которые готовили отчет, не исключали, что генералиссимус мог умереть насильственной смертью за несколько дней до официального объявления о его кончине.

Дополнительными доводами в пользу участия Запада в организации убийства Сталина могут быть:

– Абсолютное молчание Запада о возможных насильственных вариантах устранения Сталина и Берии;

– Судя по утечкам, сам хрущевский доклад на XX съезде мог быть написан за рубежом; а уж тот факт, что текст доклада немедленно появился на Западе, свидетельствует в пользу наличия «крота»;

– КГБ раскрыл шифр американских посольств, которыми они пользовались во время связи с Вашингтоном, это стало известно Хрущеву, и на переговорах с американцами он им буквально сказал: «Мы вас слушаем». После этого американцы сменили все шифры…

…9 марта 1953 года Красная Площадь была заполнена скорбящими людьми. С трибуны Мавзолея к пришедшим проводить в последний путь Вождя, ко всему советскому народу обратились видные государственные деятели – Г. Маленков, Л. Берия и В. Молотов.

Писатель Юрий Мухин заметил в траурных монологах «программные» ноты.

«*Речи говорили три человека в такой последовательности: Маленков, Берия, Молотов. Опытным аппаратчикам-кремленологам стало сразу ясно, что Берия – второй человек в государстве. Тем более что на фото в газетах с подписью «Руководители Партии и Правительства выносят гроб с телом Иосифа Виссарионовича Сталина из Дома союзов» первыми идут Маленков и Берия, а Молотов во втором ряду за Маленковым, Хрущев – за Берия.*

В речах Маленкова и Молотова во всех случаях, где по смыслу нельзя обойтись без правительства, оно упоминается только вместе с партией: «Коммунистическая партия Советского Союза, Советское Правительство считают, что самой…», «Коммунистическая партия,

Советское Правительство стоят на том, что…», «Мы должны еще теснее сплотиться вокруг Центрального Комитета нашей партии, вокруг Советского Правительства». И, разумеется, ***ни тот, ни другой даже на похоронах Сталина не упомянули о Конституции, которая тогда практически официально называлась по имени своего автора – Сталина****.*

Как же так? А куда же девалась «верность заветам Сталину»? Ведь на недавнем Пленуме ЦК, в октябре, Сталин прямо говорил о главном системном преобразовании – **передаче управленческих функций от Партии – Правительству и Советам.** С возрастанием ответственности за принимаемые решения и результат, чем на деле не тяготилась Партия. Может быть, Молотов подзабыл, обидевшись на критику и отстранение от руководства министерством иностранных дел? Но уж Маленков-то должен был помнить, о чем шла речь на встречах Сталина с членами образованной им Тройки – Маленковым, Берия и Булганиным! Именно об этом! Это было первоочередным «наказом Вождя».

Похоже, история повторялась, когда после принятия в 1936 году новой Конституции и объявленной Сталиным реорганизации политического устройства страны с возвышением Советов, к нему в кабинет повалили малограмотные партийные секретари во главе с Эйхе, а потом грянул кровавый 1937 год?

Только теперь военно-партийная верхушка, ожиревшая от «трофеев» и безнаказанности, поступила иначе. Она не выстроилась в очередь на прием к Вождю. Она просто проводила Сталина из его кремлевского кабинета. Навсегда. С почетом. В Мавзолей…

А вот речь Берия на похоронах Сталина.

В ней в общих местах он тоже говорит о партии и правительстве, но когда доходит до знакового места, до сути речи, до того, как будем жить без Сталина, то Берия резко меняет акценты: *«Рабочие, колхозное крестьянство, интеллигенция нашей страны могут работать спокойно и уверенно, зная, что Советское Правительство будет заботливо и неустанно охранять их права, записанные в Сталинской Конституции»; «И впредь внешней политикой Советского*

Правительства будет ленинско-сталинская политика сохранения и упрочнения мира…» и т. д.

Простой народ вряд ли понял, о чем это Берия говорит, но ведь для партноменклатуры это был удар током – **Берия вознамерился вести страну дальше без партии**, т. е. без них, он обещает народу беречь его права, которые дает народу **не партия, а какая-то там Конституция**!»

Микоян вспоминал:

«Я вначале ему говорил, зачем тебе НКВД (Микоян по старой привычке говорил «НКВД», имея в виду МВД. – *С.К.*)*? А он отвечал: надо восстановить законность, нельзя терпеть такое положение в стране. У нас много арестованных, их надо освободить. НКВД надо сократить* (при министре Игнатьеве штаты были весьма раздуты. – *С.К.*)*, охранников послать на Колыму и оставить по одному-два человека для охраны* (членов правительства. – *С.К.*)*…*

Когда он выступил на Красной площади над гробом товарища Сталина, то после его речи я сказал: в твоей речи есть место, чтобы гарантировать каждому гражданину права и свободы, предусмотренные Конституцией. Это в речи простого оратора не пустая фраза, а в речи министра внутренних дел – это программа действий, ты должен ее выполнять. Он мне ответил: я и выполню ее…»

Судьба отвела Лаврентию Берия на решение этой задачи 100 дней. Почти как Наполеону после возвращения с Эльбы в марте 1815-го. И как схожи были цели – Конституция! В Париже она была принята 25 мая 1815-го на плебисците при подавляющем преимуществе голосов.

И в портфеле Берия лежала Конституция, принятая в 1936 году огромной страной, Конституция, согласно которой почти 20 лет не удавалось устроить жизнь.

Но Бонапарту было проще. За его спиной стояли примкнувшие к нему гусары и гренадеры, рядом – верные Фуше, Даву, Коленкур, Карно, Маре. А на противоположной стороне – предавшие полководца генералы и маршалы. И все готовы были сразиться в открытом бою. Пусть и под Ватерлоо…

Лаврентий Берия после смерти Сталина остался один, а товарищи по партии – Маленков, Молотов, Хрущев, Булганин, Каганович, – оказались за спиной и готовили удар, не стирая с руководящего лица «дружеской улыбки»…

Серго Берия вспоминал: *«Когда не стало Иосифа Виссарионовича, мама при мне заявила отцу: «Лаврентий, как бы ты себя не утешал, твое время кончилось. Тебя терпели благодаря Сталину, а теперь – конец. Пока не поздно, подавай заявление об уходе в отставку, ссылайся на болезнь или придумай что угодно!..»*

Отец не был самонадеянным человеком и прекрасно понимал всю сложность складывающейся расстановка сил. На уговоры мамы он ответил: «Нино, разве это изменит положение? Напишу ли я заявление, подам ли в отставку; они, если захотят, все равно добьются своего».

«Не способный ни к чему, способен на все»

Как потом станет ясно, к ликвидации Берия готовились загодя, в спешном порядке «исправляя» сталинские «ошибки».

Из избранного после XIX партийного съезда Президиума ЦК КПСС в составе 36 членов буквально за считанные минуты до официальной констатации смерти И. В. Сталина были выведены 22 высших партийных руководителя. Удалены были почти все, кого на съезде выдвинул И. В. Сталин. Те, кто остался, захватили все ключевые должности в партии и государстве. Секретарем ЦК КПСС стал Н. С. Хрущев, Председателем Совета Министров СССР – Г. М. Маленков, первыми заместителями Предсовмина – Л. П. Берия, В. М. Молотов, Н. А. Булганин, Л. М. Каганович, Председателем Президиума Верховного Совета СССР – К. Е. Ворошилов.

Созданная И. В. Сталиным на XIX съезде КПСС система коллективного руководства, сочетания старых и молодых партийных кадров была разрушена.

У руля вновь встали «закоренелые партократы». Берия оказался на вторых ролях.

13 марта 1953 года Лаврентий Павлович открыл дневник:

«Не знаю, с чего начать. Все получилось не так, как задумывали с Кобой. Георгий (Маленков) получил Совмин. Мыкыта – ЦК. Вместо укрепления Николая (Булганина) в военное министерство вернулся Жуков. Блестит погонами. Ему Николай не указ. Георгий (Жуков) очень изменился, не подходи. Все время в орденах, три звезды на груди, две на погонах и одна на лбу.

Вячеслав (Молотов) и Анастас (Микоян) ходят важные, снова попали в руководство. Но это же надо не просто сидеть, а руководить. А они уже поруководили. Нет, снова лезут.

От Лазаря (Каганович) будем иметь много крику, а насчет дела не знаю. Может и будет.

И что теперь мы будем делать?

[Плохо]. И не просто [плохо], а очень [плохо]. Никогда так [плохо] не было. И не будет.

Клим (Ворошилов) будет только сединой кивать. Вот тебе и усилили Советскую власть…

Провели первое заседание Президиума Совмина.

Дел много, а все больше заняты делячеством. Не привыкли без Кобы. Хоть он и отстранялся, а знали, что всегда может одернуть и критикнуть. На место поставить.

Теперь каждый умный. Вячеслав дуется. Георгия тоже не очень пойму. Теперь надо себя сильнее закрутить, а он как тесто. Зато Мыкыта ходит бодрый.

Надо подумать, но аккуратно. В чем тут дело».

Подумать было над чем. Но еще больше предстояло сделать. Хотя бы в рамках должностных полномочий – Зампреда Совмина и главы объединенного МВД-МГБ. Оставим экспертам детальный анализ громких политических дел – «Дела врачей», «Дела авиаторов», «Мингрельского дела», прекращенных якобы по инициативе Лаврентия Павловича. Мы не случайно допустили оговорку «якобы», потому что утверждения о том, что инициатором реабилитационного процесса был Берия, весьма дискуссионны.

Остановимся на том, что окончательно подтолкнуло военно-партийную верхушку **к перевороту 26 июня 1953 года.**

Пока Берия занимался созданием «ядерного щита», в недрах МВД и МГБ основательно обновился кадровый состав, к руководству пришли в основном партийные функционеры из когорты Игнатьева. Те самые, «способные на все».

С. Д. Игнатьев – кстати, **однокурсник Н. Хрущева по Промакадемии** – с 15 лет профессиональный «секретарь…» Сначала – ячейки, потом райкома – обкома – ЦК. В Бурятии… Башкирии… Белоруссии… Узбекистане…

И с партийного стула, после непродолжительного «курса молодого чекиста», заведующий отделом партийных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) Игнатьев специальным постановлением от 11 июля 1951 года был назначен представителем ЦК в министерстве государственной безопасности, пересел в кресло главы огромной спецслужбы.

С 9.8.1951 по 5.3.1953 министр государственной безопасности СССР (при нём раскручивались «Дело врачей» и «Мингрельское дело») одновременно возглавлял отдел ЦК КПСС, а затем **лично Управление Охраны МГБ после отстранения многолетнего начальника охраны Сталина генерала Н. С. Власика.** После смерти И. Сталина в марте 1953 года министерство слилось с МВД, во главе которого стал Л. Берия, Игнатьев же стал… правильно, секретарём ЦК КПСС.

О том, **кто** в течение 2 лет руководил отлаженной Л. Берия структурой, рассказывали, как пишут в протоколах, очевидцы.

По словам видного руководителя советских органов госбезопасности генерала П. А. Судоплатова, *«**каждое агентурное сообщение воспринималось им как открытие Америки.** Его можно было убедить в чем угодно: стоило ему прочесть любой документ, как он тут же подпадал под влияние прочитанного, не стараясь перепроверить факты*» (Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. М., 1996. С. 359).

По мнению генерала Алидина, Игнатьев, *«по характеру мягкий, полностью подчинялся требованиям вышестоящего руководства, особенно робел перед Сталиным и беспрекословно выполнял любое указание. **Этим был и опасен**».*

И профессионал разведки Лаврентий Берия, как и осенью 1938 года, снова отправился чистить «авгиевые конюшни» спецслужб.

«На совещании начальников разведслужб Министерства обороны и МВД он резко критиковал Рясного, начальника зарубежной разведки МГБ, выдвиженца Хрущева, за примитивные и малоэффективные методы: сталинские директивы об уничтожении престарелых деятелей эмиграции (Керенского) и второстепенных фигур, по его словам, не имели никакого практического смысла.

Берия сказал, что сейчас главной задачей является создание мощной базы для проведения разведывательных операций. В Германии для этого нужно использовать то, что осталось от прежней агентурной сети «Красной капеллы» в Гамбурге. В странах, граничащих с Соединенными Штатами Америки, надлежало усилить

позиции нелегалов. Необходимо также, продолжал он, подготовить решение правительства, обязывающее МИД, Министерство внешней торговли, ТАСС и другие советские загранучреждения расширить поддержку операций советской разведки за рубежом. Он также отметил целесообразность существования двух параллельных разведслужб – в Министерстве внутренних дел и в Министерстве обороны. Первой предстояло собирать развединформацию обычного типа, а второй – проводить специальные операции в случае возникновения опасности развязывания войны. Его аргументы, в сущности, были повторением сталинских установок с той только разницей, что отныне приостанавливались до особого распоряжения готовившиеся операции по диверсиям и ликвидации за рубежом неугодных правительству лиц.

Берия дал мне указание подготовить в течение недели вместе с начальником военной разведки генералом армии Захаровым и маршалом Голованoвым, командовавшим специальной бомбардировочной авиацией дальнего действия, доклад о мерах по нейтрализации американского стратегического превосходства в воздухе и проведению диверсий на ядерных и стратегических объектах США и НАТО. Берия приказал представить план выведения из строя базы снабжения ВВС и ВМФ США в Европе». (Павел Судоплатов).

Из книги «На Балканах и в Центральной Европе. 1944-1956» бывшего начальника 4-го отдела внешней разведки КГБ СССР Виталия Чернявского: *«У Берия был острый ум, точный расчет, он хорошо разбирался в искусстве разведки и контршпионаже. После прихода в МВД в 1953-м Берия подверг резкой критике деятельность разведки в послевоенные годы и энергично начал заниматься ее перестройкой. Он обновил состав советнических групп в странах народной демократии, поставил во главе их молодых и энергичных сотрудников. Потребовал, чтобы они свободно владели языком страны пребывания и могли беседовать с руководителями секретных служб и государства без переводчиков. Он считал, что отношения с нашими союзниками должны быть более уважительными и доверительными, чтобы наши советники не вмешивались во внутренние дела и не давали рекомендаций по «скользким» делам, особенно по тем, которые возникали в результате внутренней борьбы*

в правящей верхушке». Это были вполне разумные указания. Шла замена дилетантов профессионалами, шла реорганизация. Не было массового отзыва советских разведчиков из-за рубежа, и никто никого не «засвечивал», как иногда пишут. Увы, историки и публицисты повторяют ложь, прозвучавшую на партийном Пленуме».

Нам еще предстоит познакомиться с этим «откровениями»…

Едва придя в МВД, Берия принялся всерьез разбираться с хозяйственным механизмом ГУЛАГа. Первым делом решил избавиться от тех проектов, которые были явно не нужны ни сегодня, ни завтра.

Сметная стоимость объектов капитального строительства, которое вел ГУЛАГ, составляла около 105 млрд. рублей. Берия предложил прекратить или «заморозить» объекты общей сметной стоимостью 49,2 млрд. О том, что это были за объекты, пишет Алексей Топтыгин:

«Из гидротехнических сооружений:

– Главный Туркменский канал (его потом все же построили и, получив копеечную прибыль в виде низкосортного хлопка и небольшого количества риса, обрели экологическую катастрофу, связанную с исчезновением Аральского моря);

– Самотечный канал Волга – Урал (проект не реализован);

– Волго-Балтийский водный путь (проект был реализован, но далеко не в том объеме, как предполагалось);

– многочисленные железнодорожные, автомобильные дороги, тоннели.

Из них самым затратным и технически неосуществимым был тоннельный переход под Татарским проливом и железная дорога Чун – Салехард – Игарка, одновременно прекращалось строительство ряда промышленных предприятий – Кировского химического завода и двух заводов искусственного жидкого топлива».

Что любопытно: при том, что сметная стоимость прекращаемых объектов составляла около половины общей, утвержденный план работ на 1953 год на них составлял от общего всего около 25 %. То есть, работа там и так шла ни шатко, ни валко, и это были явно не первоочередные стройки – так зачем их продолжать?

Но это было только начало. **Берия принялся за ликвидацию ГУЛАГа** как хозяйственной единицы. Уже 17 марта он написал Маленкову записку о передаче хозяйственных организаций МВД в ведение других министерств. Так, Министерству металлургической промышленности переходили «Дальстрой», «Главзолото», Норильский комбинат цветных и редких металлов и пр., и таким же образом все объекты расписывались по соответствующим министерствам. Заключенных же, охрану, собственно лагеря предполагалось передать министерству юстиции. Они осудили, они пусть и разбираются.

В ведении МВД оставались особо опасные преступники: шпионы, диверсанты, террористы, политзаключенные, военные преступники и бывшие военнопленные, которые содержались в тюрьмах и особых лагерях – их МВД Минюсту не передавало.

К 16 июня Берия подготовил проект положения о Министерстве внутренних дел, где не было места никакой хозяйственной деятельности – только непосредственные задачи, входящие в круг обязанностей спецслужб, и некоторые специальные, такие, как охрана границ, организация местной ПВО, архивное дело, надзор за противопожарной охраной и т. п.

Но, пожалуй, наиболее важным был другой документ.

Приказ датирован 4 апреля. Его хотелось бы привести полностью.

«Министерством внутренних дел установлено, что в следственной работе органов МГБ имели место грубейшие извращения советских законов, аресты невинных советских граждан, разнузданная фальсификация следственных материалов, широкое применение различных способов пыток – жестокие избиения арестованных, круглосуточное применение наручников на вывернутые за спину руки, продолжавшееся в отдельных случаях в течение нескольких месяцев длительное лишение сна, заключение арестованных в раздетом виде в холодный карцер и др.

По указанию руководства б. Министерства государственной безопасности СССР избиения арестованных проводились в оборудованных для этой цели помещениях в Лефортовской и внутренней тюрьмах и поручались особой группе специально выделенных лиц из числа тюремных работников, с применением всевозможных орудий пыток.

Такие изуверские «методы допроса» приводили к тому, что многие из невинно арестованных доводились следователями до состояния упадка физических сил, моральной депрессии, а отдельные из них до потери человеческого облика.

Пользуясь таким состоянием арестованных, следователи-фальсификаторы подсовывали им заблаговременно сфабрикованные «признания» об антисоветской и шпионско-террористической работе.

Подобные порочные методы ведения следствия направляли усилия оперативного состава на ложный путь, а внимание органов государственной безопасности отвлекалось от борьбы с действительными врагами советского государства.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Категорически запретить в органах МВД применение к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия; в производстве следствия строго соблюдать нормы уголовно-процессуального кодекса.

2. Ликвидировать в Лефортовской и внутренней тюрьмах организованные руководством б. МГБ СССР помещения для применения к арестованным физических мер воздействия, а все орудия, посредством которых осуществлялись пытки – уничтожить.

3. С настоящим приказом ознакомить весь оперативный состав органов МВД и предупредить, что впредь за нарушение советской законности будут привлекаться к строжайшей ответственности, вплоть до предания суду, не только непосредственные виновники, но и их руководители».

Перспективы «предания суду», обещанные Лаврентием Павловичем, не увеличили число его сторонников среди работников МВД – МГБ.

А уж о партийном аппарате и военных «трофейщиках» и вообще говорить не приходится.

Понятное раздражение в ЦК партии вызывало и то, что «под давлением Берии» **наиболее важные вопросы политики государства, в том числе и внешней, стали обсуждаться не на Президиуме ЦК, а на заседаниях президиума Совмина**. Кстати, решения ЦК теперь подписывались не «старшим» его секретарем (подпись до марта 1953-го ставил Сталин), а просто «Президиум ЦК КПСС». На его заседаниях председательствовал Маленков как глава

исполнительной власти, а секретарю ЦК Хрущеву теперь поручалось вести только заседания секретариата. Все это воспринималось партийными функционерами как опасная тенденция разделения партийной и государственной «ветвей» власти, что было чревато ослаблением их позиций на советском Олимпе.

И ведь никого не озадачило: **Лаврентий Берия, как дисциплинированный коммунист, добросовестно выполнял никем не отмененные или дезавуированные решения XIX съезда КПСС и последовавшего за ним Пленума ЦК! А как подлинный гражданин своей страны строго следовал принятой всем народом в 1936 году Конституции СССР.**

В отличие от своих, как бы это помягче… оппонентов.

Да, Берия не скрывал своего отношения к **ни за что не отвечающим партийным говорунам.**

Чешский писатель и политолог **Петр Вагнер** в работе «Несколько замечаний по поводу деятельности Л. П. Берии после смерти Сталина» отмечал: *«В беседах даже с представителями иностранных делегаций Берия высказывал мысль о необходимости разделения функций между партийными и государственными органами в пользу последних. Партия, – говорил он в беседе с венгерскими политиками, – должна заниматься кадрами и идеологией. Крен на повышение правомочий государственных органов был в обсуждении высших советских руководителей заметен сразу после смерти Сталина. Когда выбирались рычаги, которые считались самыми выгодными для приближающегося боя за власть, основное внимание было направлено на государственный аппарат. Партийные структуры оставили в стороне, доверив их Никите Сергеевичу Хрущёву».*

А Берия старался собрать под крыло Совмина, как это было во время войны, в период создания ядерного оружия, компетентных и активных людей, способных мыслить современными категориями и на основе этого строить алгоритм созидания!

«О том, что новое руководство понимало, насколько ситуация серьезна, свидетельствуют некоторые шаги в экономической области, предпринятые сразу после смерти вождя. Уже 1 апреля 1953

года было объявлено о понижении цен на продовольственные и потребительские товары. Был принят курс на развитие производства товаров народного потребления. Принятый «Закон о сельхозналогах» снизил налог в 2 раза. Были значительно увеличены размеры приусадебных участков. В области национальных отношений по предложению Берия тоже были приняты определённые меры. Повсюду, в том числе и в МВД, начали выдвигаться национальные кадры. Стали безжалостно снимать с должностей тех, кто не владел языком коренной нации, больше доверия стали оказывать тем, кто ещё недавно считался неблагонадёжным лишь потому, что был литовцем, западноукраинцем, латышом или молдаванином из Бессарабии и т. д.

…По инициативе маршала Берия была проведена невиданная в истории страны амнистия. Из лагерей…освободили 1 миллион 32 тысячи человек. А полностью должны были амнистировать 1 миллион 203 тысячи заключённых. Еще против 400 тысяч должны были остановить судебное разбирательство. При этом отметим, что политических заключённых на этом этапе амнистия почти не коснулась. Этот козырь Хрущёв оставил себе, а затем умело использовал. По замыслу Берии, амнистия и отмена ссылки могли бы значительно ***смягчить проблему рабочей силы*** *в Советском Союзе. Берия… предлагал и судебную реформу, отметив в докладной записке в президиум ЦК, что «Пересмотр уголовного законодательства необходим потому, что ежегодно осуждается свыше 1,5 миллионов человек, в том числе до 650 тысяч на различные сроки лишения свободы, из которых большая часть осуждается за преступления, не представляющие особой опасности для государства. Если этого не сделать, то через 1-2 года общее количество заключённых опять достигнет 2,5-3 миллиона человек».*

Павел Судоплатов вспоминал: *«Я был среди тех, кому он поручил подготовить докладные записки с детальным перечнем и анализом ошибок, допущенных партийными организациями и органами госбезопасности в борьбе с националистическим подпольем в Литве и на Украине. Берия считал необходимым выдвигать местные кадры на руководящие посты, а на должности заместителей назначать людей славянских национальностей. В наших записках отмечались случаи*

ничем не оправданных депортаций и репрессий в отношении этнических групп, которые не занимались антисоветской деятельностью. Берия всячески настаивал на развитии национальных традиций в области культуры и языка. В частности, его заботила проблема воспитания нового поколения национальной интеллигенции, для которой были бы по-настоящему близки социалистические идеалы. Помню предложение Берии ввести в республиках собственные ордена и награды – это, считал он, поднимет чувство национальной гордости.

На Украине, разгорелся конфликт между вновь назначенным министром внутренних дел Мешиком и местными партийными чиновниками, а также сотрудниками аппарата МВД Украины. Мешик во что бы то ни стало стремился выгнать с работы хрущевского протеже ***Строкача, которого в 1941 году уволили из органов за то, что он не сумел вывезти часть архива НКВД, когда немцы окружили Киев.*** *К тому же Мешик не ладил с партийными руководителями Украины Сердюком и Шелестом. Сердюк пытался отобрать у МВД дом, использовавшийся под детский сад для детей сотрудников министерства: он облюбовал этот особняк во Львове для себя и своей семьи. Сердюк послал своего помощника в детский сад, а Мешик выставил охрану. Шелест, в то время секретарь Киевского обкома партии, взял в свое пользование для охоты катер пожарного надзора и не вернул. Об этом Мешик доложил в МВД и правительство.*

Хотя на заседании украинского ЦК принято было говорить по-русски, Мешик позволил себе дерзко обратиться к присутствующим на украинском языке, порекомендовав шокированным русским, включая первого секретаря ЦК Мельникова, учить украинский язык. Его с энтузиазмом поддержал писатель Александр Корнейчук, также выступивший на украинском и превозносивший Берию, поскольку один из его ближайших родственников благодаря Берии был назначен начальником областного управления МВД и представлен к генеральскому званию.

Мешик с гордостью рассказывал мне об этих эпизодах, свидетельствовавших, по его словам, о правильной линии в национальной политике».

Но все это мало волновало партаппарат: законы, амнистия, затратные проекты, национальный вопрос… Его возмущала, как считали в ЦК, фактическая неподконтрольность региональных структур МВД, их **попытки отслеживать деятельность партийных работников, вмешиваться в их работу.**

Берия предлагал своим коллегам все государственные вопросы – промышленности, сельского хозяйства, культуры – решать не в ЦК КПСС, а в Совете Министров. Весной 1953 года по указанию Берия органы МВД на местах занялись сбором материалов, выявляющих и подтверждающих **некомпетентность партийных органов** в хозяйственных вопросах.

А такими фактами действительность изобиловала как на селе, так и в городе. Достаточно вспомнить письма Маленкову и Сталину от военнослужащего Филькина и зоотехника Холодова.

Большую настороженность у партаппаратчиков вызвало указание сотрудниками МВД-МГБ собрать сводный материал о национальном составе **и образовательном** уровне работников обкомов, горкомов и райкомов партии.

Дело в том, что репрессий к тому времени стало меньше, наступила своего рода «эра милосердия» – до 1953 года была отменена смертная казнь. За некоторые преступления всё же расстреливали, но **для контроля за партийной верхушкой использовалась… сама партийная верхушка!**

Трудно поверить, но для расследования «Ленинградского дела» в аппарате партии было создано следственное подразделение, и даже в Матросской Тишине был выделен… партийный изолятор! Вёл дело Г. М. Маленков. Так что НКВД к этому делу не только не имело отношения, **оно к нему не было допущено.**

Информацию об «опасном» совещании руководства МВД в 1953 году доложили партийным боссам. В частности, Хрущёву донес его человек – генерал… Строкач. Эта фигура ухитрилась снискать искреннюю ненависть как западноукраинских бандеровцев, так и, как ни странно, пограничников. Ему принадлежала во время войны идея направить в немецкий тыл «пограничные полки» (те самые, «бериевские»), которые в открытом бою были немедленно уничтожены немцами. Погибли тысячи лучших людей.

Информация о возможном государственном контроле над партийной верхушкой вызвало единодушную реакцию. Как происходило дело, трудно сказать точно. Но в обвинительном заключении по делу Берия говорилось конкретно: «попытка поставить МВД над Партией». Хрущёв поклялся перед ЦК, что контроля со стороны МВД не будет. И он выполнил партийную клятву.

К 1953 году, после убийства Берия, относятся и серьёзные решения, регламентирующие деятельность правоохранительных структур. С тех пор при поступлении на работу сотрудники «органов» ставились в известность, что лица на освобождённых партийных должностях для них **недоступны**. Их нельзя вербовать, **за ними нельзя следить.**

Как опасная ересь рассматривалось даже принятое по инициативе Берии решение Президиума ЦК от 9 мая «Об оформлении колонн демонстрантов и зданий предприятий, учреждений и организаций в дни государственных праздников». Этим решением **отменялась существовавшая со времен Октябрьской революции практика использования портретов членов партийного руководства на праздничных мероприятиях.**

В дневнике 3 мая 1953 года Берия с удивлением записал:

«Люди у нас терпеливые, а думать умеют. Ты ему дело покажи, а мы ему речи суем. И усугубляем, портреты в руки суем, носи! Зачем? Стою на трибуне, внизу несут сотню Лаврентиев, сотню Георгиев, сотню Мыкыт. Я говорю Георгию: «Ты один Маленков, зачем тебе еще сотня». Пожимает плечами…»

Опережая события, скажем, что решение Президиума ЦК «о портретах на демонстрациях» было тоже отменено почти сразу после убийства Лаврентия Павловича. И понесли по праздниками и даже в будни сотни, тысячи «Мыкыт», «дорогих Леонидов Ильичей» и «Михал Сергеичей»…

Берия был хорошо знаком с «профессионализмом» Молотова, поэтому взял на себя часть груза проблем МИДа. В частности, «германский вопрос».

На Пленуме ЦК КПСС, который проходил со 2 по 7 июля 1953 г., через неделю после «ареста» Берия, выступил Маленков с рассказами о том, какой Берия негодяй, а потом сообщил о «фактах» его «преступлений»: *«На прошлой неделе Берия пришел ко мне с предложением предпринять шаги к нормализации отношений с Югославией. Я заявил ему, что надо этот вопрос обсудить в ЦК. И мы решили, что надо установить с Югославией такие же отношения, как и с другими буржуазными государствами: послы, обмен телеграммами, деловые встречи и прочее».*

Оказывается, «преступление» Берия соответствовало внешнеполитическому курсу государства и закончилось установлением дипломатических отношений с Югославией. Так в чем его вина? Но Маленков продолжает: *«Или другой факт. В правительстве обсуждался германский вопрос. Речь шла о серьезном неблагополучии в положении ГДР. Мы все пришли к заключению, что в результате неправильной политики в ГДР наделали много ошибок, среди немецкого населения имеет место недовольство, что особенно ярко выразилось в том, что население из Восточной Германии стало бежать в Западную Германию. За последний период, примерно за 2 года, в Западную Германию убежало около 500 тыс. человек. Мы объяснили нашим немецким друзьям, и они вполне согласились с этим, что нельзя в современных международных условиях проводить курс на форсированное строительство социализма в ГДР… Надо сказать, что Берия при обсуждении германского вопроса предлагал не поправить курс, а отказаться от всякого курса на социализм в ГДР и держать курс на буржуазную Германию… этот факт характеризует его как буржуазного перерожденца».*

Вы поняли, о чем речь? «Мы», то есть, Маленков и компания, наделали ошибок, а Берия предлагал для их исправления рассмотреть возможность изменения курса. Так кого надо арестовать?! (Александр Олрайт)

27 мая 1953 года на заседании Президиума Совмина СССР был обсужден вопрос о положении в ГДР. Его участники получили подготовленный Берией проект постановления, в котором констатировалось, что «основной причиной неблагополучного

положения в ГДР является ошибочный в нынешних условиях курс на строительство социализма…». В связи с этим предлагалось «отказаться в настоящее время от курса на строительство социализма в ГДР и создания колхозов в деревне», «пересмотреть проведенные в последнее время правительством ГДР мероприятия по вытеснению и ограничению капиталистических элементов в промышленности, в торговле и сельском хозяйстве, имея ввиду отменить в основном эти мероприятия». Проект был **завизирован** основными политическими фигурами – Маленковым, Хрущевым, Булганиным.

Однако Молотов категорически не согласился с позицией Берии, считая, что критики заслуживает не «курс на строительство социализма», а «форсирование социалистического строительства». В ходе заседания, неожиданно для Берии и Маленкова, министра иностранных дел поддержали Хрущев, Булганин и Микоян. Предсовмина с министром внутренних дел остались в меньшинстве и были вынуждены отступить.

Джузеппе Боффа – итальянский историк, один из самых авторитетных специалистов по истории стран Восточной Европы, анализируя послевоенную геополитическую ситуацию и неизменные столкновения интересов Запада и Востока, писал: «*Наиболее конкретное предложение Сталин сформулировал в 1952 г., когда проекты перевооружения Западной Германии были уточнены в связи с образованием Европейского оборонительного сообщества. Москва предложила объединить страну путем свободных выборов под четырехсторонним контролем, вывести все оккупационные войска и даже упразднить Германскую Демократическую Республику в обмен на гарантию, что единая Германия не будет входить ни в одну военную коалицию*».

Видя настрой партийной верхушки по вопросу объединения Германии, но, похоже, не понимая истоков неприятия сталинского проекта, Берия, не оглядываясь на фигуры из Президиума ЦК, на октябрьском Пленуме вычищенные Сталиным, использовал возможности подчиненной ему внешней разведки. Он планировал привлечь к организации зондажа федерального канцлера ФРГ Конрада Аденауэра советского нелегала Грегулевича и актрису Ольгу Чехову. В

Германию с этой целью в июне прибыла начальник немецкого отдела внешней разведки полковник Зоя Рыбкина. Встреча с Ольгой Чеховой состоялась 26 июня, но на следующий день, в связи с событиями в Москве, Рыбкиной пришлось прервать операцию и вернуться в Москву.

Берия надеялся **ускорить экономическое развитие СССР** с помощью объединенной Германии. Повторимся: не секрет, что проблема привлечения западной помощи волновала советское руководство еще в конце войны, когда на повестку дня стала выдвигаться задача восстановления отечественной экономики. Приход к власти Трумэна лишил Кремль надежды на американскую помощь. Финансовые средства от либеральных еврейских кругов Запада, ради чего СССР и поддержал, в том числе военно-технически (через Чехословакию), создание государства Израиль в Палестине (в пику Великобритании), тоже не оправдались. Вариант с созданием еврейского государства на советской территории (в Крыму) также отпал.

Оставалась надежда на немецкую экономику, ее специалистов, которые в 20-е годы уже помогали Советской России в преодолении хозяйственной разрухи. Берия посчитал возможным применить прежний опыт в новых условиях, но для этого требовалось воссоздать **Германию как единое нейтральное государство, интегрированное в западную финансовую систему**. Он рассчитывал, что за дипломатическое содействие объединению Германии **СССР сможет получить до 10 млрд. долларов**, однако **внешнеполитическая активность министра внутренних дел СССР, руководствовавшегося в политике прагматическими соображениями, раздражала многих.** И не только аппарат ЦК КПСС и ортодоксально мыслящего Молотова, возглавившего МИД в марте 53-го: **рушились геополитические замыслы сил, затеявших Вторую мировую войну и заинтересованных в послевоенном расколе Европы**. Лаврентий Павлович потерял осторожность, вторгаясь в сферу тех, кто имел свои представления о новом мировом порядке. Хотя ему, несколько лет руководившему органами госбезопасности, а значит и внешней разведкой (сентябрь 1938 – апрель 1943 г. и с марта 53-го), должно было быть известно об истинном влиянии и роли в мировой политике **наднациональных банковских кругов.**

Берия в дневнике 3 мая 1953 года привел свой разговор с Маленковым:

«Если хорошо подумать, нам не нужна именно социалистическая отдельная Германия. Можно одну, единую. Нам хватит по настоящему нейтральной. Пусть даже буржуазная, главное всем войска вывести, чтоб Америку из Европы убрать»… Тоже молчит.

Коба был против раскола Германии. Он и в Потсдаме эту линию гнул, но Черчилля не устраивало, так и пошло.

Сейчас в ФРГ все рано будут жить лучше, потому что надо американцам. Из восточной зоны немцы все равно будут бежать, тут никакая пропаганда не поможет. А мы нажимаем со строительством социализма. А нам нужна нейтральная демократическая Германия. И Коба так считал, не успел, а теперь этим ***дуракам не докажешь****.*

Вячеслав (Молотов) уперся, какой ты коммунист, если против социализма. Я не против социализма, ***я против дуризма****. У них денег, сил много, а нам не хватает. Если мы договоримся, что Германия будет единой и нейтральной, то можно будет вывести войска союзников из Германии. Мы тоже выведем, но это же какое сразу облегчение. Так у нас на шее восточные немцы, а так они сами будут больше работать. И будут на шее у Эйзенхауэра. Тоже не сахар. Если они войска выведут, если мы нажмем, еще вопрос, будут Европу кормить задаром или нет. А ты веди нужную пропаганду, кто мешает. И в правительство входи.*

…И потом, наши войска все равно будут стоять. А если выводить, то всем сразу. Германия не Иран, тут можно упереться. ***Дуризм какой-то!****».*

Берия предвидел негативное для СССР развитие внешнеполитической картины и огромную трату валютных ресурсов в силу того самого «**дуризма»,** которым умело управляли с Запада.

Хрущев, оставшийся с ног до головы троцкистом, как ни странно, оказался советским политиком, более востребованным сильными мира сего – его возвышение не **встретило негативной реакции** с их стороны. Избавившись от Берии и других соратников Сталина, Хрущев стал проводником политики, которая в общем и целом **не противоречила долгосрочным геополитическим замыслам**

транснациональных кругов. Парадоксально? Да, но только на первый взгляд.

Хрущев возобновил урезанную при «позднем Сталине» широкомасштабную финансовую поддержку «борцов за светлое будущее». В капстранах для этого была расширена сеть подставных фирм и банков, созданная еще в 1920-е годы. Тайная материальная, в том числе военно-техническая поддержка национально-освободительного движения по сути представляла собой реанимацию в новых исторических условиях идеи Троцкого об экспорте революции.

Собственно говоря, некоторые «сверхдоверенные» структуры аппарата ЦК КПСС и КГБ уже тогда, в 50-60-е годы, до совершенства отработали систему «перегонки» валюты за рубеж и ее укрывательства от западных контрразведок и налоговых органов. Советское сырье – нефть, газ, металлы – продавалось за рубеж «дружественным» компаниям, зарегистрированным в офшорах, по ценам ниже мировых. Сверхприбыль по цепочке счетов подставных лиц в западных и советских загранбанках в конечном счете оказывалась у адресатов.

Поддерживая национально-освободительное движение в «третьем мире», Хрущев, сам того, наверное, не ведая, торил дорогу для проникновения в Азию и Африку – сферу влияния старых колониальных держав – американских корпораций и транснациональных финансовых структур. Возможно, это ведали те, кто подбрасывал ему такие идейки. По существу, сильные мира сего ускорили в своих финансовых и геополитических целях крушение колониальных империй европейских государств **за счет ресурсов СССР…**

«…Перечень только некоторых мероприятий, проведённых после смерти Сталина, показывает, что Берия был, очевидно, наиболее информированным человеком в стране и, очевидно, имел определенную концепцию, как вывести Советский Союз из нелегкой ситуации, которая грозила драматическим развитием событий.

…То, что было проведено при его жизни, свидетельствует о наличии каких-то основополагающих идей по преобразованию страны. Особенно страшила его соратников попытка чётко разграничить компетенции партийных и государственных органов. Это, по сути

дела, выводило Берия на одно из первых мест и отодвигало на второй план многих коммунистических деятелей. ***Но интрига разрешилась по-иному…»*** (Петр Вагнер).

Переворот

«Если в зеркало смотрит обезьяна, из него не выглянет апостол»

Георг Лихтенберг, немецкий ученый.

26 июня 1953 года, пятница. Накануне, 25-го, Берия прилетел из Германии.

По одной из версий, на аэродроме его встречал Микоян. Но к вечеру по дороге домой в машине Лаврентия Павловича оказался Георгий Маленков. Берия подвозил его на квартиру по ул. Грановского. По воспоминаниям шофера, Берия и Маленков минут 10 о чем-то по-дружески поговорили. Понятно, что главной темой были, скорее, немецкие события. Европа опять оказывалась чуть ли не на грани войны. Но и внутренние проблемы обойти было нельзя. По значимости они не уступали берлинским.

После войны Сталин возобновил интенсивное расследование причин трагедии 22 июня 1941 года в целях установления конкретных виновников. Хорошо известны слова Сталина о том, что «победителей можно и нужно судить, можно и нужно критиковать, и проверять… меньше будет зазнайства, больше будет скромности». Под этими словами Сталин подразумевал тщательное расследование причин трагедии 22 июня 1941 года, которое он в глубокой тайне начал ещё в начале войны и никогда не прекращал, – просто на некоторое время

активность разбирательства была снижена. Однако к концу 1952 года Сталин практически завершил это расследование – уже был завершён опрос оставшихся в живых генералов, командовавших в западных приграничных округах накануне войны. Например, в результате опроса генералов о том, когда они получили предупреждение о нападении Германии, выяснилось, что все получили 18-19 июня, и только генералы Западного Особого военного округа никаких указаний на этот счёт не получали, а некоторые и вовсе узнали о войне из речи Молотова. И это очень сильно встревожило как партократию, так и причастный к этим событиям высший генералитет и маршалитет.

Но была еще одна, не менее важная тема, изложенная в записке на имя Маленкова. Вот текст этого документа.

«После ареста АБАКУМОВА и руководящих работников следственной части по особо важным делам МГБ СССР, РЮМИН, поощренный оказанным ему доверием, развернул в следственной части практику фальсификации следственных материалов по ряду дел.

Поставив перед собой цель доказать правильность своего заявления по делу ЭТИНГЕРА, РЮМИН создал известное дело о так называемых «врачах-вредителях», по которому был арестован ряд крупных деятелей советской медицины. Встав на преступный путь обмана партии и продвинувшись при помощи вновь назначенного министром госбезопасности СССР ИГНАТЬЕВА на пост заместителя министра и начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР, РЮМИН с ведома и одобрения ИГНАТЬЕВА ввёл широкую практику применения мер физического воздействия к необоснованно арестованным гражданам и фальсификации на них следственных материалов.

РЮМИН признал себя также виновным в том, что он и ИГНАТЬЕВ знали, что б[ывший] министр госбезопасности Грузии РУХАДЗЕ сфабриковал дело о так называемой «менгрело-националистической группе», по которому был арестован ряд ответственных партийных и советских работников Грузии. Как показал РЮМИН, он и ИГНАТЬЕВ принимали меры к тому, чтобы добиться подтверждения сфальсифицированных РУХАДЗЕ материалов путем вымогательства от ряда арестованных по этому делу лиц заведомо вымышленных показаний. Несмотря на то, что

РЮМИН принимал непосредственное участие в фальсификации следствия по делу о так называемом «Шпионском центре в «Еврейском антифашистском комитете»», он в августе 1951 года подготовил, а ИГНАТЬЕВ представил И. В. СТАЛИНУ письмо, в котором сообщалось, что материалами следствия по делу «Еврейского антифашистского комитета» преступная деятельность арестованных по этому делу лиц доказана.

РЮМИН при содействии ИГНАТЬЕВА закончил это явно провокационное дело и направил его на рассмотрение Военной Коллегии Верховного Суда СССР. Проверка материалов дела о т. н. «Шпионском центре в «Еврейском антифашистском комитете»» нами поручена специальной комиссии МВД СССР, заключение которой будет представлено дополнительно. Следствие по делу РЮМИНА продолжается.

Л. Берия

Понятно, что главной фигурой в этом деле был Игнатьев. Который по многим косвенным признакам (отстранение и арест генерала Власика, и личного секретаря Сталина Поскребышева; странная смерть 17 февраля молодого ещё коменданта Кремля Косынкина и внезапная болезнь с госпитализацией заместителя начальника Главного управления охраны МГБ СССР полковника Н. П. Новика) попадал в список подозреваемых в убийстве Сталина. Чуть ли не под первым номером. Конечно, после заказчика-инициатора.

Берия, судя по всему, 25 июня был единственным человеком в правящей верхушке, который после смерти Сталина сконцентрировал в своих руках материалы расследования причин трагедии 22 июня 1941 года, не говоря уже о том, что он фактически полностью расследовал и дело об убийстве Сталина. На повестку дня вышел вопрос об аресте главных подозреваемых – убийц Сталина – бывшего министра госбезопасности Игнатьева и Хрущёва, который курировал органы госбезопасности. 25 июня 1953 года Берия официально запросил санкцию ЦК и Политбюро на арест Игнатьева.

Хрущёв поняв, что его ждёт как куратора и сообщника Игнатьева в деле умерщвления Сталина, решил действовать.

Он позвонил Строкачу, Москаленко, которым Булганин заменил в середине июня командующего МВО Артемьева, Батицкому (по другой

версии – Сергею Круглову).

С середины марта 1953 года С. Круглов в подмосковной Балашихе сформировал спецгруппу МВД СССР, 11 отдел. Их работа заключалась в безоговорочном исполнении приказов руководства. Как резидент партноменклатуры, С. Круглов использовал эту группу для ликвидации Л. Берия.

С. Круглов был высокопрофессиональным чекистом, выдвиженцем Л. Берия. Впоследствии он сблизился с теневыми кланами в ВКП(б) – КПСС. Так он стал вести двойную игру.

С 1945 года он возглавлял МВД СССР. В 1953 году Л. Берия объединил МГБ и МВД, сделав Круглова своим 1-м заместителем. **Именно это стало одной из роковых ошибок Берия.**

В еженедельнике «Неделя» (№ 22, 1997) было опубликовано записанное С. Горяиновым свидетельство **доктора технических наук А. Веденина**, который учился в 1952-1953 годах под Москвой на курсах, где и формировалось спецподразделение МВД. Это признание через много лет говорит о том, что **ликвидация Берия готовилась заранее**, лишь дата и время были выбраны в последний момент:

*«**В первых числах июня** поздно вечером на нашу базу приехал заместитель министра Круглов. Он был в генеральской форме, в сопровождении двух человек в штатском. Круглов с ходу, без всяких предисловий заявил, что Берия готовит антиправительственный переворот и необходимо его остановить и что нашему подразделению отводится ключевая роль в этом деле. Впечатление от его слов было шоковое. После смерти Сталина Берия был вновь назначен министром, причем сохранил за собой пост первого заместителя председателя Совмина, авторитет его в органах был очень высок, и он только что приступил к глубокой реорганизации всей системы государственной безопасности. Нам стало ясно, что после слов Круглова мы оказались в положении заложников, даже, пожалуй, смертников. Предположение о возможной провокации было, очевидно, несостоятельным – ведь сами по себе мы ничего серьезного не представляли.*

Начиная с этого дня к нам стали поступать агентурные материалы на Берию и его ближайшее окружение. Эти досье привозил человек Круглова, которого мы знали под именем Николая Коротко. Обычно он был в штатском, но однажды приехал в форме

подполковника МГБ. Все особенности поведения, маршруты, расположение помещений в особняке на улице Качалова, состав охраны Берии были изучены досконально. Было разработано несколько сценариев ликвидации.

…26 июня, примерно в 6 утра, нам сообщили, что операция будет проведена сегодня. Вначале предполагалось, что будет использован вариант «Автокатастрофа», но к 8 часам поступила команда на вариант «Особняк».

К 10 часам на трех «Победах» мы подъехали к дому Берии на Качалова, 28. Группой руководил Коротко. Круглов позвонил Берии по ВЧ и договорился, что Коротко привезет секретные документы и будет с охраной из трех человек.

На этот час нам уже было известно, что кроме самого Берии в особняке было четыре человека. Коротко и трое «сопровождающих» из нашей группы были беспрепятственно пропущены внутрь здания, остальные заняли оговоренные схемой операции позиции у фасада и во внутреннем дворе. Спустя две-три минуты раздалось несколько выстрелов – я слышал пять, может быть шесть…

Я находился рядом с окнами кабинета Берии, выходящими во двор. Две пули, пущенные изнутри кабинета, разбили стекла второго окна от угла здания. Через несколько минут Коротко вышел наружу и скомандовал – всех в дом. Убитых было трое: два охранника и сам Берия, у нас потерь не было, сказалась подготовка и неожиданность акции…

Все документы из дома Берии увез Коротко, а мы вернулись на подмосковную базу. Какова дальнейшая судьба архива Берии, я не знаю, но предполагаю, что все, что произошло в дальнейшем с Кругловым, имеет связь с этими документами».

Что произошло потом с Кругловым? Дадим короткую справку, чтобы уже не возвращаться к этой фигуре.

Он стал новым министром МВД, верным соратником Н. Хрущёва.

Однако «Мыкыта» практически сразу же предал своего спасителя… Хрущёв вывел спецслужбу из МВД, создав КГБ. Это было первым звонком для Круглова.

Началом окончательного заката карьеры стало его отстранение от руководства МВД СССР в январе 1956 года и перевод на

малозначимую должность заместителя министра строительства электростанций СССР.

Остаток своей жизни провел скромно. 6 июля 1977 года погиб, попав под… поезд.

Круглов чувствовал постоянную обиду за то, как с ним поступили и стремился напомнить о себе. С каждым годом он становился всё навязчивее…

За две недели до смерти Круглов написал письмо в ЦК, где ещё раз напоминал об своих «заслугах». Письмо прочли на Старой площади и, видимо, решили «отблагодарить» Круглова…

Супруга Круглова сказала, что её муж в тот день никуда не собирался. Он никак не мог сам прийти на железную дорогу и лечь на рельсы. Да и такой поступок полностью противоречил сильному характеру бывшего генерала…

Обстоятельства его смерти указывают на то, что Сергея Круглова убили и уже мёртвого принесли на рельсы.

Но вернемся в Москву 26 июня 1953 года к дому Берия на улице Качалова.

Как все происходило? По словам Серго Берия, так:

«26 июня 1953 года отец находился на даче. Я уехал раньше, где-то около восьми, и через час был в Кремле у Б. Л. Ванникова. (Кабинет отца располагался в противоположном здании.) В четыре часа дня мы должны были доложить отцу о подготовке к проведению ядерного взрыва. Нам предстояло обсудить, будет ли это подвешенная бомба или ракета. Собралось человек десять, в том числе И. В. Курчатов и В. А. Махнеев, технический помощник отца. Мы сидели, сверяли документы, готовили иллюстративные материалы и т. д. Часов в двенадцать ко мне подходит сотрудник из секретариата Ванникова и приглашает к телефону: звонил дважды Герой Советского Союза Ахмет-Хан, испытывавший самолеты с моим оборудованием. «Серго, – кричал он в трубку, – я тебе одну страшную весть сообщу, но держись! Ваш дом окружен войсками, а твой отец, по всей вероятности, убит. Я уже выслал машину к кремлевским воротам, садись в нее и поезжай на аэродром. Я готов переправить тебя куда-нибудь, пока еще не поздно».

Я начал звонить в секретариат отца. Телефоны молчали. Наверное, их успели отключить. Не брал никто трубку и на даче, и в

квартире. Связь отсутствовала всюду…

Тогда я обратился к Ванникову. Выслушав меня, он тоже принялся звонить, но уже по своим каналам. В тот день, по предложению отца, было назначено расширенное заседание Президиума ЦК. Ванников установил, что заседание отменено и происходит что-то непонятное. Он мне сказал: «Если уже случилось непоправимое, мы все бессильны, но за тебя постоим, не позволим им расправиться с тобой!»

У кремлевских ворот меня ждала машина с друзьями, которые уговаривали меня не ехать домой, объясняя, что дорога уже перекрыта, а вокруг слышна стрельба. Я все-таки решил никуда не улетать, не прятаться. Убежать я не мог и потому, что не на кого было оставить маму, двух маленьких детей и беременную жену, которая должна была родить через месяц-полтора. Моим дочерям тогда было два и четыре года.

С полдороги я вернулся к Ванникову. Он одобрил мое решение не скрываться и сразу же позвонил Маленкову. У Маленкова телефон не отвечал. Тогда он позвонил Хрущеву. Трубку сняли. «Никита Сергеевич, – начал Ванников, – рядом со мной находится сын Берия. Я и мои товарищи, – он назвал фамилию Курчатова и других присутствующих тут ученых, – знаем, что произошло. Поэтому просим вас позаботиться о безопасности молодого Берия». Хрущев ему что-то отвечал. (Потом Ванников пересказал мне смысл его ответа: мол, ничего нигде ни с кем не произошло; что вы там выдумываете?) Видно, Хрущев еще не был осведомлен, чем все закончилось. Борис Львович, чтобы меня одного не схватили, поехал вместе со мной на городскую квартиру, расположенную на Садовом кольце. Район в самом деле был оцеплен военными, и нас долго не пропускали во двор, пока Ванников снова не позвонил Хрущеву. Наконец, после его разрешения, нас пропустили, что и подтверждало его причастность к происходящему. Стена со стороны комнаты моего отца была выщерблена пулями крупнокалиберных пулеметов, окна разбиты, двери выбиты.

Пока я все это отчаянно рассматривал, ко мне подбежал один из охранников дома и говорит: «Серго, только что из помещения вынесли кого-то на носилках, накрытых брезентом».

Охранника срочно позвали, и я не успел спросить у него, находился ли отец в доме во время обстрела.

– Дом принадлежал только вашей семье?

– Исключительно. Первый этаж занимали родители, второй – я. Еще там была комендатура. Я хотел жить самостоятельно, но отец уговорил: ты у нас единственный сын, поэтому не надо отделяться; матери так будет легче.

– Как дальше развивались события?

– В сопровождении бронетранспортера меня отправили на дачу к семье. Ванников потребовал у генерала, командовавшего охраной, документы, чтобы записать все данные, и знать, с кем иметь дело на тот случай, если меня по дороге на дачу убьют. Потом обнял меня и сказал: «Держись! Знай, что у тебя друзей больше, чем ты предполагаешь!» Наша дача была окружена».

Совсем недавно появилось еще одно свидетельство, с которым знакомит Елена Прудникова. Бывший санитарный врач СССР Петр Николаевич Бургасов выпустил книгу воспоминаний, где тоже приводит этот эпизод. О том же самом он рассказывал в своем интервью московскому тележурналисту Роману Газенко:

«Наступает 26 июня. Я поднимаюсь из буфета, с первого этажа к себе на второй этаж, и мимо меня по лестнице проносятся Ванников и Серго Берия, чуть меня не сбили. Это было на Ванникова совершенно не похоже – настолько был корректный человек. Я поднимаюсь к себе в кабинет и говорю Морозову: «Слушай, меня сейчас чуть с ног не сбили Ванников и Берия… Серго. Они пулей спускались вниз. Что случилось?» Он отвечает: «Наверное, что-то произошло. Так не бывает». Это было примерно, в час-полвторого дня. Обеденный перерыв у нас начинался в пять, а кончался в семь часов. Я захожу к Ванникову (по-видимому, в начале перерыва, то есть около пяти часов дня. – Е.П.), мы с ним сидели в соседних комнатах, через стенку. Он сидит, облокотившись на стол, голова у него опущена к столу. Я спрашиваю: «Борис Львович, что случилось?» Он поднял глаза, посмотрел на меня и говорит: «Доктор, произошла трагедия. Я только сейчас вернулся из особняка, где жил Лаврентий Павлович Берия. Когда мы с Серго туда подъехали, там во дворе стояли две автомашины с автоматчиками. Нас вначале не хотели пропускать, а потом узнали, кто я такой, и пропустили. В кабинете

Лаврентия Павловича все стекла разбиты. Когда мы были во дворе, к нам подошел капитан и говорит: «Минут пятнадцать назад на носилках, покрытых плащ-палаткой, вынесли труп и увезли». Чей это был труп, ясно, потому что кабинет сам за себя говорил, это мне рассказал Борис Львович Ванников, который был свидетелем этих событий».

Вот так между 12 и 13 часами пополудни 26 июня 1953 года, в пятницу не стало **ВЕЛИКОГО ЧЕЛОВЕКА, ВЕЛИКОГО ГРАЖДАНИНА СВОЕЙ СТРАНЫ ЛАВРЕНТИЯ ПАВЛОВИЧА БЕРИЯ.**

Осознание масштаба утраты придет в дома позже, спустя много лет, пробившись через ложь и страх. Да, именно так! Потому что понадобится гражданская смелость, чтобы не таясь верить в величие и чистоту человека, убитого, оболганного и униженного укравшими власть подлецами. Спрятавшимся в Кремле преступникам трудно было не понимать противозаконность своих действий. Она была очевидна. Вот только признаться в этом… А кому?.. Да и зачем?..

С какой целью в Москву были введены войска? По официальной версии, в 14 часов заместителю командира Кантемировской дивизией полковнику Парамонову позвонил по телефону министр обороны Булганин, приказал поднять три танковых полка, загрузить полный боекомплект и через 40 минут войти в Москву.

Двум авиадивизиям и соединению реактивных бомбардировщиков было велено в полной боевой готовности ждать приказа о возможной **бомбардировке Кремля**.

Да, да, жемчужины отечественной истории. Ради сохранения портфелей кучки негодяев.

Командир 56-й авиадивизии полковник Долгушин был срочно вызван к командующему ВВС МВО генерал-полковнику Красовскому. Дальнейшее, по реконструкции Андрея Сухомлинова, выглядело так:

«…Тот неожиданно сказал:

– Арестован Берия. Тебе надо быть готовым бомбить Кремль!

Сергей Федорович ответил:

– Кремль бомбить я не стану!

И, посмотрев на удивленного Красовского, добавил:

– Если мои 216 самолетов отбомбятся по Кремлю, то через 30 минут не то что Кремля – Москвы уже не будет. Жалко».

Хрущеву и подельникам было не жалко.

Путчисты опасались ответного хода соратников Лаврентия Берия? Напрасно.

На руку организаторам операции 26 июня 1953 года играло то, что позиции Берии в МВД не были так сильны, как принято считать. Он вернул на ключевые роли в органах госбезопасности лишь небольшую группу чекистов, которые попали в опалу при Игнатьеве (1951-1952) или даже раньше – во времена Абакумова. Известно, что еще в августе 1946 года Сталин распорядился укрепить МГБ в кадровом отношении – тогда на основании решения Политбюро в органы госбезопасности было направлено около шести тысяч коммунистов и комсомольцев. В итоге «костяк» среднего звена МВД составляли сотрудники, сделавшие карьеру в 1946-1953 годах, т. е. когда Берия уже не мог оказывать заметного влияния на расстановку кадров в органах безопасности.

При сложившемся раскладе Берия не был в состоянии использовать и свой силовой потенциал. Да, помимо первого заместителя начальника Генштаба генерала Штеменко, к нему были близки генералы Иван Масленников – заместитель министра внутренних дел, курировавший внутренние войска, и Павел Артемьев, командующий войсками Московского округа. Их, опытных чекистов, он хорошо знал еще по работе в НКВД. Этим, возможно, и объяснялась некоторая беспечность Берии – как он считал, московский регион контролируют «его» силовики. Но оба прошедших фронт генерала не были склонны к авантюризму и вряд ли бы согласились участвовать в захвате власти, задумай Берия таковой… А убедить соратников в том, что речь идет о защите интересов государства, у Берия просто не было времени.

Хрущёв действовал быстро, решительно, нагло, на основе экспромта. Очень опасен был начальник управления контрразведки СА и ВМФ в МВД генерал Гоглидзе, с которым у Берия была постоянная связь. Он мог организовать утечку информации о путчистах на Запад. А 26 июня предусмотреть реакцию Запада было трудно. Поэтому его немедленно арестовали в Берлине.

Впрочем, «западное направление», но уже с другой стороны, мог контролировать еще один человек. Молотов.

На июльском (1953) пленуме Булганин назвал наряду с Маленковым и Хрущевым организатором ареста Берии министра иностранных дел Молотова: «…Завершение этого разоблачения и сам арест Берии были трудным делом. И здесь надо отдать должное товарищам Маленкову, Хрущеву и **Молотову**, которые организовали хорошо это дело и довели его до конца».

Нелишне напомнить, что, будучи министром, он руководил и созданным в конце 47-го года Комитетом информации – разведслужбой, в которую вошли 1-е управление МГБ и ГРУ Минобороны. (Берия приветствовал создание этих разведывательных подразделений). У Молотова были все основания претендовать на первую роль…

Далее арестовали ещё 5 соратников Берия, которые отказались клеветать на Берия и лить на него грязь. Отказался порочить имя шефа и генерал Масленников, который застрелился. Судоплатов, чтобы не делать недостойное дело, притворился сумасшедшим.

Никаких признаний от соратников Берия не было получено, поскольку просто не в чем было упрекнуть Берия, кроме полного идиотизма обвинения в шпионаже в пользу Англии.

Кстати, а почему именно Англии? Почему не Германии, США или Эфиопии?

Историк А. Мартиросян утверждает: *«В последние пять с половиной веков главными персонажами ожесточенного, кровавого противоборства являются Великобритания и Россия, а с 1945 г. весь Запад во главе с США и Великобританией и Россия, как бы она не называлась!»*

А профессор И. Панарин дополняет эксперта: *«Батюшка-царь также был свергнут британской разведкой, точно так же британская разведка способствовала приходу и Хрущева, и Горбачева к власти»*.

Просто МИ-6 была ближе организаторам и участникам антигосударственного переворота 26 июня 1953 года, в который нужно было втянуть еще не причастные к нему, но значимые фигуры.

Убедить членов Президиума, что нужно всё свалить на мёртвого Берия – не составило особого труда, поскольку они уже психологически были готовы к этому. Да и дружеских чувств к Берия не испытывали.

По версии Е. Прудниковой: «*Хрущёв попросил Маленкова срочно созвать Президиум. Маленков набросал проект решения. Но когда приехали Москаленко, Батицкий и Жуков, то мнения разделились. Тогда-то поддержавший Хрущёва Булганин вызвал танки. Прикрылись они авторитетом Жукова, которому пригрозили опубликованием материалов комиссии Покровского, которые высвечивали нелицеприятную роль Жукова в трагедии 22 июня 1941 года.*

Впоследствии общественности будет предложена версия всех этих манипуляций: министр внутренних дел Берия готовил государственный переворот, который требовалось предотвратить, самого Берию арестовали, судили и расстреляли.

50 лет эта версия никем не подвергалась сомнению.

Но сегодня появились другие, более аргументированные объяснения развития событий, которые мы вам предложили.

И вот еще что.

Мы не собираемся в нашей книге излагать, даже конспективно, сюжетные линии судебно-фантастического романа «Процесс над Лаврентием Берия» в 40 томах не представляющих юридической ценности машинописных копий. Мы не хотим тиражировать ложь и заниматься литературным мазохизмом, тут же ее опровергая. Сегодня со всей очевидностью показано, что никакого «процесса» над Берия НЕ БЫЛО. А если говорить о действе в бункере штаба МВО, то даже Председатель Специального судебного присутствия Верховного суда СССР маршал Конев, оставивший обширные мемуары, **о суде над Берия не упомянул ни словом.** Когда маршала Конева, «председателя суда», спросили, что он может сказать о суде, Конев ответил: «Я не хочу говорить об этой комедии».

Полковник А. Лебединцев долго служил у Москаленко, тесно контактировал с Д. Фостом, которого Москаленко нанял писать мемуары, дав Фосту за это звание полковника и оклад командира корпуса. Лебединцев пишет: *«Во время бесед в самолетах и на учениях Москаленко ни разу не вспомнил о его участии в аресте, охране, суде и приведении в исполнении приговора над Берия»*.

Еще осенью 1992 г. начальник Центрального архива Министерства безопасности России полковник Александр Зюбченко признался:

«– Очень хочу когда-нибудь почитать дело Лаврентия Берия. Проблема в том, что у нас этих томов и никогда не было. Я даже не

знаю, сколько их вообще. Вся группа дел, связанных с Берия, хранится не у нас. Могу предположить, что их держат под сукном еще и потому, что не все там однозначно, с точки зрения правовой оценки этих лиц».

Поиск «дела Берия» сродни попыткам отыскать в темной комнате черную кошку, когда ее там нет.

Сын Берия Серго утверждал, что два высокопоставленных партийных деятеля, являвшихся членами суда – председатель ВЦСПС Н. Шверник и первый секретарь Московского обкома КПСС Н. Михайлов – признались ему, что после **июня 53-го не видели его отца живым**.

Да и сами «творцы государственного переворота» в своих публичных выступлениях не без бравады признавались в свершенном убийстве.

Известно, что в разговоре с прибывшим 2 июля на Пленум первым секретарем ЦК компартии Грузии А. Мирцхулавой Хрущев намекнул, что **Лаврентия уже нет в живых**. Дескать, не дергайтесь, защищать некого. Может, конечно, Никита Сергеевич и лукавил, чтобы нейтрализовать представителей Грузии, а может – и нет. Признание в ликвидации Берии накануне Пленума ЦК он позднее сделал и нескольким представителям зарубежных компартий.

Анализ стенограммы Пленума ЦК дает новые аргументы в поддержку подобной версии. Так, 3 июля обычно очень осторожный в своих высказываниях Лазарь Каганович произнес с трибуны такие примечательные фразы: «…Одним махом **прихлопнули** этого подлеца **навсегда**», «Центральный Комитет **уничтожил** авантюриста Берия», «мы **очистились** от погани, мы **очистились** от крупного провокатора», «**ликвидировав** этого предателя Берия». Аналогично можно трактовать и слова Хрущева, сказанные в первый день работы Пленума: «Взмах он взял большой, но сорвался и разбился, **дух выпустил**».

Хотелось бы на этом месте остановиться: ну хватит о мерзавцах, давайте напоследок скажем **добрые слова** в память о **ЧЕЛОВЕКЕ**, который их заслуживает. Скажем. Но сначала о том, что же досталось **стране**, молча пережившей акт величайшего предательства **ее интересов**.

В мае 1953 года Берия рассказал в дневнике о разговоре с Маленковым:

«…Говорю ему, слушай Георгий, русский народ у нас вроде главный, а на самом деле его положение хуже других. Коба это понимал и мне говорил, еще когда на Кавказе работал. Вся тяжесть на русском, у него и климат самый неудобный. На Украине легче, сытнее.

Кавказ рай, в Средней Азии развитие слабое, им пока много не надо, а все равно у каждого есть свой дом, хоть и бедный. А у русского и то что было, разрушили. И сколько уже русский народ отстроил, а все мало. Русский народ – великий народ, но надо усилить. И экономически тоже. Республики никуда не денутся, надо сельское хозяйство в России поднять. И разобраться, что где сеять, какие где задания. ***Потом всем лучше будет».***

Поэтому **начнем с главного**. В период правления Хрущева происходило перераспределение национального дохода, созданного русским народом, в пользу других народов СССР. Перераспределение осуществлялось как в форме расчетов по заниженным ценам на продукцию, создаваемую на территории РСФСР, и завышенным на других территориях, так и путем прямого бюджетного перекачивания средств, созданных в РСФСР, в другие союзные республики. Вся тяжесть налоговой и бюджетной политики, политики закупочных цен и госпоставок легла на РСФСР, Малороссию и Белоруссию – республики, которые больше всего пострадали от войны. В 50-е годы среднемесячные доходы колхозника Узбекской и Таджикской ССР были в 9 раз выше, чем в РСФСР, и почти в 15 раз выше, чем в Белоруссии. На таких же экономических основах держались отношения между Россией и странами Восточной Европы. **Рычаги экономического влияния на страны Восточной Европы основывались на неравноправной эксплуатации природного и экономического потенциала России.**

Как отмечал митрополит Петербуржский и Ладожский Иоанн, в это время из лексикона официальной пропаганды исчезло слово «русский», понятие патриотизма, отказаться от которого после невиданного роста государственной мощи страны и ее усиливающегося влияния на международной арене не представлялось возможным, а допускалось в употребление только в сочетании с

терминами «советский» и «социалистический». Понятие «пролетарский интернационализм», использовавшееся в советской идеологической практике для подавления русского национального самосознания, вновь обрело первостепенное значение в государственном мировоззрении СССР.

По инициативе Хрущева отменяется обязательное изучение русского языка в школах союзных республик. Если до 1957 года в средних школах союзных республик изучали два языка: русский и местный, то по новому порядку изучение русского стало факультативным. Таким образом закладывались основы серьезных национальных проблем в будущем.

В 1954 году Хрущев совершает преступление против русского народа, своим волевым решением осуществив незаконную передачу исконно русской земли – Крыма (Крымской области) из состава РСФСР с состав псевдогосударственного образования УССР. При этом вопрос «передачи» предварительно **не обсуждался** не только с населением и местными органами власти, но и **Верховным Советом РСФСР**.

С середины 50-х годов в Крыму и других областях Малороссии, а также в Белоруссии осуществляется массовая дерусификация населения. Закрываются русские школы, образование ведется только на местных диалектах (малоросском и белорусском) русского языка. Людям, десятилетия считавшим себя русскими, усиленно внушается, что они принадлежат к особому народу, а великороссы – просто колонизаторы.

Не без влияния придворных партийных идеологов Хрущев выдвигает утопическую идею «построения коммунизма за 20 лет». В процессе «коммунистического строительства» должно произойти «сближение наций» и «достижение их полного единства», а в отдаленной перспективе – слияние наций во всемирном масштабе. Чем не калька с троцкистских постулатов?

Экономическое развитие СССР в 50-е – начале 60-х годов отличалось высокой динамичностью, темпы которой были заданы **еще при жизни Сталина.** Как отмечал бывший председатель главного экономического органа страны – Госплана СССР В. Н. Новиков: *«Государственная машина, раскрученная **до 1953 года**, продолжала работать и двигалась в основном вперед, независимо от того, кто где*

сидел. Мне даже представляется, что если бы тогда «там» вообще никого не было, страна продолжала бы существовать и развиваться по линии, намеченной ранее… С моей точки зрения, в масштабе СССР сбить государство в целом на худший ритм работы можно было только искусственными или нарочно глупыми мерами… Нашу огромную махину непросто было раскачать, но нелегко и остановить».

В то же время в сельском хозяйстве, которое досталось в наследство от Сталина в тяжелом положении, новым руководителям пришлось столкнуться с огромными трудностями. Хотя Сталин перед своей смертью и строил планы реформирования сельскохозяйственного производства, его наследникам **не хватило мудрости и последовательности в выполнении этих замыслов.** Изменения, которые они провели в сельском хозяйстве, были половинчаты и не затронули того антирусского механизма перераспределения ресурсов, с помощью которого большевистский режим эксплуатировал русских крестьян.

За 1953-1959 годы заготовительные и закупочные цены на продукцию колхозов были повышены в три раза, а по отдельным продуктам – в 10-12 раз и выше. Однако уже в конце 1958 года были снижены цены на некоторые сельхозпродукты и одновременно повышены цены на горючее, запчасти и другие промышленные товары, что значительно ухудшило пропорции обмена для сельского хозяйства. Например, **если при Сталине, для того чтобы купить килограмм сахара, крестьянин должен был продать 7 кг пшеницы, то в 1962 году надо было для покупки килограмма сахара сдать государству 14 кг пшеницы.** Такое же увеличение разрыва в ценах произошло и по другим сельскохозяйственным продуктам.

В середине 50-х годов, как и в годы коллективизации, в деревню из города направляются тридцать тысяч «учителей», чтобы возглавлять сельское хозяйство в качестве председателей колхозов и учить крестьян жить. **«Учителя» эти, как и их предшественники в 30-х годах, не умели отличить пшеницу от ржи**. Срок их подготовки определялся правительством в три недели на курсах и двухмесячной стажировкой. Много беды принесли в деревню эти «передовые» люди города. Сколько безграмотных авантюристов село в кресло

руководителей колхозов! Не знавшие крестьянской жизни, да и не хотевшие ее понять, они всеми силами громили еще сохранявшийся в то время традиционный крестьянский уклад жизни, разрушали традиционную культуру. Именно эти кадры стали приводным ремнем дальнейшей политики раскрестьянивания.

Политика форсированного освоения целины в Казахстане также пагубно сказалась на положении русской деревни. Вместо того чтобы вложить деньги в русское сельское хозяйство и тем обеспечить его подъем, сотни миллиардов рублей были выброшены в степях Казахстана. Распашка целины не решила продовольственной проблемы. Напротив, **именно Хрущев впервые за всю историю России начал импортировать зерно из-за границы**. С 60-х годов более шести миллионов гектаров русской пашни заросло кустарником, а свыше трех миллионов гектаров орошаемых угодий практически выбыли их оборота. В Тверской области, например, площадь сельскохозяйственных угодий за это время уменьшилась на 840 тыс. га, в Калужской – на 50 тыс.

Политика Хрущева имела опасный для России характер и вела к разрушению государственных основ. **Хрущев намеренно и последовательно отказался от начатых еще Сталиным национальных реформ и постарался разрушить все положительное, что было создано его предшественником**. Дальнейшее сохранение космополитического режима Хрущева усиливало нерегулируемые процессы, подрывавшие стабильность государства.

Весьма характерно, что простой народ скорее, чем правящие верхи, понял пагубность и вредность хрущевского правления. Вспомним события 1962 года в Новочеркасске. Рабочие НЭВЗ и жители казачьей столицы шли под красными знаменами и несли портреты Ленина с транспарантами: «Хрущева – на мясо!» Да, народ Дона нутром чувствовал «кто есть кто» и откуда ветер дует! За это его и «перевоспитывали» свинцом и кровью.

Страна была наводнена анекдотами, высмеивавшими поведение невежественного руководителя.

«Хрущев приехал в колхоз и упал в силосную яму. Один колхозник вытащил его. – Не говори никому, что я туда падал, – говорит Н.С. – И вы не говорите никому, что я вас оттуда вытащил!»

Осознание смещения Хрущева шло снизу и носило воистину народный характер.

Ну кто не помнит или не знает, то из деяний Никиты Сергеевича особенно запомнились закручивание идеологических гаек: тут и новые свирепые гонения на Церковь в духе незабвенных 20-х годов, и кровавые подавления выступлений молодежи с многочисленными жертвами в Тбилиси в 1956 году.

Он фактически затравил и добил Зощенко и Пастернака, пощаженных Сталиным. Отдельной строкой в его деятельности стоит «отеческая забота» о нашей культуре, поучения и наставления в адрес молодых писателей, художников, поэтов, короче, по его образному выражению «пидорасов» и письма в адрес Хрущева с благодарностью за «отеческую заботу» Василия Аксенова и Эрнста Неизвестного.

Наш «герой» устроил Карибский кризис, чуть было не приведший к мировой войне, Берлинский кризис со строительством берлинской стены. Ну, такую мелочь, как подавление мятежа в Венгрии в 1956 году и вспоминать не стоит?

Чем еще запомнился «Мыкыта» после своего прихода к власти? Уничтожением последних остатков частной собственности, многочисленными налогами на плодовые деревья, на домашний скот, в результате чего произошло массовое вырезание оного и повсеместным насаждением кукурузы, вплоть до Архангельской области, считая, что климатические условия там ничуть не хуже, чем в штате Айова.

А как сложилась политическая, да и просто человеческая судьба тех, кто помог «Мыкыте» осуществить государственный переворот 26 июня 1953 года? Тех, кто обливал грязью уже предательски убитого Лаврентия Берия?

В январе 1991 года в журнале «Известия ЦК КПСС» был неожиданно напечатан протокол Пленума ЦК по делу Берии. Выступления на Пленуме Молотова, Маленкова, Хрущева, Микояна и других показывают, что **обвинения против Берии основывались на слухах, которые сами же члены Президиума ЦК и распространяли.** Протокол не содержит никаких прямых улик, зато пестрит неопределенными замечаниями: «Я думал», «С самого начала я доверял», и все, тому подобное.

«Думающие» и «доверявшие», смотревшие в зеркало обезьяны разделили судьбу таких, о которых сказал Корнелий Тацит:

«*Предателей презирают даже те, кому они сослужили службу*».

Маленков – Молотов – Каганович

Едва ли не последней, но весьма весомой каплей, переполнившей чашу терпения партийной номенклатуры, стало выступление Маленкова на совещании в ЦК КПСС по вопросам кадровой политики в ноябре 1953 года.

На этот раз Георгий Максимилианович гневно говорил о проявлениях морально-бытового разложения и коррупции среди руководящих партийных работников. Его возмущение было искренним.

Присутствовали на совещании представители номенклатуры. В зале стояла гробовая тишина. Неудивительно: о многих из них, в сущности, и шла речь. Они сначала недоумевали, затем растерялись. Что ожидать в ближайшем будущем? Им угрожала нешуточная опасность. Пусть даже необоснованных репрессий не будет. Ну а как быть с обоснованными!

Маленков называл алчную, жаждущую материальных благ новую поросль номенклатуры «плесенью», разлагающей общество. Призвал бороться с ней во имя светлых коммунистических идеалов.

Сделав привычную паузу, он ожидал аплодисментов. Было тихо. Пауза затягивалась. И тут из-за стола президиума раздался голос Хрущева:

– Все это, конечно, верно, Георгий Максимилианович. Но аппарат – это наша опора.

И зал взорвался радостными аплодисментами.

Судьба «третьего вождя» Советского Союза была решена.

«*Во второй половине 1957 года*, – пишет Д. Боффа, – *соотношение сил в Президиуме ЦК складывалось не в пользу Первого секретаря. Его противники окрепли, число их возросло. В условиях коллегиального руководства отношения резко ухудшились. Началась острая политическая борьба с неопределенным исходом*».

И все-таки на первом этапе борьбы исход был вполне предсказуемым и определенным. Против Хрущева выступили большинство членов Президиума, причем наиболее авторитетные партийные и государственные деятели: Молотов, Ворошилов, Каганович, Маленков, Булганин, Первухин и Сабуров. К ним примкнул

и Шепилов. На стороне Хрущева оказалось всего трое: Микоян, Суслов и Кириченко.

На заседании Президиума ЦК Н. С. Хрущев, согласно решению большинства, был снят с должности Первого секретаря ЦК КПСС. Булганин приказал министру внутренних дел СССР Н. П. Дудорову немедленно разослать об этом решении шифровки региональным партийным лидерам.

И тут произошло нечто неожиданное: Дудоров не выполнил приказ начальника. В своих мемуарах он представил эпизод так, будто все решилось во время его разговора с начальником фельдъегерской связи МВД СССР. Это мало похоже на правду. Приказы вышестоящего начальства на таком уровне не обсуждаются и тем более не отменяются. Нет сомнения, что совет, просьба или даже требование не торопиться исходило «свыше». А там у новоиспеченного министра, до этого не служившего в органах внутренних дел или госбезопасности, был тот же «благодетель», что и у Суслова с Пономаренко.

Дудоров был человеком Хрущева, поставленный им на пост министра (7 февраля 1956 г.) и введенный в ЦК КПСС. Как видим, предусмотрительный Хрущев поставил на многие ключевые посты своих сторонников, обязанных ему карьерой. Кстати, руководители ТАСС и Госкомитета радио и телевидения тоже должны были известить страну и мир о смещении Хрущева, однако не выполнили распоряжения, отданного им от имени большинства членов Политбюро.

Партийные функционеры почуяли опасность, нависшую над ними, и сплотились во имя своих корпоративных интересов. Эти интересы не относились к сфере высоких идей. Они боролись за свое привилегированное положение и – на ближайшее будущее – возможность установления коррупционных связей.

Никита Сергеевич был абсолютно уверен в их поддержке. Поэтому спешно и тайно по личной инициативе и при содействии своих сторонников в Москве – Дудорова, Серова, Жукова – созвал чрезвычайный Пленум ЦК КПСС. Делегаты «слетались» изо всех концов страны спецрейсами и на военных самолетах. Это была поистине демонстрация единства партаппарата во имя сохранения своего господства, ради низменных антигосударственных интересов.

О том, как происходили дальнейшие события, интересно и поучительно услышать от первого лица – Николая Павловича Дудорова. Вот его рассказ:

«20 июня 1957 г. в субботу многим членам ЦК КПСС стало известно, что несколько дней без перерыва заседает Президиум ЦК КПСС, где рассматривается вопрос о руководстве партии и ее политической линии.

В тот же день, в 18 часов вечера, в Свердловский зал Кремля прибыли 107 членов ЦК партии из общего числа избранных на XX съезде партии 130 членов ЦК и предложили членам Президиума ЦК прекратить свое заседание. Члены Президиума прибыли в зал заседания Пленумов ЦК, где и было принято решение о созыве Пленума ЦК КПСС в понедельник 22 июня 1957 года в 2 часа дня.

После краткого сообщения рассматриваемых вопросов на закрытых заседаниях Президиума ЦК КПСС председательствующий предоставил слово для выступления Маленкову.

Я сидел в первом ряду зала заседаний Пленума, около трибуны, и пока Маленков выходил из-за стола Президиума Пленума ЦК, я занял трибуну и обратился к членам ЦК со следующей просьбой:

«В связи с обсуждением на Пленуме ЦК КПСС внутрипартийного вопроса я прошу членов Пленума ЦК разрешить мне выступить перед тем, как выступит Маленков. В своем сообщении я охарактеризую работу Маленкова в бытность его многие годы заведующим отделом кадров партийных органов ЦК и секретарем ЦК КПСС, и пусть он потом даст ответ Пленуму ЦК партии. Для этого я располагаю неопровержимыми фактами и документами, которые раскрывают его лицо как человека, причинившего своими действиями непоправимый вред нашей партии».

Все участники Пленума ЦК в один голос ответили на мою просьбу: «Говори, товарищ Дудоров». Маленков ушел. Я в своем выступлении подробным образом рассказал членам Пленума о той преступной роли, которую исполнял Маленков по уничтожению кадров, и все, что мною выше изложено. Участники Пленума ЦК выслушали мое выступление с большим вниманием. После моего выступления Маленкова никто не хотел слушать, а по существу, его сняли с трибуны»

А вот фрагмент выступления Маленкова на **Пленуме ЦК 2 июля 1953 года:**

«Враг (Берия) осмелился посягнуть на самое дорогое для каждого из нас, на самое священное для коммуниста – на нашу партию, на ее руководство, на единство в руководстве.

Вот почему с таким гневным возмущением и с исключительным единодушием наш Центральный Комитет принимает решение об отсечении этой гадины, пробравшейся в руководство партии.

Именно поэтому мы будем беспощадны в своем решении, чтобы впредь врагам типа Берия неповадно было вступать в борьбу с нашей партией. (*Аплодисменты*).

Порой кажется, что ораторы, клеймившие Маленкова в июне 1957-го по заказу Хрущева, просто переписали речь самого Маленкова, втаптывавшего в грязь Лаврентия Берия в июле 1953-го по указанию того же «заказчика».

А тут подоспело и выступление Жукова, который направил дискуссию в нужное для Хрущева русло. С пафосом он нанес заговорщикам смертельный удар: «Мы, товарищи, и наш народ носили их в своем сердце как знамя, верили им, в их чистоту и объективность, а на самом деле вы видите, насколько это «чистые» люди. Если бы только народ знал, что у них с пальцев капает невинная кровь, то он бы встречал их не аплодисментами, а камнями». И чтобы уже окончательно растравить сидящих в зале членов ЦК, Жуков вставил: «По их словам, якобы не исключено, что вслед за ворвавшимися в Президиум членами ЦК в Кремль могут ворваться танки, а Кремль может быть окружен войсками». И пленум забурлил… Мог ли предполагать тогда Жуков, что всего через четыре месяца с таким же неистовством в этом зале будут обсуждать и освобождать от должности его самого?

По обсуждаемому вопросу выступило много членов ЦК партии и все выступающие клеймили позором деятельность раскольнической антипартийной группы.

Пленум ЦК КПСС единодушно принял решение исключить Маленкова, Молотова, Кагановича из членов Президиума ЦК и из членов ЦК КПСС (Р. Баландин).

Как доживали свой век выброшенные Хрущевым из власти «подельники», можно прочитать в любой политической энциклопедии.

Сам «Мыкыта» стал жертвой запущенного им же процесса. Октябрьский Пленум ЦК 1964 года, подготовленный Л. И. Брежневым,

освободил Н. Хрущева от высоких постов главы партии и правительства. Причем, в процессе организации свержения «Мыкыты» обсуждался вариант его физического уничтожения. Если заартачится. Не заартачился. Знал, что и с ним поступят, как он в 1953 с Л. Берия. Может, думал о младшем сыне…

…Его сын, Сергей Хрущев, доктор наук, профессор, работал в ОКБ-52 академика Чаломея, где, как пелось в одно песне, «делают ракеты».

А вот в 1991 году С. Н. Хрущев был приглашён в университет Брауна (США)… для чтения лекций по истории холодной войны, на которой специализируется ныне. Остался на постоянное жительство в США, в настоящее время проживает в г. Провиденс, штат Род-Айленд, имеет российское и американское (с 1999 года) гражданство. Работает профессором Института международных исследований Томаса Уотсона университета Брауна. Ракетами не занимается. В США к ним не каждого подпустят.

В интервью 2003 года упоминал, что, будучи в составе **американской** делегации, которая ехала в Гавану на конференцию по Карибскому кризису, оказался **единственным, кому не дали кубинскую визу**.

Правнучка Никиты Сергеевича Хрущева, внучка его погибшего в войну сына Леонида (расстрелянного партизанами за сотрудничество с немцами), оказывается, занята поиском путей России в будущее.

Родилась в Москве в 1963, жила на престижном Кутузовском проспекте, училась в такой же элитной школе с детьми членов ЦК, окончила МГУ в 1985, докторскую степень получила в Принстонском университете. Работает в New School University.

В 2008 году обозреватель «Радио «Свобода» Борис Парамонов прокомментировал некоторые высказывания «правнучки».

«Путин был кагебешным шпионом. Но шпионам нельзя верить никогда. Особенно когда речь заходит о таких ужасных событиях. О них уже сейчас не сообщают всего, что следует. Цензура возвращается в мою страну» (Из интервью Нины Хрущевой).

А, собственно, в какую страну? – спросила газетчица: знаменитая госсип-колумнист, то есть ведущая колонку сплетен, Сэнди Адамс. Нина Хрущева живет здесь, в Америке. Ее последний муж был голландец. Сейчас она собирается замуж за американца. В ушах у нее бриллиантовые серьги, в руках – дорогая кожаная сумка.

«Я русская, – говорит Нина Хрущева. – Я коммунистка. Но я капиталистическая коммунистка. Моя жизнь не оставляет желать лучшего. Мне нравится та свобода, что существует в этой стране. Это свободная страна, и я горда тем, что могу купить себе такую дорогую сумку. Я сделала выбор и буду жить в Нью-Йорке – самом волнующем городе мира».

Когда слышишь такие высказывания, не хочется уже думать о предмете, касательно которого высказываются, – думаешь только о самом высказывающемся. **Трудно встретить большее хамство или большую глупость. Того и другого достаточно. Внучка недалеко от деда ушла, обладавшего способностью ляпнуть что угодно и где угодно. Вся его политика состояла из таких ляпов».**

Так что наследили «потомки», как и «дедушка», где только могли. И не в одном поколении…

Ну, а теперь о наследии, которое оставил стране главный герой нашей книги.

Сегодняшние символы могущества Державы – ядерное оружие, ракетная техника, авиация, атомные подводные лодки – **создавались под руководством Л. П. Берии.** Современная российская наука

сосредоточена в оставшихся от СССР НИИ, структура которых заложена ещё при **Л. П. Берии.** Никаких существенных достижений в высокотехнологичных отраслях в нашей стране с тех пор не появилось.

Да, собственно, к чему перечислять. Откройте любую страницу нашей книги – там каждая строка – об этом.

А вот воспоминания о Лаврентии Павловиче нескольких известных людей будут к месту. К тому же, людей, которых воспитанное в «антисталинском» духе массовое сознание вряд ли могло заподозрить в симпатиях к Лаврентию Павловичу.

Вот мнение **Юрия Владимировича Андропова**:

«В отношении Берии Хрущёв наплел много такого, чего и не было. Поэтому, когда-то ***объективный подход в отношении Берии будет восстановлен».***

А вот **академик А. Сахаров**, да-да, тот самый Андрей Дмитриевич, супруг Елены Боннэр, почившей в США, в своих воспоминаниях обращал внимание на то, что «*Л. Берия невозможно было провести вокруг пальца: он помнил все цифры и факты, о которых ему докладывали. Об этом все знали и, докладывая Л. Берии результаты работы, страшно боялись ошибиться.*

Во-вторых, Л. Берия обладал уникальной научной интуицией. Видимо, поэтому именно ему И. Сталин поручал курировать самые передовые области отечественной науки и техники, зная сильный характер Л. Берии, его твердость в достижении результата, огромный организаторский потенциал.

В-третьих, из всех руководителей СССР высшего уровня военного и после военного периода был расстрелян только Л. Берия. Видимо, ***он был настолько мощным человеком и настолько много знал о других, что оставлять его живым даже в застенках тюрьмы было опасно для руководства страны».***

…Нынешнее поколение обязано знать правду о творцах отечественной истории, о людях Отчизны, ковавших её мощь и славу. Но для начала надо хотя бы помнить имена этих подвижников. Для того, наверное, и ставят памятники и монументы, на которых высекают торжественные и скорбные даты, чеканят барельефы с изображением подлинных героев Родины.

Конечно, еще не настало время, о котором сказал Андропов. Но есть в Москве места, которые своим существованием должны воскрешать дела «дней минувших», связанные с именем Лаврентия Павловича Берия. Мы говорим о знаменитых «Сталинских высотках» на Смоленской площади и площади Восстания (по старинке), у «трех вокзалов», и на Котельнической набережной. И конечно – комплекс заданий Московского государственного университета на Воробьевых (Ленинских) горах.

По предложению И. В. Сталина в январе 1947 года Совет министров СССР принял решение о строительстве в Москве восьми высотных зданий, одним из которых стал главный корпус МГУ на Ленинских (ныне Воробьёвых) горах.

Уже через неделю после выхода постановления № 53 (20 января) в Московском городском комитете ВКП(б) состоялось совещание под руководством тогдашнего его секретаря Попова Г. М.

Он объявил собравшимся в зале представителям ряда министерств, что на их ведомства правительство возложило обязательства по непосредственному участию в строительстве высотных зданий. Первые восемь высоток были лишь началом грандиозного архитектурного проекта, целью которого было застроить высотными зданиями всю Москву. В каждом крупном областном центре и в столицах союзных республик также должны были появиться свои высотки. Время и политика внесли свои коррективы в масштабный замысел, одним из авторов которого был **архитектор Лаврентий Павлович Берия**.

Вот цитата из выступления Попова: «Ведь т. Сталин что сказал? Он говорит: ездят у нас в Америку, а потом приезжают и ахают – ах, какие огромные дома! Пускай ездят в Москву, также видят, какие у нас дома, пусть ахают».

Замечательные слова. Но пусть сегодня «ахают», глядя на тот же Университет, не забывая о том, что руководил всем гигантским строительством **Великий Человек Лаврентий Берия!**

Сноски

1

Валовой национальный продукт – один из основных макроэкономических показателей системы национальных счетов. Зачастую употребляется совместно с показателем ВВП, или заменяется им, что в общем неверно. В отличие от валового внутреннего продукта, отражающего совокупную стоимость всех благ, созданных на территории страны, валовой национальный продукт отражает совокупную стоимость благ, созданных только её резидентами, вне зависимости от их географического положения.